

РУСИСТИКА
И
СОВРЕМЕННОСТЬ

**МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ (МАПРЯЛ)**

БАЛТИЙСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ (Латвия)

ЖЕШУВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (Польша)

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА (Россия)**

АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (Россия)

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л.Н. ГУМИЛЕВА (Казахстан)

ОДЕССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.И. МЕЧНИКОВА (Украина)

РУСИСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Рига 2021

УДК 821.161.1

P 88

Русистика и современность. Коллективная монография. Рига: Балтийская международная академия, 2021. 337 с.

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Доктор филологии Розанна Курпниеце – Латвийский университет

Доктор филологии Наталья Шрома – Латвийский университет

РЕДАКТОРЫ

Э. Архангельская

Ю. Расторгуева

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК

Э. Архангельская

ISBN 978-9984-47-254-6

© Статьи и публикации: авторы, 2021
© Издательство БМА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Доктор филологии	Эмма Архангельская (Латвия)
Доктор филологических наук	Ирина Лысакова (Россия)
Доктор филологических наук	Евгений Степанов (Украина)
Доктор филологических наук	Дорота Худык (Польша)
Доктор филологических наук	Людмила Касьянова (Россия)
Доктор филологических наук	Кадиша Нургали (Казахстан)

Круг обсуждаемых в монографии вопросов охватывает актуальные проблемы функционирования русского языка в разных сферах общения; сосуществования и взаимовлияния языков в поликультурной среде; особенности перевода как средства межкультурной коммуникации; вопросы русской литературы в контексте европейской и мировой литературы. Большое внимание уделяется новым технологиям в преподавании русского языка как иностранного.

СОДЕРЖАНИЕ

Арчебасова Н. (Россия)	
Исторические аспекты школьного русскоязычного обучения народов Поволжья	7
Арчебасова Е. (Россия)	
Выявление билингвизма у школьников Русско-татарской школы №150 г. Казани и их родителей методом анкетирования.....	12
Бейсенова Ж. Жаныбекова Б. (Казахстан)	
Художественная проза Ануара Алимжанова в контексте межкультурной коммуникации.....	20
Белолипская Г. (Россия)	
Трэвел-журналистика как инструмент межкультурной коммуникации	32
Бирова И. (Болгария)	
О переводческой компетенции и об основных требованиях к работе переводчика.....	37
Бучек К. (Польша)	
Отношение учителей иностранных языков к проблеме ИКТ на занятиях	42
Васильева Г. (Россия)	
Учебный словарь как средство формирования филологической компетенции у китайских студентов, изучающих русский язык	47
Гик А. (Россия)	
Сквозные образы и мотивы поэтических книг Кузмина	52
Гончарова Я. (Италия)	
Православные паломничества в Италию: история и эволюция феномена	64
Диманте И. (Латвия)	
Особенности речевого поведения в деловом и публичном пространстве	70
Железнякова Е. (Россия)	
О понятии «русский язык как неродной для детей мигрантов»	83
Зенталя Г. (Польша)	
Российские знаменитости в рекламе	88
Каргы Т. (Россия)	
Визуальные средства как стимул к общению	95
Касьянова Л. (Россия)	
Векторы неологизации русского языка в период пандемии	102
Каширина Л. (Латвия)	
Метафора в описании морского боя в романе Валентина Пикуля «Моонзунд» как особенность идиостиля писателя	107
Кобжасарова С., Богданова Ю. (Казахстан)	
Значение принципа историзма в произведениях А. Кекильбаева	114
Коссаковска-Марас М. (Польша)	
Реализация бакалаврского семинара в условиях дистанционного обучения с использованием платформы Microsoft Teams.....	120
Костанди Е. (Эстония)	
Метаязыковой дискурс диаспоры: сопоставительный аспект	131

Котикова П., Норейко Л. (Россия)	
Новые возможности обучения аудированию иноязычной речи с использованием онлайн-приложения <i>kahoot</i>	142
Кравченкова Е. (Россия)	
Автор и герой в юмористической прозе Славы Сэ	150
Кунусова А.Н., Кунусова М.С. (Италия, Россия)	
Паремиологическая реализация концепта «гостеприимство» в разноструктурных языках	156
Курант Е. (Польша)	
Российская драматургия в поисках реальности: интеремедиальные стратегии в современной драме	165
Ланда Т. (Израиль)	
Антигерой – герой драматургии В. Сорокина	175
Мальцева-Замковая Н., Моисеенко И. (Эстония)	
«Языковой портрет» двуязычных учащихся Эстонии (русско-эстонский билингвизм)	181
Некрасова Л. (Россия)	
Можно ли потрогать душу? Семантика тактильных глаголов в текстах Андрея Платонова	188
Нургали К., Амангельды М. (Казахстан)	
Метаматематическое единство как компонент художественного мира.....	195
Нургали К., Ананьева С. (Казахстан)	
Концепт ближнего востока в произведениях Юрия Козлова «Колодец пророков», Хану Лунтиала «Последние сообщения» и Сатимжана Санбаева «Весной нас зачарует голос»: сравнительно-сопоставительный аспект	199
Нургали К., Сиряченко В. (Казахстан)	
Литературная репутация Чехова в Казахстане	207
Разумовская В., Жданович В. (Россия)	
Этноперевод: сохранение культуры коренных народов Сибири во вторичных текстах	215
Сергеев В. (Латвия)	
Речевой образ пути в романе Владимира Набокова «Защита Лужина»: оригинал и переводы на английский и латышский языки	226
Степанов Е. (Украина, Китай)	
Русская фолк-лингвистика как источник эпистемологических девиаций.....	236
Степанова С., Фатех Г. (Украина)	
Вербальные и невербальные маркеры эмоционального состояния главного героя рассказов цикла «записки юного врача» М. А. Булгакова	244
Тернавская М. (Казахстан)	
Этнокультурные маркеры как мифообразы в прозе О. Бокеева	252
Толкачевски Ф. (Польша)	
Окказиональные фразеологизмы Василия Шукшина(к вопросу о переводе на польский язык).....	258
Фокина М. (Россия)	
Особенности обучения русскому произношению в дистанционном формате.....	272

Чан Тхи Суен (Украина)	
Приёмы передачи невербального поведения русских во вьетнамских переводах (на материале повести В. М. Шукшина «Калина красная»)	280
Чень Шаосюн (Китай)	
Функции косвенных падежей в структурной организации русского текста	289
Шерстобитова И. (Россия)	
Формирование языковой личности поколения Z на основе концептов	295
Шорина Т. (Россия)	
Предметно-языковые интегративные технологии на страницах учебника 5 класса по РКИ (уровень А2.2) для школ Узбекистана	313
Щаднева В. (Эстония)	
О дифференциации диалектизмов тематической группы «питание» в говоре старообрядцев Западного Причудья	319
Яценко И. (Россия)	
Художественный текст в иностранной аудитории как локальный, «русский», текст	327

*Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 7-11. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ШКОЛЬНОГО РУССКОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

Надежда Анатольевна Арчебасова

*Волгоградский государственный университет, Россия
nadezhda.archebasova@volsu.ru*

Автор показал преимущества междисциплинарного подхода в изучении историко-культурного наследия регионов России. Он указал специфику Поволжского федерального округа в национально-государственной структуре страны, преимущества комплексного исследования источников для определения русскоязычной образовательной среды региона. На примере народов Поволжья автор составил основные типы носителей и преобразователей русского языка в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: школьное обучение, Россия, народы Поволжья, русистика.

История образования в многонациональном Российском государстве является междисциплинарной темой научных исследований историков, социологов, педагогов, лингвистов, культурологов, русистов и других специалистов. Преимущественно преподавание в учебных заведениях страны ранее и сейчас ведется на русском языке, в том числе и в тридцати двух национально-государственных образованиях Российской Федерации. Историческая роль представителей русского народа для нерусских народов страны наиболее выражена в памятнике русской учительнице, установленном в 2006 году в столице Республики Дагестан. По конституции республики четырнадцать языков народов Дагестана являются государственными, однако большинство из них общается на русском и чтит историческую память о русскоязычной интеллигенции.

Одним из самых самобытных и богатых с точки зрения историко-культурного наследия регионов России, на наш взгляд, является Поволжье. Современное население региона формировалось благодаря многовековой внутренней и внешней колонизации. Внутренняя колонизация территорий осуществлялась переселением сельских обществ из центральной малоземельной, но плотно заселённой части страны. Внешняя колонизация была инициирована императрицей Екатериной Великой. Иностранные колонии, большей частью немецкоязычные, до сих пор проявляют важной вехой региональной истории [Вашкау Н.Э. 1998]. Это регион разнообразных культур, национальностей, конфессий, где проживает пятая часть жителей страны, состоящих из русских на семьдесят процентов (только в Татарстане и Чувашии более половины жителей относятся к титульной нации).

Поволжский федеральный округ состоит из четырнадцати субъектов, в том числе шести национальных республик: Башкортостан, Марий-Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия. В XX веке в Поволжье существовала также Республика немцев Поволжья [Республика немцев Поволжья. 2000].

Республиканские формы национально-государственных образований позволили в значительной степени сохранить языковое многообразие и официальное двуязычие. Создание этнографических комплексов национальных деревень, проведение поликультурных фестивалей, проявления в современной коммуникации традиционной культуры общения разных народов являются важными чертами региона. Однако основанием для развития культуры народов Поволжья с XIX века до настоящего времени служит русский язык в качестве государственного. Со второй половины XIX века начали разрабатывать адаптированные учебные пособия, авторские курсы для солдатских, земских, женских школ, национальных школ народов Поволжья. С этого же времени появилась возможность печатать литературу на региональных языках под ответственность городских и земских органов самоуправления. Несмотря на желание и необходимость сохранения национальных культур именно русский язык стимулировал развитие образовательной среды в том числе на языках народов Поволжья [Очерки. 2010].

Современный русский язык богат региональными смыслами. Можно сказать, что регионы выступают флагами в сохранении двуязычной коммуникации и ответственными за общение на смеси языков, когда в свободно звучащую русскую речь включают слова и фразы на родном языке. Русский язык все больше играет роль международного языка общения, более терпимым по сравнению с родным языком к ошибкам и искажениям, если для большинства участников этого общения он является неродным. Ошибки и искажения допускались по незнанию, малообразованности или специально. На протяжении XIX и XX веков было модно «кичиться» своей принадлежностью к региону, периферии, глубинке большого Российского государства. Вспомним, политический имидж простого парня из российской глубинки в выступлениях главы правительства СССР Н.С. Хрущева. Специалисты из разных регионов проявляли в своем поведении и общении национально-региональный компонент. Когда это было недопустимо в деловом общении, то они проявляли в личностном, кулуарном общении. Это служило своеобразным бонусом для человека с периферии при занятии желаемой должности, руководящего поста, даже для преподавателей русского языка.

Отсюда вытекает актуальность проведения исследований процессов взаимодействия региональных составляющих русского языка в их взаимодействии. Для комплексного изучения региона нужны документы и материалы фондов архивов, музеев, библиотек и

вузов. Столичные хранилища исторических источников содержат систематизированную основную их часть, а региональные хранилища уникальные коллекции и россыпи многочисленных документальных свидетельств [Модернизация. 2006]. Для изучения такого богатства нужно применять методы разных наук.

Процесс обучения в России происходит преимущественно на русском языке, а его документальное подтверждение относится к только к сфере образования, но и проявляется в образовательной среде: строительные сметы, судебные тяжбы, деловая и другая переписка, публикации в центральных и региональных изданиях и др. Например, официальную типологию вариантов первоначального обучения детей в Поволжье можно дополнить тюремными, староверческими, революционными и другими видами. Междисциплинарные исследования истории образования позволяют на основе применения методов историко-генетического анализа, средовой педагогики, регионоведения, лингвистики и других наук проанализировать интеграцию школьных практик в жизнь местных обществ; культуру общения центра и периферии, составить типологические и персонифицированные портреты учителей и учащихся и многое другое.

Изучение региональной составляющей в истории образования позволяет выявить следующие основные типы носителей и преобразователей русского языка.

Формализаторы. Прежде всего это государственные служащие. Большой бюрократический государственный аппарат в российском государстве и стремлении к формализации документооборота заставляли их играть роль защитников языковых форм.

Стабилизаторы. Члены причтов православных храмов выступали за канонизацию форм общения, насыщение ее духовно-нравственными смыслами, отрицаниями нововведений, изменений, стабилизировали языковые конструкции.

Реформаторы. Представители сельских и городских обществ отвечают за динамизм изменений, приводящих часто к упрощению, выхолащиванию языковых форм, к появлению жаргонизмов и профессиональной терминологии. С другой стороны, благодаря этим ярким региональным практикам формируются новые элементы деловой коммуникации.

Воспитатели. Общее изменение языка связано с общением аристократии и интеллигенции по поводу развития воспитательной роли языковой составляющей. Они стремились подтянуть русский разговорный язык до русского литературного [Толковый словарь. 1903-1911).

Литераторы. Литературные деятели отвечают за представление в мировом наследии культурных ценностей в виде совершенных произведений. Однако, огранка, с одной стороны, делает богаче любое произведение, с другой стороны, отдаляет его от первоисточника.

Учителя. Это наиболее сильный тип носителей и обогатителей русского языка: воспитатели, гувернеры, репетиторы, домашние и школьные учителя, гимназические и вузовские преподаватели. Они отвечали за обогащение разговорного языка в рамках образовательной коммуникации, за проявление новых смыслов. Тем более, что учителя часто совмещают свою преподавательскую деятельность с научно-исследовательской и просветительской. В XIX веке они были членами Российского географического общества, участвовали в органах местного самоуправления, работали статистиками, публиковали свои исторические и литературные труды в местных периодических изданиях, писали пространственные письма, вели подробные дневники и пр. [Бердинских В.А. 2003]. В XX веке педагогическое сообщество активно участвовало в общественной деятельности.

Хранители памяти. Наряду с учителями и местной интеллигенцией большая роль в развитии языка принадлежит обучающимся и их родителям. Если для обучающихся это обязательная составляющая образовательной среды, то родители становятся невольными участниками учебного процесса. Они фиксируют изменения, сохраняют впечатления, воспоминания [Диалоги. 2008]. Кроме того, так называемые «наивные тексты» (школьные практические работы, сочинения, высказывания, переписка) представляют богатейший материал не только для историков, но и для русистов [Антропология. 2010]. Богатые хранилища архивов, музеев, библиотек и вузов проанализированы частично. Этнолингвистические экспедиции позволяют выявить процессы динамичных изменений языкового поведения жителей регионов многонациональной России.

В целом, русскоязычное обучение в многоязычной региональной среде поликультурных регионов показывает тенденции как к упрощению живых языков, так и к сохранению этнолингвистического наследия в «репликах» на языке, более эмоционально и выразительнее передающим информационные образы. История образовательной кросс-культурной коммуникации в поликультурных регионах, в том числе исторических аспектов школьного русскоязычного обучения народов Поволжья становится полем актуальных междисциплинарных исследований.

Литература

- Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики.* 2010 – Пермь: Пермский государственный университет.
- Бердинских В.А. 2003. – *Уездные историки: Русская провинциальная историография.* Москва: Новое литературное обозрение.
- Вашкау Н.Э. 1998. – *Школа в немецких колониях Поволжья 1764-1917 гг.* Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета.
- Даль В.И. 1903-1911. – *Толковый словарь живого великорусского языка:* в 4 т. Санкт-Петербург; Москва: т-во М. О. Вольф.
- Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории.* 2008 – Москва: Кругъ.

История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. 2000 – Москва: Готика.
Модернизация и традиции – Нижнее Поволжье как перекресток культур. 2006 – Санкт-Петербург; Волгоград: Издательство ВолГУ.
Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. 2010 – Саратов: Наука.

Archebasova Nadezhda
Volgograd State University, Russia
nadezhda.archebasova@volsu.ru

HISTORICAL ASPECTS OF SCHOOL RUSSIAN-SPEAKING EDUCATION
FOR THE VOLGA REGION PEOPLES

Abstract: The author has shown the advantages of an interdisciplinary approach in the study of the historical and cultural heritage of the regions of Russia. He pointed out the specifics of the Volga Federal District in the national-state structure of the country, the advantages of a comprehensive study of sources to determine the Russian-speaking educational environment of the region. He compiled the main types of speakers and converters of the Russian language in a historical retrospective.

Keywords: school education, Russia, the peoples of the Volga region, Russian studies.

Русистика и современность.

Коллективная монография, с. 12-19. ISBN 978-9984-47-254-6

Балтийская международная академия, 2021.

ВЫЯВЛЕНИЕ БИЛИНГВИЗМА У ШКОЛЬНИКОВ РУССКО-ТАТАРСКОЙ ШКОЛЫ №150 г. КАЗАНИ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ МЕТОДОМ АНКЕТИРОВАНИЯ

Елена Юрьевна Арчебасова

Гимназия №11. Волгоград, Россия

Lenok776@mail.ru

Автор описал возможность выявления билингвизма у школьников и их родителей путем анонимного анкетирования потенциальных билингвов. Современные педагогические учреждения сталкиваются с трудностями обучения билингвальных детей, так как классическая система обучения строится на русском языке с учетом обучающихся- монолингвов. Важно знать и использовать методики развития языковых возможностей и потребностей билингвов. В этом помогают социологические методы диагностики, включая анкетирование.

Ключевые слова: билингвизм, именная, анкетирование, русско-татарская школа, поликультурная среда.

Татарский и русский языки являются государственными языками Республики Татарстан [О государственном языке Российской Федерации 2005]. В местах проживания татарской диаспоры существует развитая сеть дошкольных и школьных учреждений с преподаванием на татарском языке. В вузах республики изучение татарского языка является обязательным предметом на первых трех курсах. Постоянная взаимосвязь и взаимообусловленность культур и контактирующих языков заставляет уделять более пристальное внимание проблеме билингвального обучения [Архарова К.Э. 2011]. Однако на данный момент уровень готовности специалистов недостаточен. Это связано с отсутствием прикладных психолого-педагогических рекомендаций по поликультурному воспитанию школьников в процессе освоения более чем одного языка; исследований на примере не русскоязычных народов России приемов гармонизации национального и индивидуального многоязычия для обучающихся; способов избегания смешивания слов из разных языков при общении и др. Выход из этой ситуации видится в организации учебно-методической работы образовательных учреждений с обучением на родном и русском языках [Арчебасова Е.Ю. 2017]. Особенно это актуальной для национальных республик России. Например, в Республике Тува, более восьмидесяти процентов школ относятся к данному типу.

Наше исследование проведено в русско-татарской школе столицы Татарстана – городе Казани с целью получения из открытых источников представления о билингвальном статусе школьников с учетом языковой ситуации в семье, образовательных возможностей школы и ее социокультурного окружения. Основными методами исследования стали социологические,

антропонимические и лингвистические. Мы провели анкетирование школьников и их родителей на выявление билингвизма, составили и проанализировали «Именник» учащихся, выявили типичные ситуации языкового смешения и переключения.

База нашего исследования включает 443 имен (148 человек) учащихся вторых-пятых классов. В равном соотношении представлены личные имена детей, имена их отцов (отчества) и имена семьи (фамилия). Мы применили к ним антропонимические методы исследования, выделили соответствие имен русской, татарской и другим национальностям. Проанализировав полученные данные пришли к следующим выводам. Во-первых, традиционные русские и татарские имена имеет равное количество учащихся – 39%. Наличие других имен указывает на поликультурную среду. Во-вторых, преобладают русские отчества – 44%. Татарские отчества составляют 32%, а другие – 24%. Данное явление указывает на смешение культур и смешанные браки в поколении родителей школьников, а значит и потенциальное развитие билингвальной среды в семьях. Что касается фамилий, то снова можно выделить преобладание русских фамилий – 41%. Татарские фамилии оказались всего у 28% учеников, а другие фамилии составили 31%. Полное совпадение по всем трем параметрам (фамилия, имя, отчество) составило для русских имён и фамилий – 48,6%, татарских – 30,6%, для других национальностей – 14,8%. Наряду с этим, следует отметить пересечение национальные традиции в именах детей. Например, *личное и родовое имена татарские, а имя отца русское; личное имя иностранное, имя отца русское, имя рода татарское* и др. Таких учеников в Именнике 6%.

Исходя из полученных данных, мы можем считать название школы русско-татарской соответствующим реальному соотношению среди всего контингента детей учеников русской и татарской национальностей. Также можем отнести данную школу к поликультурной. На основе анализа открытых антропонимических данных мы можем выявить потенциальных билингвов, чтобы применять к ним методы специальной диагностики.

Хорошо интерпретируемые результаты дало анонимное анкетирование школьников вторых-пятых классов, чьи имена были проанализированы в Именнике, а также их родителей и иностранных студентов Казанского федерального университета. В анкетировании приняли участие 98 человек. Третья подгруппа была привлечена к анкетированию для усиления экспериментальной базы исследования реальными билингвами. Изучение билингвизма у иностранных студентов Казанского Приволжского федерального университета проводилось автором в период обучения на бакалавриате и в магистратуре, а у школьников – в период работы учителем (с 2018 по настоящее время). Данная выборка является репрезентативной и охватывает наиболее заинтересованных в участии людей, так как проводилась по желанию и анонимно. Можно предполагать, что в ней собраны наиболее полные сведения по

интересующим нас вопросам. В исследовании использовались стандартные методики социологических измерений. Авторская анкета была создана с помощью онлайн сервиса опросов и анкет [Анкетолог.ру] и состояла из семи вопросов (См. Таблицу 1).

Таблица 1. Анкета на выявление билингвизма

<p>1. Вы:</p> <p>а) школьник;</p> <p>б) родитель школьника;</p> <p>в) студент.</p>	<p>5. В течение дня на каком языке говорите больше?</p> <p>а) русский,</p> <p>б) татарский,</p> <p>в) другой _____</p>
<p>2. На каких языках вы общаетесь?</p> <p>1) _____</p> <p>2) _____</p> <p>3) _____</p> <p>4) _____</p>	<p>6. Знание какого языка (языков) вы дополнительно развиваете?</p> <p>а) русский,</p> <p>б) татарский,</p> <p>в) другой.</p>
<p>3. Русский язык для вас</p> <p>а) родной,</p> <p>б) не родной.</p>	<p>7. Встречается ли в вашей речи смешение языков: дублирование фраз/ переключение с одного языка на другой и т.д.? Приведите, пожалуйста, примеры: _____</p> <p>_____</p> <p>_____</p> <p>_____</p>
<p>4. Дома вы общаетесь на каком языке (языках)?</p> <p>а) русский,</p> <p>б) татарский,</p> <p>в) другой _____</p>	

Проанализируем результаты ответов по каждому вопросу анкеты.

Вопрос 1. Определение социального статуса интервьюируемого: «Вы: а) школьник; б) родитель школьника; в) студент». В анкетировании приняли участие из 98 человек 30 (30,6%) школьников, 48 (49%) родителей школьников и 20 (20,4%) студентов-иностранцев, преимущественно китайцев. Изучение во взаимодействии данных социальных категорий участников анкетирования может быть полезно для интерпретации последующих вопросов и выявления билингвизма в первом и втором поколениях, среди россиян и иностранцев.

Вопрос 2. Определение основных языковых коммуникативных каналов: «На каких языках вы общаетесь?». Были предложены четыре позиции для открытого ответа. В них казались сведения по десяти языкам (рисунок 1).

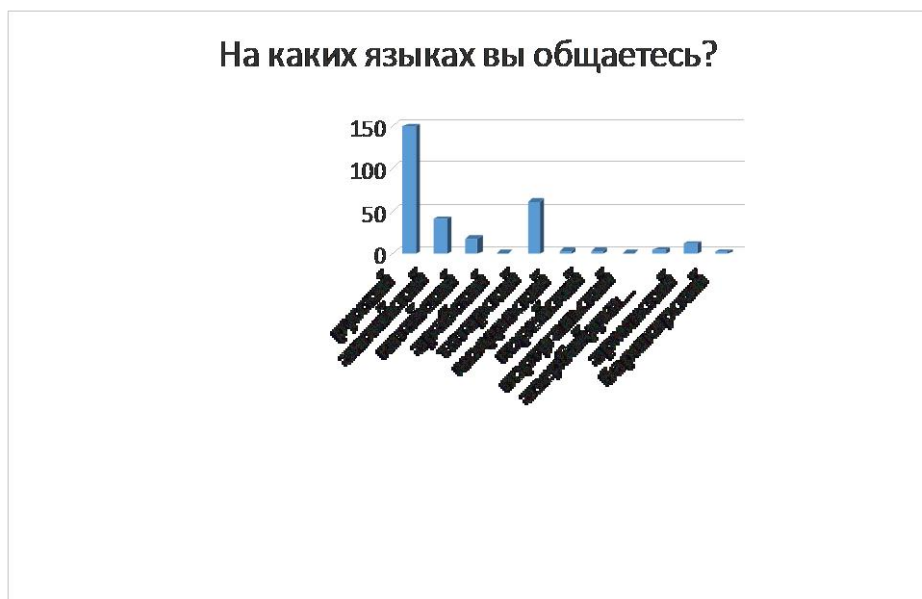

Рисунок 1. Определение основных языковых коммуникативных каналов

В абсолютном выражении они представлены в следующем виде: русский язык – 98 человек, татарский – 59, английский – 35, китайский – 18, армянский – 12, азербайджанский – 5, молдавский – 4, корейский – 3, баршкирский – 2, арабский – 1, португальский – 1. При этом, коммуникация на русском и татарском языках представлена в значительном приоритете по сравнению с другими. Значительный удельный вес коммуникации на китайском языке дали китайские студенты университета. Показанное участниками анкетирования языковое многообразие превосходит первоначальную гипотезу автора и характеризует не только поликультурный регион, но многонациональное городское население столицы республики Татарстан.

Вопрос 3. Определение языка среды обитания: «Русский язык для вас: а) родной, б) не родной». В ходе анкетирования было установлено, что для 60 процентов анкетирруемых русский язык является родным, а для остальных не родным. Для иностранных студентов родными являются китайский, корейский и иранский языки. Для нерусских россиян – это языки народов Поволжья (преимущественно татарский) и Кавказа (преимущественно армянский). Полученные ответы совпадают с ответами на второй вопрос и позволяют считать приоритетной парой билингвальной коммуникации в регионе русский и татарский языки.

Вопрос 4. Определение языка(ов) внутри семейной коммуникации: «Дома вы общаетесь на каком языке (языках): а) русский, б) татарский, в) другой (вариант с открытым ответом)». Ответы отражены на рисунке 2.

Рисунок 2. Определение языка(ов) внутри семейной коммуникации

Оказалось, что дома большинство интервьюируемых говорит на русском языке (72%), некоторые используют несколько языков одновременно (13%), на других языках общаются в семейном кругу 13%, и лишь 2% только на татарском языке. Эти сведения определяют «материнским» языком семейного общения для участников анкетирования русский и демонстрируют печальную тенденцию сокращения межкультурной коммуникации на национальном языке для жителей мегаполиса в республике с сильной татарской национальной образовательной политикой и культурой. Участие родителей школьников в данном аспекте позволяет охарактеризовать языковую ситуацию в семье для нескольких поколений. Для иностранных студентов русский язык является «домашним» языком многонационального студенческого кампуса.

Вопрос 5. Определение оперативного языкового круга общения: «В течение дня на каком языке говорите больше: а) русский, б) татарский, в) другой (вариант с открытым ответом)». Интересно соотнести результаты данного вопроса с предыдущим. На рисунке 3 видно, что вне дома у анкетированных преобладает русский язык (80%), не татарские языки составляют 19%, а татарский только 1%. Эти сведения тем более интересны, что представлены преимущественно обучающимися в русско-татарской школе и их родителями. Для дальнейшего исследования полезно изучить причины выбора данного учебного заведения. Гипотетически, выбор русско-татарской школы связан с пониманием ослабления семейного контроля за языковой коммуникацией на родном языке и применением дополнительных стимулов к его сохранению и практическому использованию.

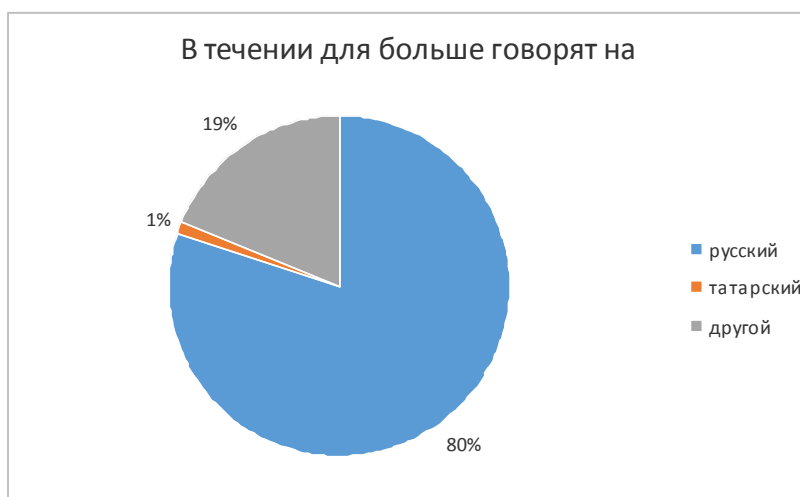

Рисунок 3. Определение оперативного языкового круга общения

Вопрос 6. Определение стратегического языкового круга общения: «Знание какого языка (языков) вы дополнительно развиваете: а) русский, б) татарский, в) другой». Важно отметить желание анкетированных совершенствовать знание приоритетных языков в государстве (русский у 40%) и регионе (татарский у 12%). Вопрос на выбор другого языка был закрытым, так как не информативен для данного исследования (рисунок 4). С уверенностью можем утверждать, что для большинства выбор был сделан в пользу английского языка. Об этом дополнительно свидетельствуют беседы с родителями учеников и отношение школьников к изучению английского языка. Заметна тенденция к увеличению языков общения среди взрослых. Так, например, китайские и иранские иностранные студенты Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета показали желание совершенствовать множество языков. Среди них русский, китайский, татарский, уйгурский, азербайджанский, турецкий и английский. Выбор российского вуза для получения практики владения русским языком очевиден.

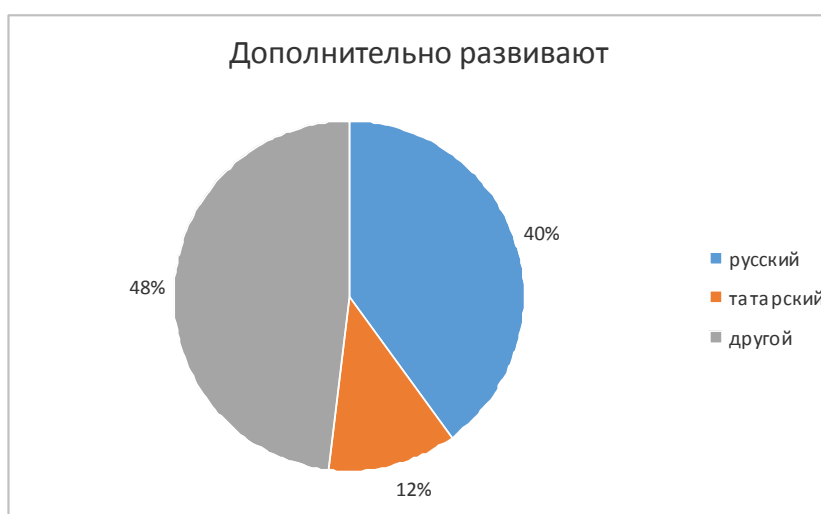

Рисунок 4. Определение стратегического языкового круга общения

Одной из системных ошибок в билингвизме в языкознании называют переключение (смешение) кодов. Это процесс внезапного, спонтанного переключения с одного языка на другой и обратно в устной, реже в письменной речи, распространенный в смешанных языковых регионах. Другой распространенной ошибкой у билингвов считают интерференцию – изменение одного языка под влиянием другого. Причин подобного поведения несколько: сложность нахождения эквивалентов и замена его на синоним; особенности процесса социализации и понимания собеседника; подражание родителям в использовании интерференции и переключений. Над изучением данной проблемы работает большой круг педагогов-практиков, лингвистов и специалистов в области литературоведения. В нашей анкете этому был посвящен отдельный вопрос.

Вопрос 7. Самооценка ошибок в кодах языковых переключений: «Встречается ли в вашей речи смешение языков: дублирование фраз/ переключение с одного языка на другой и т.д.? Приведите, пожалуйста, примеры: (вариант с открытым ответом)». Данный вопрос оказался сложным для половины участников анкетирования. На него ответили 46%, признались, что затрудняются ответить (50%), а 4% просто пропустили вопрос. Причины такой ситуации кроются в отсутствии потребности рефлексии нашего процесса общения; в снисходительном отношении людей из поликультурного региона к ошибкам собеседников. В заполненных ответах анкетировавшиеся отметили все перечисленные варианты смешения языков: дублирование фраз на родном и русском языках; переключение с одного языка на другой; использование слов и выражений одного из языков в речевых конструкциях другого для краткости, экспрессивности, подчеркивания национального колорита.

Подводя итоги данного анкетирования, следует сказать, что они могут быть использованы в педагогической практике для преподавания русского языка как иностранного, в дальнейших научно-методических исследованиях. Любое языковое развитие начинается в семье. Стихийный (естественной среды) билингвизм все более осознается населением и уступает место организованному, поддерживаемому и формируемому специалистами. Изучение методов повышения репродуктивного (воспроизводящего) уровня билингвизма до продуктивного (творческого) является одним из стратегических направлений современной прикладной лингвистики [Archebasova E.U. 2016], а практический опыт должен применяться в работе образовательных учреждений с обучением на родном и других языках [Арчебасова Е.Ю. 2019], в том числе и в многонациональной России.

Литература

Анкетолог.ру: онлайн сервис опросов и анкет. – URL:<https://anketolog.ru/>
Архарова К.Э. 2011. – *Билингвизм, или как сохранить родной язык?* Москва: Лингво.

- Арчебасова Е.Ю. 2017. – *Специфика формирования лингвистического мышления у детей билингвов в поликультурной школе*. Материалы итоговой научно-образовательной конференции студентов КПФУ. Т. 4. Казань: КПФУ. – С. 148 –150.
- Арчебасова Е.Ю. 2019. *Специфика формирования продуктивного полилингвизма в русско-татарской школе*. Русистика и современность. 22-я Международная научная конференция. Сборник научных работ. Астрахань: Астраханский гос. ун-т. – С. 126-129.
- О государственном языке Российской Федерации: Федеральный закон № 53 от 20.05.2005. – *Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»*. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/
- Archebasova E.U. 2016. *Bilingualism – standard of quality of life modern educated person*. Materials of the "English in the Sphere of Professional Communication" conference: Kazan national research technical university him. A.N. Tupoleva. Kazan: KAI. – P. 16-17.

Elena Yurievna Archebasova
Gymnasium № 11 of Volgograd, Russia
Lenok776@mail.ru

IDENTIFICATION OF BILINGUALISM IN SCHOOLCHILDREN OF THE RUSSIAN-TATAR SCHOOL N150
OF KAZAN AND THEIR PARENTS USING THE QUESTIONNAIRE METHOD

Abstract: The author described the possibility of identifying bilingualism in schoolchildren and their parents by anonymous questioning of potential bilinguals. Modern pedagogical institutions face difficulties in teaching bilingual children, since the classical system of education is built in Russian, taking into account monolinguals. It is important for school-age bilinguals to know and use development techniques of their languages. Sociological diagnostic methods, including questionnaires, help in this.

Keywords: bilingualism, name book, questionnaire, Russian-Tatar school, multicultural environment.

Русистика и современность.

Коллективная монография, с. 20-31. ISBN 978-9984-47-254-6

Балтийская международная академия, 2021.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА АНУАРА АЛИМЖАНОВА В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Жайнагуль Бейсенова, Багдагуль Жаныбекова

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан

zhaina_b@mail.ru, zhanibekova_89.24@mail.ru

В данной статье описываются подходы к рассмотрению художественной прозы А. Алимжанова, билингвального писателя, как варианта межкультурной коммуникации в образовательной среде. Методологическая база исследования представлена междисциплинарным подходом к осмыслению русскоязычной прозы казахского писателя как культурного явления, привлечением результатов достижений в других науках. Русские тексты авторов, нерусских по происхождению, объединяются в определенную типологическую общность благодаря представленным такими авторами текстов на русском языке как русскоязычных. Читательская компетенция в академических условиях дает возможность сформулировать рекомендации и пути решения по использованию прозы билингвального автора в интегрированном обучении, представляющего ценность для развития мировых культур. В качестве художественного источника в данном исследовании привлекается художественно-публицистическая проза казахского двуязычного писателя и публициста Ануара Алимжанова.

Ключевые слова: художественно-публицистическая проза, билингвальный автор, межкультурная коммуникация, Ануар Алимжанов, междисциплинарное единение лингвистики и «неориторики».

Введение

Познание иной культуры и языка вызвано социальной необходимостью переступить культурный и языковой барьер, препятствующий научному и культурному обмену между народами, говорящими на разных языках. В истории развития мировой культуры явление художественного билингвизма известно с античных времен, что подтверждает факт его универсальности. В этом аспекте древняя культурная традиция представлена текстами латино- и инонациональной культуры эпохи Возрождения, арабоязычной литературой иранских народов VIII-IX вв. и др. Русские тексты авторов, нерусских по происхождению, объединяются в определенную типологическую общность благодаря представленным такими авторами текстов на русском языке как русскоязычных. Однако до настоящего времени художественный текст билингвального автора в практике академического обучения не представлен как предмет системного описания в контексте межкультурной коммуникации. Творческая билингвальная личность автора русскоязычного художественного текста рассматривается как одна из форм проявления межкультурной коммуникации. Идея о коммуникативном начале художественного искусства обсуждалась в трудах писателей и ученых [М. Бахтин 1986: 2]. Литература – это диалог, который ведут между собой автор и

его читатель и этой данностью обуславливается актуальность содержания данной статьи. Цель исследования состоит в описании формирования нового культурно-языкового пространства («вторичной» языковой личности) в процессе чтения художественного текста автора как творческой билингвальной личности и классифицировании обсуждаемого явления межкультурной коммуникации в контексте двух культур. Источником и иллюстративным материалом послужили русскоязычные повести казахского писателя Ануара Алимжанова, лауреата Международных литературных премий имени Джавахарлала Неру, Агустиньо Него, «Лотос». Многие очерки и короткие повести писателя переведены на английский, французский, немецкий языки, на фарси и суахили, получили международное признание. Его художественное творчество отличается активной гражданской позицией, сочетающейся с глубоким знанием национальной психологии, духовного мира героя.

Материалы и методы

Междисциплинарное осмысление культурных явлений, привлечение достижений в других науках, переход от фактического знания о человеке и мире к глубинному составляет методологическую базу исследования. Концептуальные основы обучения второму языку в академических условиях носят комплексный характер. Научная основа обучения не ограничивается триединой системой знаний: лингвистикой, психологией, общей дидактикой. Такой подход привел к возрождению коммуникативной направленности (онтологической дидактики), который концентрируется на личности учащегося, игнорируемой в старых программах обучения второму языку [Варзонин Ю.Н. 1999]. Современные интегративные науки последнего десятилетия пополняются лингвокультурологией, концептологией, комплексно объединяющих знания о том, каким образом человек познает внешний мир и культуру, как формируется целостная картина мира в его сознании. Такое положение позволяет судить о большом междисциплинарном и прикладном потенциале синергетического мировидения. Антропоцентричный подход к получению знаний, согласно утверждению ученых, нашел отражение в различных национальных филологических традициях [Алпатов В.М. 2005: 115].

Таким образом, антропоцентрическая парадигма рассматривает межличностную солидарность, эвалюацию, метакогнитивные знания, стремление к познанию общечеловеческой культуры как части развития личности: «задача всякого образования - приобщение человека к культурным ценностям науки, искусства, нравственности, права, хозяйства, превращение природного человека в культурного» [Гессен С. И. 1995: 36].

В число множества дискурсивных образований входит группа высказываний (макротекст), связанных между собой по смыслу и погруженных в реальную социальную, культурную жизнь, воплощенную в художественную форму, но уже не одного говорящего, а

двух участвующих в межкультурном коммуникативном процессе: языковой личности писателя, автора художественного текста, (в нашем контексте билингвального писателя) и личности обучаемого. Под макротекстом мы понимаем «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни конкретной общественной группы» [Щерба Л.В.1974: 26]. Таким образом, сегодня наблюдается пересмотр традиционного мнения о природе сознания, психологии и языка читателя. На современном этапе развития теории гуманитарного обучения наибольшее внимание привлекают не узко специализированные научные исследования, а работы с междисциплинарным осмыслением явлений и их интеграцией в единые стратегии для решения научных и практических задач. Как справедливо отмечают ученые, «наблюдается тенденция к целостному образованию: активно интегрируются учебные области, синтез научного, философского, художественного и религиозного подходов, в частности, лингвистики и литературоведения, которые ведут к переходу современной гуманитарной науки от фактического знания к глубинному подходу, имеющего своей установкой представление целостного видения картины мира человека» [Маслова В.А. 2014: 7]. Подтверждение этой мысли мы находим в описании синтеза учебной области лингвистики и литературоведения в трудах ученых из различных научных сфер [Вернадский, Микешина, 1992; Рикёр, 1995, Лешкевич, 2001, Гершунский, 1998, Бердяев, 1994, Ухтомский, 1922, Джамбаттиста Вико, 1994].

Результаты. В начале XXI века составляющие парадигмы знания [Кубрякова Е.С. 1995: 167] дополняются таким звеном, как следует в следующем описании: «функционально-коммуникативное направление в рамках антропоцентризма как общепризнанной мегапарадигмы», определяющаяся как «глобальная тенденция филологического поиска» [Ворожбитова А.А. 2019: 5]. Как одно из интегративных направлений актуализируется междисциплинарное единение лингвистики и «неориторики» [Ворожбитова А.А. 2019: 10–11]. Лингвориторическая концепция в рамках вышесказанного представляет собой интегративное направление исследований в филологической науке, синтезирующее устремления, в частности языковедения, <...> литературоведения и др. «человековедческих» дисциплин на новом уровне концептуального осмысления [Ворожбитова 2019: 4]. Следовательно, объектом лингвориторической интерпретации является «филологическая триада «текст – дискурс – произведение». Рассмотрение общих вопросов стратегии читательской компетенции обучающихся дает возможность сформулировать некоторые рекомендации и пути решения по использованию художественного текста билингвального автора как варианта межкультурной коммуникации в практике обучения чтению, приобщения к мировой картине мира. Проблема межкультурной коммуникации может

находить свое решение при изучении особенностей процесса создания и передачи художественного текста творческой билингвальной личностью. В условиях естественного двуязычия чтение связано с желанием и стремлением к обмену информацией, к взаимопониманию в соответствии с экстралингвистической ситуацией и мечтой обучающегося. С рассмотренным явлением имеет непосредственную связь такая проблема, как включение в учебный процесс материала, вводящего в мир культуры народа, без чего адекватная коммуникация не является возможной [Верещагин, Костомаров: 1973]. Современные билингвы живут в пространстве интердискурса, и эту ситуацию нужно направить в благодатное русло стратегии современного бикультурного образования. Художественные тексты напрямую отражают культуру, несут информацию об истории, национальном поведении, в целом, обо всех составляющих культуры. В этом аспекте художественный русскоязычный текст казахского писателя рассматривается нами как «набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое число косвенных. В свою очередь, правила построения текста зависят от контекста культуры, в котором он возникает» [Маслова 2007: 87]. На интегративном филологическом уровне дискурс-текст соотносится с произведением в целом как единством авторской художественной продукции и читательской рецепции. При этом было выявлено, что читательская компетенция может находить свое решение при изучении особенностей процесса создания и презентации художественно воплощенного русскоязычного (билингвального) текста. Вариант межкультурной коммуникации, представленный в текстах билингвальных авторов, объединяет два центра сознания, что позволяет воспринимать их как структурное целое и определить их как интегрированные, представляющие ценность для развития обеих культур [Бахтикереева У.М. 2005: 11], что дает возможность рассуждать о поэтико-герменевтическом синтезе художественного текста Литературное произведение представлено как результат писательской интенции, авторское коммуникативное намерение, художественное обращение автора читателю-интерпретатору. В процессе непосредственной коммуникации создается особое ментальное единство: дискурсивное воплощение авторской интенции и продукт читательского восприятия, контактирующих посредством текста и создающих единое целое на новом уровне. «Текст создается с самого начала как осмысление и утверждение своего поступка и воплощается в конечном счете в диалогической реакции другого, т.е. в момент провокации в другом своего текста ответа» [Пешков И.В. 1988: 18].

Обзор материалов о творчестве русскоязычных авторов дает возможность рассуждать о том, что они опережают обыденное сознание. Это в полной мере можно отнести и к писателю и публицисту казахского происхождения Ануару Алимжанову, русскоязычная

проза и публицистика которого была переведена на английский, французский, немецкий языки, на фарси и суахили, получила международное признание. Его публицистика отличается своеобразием и самобытностью, активной гражданской позицией, сочетающейся с глубоким знанием национальной психологии, духовного мира героя. В этом контексте внимание читателя акцентируется на факте создания художественного текста автором, ориентированного на закрепленные в той или иной культуре основы модели картины мира. Искусство же интерпретации текста иноязычным читателем состоит в умении увидеть не лежащий на поверхности, содержащий в себе ментальный пласт сознания. «Увидеть и понять автора произведения – значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, то есть другой субъект (“DU”)» [Бахтин М.М. 1986: 481]. При этом нужно учитывать особенности читателя-реципиента, потому как его сознание задано спецификой национальной культуры. Поэтому чтение иноязычной художественной литературы сопоставимо с процессом межкультурной коммуникации, т.к. при восприятии данного текста обучающийся вступает в коммуникацию с представителем чужой культуры. В коммуникативном процессе генерируется оригинальное реальное единство: дискурсивная реализация авторской мысли и продукт рецептивного читательского восприятия восходят к триаде *творческая двуязычная личность – художественная проза – читатель*. «Текст создается с самого начала как осмысление и утверждение своего поступка и воплощается в конечном счете в диалогической реакции другого, т.е. в момент провокации в другом своего текста ответа» [Пешков И.В. 1988: 18]. Опираясь на коммуникативную модель Якобсона, [Якобсон 1975], мы выделяем следующие компоненты: 1) референт – предмет речи, т.е. фрагмент действительности, выступающий содержанием сообщения; 1) адресант – языковая личность 1, т.е. литературная личность; 2) адресат – языковая личность 2, т.е. читатель; 3) контакт – взаимодополнительная речевая деятельность адресанта и адресата, в рамках литературной коммуникации это, прежде всего, письмо и чтение; 4) код – общий язык как материальная канва, обеспечивающая возможность воплощения и восприятия идейно-художественного содержания произведений; 5) сообщение – само литературное произведение.

Ниже мы рассмотрим некоторые параметры-факторы, характеризующие специфику межкультурной коммуникации при чтении художественного произведения, учитывая тот факт, что межкультурная коммуникация посредством художественного произведения имеет специфические особенности по сравнению с живым общением. Неориторическая направленность анализа художественного произведения рассматривается в качестве дискурса, — коммуникативного события между креативным и рецептивным сознаниями. Согласно Ю.С. Степанову, «Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встаёт особая грамматика, – в конечном счёте – особый мир. В мире

всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – возможный (альтернативный) *мир* в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из возможных *миров*. Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса «Язык – дом духа» и, в известной мере, тезиса «Язык – дом бытия» [Степанов Ю.С. 1998: 676].

Далее рассмотрим обстоятельства, которые выступают в роли факторов, определяющих специфику межкультурной коммуникации при чтении художественного текста. Поскольку обучающийся второму языку не является представителем естественной читательской среды, способной активно участвовать в не-собственно художественном развитии литературы, представляется актуальным в рамках интегративного лингвориторического подхода определение литературного процесса и пояснение соотношения «ветвей» литературы страны изучаемого языка, типологии казахского писателя как литературной личности.

1. Определение литературного процесса. Казахская литература – «особый дискурс-ансамбль, т. е. совокупность всего многообразия авторских дискурс-практик, цельный синтез дискурсивных процессов литературно-художественной коммуникации отечественного варианта, включающего более частные дискурс-ансамбли» [Ворожбитова А.А. 2019]: а) казахоязычный, б) русскоязычный, в) художественно воплощенный билингвальный.

Учитывая особенности сознания, заданные не только личным опытом, но и особенностями национальной культуры реципиента-обучающегося (читателя), обстоятельства-факторы целесообразно дополнить классификационными позициями литературной личности писателя: 1) тип литературной личности казахского писателя как представителя метрополии; 2) тип литературной личности русскоязычного писателя как представителя диаспор; 3) тип литературной личности русскоязычного писателя – этнический автор, пишущий на неродном языке, через художественное измерение трансферирующий этнокультурное содержание.

2. Риторский статус русскоязычного писателя.

Понятие о риторском статусе творческой личности, репрезентирующего дискурс, специфичное по содержательно-смысловым и языковым особенностям, научно сформулировано в работах А. А. Ворожбитовой: «Ритором – с заглавной буквы, т.е. в подлинном смысле этого слова – в лингвориторической парадигме является не просто сильная языковая личность, обладающая высокой лингвориторической компетенцией, но прежде всего ориентированная на социально значимый идиодискурс в рамках этически ответственного речевого поступка» [Ворожбитова А.А. 2019: 145]. В данном тезисе прослеживается направленность на актуализацию в контексте социокультурной коммуникации речевой деятельности писателя как личности, сквозь призму его отношения к общечеловеческим ценностям, человека, добра,

красоты, правды, истинности, честности. Названные культурные категории служат определением социального образа человека и характеризуют нравственные качества и идиостиль писателя. Данная позиция находит подтверждение в словах М.М. Бахтина: «позиция автора-художника и его художественное задание может быть и должно быть понято в мире в связи со всеми ценностями познания и этического поступка» [Бахтин М. М. 1994: 283]. В книге-очерке «Пятьдесят тысяч миль по воде и суше» [Алимжанов А. Т. 1962: 216] такой траекторией писатель обозначил творческую приверженность к культурным и социальным концептам: *человек и его судьба, путь-дорога и время*. Книга наполнена монологическими раздумьями писателя *о человеке во времени и времени в человеке*, желанием раскрыть особенности его духовного состояния. Контексты с использованием «человек», «человек во времени», *время в человеке* указывают на то, что А.Алимжанов выводил свой специфический дискурс: как художник слова он выражал свои мысли и как *человек частный*. В смене авторской парадигмы *мы на я* в перестроечные годы – смена культурной парадигмы с живым содержанием «человеческого бытия»: *Я хочу, чтоб он, этот город, с именем которого связано многое в судьбе моего народа, был прекрасен так же, как и прекрасна степь, у истоков которой он стоит. // Я убеждён, что корифей нашей литературы Мухтар Ауэзов говорил о том, что даже одна личность, судьба одного человека, словно в фокус, вобрала в себя Время...* [Алимжанов А.Т.2012: 234]. Публицистике писателя присущи черты исповедальности, которые служат усилению авторского *я*, текстовой модальности. Автор, размышляя о жизненном пути человечества, о его судьбе, выражает себя, свои чувства, мысли, обогащает текст оригинальным взглядом, делает изложение эмоциональным. *Подобно тому как весеннее солнце обновляет землю, люди расчищали свой путь, стремясь к новому. «Если слово звучно, если мысль верна, не погибнет песня, песня ввек жива».* Дискурсу А. Алимжанова характерна оптимистичность: *Его путь и его судьба неразрывно связаны с национальной культурой: её история (степи) – это история моей республики, это судьба моего родного «Карлыгаша», живущего ныне полнокровной жизнью. Наконец, это судьба наших отцов, это и наша судьба – судьба наследников великих завоеваний – романтиков и мечтателей. Вспомните, как был получен первый миллиард пудов казахстанского зерна!* [Алимжанов А.Т. 2012: 234]. Обилие слов *судьба, человек, путь* в контексте связанные с понятиями *родина, степь, отец, история малой родины* доказывают, что данные свойства является для писателя важными как ключевые этические свойства человеческого сознания, присущие человеку вне зависимости от цвета кожи и вероисповедания.

3. Пространственно-временная дистанцированность автора и читателя.

В условиях непосредственной коммуникации ее участники находят возможности подключиться к коммуникативному поведению своего партнера в целях адекватного

восприятия информации. Межкультурное общение через художественное произведение такой возможности не предоставляет. Исходя из концепции «диалогизма» М. М. Бахтина, можно предположить, что художественное произведение предполагает наличие общения отстраненных друг от друга во времени в пространстве автора и обучающегося в роли читателя. Особенность и сложность подобного контакта заключается в том, что он носит косвенный характер, в отличие от непосредственной коммуникации. Особую актуальность данное явление приобретает при восприятии экспрессивных заголовков, в котором значение зависит от интонации: прочтёт ли читатель данную публикацию или не поймет и не обратит на неё внимание. Заголовкам публицистики А. Алимжанова присущи процессуальность, перцептивность и иносказание, сильный культурный подтекст. Подобные экспрессивные заголовки могут как привлечь обучающегося, так и отпугнуть их как читателей, так как тональность заголовка может привести к изменению значения слова: *День, равный веку, Чёрный друг, Шелковый путь, Перо поэта – сильнее меча, Дети Будды, Земля, с которой стартовал «Восток», Слово, сближающее народы*. Заголовки актуализируют новизну выражения, они, по выражению самого автора, «подчёркивают и раскрывают эпоху».

4. Уникальность экспрессивных особенностей художественного слова.

В данном контексте речь идет об использовании слова в художественном произведении. «Если бы у слов был только один смысл, тот, который указан в словаре, если бы второй язык не расшатывал и не раскрепощал достоверности языка, – не было бы литературы» [Barthes Roland]. Трудность в адекватности восприятия заключается в том, что слова-эквиваленты в разных языках могут иметь различные культурные ассоциации.

Так, знаковые понятия *земля, дом, культура, синие горы, своя жизнь, зёрна дружбы* А. Алимжанов понимал как ценность своего времени (*День, равный веку, Веление времени, Исповедь века, Путешествия вглубь*), в котором ему суждено было жить. Как ценность своей Родины (*Дары казахской земли*), с которой стартовал «Восток». Как землю (*Под отцовским небом, Синие горы, Сувенир из Отрара*), в которой ему было суждено родиться. Как ценность своего призвания (*Перо поэта – сильнее меча, Долг писателя, Ответственность художника, Уроки Мухтара Ауэзова, Возвращение учителя*), в котором ему суждено было творить. Благозвучие русского слова благоприятствует метафорическому переносу слова. Рассматривая метафору *зерна дружбы*, следуем за содержанием авторского текста, отражающего наблюдения над жизнью и включенные в них рассуждения автора. «*Эти зёрна были выращены на казахской земле, и попали на Пятый Всемирный фестиваль в Варшаву, а затем в Москву. И вот из Москвы в новое путешествие по свету пошли золотые пшеничные зёрна, рождённые на казахской земле*». Метафорическое использование слова основано на образе, который возникает при произнесении данного слова. Далее автор размышляет:

«Конечно, о фестивале, о зёрнах дружбы будут написаны книги. Я же хочу рассказать лишь об одном из тех, кто получил зерно из Казахстана. Пришлось бы исписать немало страниц, чтобы рассказать историю этих зёрен, историю людей, которые стали их обладателями, историю той земли, где взойдут они». Цель автора – не только расширить фонд знаний читателя, обогащение его картины мира, но и, в известном смысле, создание своего читателя, вовлечение его в свою модель миропонимания: *«Это хороший подарок. Я посею эти зёрна на вьетнамской земле, а собранный урожай раздам нашим крестьянам. Пусть больше будет зёрен дружбы, пусть больше будет хлеба».* Рефрен метафоры зерна дружбы становится смысловой доминантой всего сборника: песня как полёт души человека, это зерно дружбы: участники фестивалей увозили с каждого форума пшеничные зёрна и новую коллекцию песен, сердца людей наполнены не только песнями, но и стремлением обрести зёрна свободы. *Настоящие писатели носят в груди сердце своего народа.* Подобное отношение переключается с этноцентрическим подходом, согласно которому вся картина жизни оценивается человеком сквозь призму ценностей своего этноса, который воспринимается в качестве эталона.

5. Маркеры этнической картины мира.

Обучающийся, погружающийся в иную культуру через вхождение в интегрированный текст и владеющий при этом правилами и законами родной для него речевой культуры, не только понимает текст билингвального писателя, но и сохраняет его в той форме, которая способствует его актуализации с использованием системы содержащихся в нем знаний. При этом, возможно обучающийся и не будет его использовать в своей языковой практике, потому как не считает их фактами системы своего языка. Но приобретенное таким образом знание переработанных билингвальным автором заимствований, несомненно, войдет в когнитивную систему обучающегося второму языку. Такое знание может быть использовано в любой ситуации для решения проблем речевой деятельности в условиях межкультурной коммуникации. Историческая реальность как маркер этнической картины казахского мира отражена через категорию исторического хронотопа в повести А. Алимжанова «Стрела Махамбета» (Алимжанов А.Т.2011: 400). «Мир» богатых степняков (баев), писатель представляет как замкнутое пространство *юрты бая старшего жуза Акбая: «Подушки и теплые одеяла, сложенные вместе с кошами, громоздились на деревянной кровати, отделанной адаевскими косторезами. Тут же висело инкрустированное седло. Его, наверное, делали мастера из рода Шеркеи. Ведь все лучшее, что создается аульными мастерами в Нарын-Кумах, доступно Акбаю. И эти широкие узорчатые ленты, висящие вдоль решетчатого остова юрты – дело рук адаевских мастериц. А потрепанный благородный ковер Акбай, наверное, купил в Хиве за добрый косяк кобылиц»; «Увидев*

ортеке, Узак вспомнил, с какой злобой Акбай сказал Курмангазы: «Загнал коня – в зиндан упрячу тебя». Ортеке – деревянные фигурки лошадок на деревянной подставке, Нити от фигур привязаны к пальцам домбристов - таким образом, фигуры танцевали в такт его игре. «Музыка сама по себе, без слов, не могла иметь столь покоряющую и призывную силу, как стих. В этом Узак был уверен. Уверен, пока не появились кюи Курмангазы; «Никогда Узак не был так одинок. Он не мог вспомнить случая, чтобы акын или домбрист проводил вечер в уединении. Так уж повелось в аулах с древних времен. Каждый вечер люди собирались возле домбриста или просто уважаемого старца, сказителя или веселого балагура и молча слушали песни и сказки, были и небылицы о жизни в степи» [Алимжанов А.Т. 2011: с. 94]. Писатель расширяет культурные знания читателя пояснением по укладу жизни кочевников: о у древних кочевников всегда существовало разделение на три основных жуза (младший жуз – черная кость, средний жуз и старший жуз – белая кость): «...У Акбая несметные табуны, а он из-за одного коня готов убить человека. Из-за одного коня он готов начать вражду со всем родом Кызыкуртов, к которому принадлежит Курмангазы»; «Зачем вам этот бродяга? Ведь он из рода Кызыкурт. А вы, аксакал, из почетного рода Байулы». В данном фрагменте рассмотрение и знание случаев проявления лакун при сопоставлении языков может быть использовано в любой ситуации для решения проблем речевой деятельности в условиях межкультурной коммуникации. Приобретенные знания в его неязыковом сознании позволят обучающемуся адекватно воспринимать фрагменты реалий в заимствованиях. На интегративном филологическом уровне дискурсивно-текстовый синтез соотносится с произведением в целом как единством авторской продукции и читательской рецепции.

Заключение

В заключение необходимо подчеркнуть многоплановость и комплексность художественно-публицистической прозы Ануара Алимжанова как творческой личности в контексте межкультурной коммуникации. Становится важным исследование и описание базовых стереотипных представлений различных культур, что позволит решить многие проблемы, возникающие при межкультурной коммуникации как реальной, так и опосредованной чтением художественного произведения. Двусторонний дискурс представляется как наиболее важный процесс реальной межкультурной коммуникации. Художественно воплощенное двуязычие может быть успешно использовано для достижения целей межкультурной коммуникации в процессе вузовского обучения, так как в произведениях двуязычных писателей в художественной форме отражена глобальная картина мира, культурные концепты. Интегрированный текст в контексте его прочтения с позиций неориторической концепции способствует расширению границ мировидения читателя и создает пространство для исследования феномена культурной глобализации на

почве индивидуального и национального опыта мировидения. Предложенные формы работы ориентируют на пути преодоления культурной дистанции при работе с иноязычным читателем, формирования современной бикультурной читательской среды.

Литература

- Алпатов В. М. 2005 – *История лингвистических учений. 4-е изд. исправленное, дополненное. Учебное пособие*: Издательство «Языки славянской культуры». 115 с.
- Бахтикереева, У.М. 2005 – *Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва*. Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Москва. 11 с.
- Бахтин М. М. 1986 – *Литературно-критические статьи* / Сост. С. Бочаров и В. Кожин. Москва: Худ. лит. С.2, С. 481.
- Варзонин Ю.Н. 1999 – *Что даст риторике прагмалингвистика?* <http://homepages.tversu.ru/~susov/Varzonin2.htm>.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. 1973 – *Язык и культура*. Режим доступа https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/filosofija_jazyka/vereshhagin_e_m_kostomarov_v_g_jazyk_i_kultura/32-1-0-2735 (URL 26.06.2021)
- Ворожбитова А.А. 2019 – *Основы лингвориторической парадигмы*. Сочи: РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ». с. 5, 124, 145.
- Гессен С.И. 1995 – *Основы педагогики. Введение в прикладную философию*. Москва. – С.36.
- Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. Москва: Русские словари, 1996. С. 58.
- Маслова В. А. 2014 – Современная лингвистика – наука о человеке, его сознании, языке и культуре. *Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: к 80-летию юбилею В. В. Колесова / отв. ред. М. В. Пименова, В. И. Теркулов*. Киев: Изд. Дом Д. Бураго, Вып. 5. 376 с.
- Маслова В. А. 2007 – *Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений*. Москва: Академия. С. 87.
- Пешков И.В. 1988 – *Изобретение как категория риторики*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва. 24 с.
- Степанов Ю. С. 1998 – *Язык и Метод. К современной философии языка*. «Язык русской культуры». Москва. 676 с.
- Щерба Л. В. 1974 – *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград. С.26.
- Barthes Roland. *Elements of Semiology*. <http://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/fr/barthes.htm>).

Источники

- Алимжанов А.А. 1962 – *Пятьдесят тысяч миль по воде и суше*. Алма-Ата. 216 с.
- Алимжанов А.А. 2012 – *Синие горы*. Алматы. 234 с.
- Алимжанов А.А. 2011 – *Стрела Махамбета*. Алматы, Известия. 400 с.

Zh.S. Beisenova, B.N. Zhanibekova
L.N.Gumilyov Eurasian National University, Kazakstan

ANUAR ALIMZHANOV'S FICTION IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abstract: This article describes approaches to considering the prose of a creative bilingual author as a variant of intercultural communication in an educational environment. The methodological basis of the research is presented by an interdisciplinary approach to understanding the prose of the Russian – language prose of the Kazakh writer as a cultural phenomenon, involving the results of achievements in other sciences. Russian texts of authors of non-Russian

origin are combined into a certain typological community due to the texts presented by such authors in Russian as Russian-speaking reader competence in academic conditions makes it possible to formulate recommendations and solutions for the use of the prose of a bilingual author in integrated learning, which is valuable for the development of world cultures. The artistic and journalistic prose of the Kazakh bilingual writer and publicist Anuar Alimzhanov is used as an artistic source in this study.

Keywords: artistic and journalistic prose, bilingual author, intercultural communication, Anuar Alimzhanov, interdisciplinary unity of linguistics and “neo-rhetoric”.

ТРЭВЕЛ-ЖУРНАЛИСТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Галина Белолипская

Астраханский государственный университет, Россия

gbelolipskaya@yandex.ru

Трэвел-журналистика – одно из самых популярных направлений медиаиндустрии и важнейший инструмент международной коммуникации. В статье рассматриваются вопросы научного осмысления терминологического ряда, определяющего трэвел-журналистику, комментируются виды и форматы ее представленности в современном дискурсе.

Ключевые слова: трэвел-журналистика, трэвел-блогосфера, трэвел-медiateкст, журналистика путешествий, медiateкст, дискурс, медиакоммуникации.

Трэвел-журналистика (от англ. *travel journalism*) – это особое направление журналистики, которое предоставляет массовому потребителю информацию о путешествиях, затрагивает темы истории, географии, культуры, искусства, туризма, этики, философии и другие. Данное определение приводится в статье А.А. Боброва «Журналистика путешествий: реальность и тенденции». Исследователь рассуждает, что «сегодня именно это направление журналистики влияет на национальную самоидентификацию людей, преобразует информацию одного культурного контекста в другой, формирует у аудитории определенный образ различных культур и ментальностей, зачастую детерминированный PR-агентствами и редакторами печатных СМИ, телепрограмм и веб-сайтов» [Бобров А.А. 2016: 55].

Следовательно, роль трэвел-журналистики в межкультурной коммуникации проявляется в том, что оказывает влияние на формирование у общественных групп определенной картины мира, знакомит их с нравами и обычаями других регионов и стран. Кроме того, трэвел-программы являются ключевым инструментом создания как общего образа страны, так и отдельной его составляющей – туристического имиджа. Образ страны формируется с помощью таких компонентов, как географическое положение, природа, достопримечательности, известные люди, брендовые события и местные жители [Показаньева И.В. 2013]. Как утверждают Т. Ханич и Ф. Хануш в совместной книге «Журналистика путешествий: исследование производства, влияния и культуры», цель трэвел-журналистики – дать информацию, рекомендации, т.е. выполнить роль гида, и одновременно развлечь аудиторию. Авторы рассматривают трэвел-журналистику как часть лайфстайл-журналистики [Hanitzsch T., Hanusch, F. 2014: 274]. И.В. Показаньева придерживается такой же трактовки понятия «трэвел-журналистики», видит в ней «особое направление софт-журналистики (развлекательная, досуговая журналистика),

которое предоставляет массовому потребителю информацию о путешествиях, затрагивает темы истории, географии, культуры, искусства, туризма, этики, философии и другие» [Показаньева И.В. 2013]. А Н.В. Кривцов расширяя определение, пишет: «трэвел-журналистика представляет собой политематическое и многожанровое, комплексное направление, которое опирается на специальный предмет рассмотрения, описания, анализа, а именно, на информацию, связанную с путешествиями и туризмом, и, как следствие, аудиторию, соответственно заинтересованную в этой тематике. Следовательно, трэвел-журналистику можно рассматривать как широкую специализацию, куда входит история, география, искусство, гастрономия, этнография и др.» [Кривцов Н.В. 2017: 347]. А.В. Усцова называет трэвел-журналистику так: «особое направление в журналистике, основная цель которого – предоставление информации о путешествиях, разработка таких тем, как география, культура и туризм» [Усцова А.В. 2016]. Н.С. Гегелова пишет о трэвел-журналистике, как о «специфическом жанре, который находится на стыке серьезной журналистики и простых дневниковых записей» [Гегелова Н.С. 2016: 128].

В итоге, современный медиатекст ориентирован на массового потребителя и предполагает использование приемов, характерных для современной массовой коммуникации. Они включают в себя интертекстуальность, элементы саморекламы, монтажа и приемы тиражирования [Калинин И.В. 2016: 39]. Сегодня журналистский текст является неотъемлемой частью современной текстовой культуры, в которой язык выступает не просто средством передачи и получения информации о мире и событиях, но средством формирования отношения к этой информации. Уникальным явлением является трэвел-медиатекст, определение которого введено в современный терминологический словарь Т.Ю. Редькиной. Она определяет трэвел-медиатекст как тип текста СМИ, который представляет иную страну в совокупности характерных признаков: географическое положение, природный мир, народ, язык, нравы, обычаи и традиции, история и культура, государственное устройство, общественно-политическая ситуация. Разница между трэвел-текстом и страноведческим текстом в том, что трэвел-текст – это всегда результат совершенного автором путешествия, отражение его личной истории как социокультурного явления.

Трэвел-медиатекст является полидискурсным образованием, так как он создается на сочетании различных типов дискурса. Т.Ю. Редькина выделяет следующие дискурсы [Редькина Т.Ю. 2013: 21]:

- научный – текст передает новую информацию о разных странах;
- бытовой – выражается в контакте автора с разными людьми;
- политический – нередко учитывается положение страны в мире, а также внутренние проблемы в момент написания текста;

- рекламный – любой трэвел-текст имеет рекламные интенции, которые выражаются в упоминании интересных мест или достопримечательностей.

Все трэвел-медиатексты можно поделить на три типа в зависимости от преобладающей интенции. С лингвистической точки зрения интенцию можно понимать как коммуникативное намерение говорящего или основная задача, которую ставит перед собой медиатекст. Редькина Т. Ю. выделяет следующие типы трэвел-текстов [Редькина Т.Ю. 2013: 34]:

1. информационно-познавательный – преобладает интенция убеждения;
2. информационно-популяризирующий – преобладает интенция информирования;
3. информационно-рекламный – автор нацелен на побуждение к действию.

Исследователь И.В. Калинин выделяет еще один тип трэвел-медиатекстов – информационно-идеологический. Трэвел-журналистика остро реагирует на внешнеполитическую ситуацию между странами, что, в свою очередь, отражается как на содержании трэвел-медиатекстов, так и на интенциях. Публикации журналистов демонстрируют ярко выраженную связь с политической ситуацией, а тексты в определенные исторические моменты подстраиваются под ситуацию в государстве и на международной арене. Таким образом, в трэвел-медиатекстах отчетливо прослеживается идеологическая интенция, которая ставит перед собой задачу не только отображать общественно-политическую действительность, но и продвигать некие государственные идеи.

Активное развитие Интернета привело к становлению пользовательской журналистики. Трэвел-журналистика также подстроилась под новые форматы, и возникло такое понятие как «трэвел-блогер». Количество контента о путешествиях в современном Интернете достаточно велико.

Сегодня в сети можно выделить четыре главных типа пользовательского контента, которые позволяют размещать различные материалы в разных форматах:

- 1) Блоги или веб-страницы, включающие посты на различные темы, содержащие текст, иллюстрации, ссылки на сторонние ресурсы;
- 2) Вики или веб-сайты, позволяющие пользователям легко добавлять, редактировать или удалять контент в соответствии со своим желанием;
- 3) Подкасты или аудио-блоги (обычно в mp3 формате), доступные для скачивания и прослушивания пользователями;
- 4) Социальные сети (например, YouTube, Instagram, Facebook, VK и др.), позволяющие пользователям общаться и обмениваться мнениями на определенные темы в форме чата.

Примечательно возникновение трэвел-блогов. Трэвел-блог – это личные посты, или записи, относящиеся к планируемой, текущей или прошлой поездке. Они эквиваленты виртуальным дневникам и состоят из одного или более постов или записей, созданных на основе общей темы.

Можно выделить несколько категорий трэвел-блогосферы, каждая из которых имеет свое значение для аудитории:

- Потребитель для Потребителя
- Бизнес для Бизнеса
- Бизнес для Потребителя
- Государство для Потребителя

Понятие трэвел-блогер – это специфичное явление, главная особенность которого заключается в том, что автор стремится трансформировать собственные впечатления в информацию. Кроме того, термин «трэвел-блогер» имеет некоторые отличия от «трэвел-журналиста». Во-первых, журналиста отличает зависимость от какого-либо СМИ, сроки сдачи материала, а также и заработок. Кроме того, важным отличием также является манера подачи самого материала, а также следование этическим и моральным кодексам. Появление блогосферы полностью переформатировало данное направление журналистики. Блогосфера стала новым пространством не только для журналистов, феномен блога дал возможность любому путешественнику превратить свое путешествие в информационный продукт. Он открыл потенциальную нишу для отражения реальной действительности глазами обывателя. Отсутствие редакторской правки и какой-либо цензуры дает возможность увидеть вещи такими, какие они есть на самом деле и тем самым делает трэвел-блоги востребованными и актуальными. Читатели ищут на страницах своих авторов вдохновение, действенные советы и рекомендации, практически каждый блог в своем интерфейсе имеет обратную связь. Небольшой пост на странице интернет-дневника может являться более полезным для аудитории, чем тематическая программа о путешествии или обширная статья в журнале.

Пандемия COVID-19 бросила неожиданный вызов одному из самых популярных направлений медиаиндустрии – трэвел-журналистике. Общественные изменения, которые возникли из-за отсутствия возможности путешествовать и передвигаться по миру, внесли серьезные изменения в трэвел-блогосферу. Трэвел-журналистика сохранила свои позиции в том, что это один из важнейших инструментов международной коммуникации по-прежнему, но с измененными форматами и акцентами.

Литература

- Бобров А.А. 2016 – Журналистика путешествий: реальность и тенденции. *Научные труды Московского гуманитарного университета* № 3. – С. 53–61.
- Показаньева И.В. 2013 – Проблемное поле трэвел-журналистики как явления современного медиaprостранства. *Медиаскоп* № 3. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1385> (дата обращения: 1.09.2021 г.).
- Кривцов Н.В. 2017 – Трэвел-журналистика: специфика направления и его проблемы. *Вопросы теории и практики журналистики* № 3. – С. 347–365.

- Усцова А.В. 2016 – Прикладная роль трэвел-журналистики. *Научный корреспондент*. – Режим доступа: <http://nauchkor.ru/pubs/prikladnaya-rol-trevel-zhurnalistiki587d363c5f1be77c40d58a2c> (дата обращения: 1.09.2021 г.).
- Гегелова Н.С. 2016 – Трэвел-журналистика на российском телевидении. *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика* № 2. – С. 128–133.
- Калинин И.В. 2016 – Трансформация трэвел-медиа текста в российских СМИ: к проблеме идеологизации контента. *Международный научно-исследовательский журнал* № 10-3 (52). – С. 39–42.
- Редькина Т.Ю. 2013 – *Трэвел-медиа текст: способы и приемы речепорождения*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Hanitzsch T., Hanusch, F. 2014 – *Travel journalism: exploring production, impact and culture*. Palgrave Macmillan.

G.S. Belolipskaya

Astrakhan State University, Russia

gbelolipskaya@yandex.ru

TRAVEL JOURNALISM AS A TOOL OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abstract: Travel journalism is one of the most popular areas of the media industry and the most important tool for international communication. The article examines the issues of scientific understanding of the terminological range that defines travel journalism, comments on the types and formats of its representation in modern discourse.

Keywords: travel journalism, travel blogosphere, travel media text, journalism of journeys, media text, discourse, media communications.

Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 37-41. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.

О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ И ОБ ОСНОВНЫХ ТРЕБОВАНИЯХ К РАБОТЕ ПЕРЕВОДЧИКА

И.Л. Бирова

Софийский университет им. Св. Кл. Охридского, Болгария
ilkabirova@mail.bg

В статье рассматривается вопрос о профессиональной компетенции письменных переводчиков, работающих в современных условиях глобализации и динамичного межкультурного обмена. Автор останавливается на основных требованиях к работе переводчика в сфере художественного и научного переводов. Отмечены также некоторые специальные требования к переводу деловой и специализированной литературы.

Ключевые слова: переводческая компетенция, требования, работа переводчика.

Во все эпохи деятельность переводчика была значимой для общества и его культурного развития. Особое стратегическое значение она приобретает в настоящее время глобализации и динамичного обмена информацией. Процесс перевода пересекает не только границы языков, но и границы культур, являясь ведущим фактором современного активного межкультурного общения. А.Д. Швейцер определяет перевод как однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному (переводческому) анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде [Швейцер А.Д. 1988]. В этом процессе главную роль играет личность переводчика, который является активным транслятором одной культуры в другую. Для качественного выполнения этой ответственной задачи со стороны общества к переводчику отправлены высокие требования и ожидания.

В настоящей статье рассматривается вопрос о переводческой компетенции и об основных требованиях к работе переводчика. В связи с этим в начале останавливаемся на требованиях к переводу, данные еще в 60-е годы Т.Сейвори в его книге «Искусство перевода» [Сейвори Т. 1968], которые в большой степени сохранили свою актуальность сегодня:

1. Перевод должен передавать слова оригинала.
2. Перевод должен передавать мысли оригинала.
3. Перевод должен читаться как оригинал.
4. Перевод должен читаться как перевод.
5. Перевод должен отражать стиль оригинала.

6. Перевод должен отражать стиль переводчика.
7. Перевод должен читаться как современный переводчику.
8. Перевод должен читаться как современный оригиналу.
9. Переводчик вправе прибавить нечто к оригиналу или убавить от него.
10. Переводчик не вправе ничего ни прибавить, ни убавить.
11. Стихи следует переводить прозой.
12. Стихи следует переводить стихами.

Перечисленные требования в известной степени исключают друг друга и в то же время дополняют друг друга, в этом выражается их парадоксальность. Далее приводим наш комментарий этих парадоксов перевода, тесно связанных с самой деятельностью переводчика. Бесспорно перевод должен передавать мысли, дух и стиль автора оригинала, а также стилистические и жанровые особенности оригинального произведения. Это требование относится к переводу во всех сферах и жанрах, но в самой большой степени – к художественному переводу. Когда идет речь о специализированном переводе, о переводе текстов научного или делового стиля, то эквивалентность выражается в стилистической адекватности и в точности употребления терминов, специализированных понятий, названий, аббревиатур и т.п.

Перевод должен читаться как перевод, потому что он по своей природе является вторичным текстом, интерпретацией переводчика для другой культурной среды. И в то же время перевод должен восприниматься легко и естественно, как оригинальный текст воспринимается носителями данного языка.

Перевод должен отражать стиль оригинала, но в известной степени он также отражает стиль переводчика. При этом стиль оригинала является определяющим и ведущим.

Когда переводные тексты относятся не к современности, а к другой исторической эпохе, они должны сохранить и передать дух соответствующей исторической эпохи, а не адаптироваться механически к современности.

В принципе переводчик не имеет права дописывать текст от себя. Однако, в некоторых случаях, учитывая стилистические и жанровые особенности оригинального текста, переводчик может добавлять пояснения (например, к реалиям, аббревиатурам и т.д.) или убавлять некоторые детали, укрупняя их и выражая смысл обобщенно. Последнее обычно происходит в переводе художественных текстов и редко бывает в специализированном переводе.

В связи с последними двумя требованиями, указанными Т.Сейвори, мы считаем, что лучший вариант – это когда стихи переводятся стихами. В этом смысле переводом поэзии должен заниматься только тот переводчик, который сам является поэтом. В качестве таких

ярких примеров можем назвать болгарские переводы русской и французской поэзии, сделанные К. Кадийским, или сонеты Шекспира, переведенные В. Петровым.

Как требования к переводчику А.Лилова выделяет следующие:

- 1) искать первоисточники соков, которые вливались в оригинал
- 2) понимать их трансформацию по пути движения
- 3) уметь согласно потребностям своих реципиентов вылить их в собственную культуру
- 4) внести свой вклад в диалог между народами, культурами и цивилизациями, т.е.

быть талантливым посредником в потоках и сетях современного культурного трансфера.

По мнению А. Лиловой, эта нелегкая задача, потому что оригинал со своим полнокровным потенциалом как будто всегда убегает переводчику. Мы поддерживаем точку зрения, что стратегии и варианты меняются и увеличиваются со временем, но у них одна цель и одна роль – воздействие в новом контексте трансфера – культурноидентифицирующего и культурносозидательного [Килева-Стаменова Р. 2007].

Дальше мы останавливаемся на переводческой компетенции, которая представляет собой сложную и многомерную категорию. Она обладает следующими характеристиками:

- 1) переводческое владение двумя языками (как минимум рецептивное владение исходным языком и продуктивное – языком перевода);
- 2) способность к переводческой интерпретации исходного текста (т.е. к видению его глазами носителя другого языка и другой культуры);
- 3) владение технологией перевода (т.е. совокупностью процедур и трансформаций, обеспечивающих адекватное воспроизведение оригинала);
- 4) знание норм языка перевода;
- 5) знание переводческих норм, определяющих выбор стратегии перевода;
- 6) знание норм данного стиля и жанра текста;
- 7) наличие фоновых знаний, необходимых для адекватной интерпретации исходного текста;
- 8) творческие способности переводчика, необходимые для художественного и в частности поэтического перевода;
- 9) знание «предмета», специализация переводчика (например, деловых, юридических, справочных, научных текстов).

Во всех разновидностях перевода важную роль играет культурный фактор, но ярче всего он проявляется в художественном переводе. Как писал И. Левый, «переводчику следует, так же как театральному декоратору, считаться с перспективой: у его читателя иной ценз знаний и эстетического опыта, чем у читателя оригинала, и потому в механическом воспроизведении подлинника он многого бы не понял» [Левый И. 1975:9]. Переводчик

создает определенную иерархию ценностей, позволяющую выделить те черты оригинала, которые представляются ведущими.

С переводческой компетенцией тесно связана проблема переводимости текста. Известно, что переводимость представляет собой не абсолютное, а относительное понятие. Следует различать, с одной стороны, переводимость на уровне того или иного сегмента текста, а с другой, – переводимость на уровне текста в целом. Полная эквивалентность представляет собой идеализацию реальной переводческой практики, полная переводимость также не всегда достижима. Частичные потери предполагают обязательное сохранение главных, наиболее существенных элементов текста, его функциональных доминант. Но в переводе всегда остается что-то неперебиваемое. В своей книге «Неперебиваемое в переводе» С.Влахов и С.Флорин цитируют мысль Гете, что к неперебиваемому нужно относиться с уважением, так как именно в нем состоит ценность и характер языка [Влахов С., Флорин С. 1990].

Кроме указанных выше основных требований, в сфере перевода деловых, справочных и специализированных текстов к переводчику отправлены также другие специальные требования, анализированные нами в прежних публикациях [Бирова И. 2014, Бирова И. 2016]. Дальше перечисляем их обобщенно:

- * наличие широкой общей культуры и фоновых знаний в разных сферах
- * наличие специализированных знаний в конкретной сфере перевода
- * потребность постоянной работы со словарями, справочниками и электронными ресурсами с терминологией в конкретной сфере; консультаций со специалистами об употреблении терминов. В этом отношении работа переводчика затрудняется нехваткой или отсутствием актуальных специализированных словарей и справочников, в том числе переводных русско-болгарских и болгарско-русских;
- * переводчик должен быть одновременно и редактором переводного текста. Даже когда есть редактор данного текста, он часто читает только перевод и редко сравнивает его с оригиналом. Точность и адекватность переводного текста остается главной ответственностью самого переводчика.

В заключение хочется подчеркнуть, что высокий уровень переводческой компетенции является востребованным и обязательным качеством современных переводчиков в любой сфере. Факторы, которые влияют на ее формирование, следующие: качественная подготовка в вузе, наличие высокой филологической и общей культуры, наличие специализированных знаний в сфере перевода, постоянная работа с актуальными словарями и справочниками, ответственное отношение к работе, профессионализм и его постоянное усовершенствование. Только таким путем переводчик может достичь высокого мастерства в своем труде и осуществить полноценный межъязыковой и межкультурный трансфер.

Литература

- Бирова И. 2014 – «О камнях преткновения» в переводе текстов энциклопедических справочников с русского на болгарский язык, *Сборник XI Международного симпозиума МАПРЯЛ*, В.Тырново, с. 258-261.
- Бирова И. 2016 – Особенности перевода с русского на болгарский язык текстов в сфере кибертехнологии и кибербезопасности. *Русское деловое слово*, София, с. 25-32.
- Влахов С., Флорин С. 1990 – *Непреводимото в превода*, София: Наука и изкуство, 356 с.
- Килева-Стаменова Р. (сост.) 2007 – *Превод и културен трансфер (сборник в честъ доц. Анны Лиловой)*. София: УИ Св. Кл. Охридски, 201 с.
- Левый И. 1974 – *Искусство перевода*, Москва: Прогресс, 394 с.
- Сейвори Т. 1968 – *Искусство перевода*, Savory T. *The art of translation*, Boston, 191 с.
- Швейцер А.Д. 1988 – *Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты*. Москва, 215 с.

I.Birova

Sofia University St. Kl. Ohridski, Bulgaria
ilkabirova@mail.bg

ABOUT TRANSLATION COMPETENCE AND MAIN REQUIREMENTS IN TRANSLATOR ACTIVITY

Abstract: This article is dedicated to the question of professional competence of translators in present conditions of globalization and dynamic intercultural communication. The author analyzes main requirements in translation activity in the sphere of fiction and science and some special requirements in translation of specialized literature.

Keywords: translation competence, requirements, activity of translator

ОТНОШЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ К ПРОБЛЕМЕ ИКТ НА ЗАНЯТИЯХ

Katarzyna Buczek

Жешувский университет, Польша

k_t@poczta.onet.eu

Развитие ИКТ повлияло на все области жизни, в том числе и на дидактику. Они облегчают дидактический процесс и делают его более привлекательным, учащимся, изучающим иностранные языки, дают возможность контакта с культурой страны, язык которой они изучают, а в последнее время они спасают дидактику.

Несмотря на достоинства ИКТ, у них есть и слабые стороны. В настоящей статье рассматриваются недостатки ИКТ, на основании опроса, проведенного среди учителей иностранных языков, работающих в польских школах.

Ключевые слова: ИКТ, иностранные языки, недостатки, дидактика.

По мнению большинства преподавателей иностранных языков, использование ИКТ на занятиях имеет положительное влияние на дидактический процесс. ИКТ, как утверждают учителя, способствуют росту заинтересованности предметом, уменьшают барьер в использовании языка, способствуют активности, спонтанности, вовлеченности учащихся. Без сомнения, ИКТ интенсифицируют дидактический процесс, иногда его облегчая и делая более привлекательным, а во время локдауна они (ИКТ) спасли дидактику, школы, учеников и учителей.

Несмотря на все достоинства ИКТ, среди учителей есть и скептики, но также сторонники ИКТ, которые замечают, помимо достоинств, также слабые стороны новых технологий. В настоящей статье представлены результаты опроса, проведенного в группе 647 учителей иностранных языков, обучающихся в польских школах. Кажется, в настоящее время, когда дидактика как никогда ранее привлекает ИКТ, это имеет особо важное. Только узнав препятствия, с которыми сталкиваются дидактики, сможем им противодействовать, поэтому, несмотря на все преимущества ИКТ, целесообразно назвать также их недостатки.

Среди недостатков и проблем, связанных с использованием ИКТ, на занятиях по иностранному языку, можно выделить несколько групп:

1. Технические
2. Организационные
3. Существенные
4. Социальные

5. Психологические

6. Методические

Среди трудностей, связанных с использованием ИКТ на занятиях, учителя чаще всего указывали технические проблемы. Они подчеркивали, что большой проблемой является неравный доступ учащихся к компьютерам и Интернету. Часто возникающие технические проблемы разного типа, связанные либо с Интернетом, либо с оборудованием, также мешают на занятиях с привлечением ИКТ.

Респонденты называли также трудности, которые составляют организационные проблемы. К этой группе трудностей следует причислить недостаточную подготовленность школ, недостаточную оснащенность оборудованием, отсутствие необходимой компетентности учителей и учеников, но также проблемы с организацией занятий, на которых используется ИКТ, таких, как нехватка времени или численность групп.

Основная проблема заключается в том, что школы и системы образования часто не готовы для адекватного использования преимуществ технологий. Пробелы в компьютерных навыках как студентов, так и учителей, сложность использования высококачественных цифровых исследовательских ресурсов, недостаточная педагогическая подготовленность для внедрения технологий в учебные программы – все это создает разрыв между ожиданиями и реальностью. Если школы и органы образования не начнут решать вышеупомянутые проблемы и решать их в рамках своих ИКТ-программ, технологии могут принести больше вреда, чем пользы во взаимоотношениях между учителем и учеником, читаем в отчете OECD [Bershidsky L. 2015: online].

Респонденты называли также другие организационные проблемы, возникающие на занятиях с использованием ИКТ. Как утверждают учителя иностранных языков, вопреки распространенному мнению не любую технику можно использовать во всех группах. Трудности, по их мнению, вызывает также большой объем групп, и, как они подчеркивают, во время использования новых технологий на занятиях учащимся трудно оставаться дисциплинированными. Учителя указывали также на привычку студентов использовать другие веб-сайты, не относящиеся к уроку. Не маловажное значения, по их мнению, имеет и то, что ИКТ требуют много времени, чтобы правильно их выбрать и применить.

Отдельную группу составляют существенные проблемы. Они связаны с информационным шумом, большой нагрузкой сообщений. Учителя жалуются, что Интернет не полностью надежный источник информации, часто качество общедоступных материалов низкое, иногда трудно найти упражнения, подходящие для данной темы или для уровня учащихся, неоднократный доступ к материалам платный, а если он бесплатный, появляющаяся реклама при использовании веб-сайтов, мешает и «крадет» время. Проблему усугубляет слишком большое доверие учащихся к программам и приложениям. Они

некритически используют Интернет-ресурсы, без анализа принимают все, что написано. Эта группа трудностей тесно связана с организацией учебного процесса. Для благополучного использования ИКТ и во избежание вышеупомянутых недостатков необходимо тщательно подбирать все материалы, сайты, программы, используемые на занятиях, но это требует, во-первых, больших затрат времени, во-вторых, высокого уровня компетентности учащихся как компьютерной, методической, так и языковой.

Учителя указывали также на социальные недостатки новых технологий: это прежде всего сокращение общения, разговоров с сокурсниками, что ведет даже к отчуждению студентов, но также ухудшается контакт учащихся с учителем.

Среди психологических проблем, чаще всего упоминаются проблемы концентрации. Респонденты указывали на слишком большое расслабление учащихся, отключение внимания, подчеркивали пассивное участие в занятиях, отмечали, что учащиеся выполняют задания механически, бездумно. По их мнению, ИКТ тормозят развитие индивидуальных навыков, приводят к подавлению воображения и творческих способностей учащихся. Учителя обвиняли ИКТ в «картинном мышлении», подчеркивали, что они отвлекают от способности самостоятельного и творческого мышления. С одной стороны, учителя утверждали, что ИКТ делают дидактический процесс более привлекательным, но, как заметили, как это ни парадоксально, студенты постоянно пользуются мультимедиа, и они им уже надоели, потеряли свою привлекательность. Целесообразно упомянуть, что мультимедиа используются также в других предметах, и, таким образом, ученика «бомбардируют» стимулами. Это по мнению опрошенных, отрицательно влияет на психику учеников и на дидактический процесс, отвлекает и приводит к зависимости учащихся от технологий. По причине того, что учащиеся привыкают к технологии, наблюдается пристрастие к использованию электронных устройств и потеря способности работать с традиционным материалом. Учащиеся полагаются на технологии, пренебрегая базовыми знаниями. По мнению учителей, ИКТ делают студентов ленивыми, они отучают себя от чтения длинных текстов, у них наблюдаются затруднения в поисках информации, желание отвернуться от учебников, бумажных словарей.

Отдельную группу проблем составляют методические проблемы. Учителя перечислили довольно много таких проблем. Прежде всего, они обратили внимание на то, что во время работы с ИКТ, учащиеся сосредотачивают внимание на визуальных, а не на лингвистических аспектах. Чрезмерное отвлечение студента на элементы ИКТ называли «преобладанием формы над содержанием». Обращали также внимание на то, что во время работы выступают отвлечения, затрудняющие продолжение занятий, ведущие к отходу от основной темы урока, замечали, что студенты работают положительно в тот момент, когда используют новые технологии, но у них нет прочных эффектов. По их оцениванию, ИКТ не

заставляют студентов учиться быстрее, а наблюдаемые результаты хуже, чем в случае обучения без использования ИКТ. Их мнение подтверждается исследованиями. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) изучила, как новые технологии влияют на успеваемость учащихся. По словам директора по образованию ОЭСР А. Шлейхер, ученики, которые очень часто используют компьютеры в школе, обычно имеют более низкие результаты, независимо от их происхождения или социальной среды. Оказывается, системы образования, вложившие значительные средства в информационные и коммуникационные технологии, не достигли ожидаемого успеха и не получили заметного развития в чтении, математике и естественных науках [Piekutowski С., 2015: online].

Многие преподаватели подчеркивали, что на фоне использования электронных пособий у учеников наблюдается низкий уровень графического почерка и замедление скорости письма. По их мнению, набор текста на компьютере совсем не улучшает навыков письма и орфографии, а наоборот, «убивает» умение правильно писать, нарушает моторику рук. Дидактики заметили, что студенты должны писать от руки, чтобы лучше запоминать, а занятия, ограниченные мультимедиа, делают учащихся ленивыми. Мнение учителей подтверждают результаты эксперимента, проведенного в 2014 году в Принстонском и Калифорнийском университетах. Студентов разделили на две группы. Им надо было сделать заметки во время лекции. Одна группа делала заметки вручную, а вторая – с помощью компьютера. Студенты, использующие компьютеры, заметили больше, но запомнили намного меньше [Muller P.A., Oppenheimer D.M., 2014]. Написание от руки утомляет больше, чем печатание на клавиатуре компьютера, но именно эта заторможенность необходима нашему мозгу для запоминания новой информации.

Учителя обратили внимание на ряд других методических проблем. Студенты привыкают к «легким» формам работы, не требующим концентрации, выполняя задания в электронном виде, они угадывают ответы. Для них характерна неточность, неизбирательное использование информации при создании собственных работ, например, презентаций по выбранной теме.

В оценке учителей, большим недостатком ИКТ является то, что студенты сосредотачиваются только на одном аспекте, например, на обучении словарному запасу, что в итоге приводит к проблемам в общении.

Как заметили опрашиваемые, экзамены после каждого этапа обучения проводятся в бумажном виде, и студенты, привыкшие к ИКТ, не справляются с ними удовлетворительно.

Необходимо приложить усилия, чтобы попытаться исключить вышеупомянутые препятствия, однако далеко не все проблемы можно преодолеть.

Чтобы минимизировать организационные сложности, нужно много усилий, времени и вовлеченности учителя, его опыта и компетентности, но некоторые условия, такие как

численность групп, время, предназначенное на занятия, доступ к технической оснащенности, требуют системных решений. Технические трудности, казалось бы, самые несложные для преодоления, однако именно на технику мы не имеем влияния.

Несмотря на то, что ИКТ не идеальные, и мы не в состоянии найти решение всех проблем, связанных с их использованием, без сомнения, сегодня даже самый гениальный педагог не может конкурировать с мультимедийной средой. Использование ИКТ на занятиях делает дидактический процесс более привлекательным, дает возможность работать с естественными материалами, общаться с носителями языка. Возникают интересные программы, сайты, предназначенные для изучающих иностранные языки. ИКТ – это будущее в каждой области деятельности, в том числе и в обучении, но они не в состоянии заменить контакт человека с человеком, который является неоценимым особенно в обучении иностранным языкам.

Литература

- Антакова-Фомина Л. В. 1974 – Стимуляция развития речи у детей раннего возраста путём тренировки движений пальцев рук. *Тезисы докладов 24-го Всесоюзного совещания по проблемам ВНД*. Москва.
- Bershidsky L. – Technologia zabija edukację? *OECD: Komputery przeszkadzają w nauce*. <https://forsal.pl/artykuly/895317,technologia-zabija-edukacje-oecd-komputery-przeszkadzaja-w-nauce.html> [10.09.2021]
- Muller P.A., Oppenheimer D.M. 2014 – The Pen is Mightier Than the Keyboard: Advantages of Longhand over Laptop Note Taking. *Psychological Science*. 25 nr 6.
- A. Dytman-Stasińko, J. Stasińko (ред.), *Język @ multimedia*, Wrocław 2005.
- W. Furmanek, A. Piecuch, *Problemy efektywności pedagogicznej technologii informacyjnych i multimedialnych w edukacji*, Rzeszów 2012.
- Gołębiowski Ł. – E-książka 2009. *Szerokopasmowa kultura*. Warszawa.
- Piekutowski C. 2015 – *Raport OECD: komputery nie pomagają w nauce*. <https://www.dw.com/pl/raport-oecd-komputery-nie-pomagaj%20C4%85-w-nauce/a-1871555> [15.09.2021]
- Students, Computers and Learning Making the Connection
https://read.oecd-ilibrary.org/education/students-computers-and-learning_9789264239555-en?fbclid=IwAR2NEYCb_rXRBZNEU3VIKM2U9FjKV9RWi7Fe1LFi0WDjpAICgYYHmE0_-RM#page1 [27.10.2021]

K. Buczek

*University of Rzeszów, Poland
k_t@poczta.onet.eu*

ATTITUDE OF FOREIGN LANGUAGE TEACHERS TO THE PROBLEM OF NEW TECHNOLOGIES IN THE LANGUAGE TEACHING/LEARNING PROCESS

Abstract: There is no doubt that the computer, Internet and related technology, offers teachers and learners new possibilities to enhance their language teaching and learning skills as for example authentic materials or tools for communication. But there are also some disadvantages of using the computer network technology as a tool in foreign language teaching/learning process. In the article the author presents teacher's opinions based on a survey.

Keywords: computer network technology, language education, negative effects.

*Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 47-51. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.*

УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК

Г.М. Васильева

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия
galinav44@mail.ru*

В статье представлена концепция серии учебных словарей, раскрывающих коннотативный потенциал русской лексики, актуальный для формирования филологической компетенции китайских студентов, изучающих русский язык.

Ключевые слова: учебный словарь, коннотативный потенциал слова, вербальный код культуры, филологическая компетенция.

Как известно, работа составителей современных словарей опирается на богатую отечественную лексикографическую традицию, включающую разработку концепций различных типов словарей, в том числе и учебных.

Известная научная дискуссия 1970-80-х гг. способствовала формированию особой дисциплины – учебной лексикографии, которая определяется как лингвометодическая дисциплина, содержание которой – теоретические и практические аспекты описания лексики в учебных целях [Тихонов А.Н. 1988: 114]. Основной задачей этой дисциплины является создание учебных словарей, которые представляют собой «лексикографические произведения любого типа и объема, специально предназначенные для оказания помощи в изучении языка как средства общения и сообщения» [Морковкин В.В. 1986: 104].

Исходя из такого широкого определения, у лексикографов появилась возможность создания самых разных, в том числе национально-ориентированных учебных словарей, направленных на формирование специальных компетенций у иностранных студентов, находящихся на различных уровнях подготовки.

Ввиду значительного числа китайских студентов-филологов, изучающих русский язык в вузах Российской Федерации, была разработана концепция учебного словаря, являющегося средством формирования у них филологической компетенции, которая, по общему мнению исследователей, представляет собой способность прочесть и адекватно понять тексты русской культуры.

Объектом описания такого учебного словаря является коннотативно маркированное слово, передающее сложный мотив отношения носителей языка к денотату и характеризующееся широким спектром оценок и ассоциаций. Общеизвестно, что

коннотативное содержание слова практически не фиксируется общими словарями и нередко включает в себе национально маркированные смыслы и созвучия, скрытые от иностранных учащихся. Однако без проникновения в содержание культурных коннотаций иностранные студенты-филологи не смогут полноценно воспринять тексты русской литературы, хотя их глубинное понимание является основной задачей филолога.

Многие группы русской лексики характеризуются богатыми культурными коннотациями (наименования растений, животных, атмосферных и погодных явлений и др.), которые реализуются в метафорах, сравнениях, переосмыслениях, ассоциациях, понимание которых необходимо для иностранных студентов-филологов. На наш взгляд, такие лексико-семантические группы транслируют национальные вербальные коды культуры, определяемые исследователями как «совокупность имен и их сочетаний, которые обладают, помимо собственно денотативного значения, культураносными смыслами» [Красных В.В. 2016: 397].

Существенное уточнение в понимании феномена кода культуры вносит Д.Б. Гудков, который подчеркивает, что языковые единицы, составляющие вербальный код культуры, следует рассматривать как элементы вторичной семиотической системы, образуемой этим кодом, знаки второго уровня, отрешаясь по возможности от их общеязыковых значений [Гудков Д.Б., 2005: 27].

Лингвисты выделяют многочисленные коды культуры (пространственный, временной, колористический, зооморфный, растительный и др.), содержание которых раскрывается в разнообразных выразительных средствах языка.

Понятие культурного кода было положено в основу проекта серии учебных словарей «Вербальные коды культуры в лексике языка». В авторский коллектив серии словарей вошли российские и китайские лингвисты и методисты. В настоящее время вышли из печати четыре из пяти запланированных выпусков данной серии, посвященной природным кодам культуры: «Растительный код культуры в лексике языка» [Ли Юецзяо, Васильева 2020], «Атмосферный код культуры в лексике языка» » [Васильева, Чжан Ц. 2020], «Астрономический код культуры в лексике языка» [Васильева, Виноградова, Ван Шуай 2021], «Ландшафтный код культуры в лексике языка» [Васильева, Виноградова, Цзышань Хуан 2020].

Самой яркой характеристикой словарной статьи созданного учебного словаря является ее комплексность, предопределяемая всеохватностью решаемых в ней задач. Для данной серии учебных словарей нами была разработана следующая структура словарной статьи, направленная на пошаговую экспликацию содержания коннотативно маркированного слова:

1. Заголовочное слово с постановкой ударения.
2. Грамматические и стилистические пометы.

3. Перевод.
4. Иллюстрация.
5. Расширенное толкование, включающее информацию энциклопедического характера.
6. Словообразовательные варианты (по данным словообразовательного словаря русского языка).
7. Ассоциативный потенциал (по данным словаря ассоциативных норм).
8. Обобщенная оценка (с использованием шкалы обобщенной оценки, разработанной в трудах Г.Н. Складневской: (+), (-), (+/-), (-/+), ()).
9. Эпитеты (по данным словарей эпитетов).
10. Устойчивые сравнения и метафоры (по данным словарей устойчивых сравнений и метафор).
11. Идиоматические единицы (по данным фразеологических словарей и словарей пословиц и поговорок).
12. Примеры употребления в текстах различного характера.
13. Авторские поэтические сравнения, образы, метафоры (по данным словарей русской поэзии).
14. Синонимы
15. Антонимы

Приведем пример словарной статьи из четвертого выпуска серии словарей «Ландшафтный код культуры в лексике языка (наименования видов ландшафта)». В этот словарь вошли 54 лексические единицы, разделенные на 8 тематических групп. К ним относятся существительные, обозначающие: виды земной поверхности равнинного характера, возвышенности, болотистую местность, углубления, водные пространства, водные потоки, пространства для сельскохозяйственных нужд, скопления деревьев.

ТЯСІНА, -ы, жс.

1. Зыбкое, топкое пространство на месте бывшего водоёма, поросшее по поверхности густой травой и мхом.

泥泞沼泽地

2. *перен.* То, что засасывает, губит энергию, творческие стремления.

<转>**泥潭 ; 死气沉沉的环境**

Словообразование: тряси́нный

Ассоциации: болото, грязь, топь, вода, тонуть, сапоги, засасывает, лягушки, трава, мох, страх, глина, увязнуть, засосала, кочки, утонуть, камыш, смерть, жижа, плохо, сырость, опасность, затягивать, вонь, помощь, болотный, застрять, болотная, зыбь, вязко, тянет, увязать, спасение, водяной.

Оценка: (-)

Эпитеты: топкая, зыбкая, болотная, вязкая, зловонная, грязная, непроходимая, вонючая, опасная, глубокая, бездонная, чёрная.

Устойчивые сравнения:

Засасывать как трясина – о чём-либо негативном, пагубном, от чего человек не может отказаться, освободиться.

Примеры употребления:

1. Эти озера зимой кишели гусями, утками, бакланами, но достать их было невозможно из-за непроходимых *трясин* (*Гиляровский*).

Если бы мне предстояло сгореть в огне или утонуть в болотной *трясине*, я постарался бы выбрать первое – всё-таки как-то приличнее (*Горький*).

Человек же в пренебрежении и один на земле, как на болотной кочке, а вокруг *трясина* да лесная тьма (*Горький*).

Добраться до озера не удалось: по мере приближения к нему почва становилась все более вязкой и, наконец, превратилась в *трясину*, колебавшуюся под ногами и поросшую болотными растениями (*Обручев*).

Наконец добрались до такой *трясины*, что двинуться вперед было невозможно, а все-таки продолжали надрываться! (*Гаршин*).

Болото впереди казалось и вовсе непроходимым – *трясина* с осокой, аиром, частыми окнами чёрной воды... (*Быков*).

2. Мои стихи постигнет та же участь, как и твои слова, Варя. Все поглощается бездонной *трясиной* нашей жизни (*Горький*).

Брюсов выволок меня из газетной *трясины* (*Чуковский*).

Когда актер стремится сделать непосильное для него, он попадает в *трясину* внешних, механических, ремесленных штампов (*Станиславский*).

И тиной запахло. И сырость ползёт. / *Трясина* заманит, сожмёт, засосёт (*Бальмонт*).

И мрака чёрная *трясина* / Меня объяла тяжело. / И снова сердце без причины / В печаль холодную ушло (*Г. Иванов*).

Легла под ноги зыбкая *трясина*. / Над головой голодной птицы крик. / Чего ж ещё хотеть тебе, старик, / Не отыскавший, где могила сына? (*Антокольский*).

Трясина кругом да камыш кудлатый, / На чёрной воде кувшинок заплаты (*Багрицкий*).

Авторские поэтические сравнения, образы, метафоры: зыбкая *трясина* (*Антокольский*), мрака чёрная *трясина* (*Г. Иванов*), непроходимая *трясина* (*Гиляровский*), хлябь-*трясина* (*Цветаева*), бездонная *трясина* нашей жизни (*Горький*).

Синонимы: топь, болото.

Выделенные зоны словарной статьи содержат материал, направленный на формирование различных составляющих филологической компетенции, которая позволяет иностранным студентам усвоить коннотативный потенциал русского слова и адекватно прочесть тексты русской культуры.

Литература

- Васильева Г.М., Виноградова М.В., Чжан Ц. 2020 – *Вербальные коды культуры в лексике языка. Учебный словарь, Вып.2.* Атмосферный код культуры в лексике языка. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена.
- Васильева Г.М., Виноградова М.В., Ван Шуай 2021 – *Вербальный коды культуры в лексике языка. Учебный словарь, Вып.3.* Астрономический код культуры в лексике языка. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена.
- Васильева Г.М., Виноградова М.В., Коюпченко П.Н., Ли Юецзяо, Цзышань Хуан 2021 – *Вербальные коды культуры в зеркале языка. Учебный словарь. Вып. 4.* Ландшафтный код культуры в зеркале языка. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена.
- Гудков Д.Б. 2005 – Коды русской культуры: проблемы описания. *Мир русского слова.* № 1-2. С. 25-30.
- Красных В.В. 2016 – Словарь и грамматика лингвокультуры. – Москва: Гнозис.
- Ли Ю, Васильева Г.М. 2020 – *Вербальные коды культуры в лексике языка. Учебный словарь, Вып.1* Растительный код культуры в лексике языка. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена.
- Морковкин В.В. 1986 – О базовом лексикографическом знании. *Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному.* Москва.
- Тихонов А.Н. 1988 – Проблема составления толкового словаря русского языка для национальных республик. *Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре.* Москва.

G.M. Vasileva

*Herzen State University of Russia, Russia
galinav44@mail.ru*

EDUCATIONAL DICTIONARY AS A TOOL FOR DEVELOPING PHILOLOGICAL COMPETENCE AMONG CHINESE STUDENTS STUDYING RUSSIAN LANGUAGE

Abstract: The concept of a series of educational dictionaries revealing the connotative potential of Russian vocabulary, which is impactful for developing philological competence among Chinese students studying Russian language, is presented in the article.

Keywords: educational dictionary, connotative potential of a word, verbal code of culture, philological competence.

СКВОЗНЫЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ ПОЭТИЧЕСКИХ КНИГ КУЗМИНА

Анна Владимировна Гик

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Россия

annagik@yandex.ru

В статье рассматривается идея сквозных образов и мотивов стихотворных текстов М. Кузмина. Разбирается образная иерархия, которая выстраивается с опорой на частотный словарь к стихам поэта. Каждая из книг М. Кузмина («Сети», «Осенние озера», «Глиняные голубки», «Вожатый», «Параболы», «Форель разбивает лед») содержит «генеральные» образы или поэтические интеграторы, соотносящиеся с традиционными поэтическими парадигмами. Одновременно в идиостиле автора возникают смелые интерпретации устойчивых мотивов, образуются индивидуальные образные структуры и микросистемы, объединяющие все периоды творчества.

Ключевые слова: сквозные образы, поэтическая книга, циклизация, М. Кузмин, частотный словарь, конкорданс.

Цикличность – существенная черта поэзии начала XX века. Кузмин, автор декларации эмоционализма (1923 г.), формально не принадлежал ни к одному из течений серебряного века, но идея цикличности не была чужда и данному поэту. Кузмин рассматривал свою лирику как единое произведение, разбитое на книги-циклы (см. работы Н.А. Богомолова, В.Ф. Маркова, Ю.А. Капустиной и др.).

В поэтические книги включались стихотворения, написанные в разное время, но имеющие сходные поэтические установки. Средства, создающие единство лирики Кузмина, неравнозначны и образуют сложную иерархию: одни из них связывают рядом стоящие стихотворения, другие организуют цикл, третьи объединяют стихи, принадлежащие к разным циклам, четвертые проходят через все творчество.

Циклизация М. Кузмина многопланова и противоречива. Отдельные циклы перекрещиваются, образуя сложную структуру. Некоторые метафорические ряды носят сквозной характер и включают не только поэзию, но и продолжают работать в прозе (**крылья, сон** – все выделения в тексте полужирным нами – А.Г.), а иногда работают и в критических статьях (например, мотив **волны и колебания**, ср. название критической статьи, посвященной Анненкову, «Колебания жизненных токов» [Кузмин 1922]).

Поиск ключевых слов в поэтическом произведении определяется их функциями в тексте. Основными параметрами для их выделения являются не только частота употребления, но и использование в сильной позиции: заголовка или рифмы, идейно-эстетическая и композиционная нагрузка; отнесенность к историческим и культурным событиям;

функционирование в составе парадигматической группы. Каждое произведение репрезентирует собственную картину мира, которая строится на определённых ключевых словах. Игнорирование этого уровня смысла ведет к разрушению единства поэтического мира автора и искажает его восприятие читателем.

Сквозные образные ряды развивают мотивы **света, розы, запаха, болезни, встречи, пути, сна, воды, солнца, танца, вожатого, двойника** и др.

«Развертывание **частотного словаря** можно рассматривать как своего рода космогонию, как **«сотворение мира» поэтом**, как генезис его модели мира» [Левин 1966: 202].

«**Тематические слова** передают смысл основных понятий текста... отличаются наивысшей частотностью; **ключевые слова** в наибольшей степени отражают индивидуальность автора: частотность их употребления данным автором в наибольшей степени преобладает над средней употребительностью этого слова в изучаемую эпоху» [Баевский 1986: 453].

В своем исследовании мы опираемся на частотный словарь словоформ, созданный нами на материале всех опубликованных в настоящее время стихотворений автора [Гик 2015]. Словник Кузмина достаточно объемный. Общее количество слов – около 90 тысяч единиц (стихотворные тексты содержат около 25 тысяч словоформ, 14 тысяч различных лексем).

Приведем выборку слов с максимальной частотой из частотного словаря М. Кузмина (см. Таблица 1).

Таблица 1. Выборка слов из частотного словаря М. Кузмина

и	3648	есть	65
сердце	277	небо	65
любовь	198	ветер	61
любви	194	душа	61
день	133	кровь	59
солнце	127	голос	58
глаза	111	звезда	58
друг	96	сквозь	58
знаю	96	жизни	57
путь	95	ночь	57
глаз	91	надо	56
милый	87	дни	55
вижу	86	лицо	55
час	84	люблю	55
будет	79	жизнь	54
взор	74	мир	53
рук	74	сердца	52
свет	72	смерть	50
дом	67	грудь	49
сон	67	дух	49

сладко	48	дней	44
слова	47	небе	43
моря	46	поет	40
всем	45	стоит	40
святой	45	были	39
взгляд	44	бьется	39
время	44		

М.Л. Гаспаров для анализа образной структуры текста ввел понятие: функциональный тезаурус. Свое теоретическое обоснование ученый выстраивал на материале одной книги М. Кузмина. Он писал: «Художественный мир текста, представляется теперь, есть система всех образов и мотивов, присутствующих в данном тексте. А так как **потенциальным образом является каждое существительное** (с определяющим его прилагательным), а **потенциальным мотивом — каждый глагол** (с определяющими его наречиями), то описью художественного мира оказывается полный словарь знаменательных слов соответственного текста. Чтобы эта совокупность образов стала системой образов, а опись художественного мира превратилась в описание художественного мира, она требует количественного и структурного упорядочения: во-первых, словарь этот должен быть частотным, а во-вторых, он должен быть построен по принципу тезауруса. Частотный тезаурус языка писателя (или произведения, или группы произведений) — вот что такое «художественный мир» в переводе на язык филологической науки» [Гаспаров 1997]. Мы выписали имена существительные по убыванию частоты, чтобы очертить круг потенциальных образов творчества поэта, и глаголы, чтобы выявить круг потенциальных мотивов (см. Таблица 2, Таблица 3.). Наиболее значимые с нашей точки зрения слова мы записали заглавными буквами.

Таблица 2. Имена существительные – образы.

СЕРДЦЕ	277	голос	58
любовь	198	звезда	58
любви	194	жизни	57
день	133	ночь	57
СОЛНЦЕ	127	дни	55
глаза	111	лицо	55
друг	96	жизнь	54
путь	95	мир	53
глаз	91	сердца	52
час	84	смерть	50
взор	74	грудь	49
рук	74	дух	49
свет	72	слова	47
дом	67	моря	46
СОН	67	взгляд	44
небо	65	время	44
ветер	61	дней	44
душа	61	небе	43
кровь	59		

Таблица 3. Глаголы - мотивы

был	150	стоит	40
может	97	были	39
ЗНАЮ	96	БЬЕТСЯ	39
ВИЖУ	86	была	38
будет	79	видел	34
было	76	знает	33
есть	65	могу	33
надо	56	ГОВОРИТ	28
ЛЮБЛЮ	55	знаешь	28
сладко	48	идет	27
ПОЕТ	40	ведет	26

Поэтическими интеграторами поэзии Кузмина стали такие образы, как "сердце", "радуга", "ракета", "вода", "путь", "день", "небо" и многие другие, сложившиеся именно как символы задолго до Кузмина, но наполненные в его поэзии специфически кузминским содержанием.

Ярким пример сквозного образа и мотива является СОН, СНОВИДЕНИЕ. Это явление становится интегратором образов и мотивов поэзии и прозы. Образ сна пересекается с такими важными образами и мотивами, как предчувствие любви и искусства. Мы вводим термин: образная микросистема **сна**, т.к. слово в тексте и в языке обладает свойством образовывать группы по семантическим, образным основаниям. Ключевое слово становится интегратором, если оно объединило в свой круг другие лексемы из словообразовательных или лексических парадигм (синонимы, производные слова), а также в контексте творчества пересекаются с другими важными с эстетической и концептуальной сторонами образами.

Образная микросистема «сон»; мотив сна и ясновиденья включает 25 слов (цифра после слова обозначает частоту употребления):

сон 128;	сонливо 1,
грезить 5;	сонливость 2,
грезиться 3;	сонник 1,
дрема 4,	сонно 9,
дремать 19,	сонный 14,
дремлющий 6,	соня 1,
дремота 8,	спать 81,
дремотен 1,	спаться 1;
дремотно 2,	сомнамбула 3,
дремотный 1;	сомнабулический 1,
лунатик 3;	сомнабулически 1;
медиум 1,	ясновидеть 1.
медиумически 1;	

Употребление некоторых лексем распределяется равномерно в течение всего творческого пути поэта. Так, слово **сон** и его производные входят в поэтические

произведения с 1896 г. и используются в активном словаре поэта по 1927 г. в прямом и переносном значениях (цитаты приводятся по изданию [Кузмин 1996]):

Лодка тонет в тумане, качаясь сонливо <1896–1897>;

Дивный сон он видел (1902);

янтарь стекал мне сонно на колени (1910);

Если мы не кастраты и сони, / Путь — наш удел (1922);

И сонный вой гавайских труб (1927 и др.)

Широкая валентность слов этой группы подтверждает ключевое положение образа. Слова сочетаются с различными объектами мира и характеризуют не только состояние человека, но служат определениями живого и неживого, воображаемого и реального миров.

Универсальное понятие о «всеядности» и универсальности понятия сон в поэтической картине мире М. Кузмина подкрепляется различными его определениями (список определений даем в порядке появления их в текстах):

призрачный, злые, чуткий, сладкий, спокойный, обманчивый, тревожный, тонкий, осенний, влажные, легкий, нездешние, хрупки и минутны, обманчивы, бессильны тлеющие сны, нежно-редки, весеннейшие, дивный, черный, золоченый, важный и воздушный, легкий, летучий, смутный, новый, благословен, последний, счастливый, шуточный и любовный, глубокий, жуткий, живой и давний, давнишний, странный, последний, кроткий, убедителен и лжив, призрачный, детский, двухлетний, прозрачный, фиалковый, легкий, теплый сон, блаженный, белесый, зеленый и холодный, знакомый.

На первый взгляд определения не составляют никакой системы, однако пристальный анализ нашего списка позволяет выявить следующие семантические отношения антонимии, наличие цветовых обозначений сна.

Во-первых, эти определения выстраиваются в **антонимичные** ряды:

двухлетний — минутный;

теплый — холодный;

убедительный и лживый;

весеннейшие — осенний и т.д.

Во-вторых, помимо традиционно романтических определений сна: *блаженный, чуткий*, в поэзии находим и его цветовые характеристики: *фиалковый, белесый, зеленый, золоченый, черный*; весовые: *легкий*; вкусовые: *сладкий* и т.д.

На эротические обертоны сна (благодарим за указание Ф.Б. Успенского) указывает определение: *влажные*.

Другие слова рассматриваемой группы встречаются избирательно. Например, глагол **грезиться** встречается и в 1903 г., и в 1917, и в 1927: *и грезятся мечтанья о возврате* (1903); *И грезится необычайный путь* (1917); *А грезилась волшебная страна* (1927).

Существительное дрема: *взор ее следил, затуманен дремой* (1908–1910); *но ведет святая дрема* (1917); *в дрему валюсь, словно песком засыпан в пустыне* (1917); *все мерещится сквозь дрему* (1919–1920).

Наречие **дремотно:** *сосны и ели дремотно стояли, мечтая* (1896).

Точечные вхождения некоторых слов могут определяться их частотными характеристиками и культурно-философскими заданиями.

Например, **лунатик:** *Вставай, лунатик, в путь-дорогу* (1925); *я встал, шатаюсь, как слепой лунатик* (1927).

Глагол **ясновидеть:** *мы ясновидим не глазами / не понимаем сами, чем* (1924).

Образ **сомнамбулы** является культурно нагруженным. Интересно употребление лексемы **сомнамбула** и его производных. Впервые слово употреблено в 1912 г.: *Я, как сомнамбула, бегу*. И вновь появляется после 1920-х гг.: *Сомнамбулически застыли полуоткрытые глаза* (1920); *Проснись, сомнамбула!* (1923); *сомнамбулических очей* (1924); *Сомнамбулы сладчайшее безумье* (1924).

Образ сомнамбулы в творчестве поэта «активизировался» во многом благодаря неоднократному просмотру Кузминым кинокартины немецкого режиссера Роберта Вине «Кабинет доктора Калигари» (фильм 1920 года. Кузмин впервые его увидел в 1923 г.). Эта немая кинокартина положила начало немецкому киноэкспрессионизму. Фильм пользовался большим успехом во всём мире и оказал существенное влияние на дальнейшее развитие мирового киноискусства. Киноактер, исполняющий роль сомнамбулы Чезаре (Конрад Фейдт), имел схожие черты с близким знакомым Кузмина.

И образ, и идеи фильма, безусловно, стали затекстовыми причинами появления его в стихах. Кузмин писал в своем дневнике: *«все персонажи до жуткого близки. И отношения Калигари к Чезаре. Отвратительный злодей. Разлагающийся труп и чистейшее волшебство. <...> И все затягивает, как рассказ Гофмана»* (цит. по [Богомолов 1995: 175]).

Высокую значимость «сновидческого» лексического пласта в поэзии Кузмина подтверждают факты включения данных слов в паронимические и **оксюморонные** сочетания (*В воздухе сонном чуется гроза* (1904); *Пусть сонной пушкой воздух вспорот* (1915)), а также случаи обыгрывания звукового состава слов.

Кузмин сопоставляет события реального и сонного мира, грань этих миров часто стирается, граница становится проницаемой, что подчеркивается звукописью с – н – о: *Что у бессонного больного сон?* (1907); *Бессонно сон твой стерегу* (1908); *Во сне ли я, в полуденном ли плене* (1910); *Мне снился сон: в глухих лугах иду я* (1912); *Но слава сладких звуков не во сне ль?* (1912); *В тонком сне Она пенью внемлет* (1916); *Как призрачно те сны*

осуществились! (1916); *Нарушен статуи странный сон* (1916); *Сонная слюна* (1917); *Меж сосен сонная Равенна* (1920).

Сон связывается с бездействием, поэтому производные сна становятся в синонимический ряд с такими словами как **кастрат, скопец, смерть**: *И сну не верю — обезьяне смерти* (1908-1909); *но не властен сонный мак, призрак измены* (1908); *я не хвастун, но не скопец сонливый* (1910); *Губительной сонливости Страшитесь не шутя* (1921); *если мы не кастраты и сони, Путь — наш удел* (1922).

Состояние сна связывается не только со смертью, но и с отсутствием любви: *Пропел апрель: проснись, воскресни От сонной, косной суеты!* («Еще нежней, еще прелестней...» (1916)); *Мы снова путники! Согласны? Мы пробудились ото сна! Как чудеса твои прекрасны, Кудесница любви, весна!* («Вина весеннего иголки...» (1916)); *Весну я знаю и любил немало, Немало прошумело вешних вод, Но сердце сонное не понимало. / Теперь во мне проснулось всё – и вот Впервые кровь бежит по сети вен, Впервые день весны благословен!* («Такие дни – счастливейшие даты» (1916)); *Как сладок дух проснувшейся травы, как старые ручьи опять новы, Какой покой с высокой синевы!* («Просохшая земля! Прижаться к ней» (1916)).

Лирической герой стихотворений Кузмина часто испытывает **бессонницу**. Состояние без сна становится метонимической заменой психологического и эмоционального подъема, состояния влюбленности: *«Мне не спится: дух томится...»* (1906) (ср. с началом стихотворения А. Фета «Сон»: *Мне не спалось. Томителен и жгуч Был темный воздух, словно в устьях печки*); *«Вновь я бессонные ночи узнал...»* (1907); *Эта бессонница ночью злой*.

В начале творческого пути в стихотворных текстах Кузмина идея **сна** носит романтический налет. Во сне сбываются мечты, наяву происходят чудесные события — как во сне. Сравнительные и условные синтаксические конструкции: «как во сне», «неужели во сне» и др. размывают границы между сном и явью: *Не во сне ли это было <...>, Не во сне ли тебя я встретил* (1904–1905); *Не во сне ль я день и ночь тоскую* (1904–1905); *Во сне давно уже являлся ты* (1908); *«счастливый сон ли сладко снится...»* (1912); *Счастливый сон ли сладко снится. Не грежу ли я наяву? Но кровли кроет черепица... Я вижу, чувствую, живу...; «всё тот же сон, живой и давний...»* (1915); *Ах, только б снег, да взор любимый, Да краски нежные икон! Желанный, неискоренимый, Души моей давнишний сон!; во сне ли, или грежу я?* (1918).

Закономерным для творчества Кузмина становится появление стихотворений, описывающих сновидения. Обратимся к стихотворению «Мне снился сон: в глухих лугах иду я...» (1912–1913).

Мне снился сон: в глухих лугах иду я,
Надвинута повязка до бровей,
Но сквозь нее я вижу, не колдуя:
Растет трава, ромашка и шалфей,
(а сердце бьется все живей, живей),
И вдруг, как Буонароттова сивилла,
Предстала вещая царица Фей
Тому, кого повязка не томила.

Недвижно царственная, как статуя,
она держала, как двойной трофеей,
Два зеркала и ими, негодую,
Грозил мне; на том, что поправей,
Искусства знак, природы — тот левей,
Но, как в гербе склоненные стропила,
вязались тончайшей из цепей
Для тех, кого повязка не томила.

Затрепетал, как будто был во льду я
Иль как челнок, забытый средь зыбей,
а им играет буря, хмуро дует.
Жена ко мне: «Напрасный страх развеи,
смотри сюда, учись и разумей,
Что мудрость в зеркалах изобразила.
обретено кормило средь морей
Тому, кого повязка утомила!»
«О, Фея, рассказал мне соловей,
Чье имя зеркала соединило!
И свято имя это (ну, убей!)
Тому, кого повязка не томила».

Стихотворение посвящено Е.А. Нагродской, в доме которой некоторое время жил М. Кузмин. Интересно, что муж Нагродской был видным масоном, так что идея духовного совершенствования, посвящения в особый круг лиц со всей очевидностью представлена в пересказе сна.

Герой произведения с повязкой на глазах передвигается в глухих лугах; у него открывается «внутреннее зрение». Благодаря вещей царице Фей (Нагродской?) герой проходит обряд **инициации**, чтобы связать искусство и природу в своем творчестве (ср. стихотворение «Я книгу предпочту природе...» (1914)). Надо отметить, что торжественность обстановки снимается **ироническим замечанием** во вставной конструкции в последней строфе: «**И свято имя это (ну, убей!)**».

Образы этого стиха: зеркало, дорога, луг, лёд, забытый челнок — будут воспроизводиться в более поздних текстах, посвященных основным темам творчества Кузмина: любовь и искусство.

Попробуем воспроизвести схему сна: герой в пути – идет по глухим лугам, видит с завязанными глазами траву, а также цветы, используемые в разных культурных традициях (религиозных и магических ритуалах) как священные растения: ромашку и шалфей. Появляется царица – инициатор посвящения. Она обещает, что мудрость развеет страхи, а

инициируемый понимает все происходящее по-своему, ему указал соловей – певец любви, на священное имя – поэзию.

Образ луга, сна напрямую связан в поэтических текстах Кузмина с состоянием влюбленности. Образ царицы предстает в персонификации любви. Соотношение этих образов становится маркером особого влюбленного состояния, или «предсостояния», после которого появляется объект желания, возникает любовь. Таким образом, луг, сон и любовь или ожидание любви – ближайшие воспроизводимые в поэтических произведениях М. Кузмина символы, объединенные одной идеей.

Пространство луга – это не реальное пространство, а воображаемое место мечты, встречи, долгожданного события: *Весной все наденут нарядные платья, / пойдут попарно в луга с цветами собирать фиалки... / а мне что ж, дома сидеть прикажешь?* (1904–1905); *С прозревших глаз сметая сон Любви минувшей и забытой, На светлый луг, росой омытый, Меня нежданно вывел он* (1907); *В лугах — тепло, предпразднично и сухо — Не торопи своих страниц. Готовься быть к трубе готовым, Не сожалей и не гадай, Будь мудро прост к теперешним оковам, Не закрывая глаз на май* (1907); *О тихий край, опять стремлюсь мечтою К твоим лугам и дремлющим лесам* (1908–1909); *Чем ты, луг зеленый, зелен, Весенними ль травами? Чем ты, мед янтарный, хмелен: Какими отравами? Кем ты, путь мой дальний, велен: Судьбами ль правыми? Луг зеленый зеленился Под острыми косами* (1909); *Под вечер выдь в луга поемные, На скошенную ляг траву... Какие нежные и томные Приходят мысли наяву! Струятся небеса сиянием, Эфир мерцает легким сном, Как перед сладостным свиданием, Когда уж видишь отчий дом* (1916); *Лугов прохладных я искал, Но жгучий луг — еще прелестней* (1921).

Осенняя весна в «реальном» мире луг с зеленой травой можно встретить только в теплое время года: весной или летом. В воображаемом мире луг – становится местом сновидений, желаемых событий, которые не зависят от времени года, а связаны с состоянием души:

Осенней, желтою порою

Весна повеет на лугах (1908).

Пятая часть книги «Вожатый» называется «Видения». **Видения** можно рассматривать как соположенное со сном явление. Видения приходят в состоянии полусна, дремы. В 1916 г. Кузмин пишет стихотворение «серая реет птица...», в котором возвращается к образам луга, дороги. Опять сон, опять луг – маркер пространства любви:

Серая реет птица, Странной мечты дочь... Сон все один мне снится Третью почти ночь... Вижу: идем лугами, Темный внизу лог, Синяя мгла над нами, Где-то поет рог... (1916).

Герой и спутник идут по незнакомым местам. Выделяются символы Мак, путь, мрак, рожок: *Кто-то упал вдруг! Кто из нас умирает: Я или ты, друг?*

Стихотворение «Римский отрывок» (1917) из цикла «видения» также описывает состояние, близкое к состоянию сна – «предсонье», или **полусон**. Это пересказ видений засыпающего воина. Перед его глазами проходят все события, которые произошли днем. Перечислительные конструкции из однородных по синтаксической структуре предложений передают отрывочные мысли уставшего человека: *конь ржет; мечи / блещут ...; завтра, наверное, бой... <...> Смутно ползет во сне: / стрелы отточены остро, // остра у конников ника.... В дрему валюсь, словно песком засыпан в пустыне...*

Важным связующим компонентов стихотворений, в которых встречается лексема **сон** или встречается описание **сновидения**, является цветовая характеристика явлений и состояний. Основной цвет, упоминаемый в таких стихотворениях – **белый (белый 17 % и зеленый 18 % – основные цвета поэзии Кузмина)**, фон – белесоватый. Различные предметы и объекты наделяются этой цветовой характеристикой. Это цветовой фон сна, что-то похожее **на туман**, в котором трудно что-либо различить, опознать. Это состояние, в котором появляются образы сна — полусон-полудрема, когда человек уже спит, но еще осознает, в каком состоянии он находится.

В «Лесенке» (1922) так определяется состояние сна: иногда мы видим и не видим вместе, когда стучится подземная сестра, И мы говорим «Что за сон!»

В позднем поэтическом творчестве также встречаются стихи, построенные на пересказе снов. Второе вступление к поэме «**Форель разбивает лед**» содержит пересказ реального сна. Однако в самом стихотворении нет указаний на то, что события происходят во сне: *Непрошенные гости / сошлись ко мне на чай...*

Стихотворение воспроизводит сон, зафиксированный в дневнике Кузмина 4 августа 1926 г.: *«Вчера страшный сон. Комната новая, большая. Но очень уединенная, ничего ни извне, ни из нее не слышно. Я один. Но тишина полна звуков. Двери ужасно маленькие и далеко. Музыка. Вдруг куча мышей и зарезавшийся балетчик Литовкин, лилипутом, играет на флейте, мыши танцуют. Я смотрю с интересом и некоторым страхом. Стук в дверь. Мыши исчезли. К нам почти никто не ходит.*

Гость. Незнакомый, смутно что-то вспоминаю. Обычное: “вы меня не узнаете, мы встречались там-то и там-то”. Чем-то мне не нравится. Внушает страх и отвращенье. Еще стук. “Наверное, Сапунов”, – говорит. Ужас. Действительно, Сапунов. Юр. Уже тут каким-то чудом. Николай Николаевич тот же, только постарел и немного опух. Я в крайнем ужасе крещу его “Да воскреснет Бог” и “отче наш”».

В моменты бодрствования такой человек может и не знать, что именно он делал, думал во время гипнотического сна, его сознание было измененным относительно бодрствования. Такие люди превращаются в сомнамбул, лунатиков. Такого типа сновидения могут предсказывать будущее, если человека вводят в сон только для предсказания, он становится ясновидящим. Такие случаи описаны в прозаических произведениях М. Кузмина: **«Приключения Эме Лебефа», «Совпадение».**

«Приключения Эме Лебефа» (1906) включает в сюжетную линию рассказа историю об ясновидящих: «вскоре я все узнал: синьорины Бьянка и Катарина были ясновидящие, погружаемые ежедневно синьором Скальцарокка в магический сон, во время которого, как известно, таким чудным образом острятся человеческие способности. Этими их способностями хозяин пользовался для предсказаний и ответов на всевозможные вопросы».

Таинственные связи, которые восстанавливаются благодаря ясновидящей, становятся предметом описания в рассказе «Совпадение» (1915). Медиум-девушка, находясь в трансе, предсказывает молодому человеку, что его жизнь напрямую связана с жизнью другого.

Затем эта же мысль повторяется в стихах, опять-таки в книге «Форель разбивает лёд»: **забитый медиум, сомнамбула.** Схожие ощущения испытывают и влюбленные перед тем, как встретить свою половинку: Безволие, предчувствие высшей воли... сон, дрема, полудремотное состояние — это состояние, в котором находится поэт в предмомент, за секунду до создания произведения. Это состояние, в котором возможна связь с высшими силами, с Богом и со своим двойником, парой. Встреча двух любящих сердец также предугадана всевышним. Как медиум руководит волей сомнамбулы, так божественное проведение сводит людей вместе.

Сон – состояние измененного сознания, так как обычные чувства восприятия отсутствуют: глаза закрыты, мозг не сосредоточен на работе слуха, так что и визуальный, и аудиальный каналы связи с миром отсутствуют. Отсутствует наблюдатель, который позволяет рефлексировать, оценивать. Во сне все происходит по законам, не подвергающимся логике обыденного мира. Поэтому, часто считают сон способом связи с тайным, секретным, настоящим, самым реальным миром.

Таким образом, мы проследили поэтическую историю одного сквозного образа. Ранее нами были рассмотрены образы книги, воды/зеркала, музыки. Пришли к выводу, что образ сна, как и другие важные элементы, перерастает в символ, выступает как интегрирующий элемент всего творчества поэта, пронизывает не только поэтический мир, но и прозаические произведения автора.

Сновидение выполняет и мотивную функцию, организуя отдельные стихотворения и даже циклы (Видения).

Литература

- Баевский В.С. 1986 – Тематические и ключевые слова в языке русской поэзии 19 века (обзор работ Г. Хетсо за 1973-1985 гг.). *Известия РАН. Сер. лит. и яз.* №5. С. 452-457.
- Богомолов Н.А. 1995 – *Михаил Кузмин: статьи и материалы*. Москва: Новое литературное обозрение. – 368 с.
- Гаспаров М.Л. 1997 – Художественный мир М. Кузмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный. *Избранные труды. Сер. «Язык. Семиотика. Культура»* Москва: Издательство: Языки русской культуры.
- Гик А.В. 2004-2015 – *Конкорданс к стихам М. Кузмина в 4-х томах*. Москва.
- Кузмин М.А. 1922 – Колебания жизненных токов (о Ю.П. Анненкове). *Анненков Ю. Портреты / Текст Е. Замятина, М. Кузмина*. Москва. Бабенчикова. Пг.: Петрополис. С. 43-56.
- Кузмин М. 1996 – *Стихотворения* / Сост. Н.А. Богомолов. Санкт-Петербург.
- Левин Ю.И. 1966 – О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах. *Структурная типология языков*. Москва. С. 199–215.

A. V. Gik

*Vinogradov Russian language institute of the Russian Academy of Sciences, Russia
annagik@yandex.ru*

CROSS-CUTTING IMAGES AND MOTIVES IN THE POETRY BOOKS BY MIKHAIL KUZMIN

Abstract: The article discusses the idea of cross-cutting images and motives of poetic texts by M. Kuzmin. The image hierarchy is analyzed, which is built on the basis of the frequency dictionary for the poet's poems. Each of Mikhail Kuzmin's books (“Networks”, “Autumn Lakes”, “Clay Doves”, “Leader”, “Parabolas”, “Trout breaks the ice”) contains “general” images or poetic integrators, correlating with traditional poetic paradigms. At the same time, bold interpretations of stable motives appear in the author's idiosyncrasy, individual figurative structures and microsystems are formed that unite all periods of creativity.

Keywords: cross-cutting images, poetry book, cyclization, Mikhail Kuzmin, frequency dictionary, concordance.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПАЛОМНИЧЕСТВА В ИТАЛИЮ:
ИСТОРИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ФЕНОМЕНА

Яна Гончарова

*Университет Кампании «Луиджи Ванвителли», Италия
yana.goncharova@unicampania.it*

Образ Италии в русской литературе формировался на базе материалов, оставленных как светскими путешественниками, так и православными паломниками, которые посещали Италию начиная с XV в. Настоящий бум путешествий в эту страну, в том числе, и по религиозным мотивам, приходится на XIX в. В данной статье систематизируется и анализируется эволюция образа Италии в путевых записках Кира Бронникова, Андрея Муравьева, епископа Порфирия (Константина Успенского), Владимира Мордвинова и проч., а также восстанавливается исторический контекст феномена православного путешествия в Италию, особенно в рамках деятельности Императорского православного палестинского общества.

Ключевые слова: образ Италии, паломничество, православное путешествие, путевые записки, Императорское православное палестинское общество.

Италия всегда вызывала огромный интерес со стороны русской культуры и остается одним актуальных культурных пространств для России и сейчас, в связи с тем, что после крушения Советского Союза и ряда социальных и экономических изменений в обществе стали возможны быстрый обмен информацией и новые возможности для путешествий. Достаточно обратиться к публикациям в СМИ, особенно к таким популярным жанрам, как туристический путеводитель и рассказы о путешествиях, чтобы заметить, что Италия продолжает оставаться одним из самых желанных направлений в коллективном сознании российских путешественников [Гребнева М.П. 2009: 123-132]

Помимо материалов, оставленных светскими путешественниками, в нашем распоряжении имеется богатая база воспоминаний православных паломников, начиная с XV в., когда русское посольство приняло участие в Ферраро-Флорентийском Соборе, созванном папой Евгением IV в 1438-1439. До этого представления о европейских странах на Руси основывались не на непосредственном опыте, но на общем предубеждении по отношению к католическому миру. Италия, «страна фрягов»¹, также воспринималась как страна богохульная и нечестивая. Собор стал первой возможностью для русских увидеть Италию, и их представления начали постепенно трансформироваться. И из нечестивой страны Италия

¹ «Фряг», итальянец, от искаженного «франк»

стала обретать ареол «святой земли», где погребены апостолы, первые святые и мученики христианства [Матасова Т.А. 2010: 29].

Путешествие на Ферраро-Флорентийский Собор продлилось три года, с 8 сентября 1437 до 29 сентября 1440. После него появилось три документа, составленных авторами из Суздаля, который в тот период являлся важным центром культуры, ремесел, искусства и религиозной жизни. Первый из письменных источников, «Хождение во Флоренцию», описывает не только путешествие из Москвы, но и обратный путь, из Флоренции до Суздаля. Другой литературный памятник, «Исхождение», посвящен описанию реликвий, которые Авраамий, епископ Суздальский видел во флорентийских церквях. В целом в этих двух текстах при описании Италии упор желается на то, что это чужеземная страна, авторы всячески подчеркивают разницу между Италией и Россией. Общим является и упоминание многочисленных христианских святынь, которые видели путешественники.

Третий памятник, «Повесть Симеона Суздальскаго об осьмом Флорентийском соборе», дает нам представление о порядке проведения Собора и содержит резкие антикатолические высказывания. В двух предыдущих текстах, напротив, католическая церковь не становится объектом серьезной критики, а авторы демонстрируют живой интерес к другой стране. Так, Авраамий Суздальский восторженно отзывался о достижениях инженерной мысли итальянцев [Матасова Т.А. 2010: 28].

Из всех этих источников «Хождение во Флоренцию» неизвестного автора² представляет особенный интерес, так как является первым подробным описанием дипломатической поездки по Европе в древнерусской литературе. Вплоть до второй половины XVI в. это был едва ли не единственный из доступных текстов для тех, кто хотел познакомиться с культурой и бытом европейских стран, а именно Германии, Ливонии, Италии, Сербии, Венгрии, Польши и Литвы. Текст является образцом своего жанра и содержит перечисление посещенных городов и деревень с точным указанием расстояния между ними, а также описания того, что так или иначе произвело на путешественников впечатление [Казакова Н.А. 1976: 73]. В древнерусской литературе есть еще два произведения подобного типа: «Хождение в Палестину» игумена Даниила XII в. и «Хождение за три моря» купца Афанасия Никитина XV в. Их с «Хождением во Флоренцию» объединяет чувство открытости авторов новому опыту, а также синтез фактической основы и авторской фантазии. Со временем роль автора и его личности будут только возрастать, и в травелогах следующих поколений путешественников мы найдем более эмоциональное описание при сохранении заданной структуры жанра [Гребнева М.П. 2009: 12-13].

² По мнению исследователя А. Павлова, автор был светским человеком, который, как и Симеон или Авраамий, был родом из Суздаля

Автор «Хождения во Флоренцию» будучи паломником уделяет большое внимание описанию церквей и монастырей, которые посещает со своими спутниками, а также описанию иерархии католической церкви. Примечательно, что автор не выражает никакой личной критики против папы, которая так часто встречается в записках пилигримов, а также демонстрирует недюжинный культурный багаж.

Исследователи подчеркивают характерную особенность данного произведения – отсутствия неприязненного отношения к другой стране. Путешественники были поражены тем, что видели, и пытались поделиться своими переживаниями с соотечественниками. Документ содержит самую разнообразную информацию: описание первой в Европе больницы для бедных Санта-Мария-Нуова во Флоренции, укрепление торгово-ремесленных связей, выделка золота и драгоценных камней, производство шелка и т.д. Италия эпохи Возрождения предстает «миром чудес и диковин», прекрасных произведений искусства, технических достижений, неотъемлемой частью христианского мира. Флоренция описана как «славный и прекрасный град», полный церквей, что было особенно важно для Симеона Суздальского [Матасова Т.А. 2010: 29].

Таким образом, ко второй половине XV в. образ Италии начинает медленно трансформироваться из грешной нечестивой земли в прекрасный мир искусств, торговли и технологий. Необходимо отметить, что к этому же периоду относятся еще два важных свидетельства взаимного светского интереса между Русью и Италией. Первое – детальное описание Руси, подготовленное для герцога Миланского Франческо Сфорца в 1450 г. Второе – «Послание Феофила Дедёркина» великому князю московскому Василию Васильевичу в 1456 г. В нем описывается землетрясение, произошедшее в центральных и южных зонах Италии. Природное бедствие интерпретируется как проявления гнева божьего, карающего нечестивые земли, что свидетельствует о том, что начинающиеся изменения в восприятии происходили крайне медленно [Матасова Т.А. 2010: 30-31].

После падения Константинополя в 1453 г. контакты между Русью и Италией значительно осложнились. Несмотря на это итальянцы продолжали искать пути на Восток, в обход Османской империи, и стремились на Русь с коммерческими, дипломатическими и творческими целями (например, для чеканки монеты при дворе Ивана III). Таким образом, к 1469, когда был организован брак между великим князем московским Иваном Васильевичем и Софьей Палеолог³, между Русью и Италией уже существовала традиция политических и культурных контактов, основанная на непосредственном опыте.

³ Племянница византийского императора Константина XI Палеолога, после падения Византии росла и воспитывалась в Риме

В начале XVI в. получают распространение идеи старца Филофея, сформулировавшего концепцию «Москва – третий Рим», в которую вкладывалась идея мощной Руси, наследовавшей Римской и Византийской империи и ставшей новым религиозным центром. Начиная со времен правления Василия Васильевича и особенно в XVI в. на Русь в большом количестве прибывают итальянские архитекторы, чьими усилиями происходит преобразование облика новой столицы.

В нач. XVIII в. знаменитый паломник Василий Григорович-Барский оставил подробное описание Бари, куда он отправился, чтобы поклониться мощам Николая Чудотворца. В этот период интенсифицировались поездки в Европу и по светским мотивам, в первую очередь, дипломатическим. На рубеже XVIII-XIX православные паломники получили возможность свободно посещать святые места, в том числе, благодаря соглашениям, подписанным между Россией и Османской империей. [Ершов, Б.А., Черкасов Д.Р., Чирков И.А. 2016: 58] В любом случае, до начала XIX в. паломничества в Италию были достаточно редким явлением.

В 1820-1821 Кир Бронников совершил паломничество к святым местам и в 1824 опубликовал свои записки. В числе других значимых произведений, созданных паломниками в XIX в., стоит отметить «Римские письма» религиозного писателя и дипломата Андрея Муравьева (1846), книгу «Из Рима в Иерусалим» графа Николая Адлерберга (1853) и воспоминания епископа Порфирия (Константина Успенского), который побывал в Италии в 1854. Последний несмотря на церковный сан демонстрировал принятие католической церкви и устойчивый интерес к итальянскому искусству, как религиозному, так и светскому. [Крюкова О.С. 2007: 113-114].

Андрей Муравьев, воспринимавший себя посланником и миссионером православной церкви, и граф Николай Адлерберг, напротив, нередко критиковали католицизм. Тем не менее, Муравьев оставил подробнейшее описание Страстной недели, которую провел в Риме, а также служб, совершавшихся в храме Святого Петра («великолепнейший из храмов вселенной» [Муравьев А.Н.: 546]), начиная с Вербного воскресенья до пасхальной мессы. Несмотря на свои политические и религиозные убеждения, Муравьев был внимательным и любопытным наблюдателем, который попытался не только описать в малейших подробностях все, что видит, но и собрать городские легенды и предания, например, о Ватиканском обелиске.

Папа римский в записках выведен с должным уважением и пиететом и называется «царственным старцем/святителем», [Муравьев А.Н.: 532, 534, 550]. Муравьев часто использует эпитеты «трогательный» (5 раз), «умилительный» (6 раз), «благоговейный» (4 раза), особенно при описании ритуалов, атмосферы и музыкального сопровождения, а также подчеркивает, что лицо папы римского «всегда выражало то искреннее благочестие, каким он проникнут

в храме, так что он своей наружностью более прочих внушает благоговение и к себе, и к святыне» [Муравьев А.Н.: 534]. Месса, по мнению Муравьева, сполна отражает характер католической церкви, «обремененной готическими формами, которые передали ей на хранение Средние века» [Муравьев А.Н.: 534].

Муравьев постоянно подчеркивает разницу между католическим и православным богослужением и утверждает, что главная цель его записок – изучить как можно глубже порядок богослужения страстной недели. Описывает он и народные гуляния, и то, как «в течение Страстной недели исповедуются разнородные богомольцы, сошедшиеся в Рим, и эта черта вселенства поражает взоры» [Муравьев А.Н.: 539]. На площади, полной народу во время папского шествия, царит атмосфера праздника, «восточной сказки». Часть «Писем», посвященная Пасхе, завершается возвышенным описанием в духе романтизма базилики и площади Святого Петра.

Другой паломник, Владимир Мордвинов, составил путеводитель по Риму, включающий в себя описание более чем 80 церквей столицы, а также в 1873 опубликовал «Воспоминания о Барграде». Автор старался всячески избегать прямой критики католической церкви и уделил особое внимание полезной для паломников информации [Крюкова О.С. 2007: 116].

В этот период паломничества в Бари становятся все более частыми. Это объясняется присутствием мощей Св. Николая, особенно почитаемого православной церковью. Его мощи были перевезены из Византии в 1087. Первое подробное описание базилики оставил дипломат П.А. Толстой, посетивший Италию в 1698. Традиционной темой в воспоминаниях паломников о Бари в XIX в. и нач. XX в. становится разница между культурами, между «своим» и «чужим», а также тяготы путешествия в Бари [Крюкова О.С. 2007: 118].

На рубеже веков интерес паломников к Европе, особенно к Италии, начинает постепенно возрастать. С 1882 русские паломники попадают в Италию через Императорское православное палестинское общество. Неизвестный автор оставил впечатления об одной из организованных Обществом поездок в книге «Поездка в Иерусалим, Палестину, Синай, Барград и Рим» (1897). 12 мая 1911 при Обществе был создан Барградский комитет, который возглавил большой знаток древнерусского искусства, князь Алексей Ширинский-Шихматов. Главной целью комитета было создание в Бари православного подворья, церкви, а также первого в Европе музея древнерусского искусства. [Талалай М.Г.]

Одновременно с этим в Санкт-Петербурге начинается строительство точно такой же церкви, посвященной Бари (уничтожена в 30-е годы прошлого века). Подворье, открывшееся летом 1914, сразу же стало убежищем для путешественников, застрявших в Италии из-за начала Первой мировой войны, которая вместе с последовавшей за ней революцией положила конец православным паломничествам. Традиция была восстановлена только в 90-е г. XX в.

Литература

- Гребнева М.П. 2009 – *Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности: автореф...* дис. док. филол. наук. Томск. 38 с.
- Ершов, Б.А., Черкасов Д.Р., Чирков И.А. 2016 – Православное паломничество в XIX – начале XX веков и влияние государственного аппарата на православное паломничество. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. Т.2. С.58-60.
- Животовская И.Г. 2016 – Особенности формирования образа Италии в России: история и современность. *Актуальные проблемы Европы*. № 2. С.106-135.
- Казакова Н.А. 1976 – Хождение в Флоренцию 1437-1440 гг. (Списки и редакции). Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 30: *Историческое повествование Древней Руси*. С. 73-94.
- Крюкова О.С. 2007 – *Архетипический образ Италии в русской литературе XIX века: автореф...* дис. док. филол. наук. Москва. 44 с.
- Матасова Т.А. 2010 – Складывание итальянского направления политики московских князей в XV веке. *Вестник Московского Университета*, серия 8, № 1 С.26-34.
- Муравьев А.Н. *Римские письма*. URL: <http://religio.rhga.ru/authors/muravev-a-n/>
- Талалай М.Г. *Храм Святого Николая в Бари*. URL: <http://ricolor.org/europe/italia/mp/5/3/>

Yana Goncharova

*University of Campania "Luigi Vanvitelli", Italia
yana.goncharova@unicampania.it*

ORTHODOX PILGRIM'S JOURNEY IN ITALY: HISTORY AND EVOLVEMENT

Abstract: The image of Italy in Russian literature is based on materials created by both secular travelers and Orthodox pilgrims who have been visiting Italy since 15th century. The great boom of travelling to this country, including for religious reasons, was in 19th century. This article is aimed to systematize and analyze the evolution of the image of Italy in the travel notes of Kir Bronnikov, Andrei Muravyov, Bishop Porfiry (Konstantin Uspensky), Vladimir Mordvinov, etc., and also to restore the historical context of the phenomenon of Orthodox travel to Italy, especially within the framework of the activities of the Imperial Orthodox Palestine Society.

Keywords: image of Italy, pilgrimage, Orthodox travel, travel notes, Imperial Orthodox Palestine Society.

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ДЕЛОВОМ И ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ирина Диманте

Балтийская международная академия, Латвия

dimanteirina@inbox.lv

Стремление человека, связанного с деловой или публичной коммуникативной средой, позиционировать себя определённым образом нередко находит выражение в избрании особого типа речевого поведения. Реализуемый говорящим конкретный тип общения, в свою очередь, формирует стереотип восприятия данного человека окружающими, тем самым определяя его статус и положение в коммуникативном пространстве. В зависимости от особенностей присущих им характеристик, типы речевого поведения могут подразделяться на доминирующий, линейный и подчинительный, с допустимым подразделением на пограничный и смешанный.

Ключевые слова: коммуникация, доминирующий тип, линейный тип, подчинительный тип

Последовательность человеческого поведения, по мнению Олдоса Хаксли, объясняется тем фактом, что человек сформулировал свои желания, а затем рационализировал их при помощи слов [Слобин Д., Грин Дж. 2009: 165]. В то же время характер восприятия человека в коммуникативном пространстве задаётся его внешним видом, манерами и типом речевого поведения. Большинство говорящих, участвуя в процессе речевой деятельности с ориентацией на определённые целевые установки, преднамеренно или интуитивно стремится к созданию убеждающей коммуникации. Отличаясь своим индивидуальным стилем речевого поведения, коммуникатор, в зависимости от коммуникативного повода, складывающейся ситуации и языкового окружения, как правило, также моделирует определённый тип, а точнее – стереотип речевого поведения, который имеет свои отличительные характеристики. Основное отличие смоделированного типа речевого поведения от индивидуального речевого стиля заключается в том, что первый имеет распространённый характер и отмечается сходством применения языковых технологий, а также может использоваться в целях манипуляции.

Избранный говорящим тип речевого поведения, с одной стороны, отвечает его представлениям об успешности коммуникативного процесса, а с другой – формирует стереотип восприятия этого человека окружающими. Таким образом, определяется статус коммуникатора и закрепляется его положение в коммуникативном пространстве.

Типы речевого поведения можно рассматривать как доминирующий (далее в тексте **ДРП**), линейный (далее в тексте **ЛРП**) и подчинительный (далее в тексте **ПРП**), т.е. условно

распределять их по трём уровням с допустимым подразделением на пограничный и смешанный. Каждый тип речевого поведения характеризуется отличительным набором доминантных черт и применением определённых языковых технологий.

С учётом степени коммуникативной агрессивности, толерантности или пассивности, а также с включением гендерного аспекта, ниже предложены условные наименования, определяющие стиль и характер общения коммуникаторов, и приведены примеры, позволяющие их идентифицировать по аналогии с известными персонажами, как вымышленными, так и реально существующими [Диманте И. 2018 : 164 -165].

1. Коммуникатор, осуществляющий доминирующий тип речевого поведения (ДРП), имеет условное наименование – лидер.

Характерные черты представителя ДРП. В процессе общения предпочитает занимать активную позицию. Стремится играть роль ведущего. Демонстрирует уверенность, значимость и осведомлённость. Речевым поведением коммуникатор подчёркивает свой особый статус. Реализуемая *лидером* установка – дать понять деловому окружению, что его мнение является авторитетным, поэтому с ним следует считаться, и это даёт ему право настаивать на своём. Он часто пользуется речевыми конструкциями от первого лица (*считаю необходимым ..., нахожу нужным...; думаю, что...; я уверен, что...; хочу заметить, что... и т.п.*).

Доминирующий тип речевого поведения может отличаться агрессивностью. Самоуверенный, нетерпеливый (или недостаточно воспитанный) *лидер* способен нарушать речевой этикет, не к месту вставляя свои замечания и комментарии или даже перебивая оппонента. Самонадеянный лидер в любой ситуации обязательно хочет быть замеченным. Поэтому он стремится высказывать своё мнение даже в тех случаях, когда это неуместно. Например, общеизвестные в конкретной профессиональной среде положения он преподносит, как отмеченные им лично уникальные факты или особые научные познания. В народе таких именуют выскочками.

С другой стороны, знающий, но амбициозный лидер может иметь предрасположенность к нравоучениям или длительным философским рассуждениям, что может мешать деловому общению, затягивая его и лишая конкретики и конструктивности.

ДРП имеет большое распространение среди ряда профессий, связанных с активной коммуникацией (например, преподавателей, менеджеров, политиков, проповедников, юристов, артистов, общественных деятелей и др.). Кроме того, он характерен для лиц, являющихся руководителями или занимающих ключевые позиции в организации. В речи таких персон нередко слышны властные нотки, которые сохраняются даже тогда, когда обстановка уже не является рабочей, а коммуникация перестаёт быть деловой. В зависимости от социальной среды и присущих им нравственных установок, среди представителей ДРП можно выделить определённые подтипы.

Приведём лишь некоторые примеры обозначений возможных подтипов и их представителей: *эгоцентрик* (*Лир «Король Лир», профессор Хиггинс «Пигмалион» / «Моя прекрасная леди», политик Дональд Трамп, политик Владимир Жириновский*), *примадонна* (*Миранда Пристли «Дьявол носит Прада»*), *распорядитель* (*Фамусов «Горе от ума»*), *командующий войском* (*Константин Ивлев из телепередачи «На ножжах», шеф-повар Виктор Петрович из сериала «Кухня», доктор Быков из сериала «Интерны»*), *активистка* (*Элиза Дулитл «Пигмалион» / «Моя прекрасная леди»*), *вещающий гуру* (*латвийские священнослужители – архиепископ Збигнев Станкевич и кардинал римско-католической церкви Янис Пуятс*) и др.

Ниже, в качестве примера ДРП (**доминирующий коммуникатор – лидер**) будет рассмотрен подтип, обозначенный как **вещающий гуру**.

В фундаменте речевого поведения *вещающего гуру* заложено представление о том, что факты (на которые ориентирован сам коммуникатор), логика, аргументация и собственная убеждённость – это основные механизмы в создании успешной коммуникации для воздействия на окружающих.

Речевое поведение *гуру* характеризуется тем, что говорящий всеми вербальными и невербальными средствами и способами старается подчеркнуть объективность, логичность, важность своего сообщения. *Гуру* постоянно стремится доминировать в коммуникативном пространстве. Его тактика рассчитана на убеждение собеседника в правдивости и ценности сказанного. Особенности коммуникативного поведения дают возможность начитанному *гуру* не только завладеть, но и длительное время удерживать внимание собеседников. Интеллектуального *гуру*, как правило, отличает уверенный тон и богатая, нормированная речь, которой присущи чёткая структурированность, информативная насыщенность, использование терминов, применение риторических фигур и обилие этикетных формул. *Вещающий гуру* аргументирует свои положения с помощью приведения фактических доказательств (по возможности, с использованием иллюстративного материала), но также не гнушается вербализации очевидного, ссылаясь на общеизвестные истины (типа, *Волга впадает в Каспийское море*). В основном, *гуру* придерживается одинакового темпа речи (если только это не агитаторская речь), допускает доктринёрский тон, бывает подчёркнуто серьёзен и сконцентрирован, демонстрируя солидность и даже важность, для большей убедительности позволяет себе жесты значительности. В споре с трудом признаёт свою неправоту, но объясняет промахи воздействием каких-то внешних факторов или досадной случайностью.

Особенности риторики *вещающего гуру* во многом предопределены его профессиональной принадлежностью. Если это человек из мира науки, то его речь

информативно избыточна, насыщена терминами, приближается к письменной, что может затруднять процесс восприятия и требует усиленного внимания и терпения, а в результате порождает напряжённость. Внешне *гуру* ориентирован на собеседника, но на самом деле он ориентирован сам на себя или на цель, ради которой он вообще общается. Вещающий *гуру* как бы склоняет собеседника к диалогу (просит что-либо прокомментировать, поделиться новостями, вместе подумать или обсудить), но не даёт возможности развернуть тему, переводя разговор в интересующее его русло. Для этого он комментирует сказанное и задаёт вопросы таким образом, что собеседник вынужден возвращаться к обсуждению проблем, важных для *гуру*.

Вещающий гуру может настолько упиваться собственной речью, что, подобно токующему глухарю, перестает слышать и видеть всех остальных. Про таких говорят, что он рассказывает сам себе. Коммуникатор подобного типа никому не даёт возможности вставить даже слово и, всё более углубляясь в свои рассуждения, нередко так отдаляется от заданной темы, что трансформирует деловую дискуссию в монолог, лишённый конструктивности.

Однако среди представителей других профессиональных сфер, присутствующих в экономическом, политическом, медийном или другом информационном пространстве, нередко встречаются эмоциональные коммуникаторы, готовые к диалогу и полилогу.

Более эмоциональный тип речевого поведения формируется в силу необходимости приобретения определённых профессиональных навыков, например, навыков публичного выступления, что характерно для профессиональных аналитиков, политиков, проповедников, а также публицистов, лекторов, преподавателей, радио – и телеведущих и т.д.

Когда в харизматичном *вещающем гуру* объединяются способности аналитика, философа, психолога и проповедника, он в состоянии увлекать слушателей и даже воздействовать своими выступлениями на большие массы людей, призывая их совершать определённые действия. Примеры из истории известны. Подобный тип *речевого поведения* характерен для некоторых американских политиков и общественных деятелей (например, Кеннеди и Мартин Лютер Кинг). Классическими образцами такого типа *речевого поведения* являются древнегреческие риторы и римские ораторы. Завораживали своими речами известные французские и российские революционеры, а также талантливые юристы. К сожалению, в современном мире своими способностями искусного владения речью беззастенчиво пользуются некоторые создатели т.н. «пирамид», псевдоцелители, псевдопроповедники и др., нередко собирающие огромные аудитории [Диманте И. 2019 : 129-131].

Далее в качестве ещё одного примера **ДРП (доминирующий коммуникатор – лидер)** будет рассмотрен подтип, обозначенный как *примадонна*.

Примадонна – это женский коммуникативный вариант речевого поведения самоуверенного эгоцентрика. Проявления подобного *ДРП* характерны для представительниц,

занимающих определённую должность, имеющих особый социальный статус или претендующих на него. Обычно речевое поведение *примадонны* не отличается особой активностью, поскольку она не усматривает в этом необходимости. В большей степени общение сводится к отдельным фразам, содержащим распоряжения, указания, наставления, возражения и даже похвалу, но в редких случаях. *Примадонна* обычно не просит, но, задействовав речевой инструментарий (например, условное наклонение), говорит так, чтобы пожелание было выражено имплицитно, и сотрудник сам бы предложил себя в качестве исполнителя (*следовало бы тут разобраться..., надо бы выполнить это к обеду..., хотелось бы посмотреть..., было бы хорошо получить...*). Нередко наблюдается высокомерная манера разговора, с использованием богатого арсенала вербальных и невербальных средств, начиная с надевания «маски Её Величества», ледящей тональности, игнорирования высказываний сотрудников, подчёркнутой иронии, снисходительных усмешек и заканчивая надменным молчанием. Как правило, *примадонна* не находит нужным опускаться до разъяснений, даже когда в этом есть необходимость при решении «производственных» вопросов. Иногда ожидаемые собеседником комментарии реализуются невербальным образом – скрещивание рук, закатывание глаз, поджатые губы, нахмуренный лоб, сдвинутые брови, красноречивый взгляд, насмешливая улыбка. *Примадонна* не старается утруждать себя формулами вежливости (типа – *будьте так любезны, будьте добры, если Вам нетрудно...*) и выражением благодарности. Временами она бывает замкнутой, но даже отстранённость, при всей озабоченности, содержит оттенок превосходства. Отождествляя себя с особо избранными, которым «все должны», случается, что *примадонна* стремится к формированию вокруг себя особой коммуникативной среды, в которой общаются на заданные темы подобные ей *коммуникаторы* [Диманте И. 2018 : 167].

2. Коммуникатор, осуществляющий линейный тип речевого поведения (ЛРП), имеет условное наименование – партнёр.

Характерные черты представителя ЛРП. В процессе общения *коммуникатор* нередко занимает нейтральную позицию и соблюдает коллегиальные отношения, независимо от того, предрасположен ли он сам к сотрудничеству или же делает это только по необходимости. Им соблюдается речевой этикет и осознаётся необходимость считаться с очерченными статусом рамками. Реализуемая *партнёром* установка – убедить окружающих в своей толерантности. Он может демонстрировать лояльность, терпимость, умеренность и готов к ведению диалога. Своё недовольство выражает в мягкой или шутливой форме, нередко через посредников. Но бывает готов к решительным возражениям, если категорически не согласен с оппонентом, когда речь идёт о важных для *партнёра* вопросах.

Перечислим примеры возможных подтипов: *наставник (попечитель) (Стародум «Недоросль»)*, *критик (Чацкий «Горе от ума»)*, *мечтатель-прожектёр/мечтательница*

(Манилов «Мёртвые души», Раневская «Вишнёвый сад»), соратник (главная героиня романа «Дамский мастер»), наблюдатель (Евгений Онегин «Евгений Онегин», Печорин «Герой нашего времени», Пьер Безухов «Война и мир», Николай Завалишин «Кафедра»), дипломат (полковник Пикеринг «Моя прекрасная леди») и др.

Ниже в качестве примера ЛРП (линейный коммуникатор – партнёр) будет рассмотрен подтип, обозначенный как *попечитель* или *наставник*.

Это разновидности партнёра, имеющие много речевого сходства, и представляющие тип коммуникатора, предрасположенного в той или иной мере сочувствовать и помогать советом. В основу занимаемой позиции обычно заложено убеждение коммуникатора в том, что если собеседник ощущает заботу, то он положительно настраивается и готов отвечать взаимностью. Нередко в роли попечителя или наставника выступает старший коллега по отношению к менее опытному молодому коллеге, это также советчик, доброжелатель, миротворец, друг всем. Однако со временем, в силу определённых обстоятельств, у представителя этого подтипа ЛРП могут сформироваться также коммуникативные качества ДРП. Коммуникатор, осуществляющий пограничный тип речевого поведения ЛРП и ЛРП имеет условное наименование лидирующий партнёр. Здесь в качестве положительного примера из художественной литературы может послужить созданный Фонвизиним образ Стародума (*попечитель / наставник*), а из реальной жизни – политик Ангела Меркель (*наставник / попечитель*).

В деловом пространстве коммуникатор-попечитель демонстрирует заинтересованность в делах сотрудника, в его продвижении по служебной лестнице, в его личной жизни, вербально и невербально демонстрируя сопереживание. Он предрасположен к активному диалогу. Речевое поведение коммуникатора нередко характеризуется тем, что говорящий нагружает сотрудника нередко бестактными вопросами, которые не касаются деловых тем, вызывая последнего на откровенность (*Что нового в твоей жизни? Как себя в целом чувствуешь? Чем занимаешься в выходные? Как складываются отношения с тем-то?*). Он доверительным тоном предлагает советы, которые, на его взгляд, помогут разобраться с проблемами. Применяя особый речевой инструментарий, коммуникатор формально объединяет себя с собеседником, например, часто прибегает к наиболее распространённому приёму - использованию личного местоимения *мы* (*мы же знаем..., это нам известно..., нам ведь понятно..., у нас это не пройдёт...*). Им активно используется невербальная реакция на озвученное: сочувственное или участливое выражение лица, кивание, вздохи, поджимание губ, настороженность, сосредоточенность, подпирание подбородка рукой для демонстрации повышенного внимания и т.д. Иногда про таких говорят: «втирается в доверие» или «лезет в душу». Коммуникатор-наставник в большей степени ссылается на здравый смысл и

стимулирует рассуждения относительно причин и последствий происходящего в рабочей среде, используя вопросительные конструкции (*А как так получилось? И кто за этим стоит? Чем же это может кончиться? И что нам от этого? И что за этим последует? А кто за это возьмётся? Чем нам это грозит?*) Реализация ЛРП этого подтипа обычно происходит не на публике, но может осуществляться и в массовой коммуникации в виде поучений, например, заведующим, тренером, учителем, служителем храма.

ЛРП нередко используется при создании образа «своего человека», миротворца, полезного друга и доброжелателя, равнодушного к проблемам коллег. Это может быть как искренним проявлением чувств, так и применяться в целях манипулирования, например, для получения нужной информации, в расчёте на её дальнейшее использование для достижения своих целей или же реализации далеко идущих планов. В таком случае *коммуникатор* стремится заполнить когнитивную среду коллеги актуализированными проблемами, настроить его на сложность их решения или даже на невыполнимость поставленных задач, т.е. попросту сбить с толку. Тем самым он моделирует у своего коллеги необходимый уровень обеспокоенности или растерянности, который обеспечит уважительное отношение к его высказываниям и полезным советам. Таким образом *партнёр* апеллирует к стереотипу взаимовыручки – «*долг платежом красен*», давая понять, что в дальнейшем вправе рассчитывать на поддержку. Содействуя и помогая, *коммуникатор*, однако, не стесняется подчеркнуть свои достоинства и успехи, чтобы предстать в выгодном свете (см. также [Диманте 2018 : 164 -168]).

Далее, в качестве ещё одного примера ЛРП (**линейный коммуникатор – партнёр**) будет рассмотрен подтип, обозначенный как **наблюдатель**.

Речевое поведение *наблюдателя* в большинстве случаев характеризуется неактивным вербальным участием в коммуникативной ситуации: он внимательно слушает, но может и симулировать внимание, опасаясь быть невежливым, когда общение ему неинтересно. Заинтересованность *наблюдателя* обычно проявляется невербально – при помощи мимики, взглядов и жестов. Он старается избегать прямых характеристик или откровенных высказываний, ограничиваясь подобными междометиям указаниями на участие в общении и тем самым показывая, что сказанное его интересует: *вот оно как..., ах так..., вот это да..., ну как сказать..., какой непростой вопрос..., определённо тут не ответить..., надо подумать – сразу сказать трудно..., интересная ситуация..., ну и что же дальше?* Другими словами, его речь отличается отсутствием содержательных комментариев и оценок. Предпочитая молчание, где это возможно, *наблюдатель*, однако, для поддержания беседы может задавать вопросы на интересующие его темы. В диалоге тактика *наблюдателя* нередко рассчитана на информационное опустошение собеседника. Желая направить разговор в нужное русло и

если позволяет статус, *наблюдатель* может активно задавать наводящие вопросы: *Как Вам видится такая перспектива? Кого можно предложить на это место? Как Вы представляете решение этого вопроса? Почему Вы считаете, что...?* и т.д.

Наиболее распространённый представитель этого типа речевого поведения – человек (*коммуникатор – наблюдатель*), не стремящийся к ярким публичным проявлениям, но имеющий свои убеждения, которые он не находит нужным повсеместно демонстрировать. Участвуя в коллективных мероприятиях или находясь среди собеседников, он не спешит высказываться, превращаясь во «всевидящее око» и «всеслышащее ухо». В основе занимаемой позиции лежит убеждение: *слово не воробей: вылетит – не поймаешь, а вот молчание – это золото*. И в самом деле, многими такое неактивное коммуникативное поведение воспринимается как проявление сдержанности, мудрого спокойствия, глубокомыслия, погружения в сложный внутренний мир или в высшие сферы (как тут не вспомнить А. Пушкина: *с учёным видом знатока хранил молчанье в важном споре*). Таким образом, без особых со стороны *наблюдателя* усилий в глазах собеседников формируется образ рассудительного человека.

Даже, когда *наблюдатель* предрасположен к активному общению, например, в силу своей профессиональной деятельности, его коммуникативное поведение характеризуется нежеланием открыто демонстрировать собственную позицию. Его речь отличается содержательной неопределённостью: это отсутствие откровенного комментария и информативно-развёрнутых суждений, подмена собственной точки зрения общими местами, уход от прямолинейных высказываний и оценок. Такой тип речевого поведения характерен для дипломатов, чиновников, избегающих ответственности, осторожных политиков и т.п.

Положительным примером подобного речевого поведения из реальной жизни, на наш взгляд, является телеведущий В. Познер.

В случае успешного карьерного роста и заняв надлежащую ему должность, объективный и способный *наблюдатель* может стать мудрым руководителем (Кутузов глазами Л. Н. Толстого) [Диманте И. 2019 : 131 -132].

3. Коммуникатор, осуществляющий подчинительный тип речевого поведения (ПРП), имеет условное наименование – *пособник*.

Отметим возможные подтипы: *приспособленец* (Чичиков «Мёртвые души»), *прислужник* (Молчалин «Горе от ума»), *скромница* (Майя «Кафедра») и др.

Характерные черты представителя ПРП. В процессе общения *коммуникатор* предпочитает занимать пассивную позицию и играть роль ведомого. Вербально и невербально собеседник демонстрирует соглашательство, поэтому часто он использует реплики и речевые конструкции для выражения согласия и одобрения (*правильно, конечно, безусловно,*

обязательно, непременно) или одобрения (*Как правильно вы поступили! Как хорошо у вас получается! Так и следует делать! Вы правы.*) Выражением лица демонстрирует предрасположенность к общению и симпатию к собеседнику, а также поддакивает, кивает и т.п. Реализуемая им установка – расположить к себе собеседника. Для этого он предпочитает соблюдать речевой этикет и говорить комплименты. В зависимости от коммуникативной ситуации, готов к участию в диалоге и полилоге или же, наоборот, молча слушать. Здесь достаточно распространённым является особый подтип **ПРП**, обозначенный как *приспособленец*, предложенный ниже. Он склонен к манипуляциям: может демонстрировать восхищение собеседником или согласие с его мнением даже тогда, когда их взгляды расходятся.

В качестве одного из наиболее часто встречаемого в деловой среде примера **ПРП** (**подчинительный коммуникатор – пособник**) будет рассмотрен подтип, обозначенный как *приспособленец*.

Из всех коммуникативных типов речевое поведение *приспособленца* выделяется многообразием характеристик, т.к. может меняться в зависимости от определённой коммуникативной ситуации, когда есть необходимость возвысить рядом стоящего или под него подстроиться. Как уже отмечалось, занимаемая позиция – соглашательство. Оно характеризуется безусловным согласием с собеседником, которое может совмещаться с угодничеством, превознесением, подобострастием и т.п. Вербально и невербально *приспособленец* стремится подчеркнуть своё подчинение и продемонстрировать отсутствие собственной точки зрения и инициативы в присутствии лидирующего собеседника, а также готовность к активности по распоряжению сверху. Он прибегает к речевым формулам согласия и восхищения, моделируя соответствующие конструкции (*безусловно, непременно, верно, без всякого сомнения; только с Вашими возможностями можно этого достигнуть, только благодаря Вам это стало реальностью, тонко подмечено, как верно Вами замечено...*) и не исключает поддакивания. Старательно демонстрируя понимание и поддержку, *коммуникатор* постоянно использует языковые средства объединения (союзы и личные местоимения), например: *и я (мне) тоже (я тоже так считаю, и я тоже заметил, и я удивлён таким отношением, мне тоже так показалось...)*. Актуализируя себя как серьёзного собеседника и полезного сотрудника, *приспособленец* поддерживает любую тему разговора, независимо от её уместности в деловой атмосфере. По необходимости он прибегает к междометиям (*ахает* и *охает*). Достаточно вспомнить пример из классики, известного грибоедовского персонажа – Максима Петровича: «*Старик заохал; голос хрипкой... Был высочайшею пожалован улыбкой...*» [Грибоедов А. С. 1892 : 38].

В невербальном отношении *приспособленец* выражает согласие мимикой (взгляд снизу), жестами (кивание, чуть склонённая голова, опущенные плечи, съёживание). Он может даже доходить до подражания объекту преклонения (стиль одежды, манера

держаться), а также перенимать *тип* его *речевого поведения*, который реализует с коллегами, которые ниже рангом. Демонстрируя особое отношение к сотруднику, *приспособленец* занимается запоминанием высказываний этого коллеги и при случае цитирует его в его же присутствии (*помните, Вы говорили...; Вы тогда отметили, что...; Вы так вовремя сказали, что...*).

Занимаемая *коммуникатором* позиция базируется на представлении – не лишённом оснований – что завышенная характеристика коллеги будет способствовать его расположению к *приспособленцу* и ориентировать на выгодные тому решения и поступки. Его *речевое поведение* может быть реализовано как в крайне грубой, так и в изощрённой форме. В первом случае в основе реализации лежит неприкрытая лесть, выражаемая оценочным образом. Например, в речевом плане может быть использован специальный языковой инструментарий (формы прилагательных и наречий в превосходной степени) для создания преувеличенных характеристик. Во втором случае демонстрируется якобы внимательное и серьёзное отношение к решению деловых вопросов. В вербальном отношении – это (располагая нужной информацией) сказать то, что понравится; не говорить того, что не понравится; похвалить то, что следует (реальные достижения), соответственно выразить неудовольствие относительно чего-то другого (допущенные кем-то из коллег промахи) и т.п. Способный *приспособленец* обязательно ознакомится с предпочтениями (например, с хобби) сотрудника, он также умеет предугадывать смену настроения и в нужный момент переменит тему. Из *приспособленца* нередко формируется искусный манипулятор, который, подобно пианисту, нажимает на нужные клавиши, чтобы сыграть свою партию. Клавишами служат слабости, склонности, предпочтения, уязвимые места и особенности характера делового партнёра, знание которых позволяет коммуникатору, направляя разговор в нужное русло, формировать деловые отношения с пользой для себя (классический пример – *Чичиков*). Случается, что представитель **ПРП** создаёт барьер между окружающим коммуникативным пространством и объектом своего искреннего или не искреннего поклонения, становясь приближённым *коммуникатором*. Отсекая от реальности своего постоянного собеседника в случае, когда тот является крупным начальником, талантливый *приспособленец*, безусловно, бывает опасен, т.к. может довести руководителя до полной неадекватности мировосприятия. Примеры из реальной истории известны. Также не является редкостью «перерождение» *приспособленца* – смена его обличья. В качестве классического литературного образца служит трансформация **ПРП** в **ДРП** персонажей произведения В. Шекспира «Король Лир» – это старшие дочери короля Лира [Диманте И. 2018 : 169 -170].

Далее, в качестве другого примера **ПРП** (**подчинительный коммуникатор – пособник**) будет рассмотрен подтип, обозначенный как *скромница* (*скромник*).

Изначально занимаемая позиция, на базе которой формируется *тип речевого поведения скромницы*, основана на убеждении, что надо уважать авторитеты: придерживаться и прислушиваться к мнению старших коллег, знающих специалистов, руководителей. Особо застенчивые придерживаются осторожной позиции Молчалина: *В мои лета не должно сметь своё суждение иметь*. За нею, однако, нередко скрывается незаинтересованность, леность или бездарность. Как правило, по истечении какого-то времени, с приобретением профессиональных навыков, подобное коммуникативное поведение у многих претерпевает изменения. Однако у *скромницы* даже со временем оно мало подвержено трансформации. Она не меняет своё амплуа и речевым поведением продолжает позиционировать себя как непосредственного, неискущённого, в большинстве случаев соглашающегося человека, полагающегося на мнение других и полностью им доверяющего. Внешне (невербально) такой стиль коммуникативного поведения может проявляться как в широко раскрытых глазах, так и во внимательном или вопросительном взгляде, в приветливом выражении лица, а при необходимости, представлять собой демонстрацию удивления или даже восхищения (не всегда искреннего). Речевыми формулами (например, *так оно и есть, кто бы сомневался...* и т.п.) *скромница* подчёркивает своё полное согласие с любым замечанием или просто высказыванием. Она внимательно слушает, не перебивая и не возражая, кивает головой и поддакивает. Подобный *тип речевого поведения* обычно нравится собеседникам, поскольку позволяет почувствовать себя уверенно и повысить свою самооценку, поэтому они с удовольствием готовы помогать и брать на себя ответственность. Замечая такую реакцию, наблюдательная *скромница* в дальнейшем уже осознанно, а не в силу неопытности, начинает делегировать или в завуалированной форме перепоручать ответственные решения коллегам. Вербально и невербально демонстрируемая *скромницей* податливость и покорность становится её коммуникативной силой, защищающей от неприятных разговоров и от ответственности (от необходимости принимать серьёзные решения, от непростых поручений, например, организовывать важные мероприятия, составлять сложные программы, писать большие отчёты).

Со временем *скромница* может пробовать «совершенствовать» риторiku. Например, её *речевое поведение* будет направлено на формирование стереотипа милой слабой женщины, которая может лишь изредка давать какие-то полезные советы или рекомендации. Однако стиль такого коммуникативного поведения предполагает обсуждение скорее не деловых вопросов, а межличностных отношений, новостей, быта и т.п. Однако *скромница* также может инициировать обсуждение актуальной для неё темы, делая это непринуждённо и ненавязчиво. Скрывая под маской безмятежности свой истинный интерес, она с лёгкостью манипулирует собеседником, получая от него необходимую информацию. В то же время

скромница старательно уходит от обсуждения спорных вопросов и непростых тем, давая понять, что не стоит усложнять уже достаточно сложную жизнь. Характером своего коммуникативного поведения она внушает: *я всего лишь слабая женщина (а это под силу более выносливым коллегам), мне это не по плечу, я с этим не справлюсь.*

Скромница старается избегать ответственных поручений, но, не отказываясь напрямую, пытается переложить решение проблемы на чужие плечи в виде советов и рекомендаций: *наверное, этим вопросом должен заниматься НН, у него лучше получится; пусть лучшие ММ «разрулит» ситуацию, а я уж подтянусь; скорее всего, молодым коллегам это больше по плечу (и покажется более интересным), нежели мне; в этом деле лучше меня разбирается ЛЛ; с этой проблемой успешнее справится СС... и т.п.* В случаях, когда всё-таки не удаётся избежать каких-то дополнительных нагрузок, старается привлечь себе в помощники кого-то из сотрудников, пользуясь хотя и избитыми, но действенными формулировками, предваряющими изложение сути дела. Например, *мне больше не к кому обратиться, кроме Вас; мне не на кого рассчитывать, кроме Вас; только с Вашей стороны я найду понимание; только Вы сможете мне помочь; только Вы сможете меня выручить; только на Вас я могу положиться....* А получив поддержку, *скромница* старается переложить решение всей проблемы на отзывчивого коллегу.

На коллегиальном уровне в *скромнике* или *скромнице* не сразу и даже не всегда можно распознать искусных манипуляторов, живущих исключительно своими интересами и решающих свои вопросы за счёт других.

В молодости образ непосредственной *скромницы* или застенчивого молодого человека (*скромника*) бывает не лишён привлекательности, но с годами, продуманно моделируя своё речевое поведение, они превращаются в виртуозных манипуляторов.

Однако в защиту *скромников* и *скромниц* следует заметить, что определённая их часть не становится на путь манипуляций, а продолжает вести себя естественным образом, не стремясь произвести особое впечатление и выделиться на фоне более заметных коллег. Поэтому можно говорить о просто скромных сотрудниках, готовых выслушивать и не перечить, даже когда их взгляды не совпадают с мнением собеседника.

В какой-то степени образы разных *скромниц* в фильме «Служебный роман» сумели воссоздать актрисы Лия Ахеджакова, сыграв роль секретарши, и влюблённая в своего коллегу Светлана Немоляева. Наиболее ярким классическим представителем *пособника* с чертами *скромника* является Молчалин из произведения А. С. Грибоедова «Горе от ума» [Диманте И. 2019 : 134 -137].

Как видно, среди всех рассмотренных выше образцов коммуникаторов не встречаются однозначные представители отдельного типа речевого поведения. Кроме того, аналоги перечисленных здесь ярких представителей (из литературных произведений,

телепередач и кинофильмов), которые встречаются в современном коммуникативном пространстве, в реальности не всегда настолько заметны в своих коммуникативных проявлениях. Однако сравнение с приведёнными персонажами позволяет идентифицировать тип речевого поведения конкретного коммуникатора, помогает снять с него маску и установить занимаемую им позицию. Кроме того, знание речевого инструментария, формирующего определённый тип речевого поведения, может помочь распознавать завуалированные интересы и устремления деловых партнёров, определять предпочтения собеседников, вскрывать истинные намерения публичных коммуникаторов, а также замечать манипулирование, памятуя слова Олдоса Хаксли о том, что «не только во имя добра, но и во имя зла язык сделал нас людьми» [Слобин Д., Грин Дж. 2009 : 165].

Литература

- Грибоедов А.С. 1892 – Горе от ума. *Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова*. Санкт-Петербург: Издание А. Ф. Маркса. – 393 с.
- Диманте И. 2018 – Типы речевого поведения в деловом пространстве. *Valoda – 2018. Valoda dažādu kultūru kontekstā. XXVIII Zinātnisko rakstu krājums*. Atb. red. S. Polkovņikova. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds „Saule”. 164.-171. lpp.
- Диманте И. 2019 – Деловая коммуникация: стереотипы речевого поведения. *Valoda– 2019. Valoda dažādu kultūru kontekstā. XXIX Zinātnisko rakstu krājums*. Atb. red. S. Polkovņikova. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds „Saule”. 128.-137. lpp.
- Кузнецов И. Н. 2007 – *Бизнес-риторика*. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К». – 408 с.
- Слобин Дэн, Грин Джудит 2009 – Психолингвистика. Д. Слобин. *Психолингвистика. Дж. Грин. Хомский и психология* / Пер. с англ. / Под общ. ред. и с предисл. А. А. Леонтьева. Изд. 5-е. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». – 352 с.
- Шарков Ф. И. 2017 – *Коммуникология: основы теории коммуникации*: Учебник для бакалавров / Ф. И. Шарков. – 4-е изд. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К». – 488 с.
- Шунейко А. А. 2016 – *Основы успешной коммуникации: учеб. пособие* / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко. Москва: ФЛИНТА: Наука. – 192 с.

I. Dimante

*Baltic International Academy, Latvia
dimanteirina@inbox.lv*

FEATURES OF SPEECH BEHAVIOR IN A BUSINESS AND PUBLIC AREA

Abstract: The intention of a person associated with a business or public communicative environment to position themselves in a definitive way which seems to be the most appropriate in a given working situation is expressed in certain linguistic behavior. The linguistic behavior chosen by a speaker creates a perceived stereotype of the speaker by other people which defines the speaker's status and position in the business communication area. According to the hierarchy, types of linguistic behavior can be considered as dominant, linear and subordinated with an acceptable subdivision into borderline and mixed.

Keywords: communication, dominant type, linear type, subordinated type

Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 83-87. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.

О ПОНЯТИИ «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК НЕРОДНОЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ»

Елена Железнякова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия
elenazheleznyakova@yandex.ru

В статье раскрывается содержание понятия «русский язык как неродной для детей мигрантов». Выявлены необходимые и достаточные условия для определения понятия: детский возраст обучающихся, их проживание в России и принадлежность к семье мигрантов. Эти условия позволяют отделить русский язык для детей мигрантов от других дисциплин данной области методической науки: от русского языка как иностранного и русского языка в национальной школе.

Ключевые слова: русский язык как неродной, дети мигрантов, понятие, определение, категориальные методы.

Понятие «русский язык как неродной» сегодня достаточно широко используется в научном мире. Так, по запросу «русский язык как неродной» в научной электронной библиотеке Elibrary.ru находятся 17076 публикаций. Несмотря на такую распространённость термина, его употребление нельзя назвать последовательным. Терминологическая определённость необходима для осуществления исследований в области педагогики и методики обучения русскому языку как неродному (далее – РКН).

Решение научной проблемы определения понятия «РКН для детей мигрантов» осложняется существованием близких по значению понятий, которые часто используются как синонимы: *РКН, русский язык как иностранный для детей, русский язык в национальной школе*. В связи с этим важным представляется выявление дифференцирующих признаков, позволяющих отделить понятие «РКН для детей мигрантов» от сходных понятий методики, и конструирование соответствующего определения. Это может быть осуществлено при помощи категориального метода «Формально-логическое определение понятия» [Боуш Г.Д., Разумов В.И. 2020], ранее редко применяемого в области теории и методики обучения и воспитания. В соответствии с данным методом, определяемое понятие относится к классу. Универсум определяется как ближайшее к классу родовое понятие. Необходимым элементом применения метода является нахождение дополнения к классу и обнаружение необходимых и достаточных условий отнесения объектов к классу. На основе данной триады конструируется определение.

Теоретической базой исследования являются работы, связанные с методикой РКН, таких авторов, как Т.М. Балыхина, Т.М. Воителява, Е.А. Железнякова, Е.В. Какорина,

И.П. Лысакова, О.Н. Марченко, Р.Б. Сабаткоев [Балыхина Т.М. 2007; Воителева Т.М., Марченко О.Н. 2017; Железнякова Е.А. 2020; Какорина Е.В. 2016; Лысакова И.П. 2009; Методика 2021; Русский язык 1977; Сабаткоев 2009].

Контент-анализ словарей и научных публикаций позволил выявить терминологическую неопределённость в области исследований методики преподавания русского языка школьникам-инофонам.

В «Современном словаре методических терминов и понятий» Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин определяют РКН следующим образом: «1. Средство межнационального общения народов России. 2. Учебный предмет в национальной средней и высшей школе» [Азимов Э.Г., Щукин А.Н. 2019: 300]. Соответственно, с точки зрения методики РКН приравнивается к русскому языку в национальной школе. Аналогично толкуется понятие РКН Т.М. Воителевой и О.Н. Марченко. В монографии «Лингводидактические основы обучения русскому языку как неродному» рассматривается преподавание данной дисциплины в школах с родным (нерусским) и русским (неродным) языком обучения [Воителева Т.М., Марченко О.Н. 2017].

Между тем ещё в 80-е гг. XX века в типовых программах по русскому языку, разработанных под руководством Н.М. Шанского, методика преподавания РКН делилась на методику преподавания русского языка в национальной школе и методику преподавания русского языка иностранцам [Типовые программы 1981].

О.Н. Каленкова считает, что русский язык для детей мигрантов в школе – это русский язык как иностранный [Каленкова О.Н. 2012]. Созданные методистом программы по русскому языку для инофонов младшего и среднего школьного возраста строятся в соответствии с методикой преподавания русского языка как иностранного и, как отмечает автор во введении к программам, могут быть востребованы и за пределами России для обучения русскому языку детей российских соотечественников [Каленкова О.Н. 2012: 4]. Близко к этой позиции мнение Е.Ф. Кирова, который дифференцирует обучение РКН в полиэтническом классе и обучение русскому языку как иностранному на дополнительных занятиях для инофонов [Киров Е.Ф. 2011].

Р.Б. Сабаткоев, рассматривая методику преподавания русского языка в полиэтнических классах, определяет дисциплину, направленную на отдельное обучение детей мигрантов русскому языку, как русский язык как второй [Сабаткоев Р.Б. 2009], тем самым избегая использования термина «русский язык как неродной», который может вызывать негативные ассоциации и как бы дистанцировать инофонов от их русскоязычных одноклассников.

На кафедре межкультурной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, где много лет занимаются проблемами

обучения детей мигрантов русскому языку, соответствующую дисциплину называют «русский язык как неродной», отделяя её от русского языка как иностранного и конкретизируя общий термин «русский язык как второй», который может относиться и к несбалансированным билингвам из двуязычных семей, и к детям российских соотечественников за рубежом [Лысакова И.П. 2009].

Таким образом, термин «русский язык как неродной» рассматривается в словарях и научной литературе:

- как синоним термина «русский язык в национальной школе»;
- как обобщающий термин для русского языка в национальной школе и русского языка как иностранного;
- как самостоятельный термин, обозначающий обучение инофонов русскому языку в полиэтнических классах;
- как самостоятельный термин, обозначающий обучение инофонов русскому языку в условиях языковой среды.

При этом русский язык для детей мигрантов может рассматриваться как русский язык как иностранный, русский язык как второй, русский язык как неродной.

Как показал контент-анализ литературы, определение РКН для детей мигрантов затрудняется тем, что до сих пор не выработано устойчивого определения универсума, то есть понятия «РКН», поэтому актуальной задачей является определение того понятия, которое далее выступает в роли универсума. Для решения этой задачи был применён метод «Формально-логическое определение понятия».

Для определения РКН универсумом является русский язык как учебная дисциплина. Дополнением к классу является дисциплина русский язык как родной. Соответственно, необходимым и достаточным условием определения понятия является условие «русский язык не является родным для обучающихся».

В результате можно сформулировать следующее определение: *русский язык как неродной – это учебная дисциплина, направленная на овладение неродным русским языком.* Отметим, что само понятие родного/неродного языка является сложным и дискуссионным. Мы под неродным языком будем понимать язык, который осваивается после родного языка и используется в меньшей степени.

Соответственно, возвращаясь к результатам контент-анализа литературы и соотнося их с получившимся определением, можно говорить о том, что РКН является родовым понятием для русского языка как иностранного, русского языка в национальной школе, русского языка как второго, русского языка для инофонов в полиэтнических классах.

Конструирование определения понятия «РКН для детей мигрантов» также осуществлялось с применением метода «Формально-логическое определение понятия». РКН

является универсумом для понятия “РКН для детей мигрантов”. Универсум представляет собой широкое понятие, поэтому дополнением к классу стали сразу несколько позиций:

- РКН для взрослых;
- РКН за рубежом;
- РКН в национальной школе.

Выявленные необходимые условия:

- детский возраст;
- проживание в России;
- принадлежность к семье мигрантов.

Применение метода позволило сформулировать следующее определение: *русский язык как неродной для детей мигрантов – это учебная дисциплина, направленная на овладение неродным русским языком детьми мигрантов, проживающими в России.*

Несмотря на кажущуюся прозрачность понятия «русский язык как неродной для детей мигрантов», контент-анализ литературы показал, что наблюдается вариативность и противоречивость в номинации данной методической области. Рассмотрение феномена РКН для детей мигрантов сквозь призму категориального метода «Формально-логическое определение понятия» позволило прийти к следующим выводам:

1) необходимым и достаточным условием для определения русского языка как неродного можно считать то, что он не является родным для обучающихся, соответственно, РКН – это родовое понятие для таких учебных дисциплин, как «русский язык как иностранный», «русский язык в национальной школе», «русский язык для детей мигрантов»;

2) необходимыми и достаточными условиями для определения РКН для детей мигрантов являются детский возраст обучающихся, их проживание в России и принадлежность к семье мигрантов;

3) названные условия позволяют отделить русский язык для детей мигрантов от других дисциплин данной области методической науки: от русского языка как иностранного и русского языка в национальной школе.

Перспективой исследования является определение содержания обучения РКН детей мигрантов и разработка программы дополнительного курса для школьников, обеспечивающего языковую адаптацию инофонов и формирование русскоязычной составляющей билингвальной языковой личности.

Литература

- Азимов Э.Г., Шукин А.Н. 2019 – *Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам.* Москва: Русский язык. Курсы.
- Балыхина Т.М. 2007 – *Методика преподавания русского языка как неродного (нового).* Москва: Издательство Российского университета дружбы народов.

- Боуш Г.Д., Разумов В.И. 2020 – *Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях)*. Москва: Инфра-М.
- Воителева Т.М., Марченко О.Н. 2017 – *Лингводидактические основы обучения русскому языку как неродному*. Москва: ИИУ МГОУ.
- Железнякова Е.А. 2020 – *Обучение детей русскому языку как неродному: теоретические основы этнокогнитивного подхода*. Санкт-Петербург.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена.
- Какорина Е.В. 2016 – *Методика преподавания русского языка как неродного / иностранного: Лексика и грамматика. Работа с текстом*. Екатеринбург: Институт развития образования Свердловской области.
- Каленкова О.Н. 2012 – *Русский язык как иностранный в школе. Программы по РКИ*. М.: ГАОУ ВПО МИОО – Этносфера.
- Киров Е.Ф. 2011 – Русский язык как неродной и его теоретические основания. *Записки Горного института*. Т. 19. – С. 229-233.
- Лысакова И.П. 2009 – Русский язык как неродной: сотрудничество науки и практики в школах Санкт-Петербурга. *Мир русского слова*. №4. – С. 76-79.
- Методика обучения русскому языку как неродному*. 2021. Москва: КноРус.
- Русский язык в национальной школе: Проблемы лингводидактики*. 1977. Москва: Педагогика.
- Сабаткоев Р.Б. 2009 – *Обучение русскому языку в полиэтнических классах основной школы*. Санкт-Петербург: филиал изд-ва «Просвещение».
- Типовые программы по русскому языку для национальной средней школы (подготовительные, I–X классы)*. 1981. Ленинград: Просвещение. Ленингр. отд-ние.

Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-013-00213, проект «Этнокогнитивный подход к обучению детей русскому языку как иностранному и как неродному».

E.A. Zhelezniakova

*The Herzen State Pedagogical University of Russia
elenazheleznyakova@yandex.ru*

THE CONCEPT OF “RUSSIAN AS A NON-NATIVE LANGUAGE FOR MIGRANT CHILDREN”

Abstract: The article reveals the content of the concept “Russian as a non-native language for migrant children”. The necessary and sufficient conditions for defining the concept are identified: the children's age, their residence in Russia and belonging to migrant families. These conditions make it possible to separate Russian language for migrant children from other disciplines of this field of methodological science: from Russian as a foreign language and from the Russian language in national schools.

Keywords: Russian as a non-native language, children of migrants, concept, definition, categorical method.

РОССИЙСКИЕ ЗНАМЕНИТОСТИ В РЕКЛАМЕ

Гжегож Зенталя

*Институт иностранных языков Государственной высшей профессиональной
школы в г. Новы-Сонч, Польша
gzietala@pwsz-ns.edu.pl*

В рекламе часто появляются знаменитости и звезды. С одной стороны, такой прием позволяет повысить узнаваемость бренда и продажи товаров, а с другой стороны появляется угроза ассоциирования знаменитости только с данным товаром, иногда насмешек, вследствие неудачной рекламы. В данной статье указаны некоторые примеры удачного и неудачного использования звезд в российской рекламе.

Ключевые слова: реклама, знаменитости, селебрити-маркетинг, celebrity endorsement.

Интерес к использованию звезд и знаменитостей в рекламе, т.н. celebrity endorsement или селебрити-маркетинг, постоянно растет. Благодаря привлечению знаменитостей растет узнаваемость брендов и положительное отношение клиентов. Е. Винокурцева отмечает, что *«Ролики с участием известных актеров и спортсменов, популярных певцов и политиков – один из самых старых форматов рекламы. Любовь рекламодателей в большинстве случаев взаимна. Звезды охотно снимаются в рекламе. Западные – за многомиллионные гонорары, а российские – в расчете на дополнительный промоуин»* [Винокурцева 2019-2021 [http](http://)].

Ежик [Jerzyk E. 2014: 291-303] подчеркивает, что этот прием является успешным, если выражает местные культурные ценности, такие как привлекательность героя рекламы, приспособление к продукту, тип продукта, количество реклам в которых данная знаменитость принимает участие и культурная обусловленность адресатов рекламы. Праэт [Praet S.L.C. 2001: 1-11] отмечает, что знаменитости чаще всего появляются в японской рекламе (47,62%), чем в американской (20,69%), французской (15,57%), немецкой (9,64%), испанской (6,9%). В ливанской рекламе ставят на авторитет знаменитостей, а в американской – доминируют женщины. Фролов пишет, что *«По подсчетам исследователей из Millward Brown знаменитостей приглашают для участия примерно в каждой десятой рекламной кампании. Где-то больше, как например, в Азии (26% кампаний проходит с участием селебритис), где-то меньше (в странах Центральной и Восточной Европы, включая Россию – 8%), но так или иначе работают с известными людьми повсюду»* [Фролов Д. 2017 [http](http://)].

Считается, что начало использования знаменитостей в российской рекламе, это девяностые годы XX в. Первым в рекламе снимался популярный актер Евгений Леонов, который в 1993-1994 гг. рекламировал телевизор Shivaki. В ролике Евгений Леонов сидит в

кресле и смотрит черно-белый советский телевизор. Когда на экране люди целуются, идут помехи, Леонов начинает стучать по телевизору, и изображение налаживается. Как только садится в кресло – опять помехи. И так несколько раз. Внезапно появляется человек из телевизора и говорит: «Ну, что ты все время стучишь? купи себе хороший телевизор Shivaki». В следующем кадре видим, что в кресле сидит улыбающийся Леонов и смотрит новый цветной телевизор [Евстафьев В, Молин А. 2017: 235]. В советские годы в рекламе выступали такие знаменитости, как: Михаил Боярский в 80-е годы снимался в рекламе мебели, Михаил Светин рекламировал часы «Чайка», Леонид Ярмольник – электронный баян «Топаз» и многие другие.

Федоришина [2016 [http](#)] отмечает, что участие звезд в рекламе – это *«самый простой, дорогой и в то же время рискованный путь повысить внимание к товару»*. Царькова пишет: *«Имидж звезды может быть мощным и эффективным инструментом в продвижении бренда. Например, если бренд запускается с нуля, использование звезды позволит быстро повысить знание о бренде и сформировать его положительное восприятие, или же имидж звезды может добавить бренду те черты, которые необходимы ему для роста»*.

К этой стратегии в свое время активно прибегал банк «Траст». Выходя на рынок с одними из самых низких показателей финансовой надежности, они [представители банка] использовали таких звезд, как Владимир Турчинский и Брюс Уиллис. Благодаря этому в глазах потенциальных вкладчиков они выглядели надежным, стабильным и практически несокрушимым банком. Проблемы, с которыми банк столкнулся недавно, вызвали у большинства людей по меньшей мере недоумение, именно, потому что восприятие бренда как надежного плотно укоренилось в массовом сознании потребителей» [Федоришина М. 2016 [http](#)]. Удачный подбор звезды к рекламированному бренду – залог успеха: *«если здоровый образ жизни будет рекламировать спортсмен, то такая реклама сработает, а если актер, который пьет и курит, то ей просто никто не поверит. Удачно выбранный образ обеспечивает стопроцентное попадание в цель»* [Celebrity... 2005 [http](#)].

В России известны многие примеры использования как зарубежных, так и российских звезд в рекламе: российские звезды рекламируют отечественные или зарубежные бренды, а также зарубежные звезды снимаются в рекламе российских продуктов. В России также распространена практика работы брендов со знаменитостями.

Ниже приведем некоторые примеры удачного и неудачного использования российских знаменитостей в отечественной рекламе.

В 2008 году банк «ВТБ 24» привлек актрису Чулпан Хаматову, дирижера Владимира Спивакова, телеведущего Александра Маслякова, тренера по фигурному катанию Татьяну Тарасову и некоторых других узнаваемых лиц в свою рекламную кампанию «Российские

знаменитости – клиенты ВТБ 24». Руководители компании остались довольны результатами, отметив повышенный спрос на услуги банка.

Участие юмориста Вадима Галыгина положительно сказалось на продажах сети «Эльдорадо». Только праздничные ролики в 2008 году, снятые в комедийном стиле, увеличили объем продаж на 35%.

Примером удачного выбора звезды для продвижения товара была Лариса Долина, рекламирующая средство для похудения «Супер-Система 6». Актриса, всю жизнь борющаяся с лишним весом, пробовала разные средства, и, когда на экранах появилась похудевшей, все поняли, что этот препарат сработал.

Так же, как и на мировой арене, неожиданные повороты в судьбе звезды влияют на ход всей рекламной кампании. Например, олимпийский чемпион по фигурному катанию Евгений Плющенко. В преддверии Олимпиады в Сочи спортсмен стал лицом сочинского жилого комплекса «Солнечный город». Рекламодатели не учли, что участники соревнований имеют право рекламировать только товары или услуги официальных спонсоров игр. Билборды с Плющенко пришлось заклеивать по всему городу. Дальнейший отказ фигуриста выходить на лед окончательно перечеркнул сотрудничество с ЖК. Владельцы комплекса убрали всю рекламу, посчитав, что поступок Плющенко негативно скажется на имидже проекта [Звезды в рекламе... 2015 [http](#)].

В 1999 г. новосибирская компания «Нидан» решила вывести на рынок сок «Чемпион» и в качестве лица бренда был выбран трехкратный олимпийский чемпион по греко-римской борьбе Александр Карелин. Реклама принесла компании увеличение объема продаж с 450 т в октябре 1999 г. до более 2 млн. т в мае 2000 г. [Винокурцева 2019-2021 [http](#)]. Однако потом проявилось падение спроса, и выяснилось, что мужское позиционирование бренда имеет ограничения, так как сок обычно покупают женщины. Кроме того, Карелин потерпел поражение на Олимпийских играх в Сиднее, и доля сока «Чемпион» в шести крупнейших городах России составила всего 1,1% [Винокурцева 2019-2021 [http](#)].

Кроме прибыли компаний и высоких гонораров для звезд появляется угроза неправильного ассоциирования знаменитости с данным товаром. Таким неудачным примером может служить реклама чипсов «Lays» с Андреем Аршавиным, после которой появилось огромное количество шуток и мемов на этот счет, а самого Андрея еще долго называли «чипсоед» [Звезды в рекламе... 2015 [http](#)]. Певец, рэпер и актер Егор Крид после участия в рекламе средства от прыщей в качестве посла бренда «Garnier Чистая кожа» стал ассоциироваться только с этим товаром. В рекламе Крид рассказывал девочкам, не желавшим выходить из дома из-за прыщей, как устранить проблему и начать жизнь с чистого лица. Однако, пользуясь популярностью, Егор Крид создал свой бренд косметики Kreed Cosmetics – сыворотку для лица, отшелушивающий тоник и средство для умывания.

Следующим неудачным примером является привлечение Тимати к рекламе Тантум Верде Форте (средства от боли в горле) в 2016 г. Это была первая реклама Форте для России, но считается, что образ Тимати ассоциируется скорее с майбахом или гаджетами Apple, чем с медикаментами. Сам Тимати написал несколько куплетов песни и назвал ее *«лучшей песней в своей карьере»* [Кривец Н. 2017 [http](#)].

В начале нулевых годов появилась реклама моющего средства АОС с участием Марии Шукшиной – актрисы и ведущей социального телешоу «Жди меня», посвященное поискам близких людей. *«Его контекст был весьма далек от образа вечно стирающей домохозяйки. Так что, в рекламе-то она сыграла (чего не сделаешь за деньги), но о соответствии бренда и образа звезды речь, конечно, идти не могла»* [Фролов Д. 2017 [http](#)].

Филипп Киркоров и Николай Басков в 2019 г. выступили в рекламе кошачьего корма «Феликс». Они как бы состязались между собой за внимание кота – Киркоров отстаивал вкус мяса, а Басков – вкус рыбы. Рекламный ролик вызвал много негативных реакций, напр. *«Два золотых голоса, а ведут себя как нищелюбы, снимаясь в шлаке», «Позорище», – ругаются в Сети одни, а другие ерничают: «Вау, вершина карьеры! Спели дуэтом в рекламе кошачьего корма! Следующий шаг – реклама наполнителя для туалета, и можно уходить на пенсию, все в жизни достигнуто!»* [Мезина Л. 2020 [http](#)] или *«Хорошо, хоть не памперсы – репутация артистов скатилась на «дно»* [Волков А. 2019 [http](#)].

Филипп Киркоров выступил также в рекламе средства от боли в горле «Гексорал». Кроме негативного восприятия в обществе Федеральная антимонопольная служба признала эту рекламу нарушающей «Закон о рекламе»: *«Как заявили в Федеральной антимонопольной службе (ФАС), лекарственное средство представлено как первое в лечении болезней горла, однако сноски с критериями, по которым проводилось сравнение, появилась в кадре лишь на три секунды и была слишком незаметна для зрителя. Киркоров представлен в рекламе как злодей, а его фраза «Хотел, чтобы все болели, но оказался «Гексорал» сильнее!», была признана ФАС также нарушающей закон»* [Вальханская Н. 2019 [http](#)].

Сергей Жуков – солист группы «Руки вверх» – стал лицом рекламной компании CarPrice. Певец пел о том, как выгодно продавать автомобиль при помощи интернета, а в самом ролике появляется в образе байкера, доярки, модели, танцора и младенца. Певец сразу стал объектом мемов.

Рекламный ролик леденцов «Чупа-Чупс» принадлежит к числу самых неудачных рекламных роликов, в которых выступают российские знаменитости. В 2003 г. Евгений Плющенко в рекламе говорит, что *«для концентрации сосёт леденцы на палочке перед каждым выступлением, а затем поёт незатейливую песенку. Но начинается в целом безобидный ролик с провокационного вопроса: «Что сосут чемпионы?»». Эта фраза прочно*

прикрепилась к образу фигуриста и ассоциируется с ним даже спустя 17 лет» [Адамов А. 2020 [http](#)]. Кроме насмешек эта реклама поставила под угрозу политическую карьеру Плющенко – активисты требовали лишить его должности депутата заксобрания Санкт-Петербурга, «поскольку съёмки в подобном ролике, по их мнению, являются аморальными и наносят ущерб репутации органов власти» [Адамов А. 2020 [http](#)].

В 2016 г. певец Григорий Лепс и рэпер Тимати снялись в рекламе колбасы «Доброе дело». В ролике звезды находятся в аэропорту, ожидая рейс в Лондон, и сдают багаж на контроль. Оказывается, у них в чемоданах колбаса, которую нельзя вывозить за границу. Герои ролика решают остаться на родине, чтобы иметь возможность съесть кусок колбасы из мяса. Лучшее в этом ролике – безумный смех Тимати и Лепса, начинающих пожирать колбасу на глазах у несчастных работников аэропорта. Григорий после этого ещё и поёт в колбасу как в микрофон. Мало того, что сюжет рекламы может свести с ума, так ещё и по голосу Тимати в конце понятно, что тут не старался вообще никто. Видимо, платили тоже колбасой» – вот, один из комментариев и статье [Халюков В. 2020 [http](#)].

Некоторые рекламные ролики вызывали крайние эмоции, и зрители ассоциировали их с пошлостью, считая даже вульгарными.

Певица и телеведущая Ольга Бузова снялась в двусмысленной рекламе молочных продуктов, которая вызвала очень негативные реакции: «В самом начале видео появляется грудь певицы, на которую капает неизвестная белая жидкость. «Я делаю это три раза в день», — комментирует при этом Ольга Бузова. К счастью, позже выясняется, что ее одежду испачкал йогурт. Желание купить молочную продукцию — вот, что должна была вызвать у зрителей эта реклама, но в итоге получилось что-то среднее между смехом и отвращением». Многие обвиняли Бузову в пошлости, считая, что ролик больше напоминает фильм для взрослых, чем рекламу [Ольга Бузова... 2017 [http](#)].

Следующий пример такой рекламы – это реклама средства для потенции «Леди Прелокс» в исполнении Ксении Собчак и Максима Виторгана. По сюжету, семейная пара выбирает автомобиль и тестирует его, занимаясь сексом. Многие фанаты Собчак «высказали своё негодование по поводу того, что их любимица опорочила себя съёмками в подобной рекламе. Некоторые поклонники выразили недоумение по поводу рекламы и отметили, что до этого момента были уверены в том, что средства для усиления потенции – это существенно ниже уровня Ксении Собчак и Максима Виторгана. Вот, некоторые реакции на эту рекламу: «Ксения, я конечно понимаю, что деньги не пахнут, но это уже перебор», «Нет, только не вы, только не ваша семья. Это же средства для потенции!», «Зачем опускаться до такой рекламы. Вы же вроде не бедная» – выражали своё негодование поклонники Ксении Собчак» [Власова Д. 2017 [http](#)].

Популярная певица и телеведущая Анна Семенович также снялась в рекламе средства для повышения потенции – «Торгкак Али Платинум». Эту рекламу запретили к показу на телевидении, а потом выяснилось, что само средство опасно для здоровья. Так описывает сюжет сама героиня: *«По сюжету Анна выходит из ресторана, где ее поджидает на белоснежном Rolls-Royce крутой мачо Марио и три молодых парня. Они ждут не дождутся: кого же она выберет? И вдруг, вопреки всему, Аня выбирает не крутого парня, приехавшего на шикарном автомобиле, и не ребят, одетых в дорожную одежду, а обычного 40-летнего Мишу, ездившего по Москве на скутере. «В Мише есть спокойствие и постоянство. Он не заносчив, не кричит о тренажерных залах. Он, как сейчас говорят, не современный, а просто здоровый мужчина, причем, как мне кажется, во всех смыслах этого слова», – поясняет Семенович выбор своей героини»* [Семенович стала... 2012 [http](#)].

Встречаются еще ситуации, когда компания незаконно использует фотографию звезды без ее согласия. Популярный российский актер Сергей Светлаков в 2010 году подал в суд на пермский магазин, который незаконно использовал его изображение в своей рекламной кампании. Его фото было использовано для создания красочного плаката – рекламы женского белья, колготок и носков [Звезды в рекламе... 2015 [http](#)].

Использование звезд в рекламе – прием древний, но в России очень спорный. С одной стороны, звезды влияют положительно, но продаже брендов, с другой – вследствие неудачной рекламы могут потерять часть своей популярности: *«для российских компаний использование известных людей в рекламе – прием очень спорный. «Во-первых, безусловных звезд, в западном понимании, в России нет, – считает Нестеренко. – Как правило, отношение к нашим известным людям делит общество ровно пополам. Так зачем же рисковать потерей половины своей целевой аудитории? Во-вторых, ситуация принципиально отличается от сложившейся на Западе. Там культовое отношение к кумирам: поклонники стараются быть на них похожими, покупать такие же часы, очки, машины и кроссовки. А в России, где 90% населения находится за чертой бедности, появление в рекламе людей, добившихся успеха и богатства, часто вызывает не восхищение и уважение, а злость и зависть»* [Винокурова Е. 2019-2021 [http](#)].

Компании, выбирая знаменитостей и звезды, должны учитывать много факторов, чтобы их реклама принесла доход, а знаменитости – чтобы их узнаваемость возросла. А так не всегда бывает, к сожалению.

Литература

Адамов, А. 2020 – Плющенко – мастер скандальной рекламы. Всё началось со знаменитого ролика про «Чупа-Чупс». https://www.championat.com/figureskating/article-4069921-skandalnye-reklamnye-video-pljuschenko--popravki-v-konstituciju-cto-sosut-chempiony.html?utm_source=copypaste

- Вальханская, Н. 2019 – ФАС нашла в рекламе с Киркоровым нарушение закона <https://tvzvezda.ru/news/201903060630-b6ej.htm>
- Винокурцева, Е. 2019-2021 – Блеск и нищета. Звезды в рекламе: сколько они стоят и стоят ли этого. <https://psycho.ru/library/977>
- Власова, Д. 2017 – Ксения Собчак с мужем снялась в рекламе средств для повышения потенции. <https://scandar.ru/video/369-kseniya-sobchak-s-muzhem-snyalas-v-reklame-sredstv-dlya-povysheniya-potencii.html>
- Волков, А. 2019 – Филипп -мясо, Коля - рыба! Киркоров и Басков «опустились» до рекламы кошачьего корма. <https://vista.news/show-business/310652>
- Евстафьев, В. А., Молин, А.В. 2017 – Организация и практика работы рекламного агентства: Учебник для бакалавров. Москва: «Дашков и К^о».
- Звезды в рекламе: Темная и светлая стороны силы. 2015. <https://repinabranding.ru/blog/zvezdy-v-reklame-temnaya-i-svetlaya-storony-sily>
- Кривец, Н. 2017 – Тимати записал новую версию рекламной песни “Тантум Верде Форте”. <https://memepedia.ru/timati-zapisal-novuyu-versiyu-reklamnoj-pesni-tantum-verde-forte/>
- Мезина, Л. 2020 – Сколько Киркоров и Басков получили за рекламу кошачьего корма? <https://mirnov.ru/otkroveniya-zvezd/skolko-kirkorov-i-baskov-poluchili-za-reklamu-koshachego-korma.html>
- Ольга Бузова опозорилась в пошлой социальной рекламе 2017. https://vladnews.ru/2017-04-27/108844/olga_buzova
- Семенович стала лицом препарата для мужской потенции 2012 <https://www.delfi.lt/ru/misc/celebrities/semenovich-stala-licom-preparata-dlya-muzhskoj-potencii.d?id=58883477>
- Федорошина, М. 2016 – Звезды в рекламе: выгода и вред от участия знаменитостей в продвижении бренда. <https://vc.ru/marketing/13602-celebrityincommercial>
- Фролов, Д. 2017 – Знаменитости в рекламе: за и против, что делать и чего не делать. <https://www.marketing.spb.ru/lib-comm/advert/celeb.htm>
- Халюков, В. 2020 – Тимати – гений отвратительной рекламы. Вот 10 поистине чудовищных интеграций. https://click-or-die.ru/2020/05/timati-genij-plohoj-reklamy-vot-10-poistine-chudovishhnyh-integracij/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F
- Celebrity advertising. 2017. <https://re-port.ru/articles/37013/>
- Jerzyk, E. 2014 – Celebrity endorsement w reklamie produktów żywnościowych. Znaczenie narodowości i typu gwiazdy w kształtowaniu zaufania i preferencji konsumentów. *Marketing i Rynek*, (6, CD), 291–303.
- Praet, C.L.C. 2001 – Japanese advertising, the world’s number one celebrity show- case? A cross-cultural comparison of the frequency of celebrity appearances in TV advertising. *American Academy of Advertising*, 1–11.

G. Ziętała

State University of Applied Sciences in Nowy Sącz, Poland
gzietala@pwsz-ns.edu.pl

RUSSIAN CELEBRITIES IN THE ADVERTISING

Abstract: Celebrities and celebrities often appear in advertisements. On the one hand, this technique allows you to increase brand recognition and sales of goods, and on the other hand, there is a threat of associating a celebrity only with this product, sometimes ridicule due to unsuccessful advertising. This article provides some examples of the clouded and unsuccessful use of stars in Russian advertising.

Keywords: celebrities, advertising, celebrity-marketing, celebrity endorsement.

*Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 95-101. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.*

ВИЗУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КАК СТИМУЛ К ОБЩЕНИЮ

Тамара Каргы

*Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Россия
tamarakargi@mail.ru*

В статье рассматриваются вопросы обучения построению монологического и диалогического высказывания на основе визуальных стимулов. Описаны некоторые визуальные средства обучения и приведены примеры работы с ними. Рассматривается возможность использования визуальных средств обучения при подготовке к субтесту «Говорение».

Ключевые слова: визуальные средства, обучение говорению.

Любая учебная программа содержит раздел, ориентированный на развитие устной речи. Процесс порождения речи сложен сам по себе, ещё сложнее говорить на иностранном языке с новыми незнакомыми людьми. Если учащемуся надо говорить на иностранном языке с преподавателем, да ещё и новым, то учащийся попадает в стрессовую ситуацию, которая многократно усиливается во время экзамена. Экзамен или тестирование (раздел устной речи) у студентов бывает дважды: в начале учебного процесса, когда надо определить уровень владения языком (кроме учащихся начального уровня обучения), и в конце учебного процесса. В последнее время в связи с пандемией коронавируса многие учебные заведения проводят занятия дистанционно. Раньше у учащихся была возможность контакта с преподавателем не только в аудитории, но и во внеаудиторное время при подготовке и проведении различных конкурсов, олимпиад, конференций, экскурсий. Во время внеаудиторной работы учащиеся могли общаться по-русски с преподавателем неформально, не так, как в классе, без страха сделать ошибку. При дистанционной работе в интернете такая возможность отсутствует, сидя перед монитором, учащиеся зажимаются, стараются односложно отвечать на вопросы, бывает трудно их разговорить.

Сложившаяся ситуация заставила нас искать новые формы работы, которые помогли бы снять у учащихся напряжение, помочь побороть страх сделать ошибку или получить негативную оценку, но при этом максимально развить умение общаться на русском языке без коммуникативного дискомфорта.

Структура и содержание субтеста «Говорение», который входит в тестовый экзамен для иностранных учащихся, имеет чёткую структурную организацию. Субтест состоит из нескольких заданий, содержание которых соответствует требованиям государственного

стандарта для иностранцев, сдающих экзамены на соответствующий сертификационный уровень владения русским языком.

Обычно тест состоит из двух основных разделов. В первом разделе проверяется уровень сформированности навыков и умений диалогической речи, во втором разделе – проверяется уровень сформированности навыков и умений монологической речи.

В первом разделе представлены 2 части заданий. При выполнении заданий первой части студент принимает участие в диалоге и отвечает на реплики тестирующего преподавателя, т. е. он выступает в роли отвечающего на вопросы, например: *Примите участие в диалоге. Ответьте на реплики собеседника.* [Андрюшина Н.П. 2007: 32].

При выполнении второй части этого же раздела студент также должен принять участие в диалоге, но сначала он должен познакомиться с ситуацией, а затем начать диалог. Ситуации обычно предлагаются в письменной форме: *Познакомьтесь с описанием ситуации. Начните диалог. Вы едете в автобусе и не знаете, когда вам выходить. Узнайте у другого пассажира. У Вас день рождения. Пригласите друзей. Скажите, когда, куда и зачем Вы их приглашаете. Вы звоните своему другу домой. К телефону подошла его сестра. Попросите друга к телефону.* – [Исаев Н.П., Корчагина Е.Л.].

Если диалог – это разговор двух или нескольких человек, и он предполагает спонтанность реплик, то в этом задании непонятно, кто должен выступать как второй участник диалога. Фактически диалогическая речь при выполнении подобных заданий отсутствует, здесь контролируются умения студентов употребить нужную фразу в заданной ситуации.

Второй раздел тестового экзамена – это монологическая речь. Раздел обычно состоит из двух частей. В первой части студентам предлагается текст, а затем задания, связанные с этим текстом: *Прочитайте рассказ о любви известного русского поэта Александра Грибоедова и грузинской девушки Нины Чавчавадзе. Кратко передайте его содержание. Как вы думаете, в чём заключается основная идея текста?* [Румянцева Н.М 2017: 52].

Монолог – это пространная речь одного лица, обращенная к слушателям или к самому себе. Пересказ текста, ответы на вопросы к тексту или другие задания по тексту могут выступать как приемы обучения монологической речи, но, с нашей точки зрения, выносить такие задания в качестве контроля сформированности навыков и умений монологической речи не совсем правильно.

Во второй части контроля монологической речи студенты должны подготовить сообщение на предложенную тему в соответствии с ситуацией общения (15–20 фраз), или предлагается тема сообщения и вопросы по теме (в письменном виде), коммуникативно ориентирующие тестируемого. Типичные задания этой части раздела: *Представьте, что Вы открыли ресторан. Вам надо рассказать друзьям о Вашем ресторане. Вы можете*

рассказать: – где находится ресторан; – как ресторан оформлен, какой в нём зал, столики, какие стоят цветы и т.д.; – как одеты официанты, как они обслуживают клиентов; – какая там играет музыка; – какие там блюда и напитки; – о стоимости блюд; – о скидках (для студентов, детей, пенсионеров) [TRKI1_demo.pdf (spbu.ru)].

Темы сообщения связаны с известными лексическими темами, такими как «Семья», «Свободное время», «Путешествия» и др. Часто студенты заранее выучивают наизусть эти темы, а затем на экзамене пытаются воспроизвести заученный материал, не обращая внимания на те вопросы или пункты плана, которые были предложены в тесте.

Так как любое обучение заканчивается экзаменом, подготовка к которому идёт в течение всего учебного процесса и который имеет установленную форму, то и работа на занятиях по обучению устной речи строится примерно так же: *прочитайте текст или диалог и выполните задания, связанные с этим текстом; или вы прочитали текст об отдыхе на каникулах, расскажите о том, как вы проводите свободное время, расскажите о вашем городе* и т.д. Всё общение строится на основе текстов. Такие традиционные виды работы, безусловно, должны присутствовать на занятиях, но надо искать и другие интересные виды работы и темы, которые мотивируют учащихся к общению на занятии и на экзамене.

Замена учебных текстов наглядными стимулами, побуждающими к говорению, с нашей точки зрения, должна использоваться чаще и при дистанционном обучении, и в аудитории. Наглядность, средства наглядности, наглядные пособия – тема далеко не новая в методике РКИ. Изданы и продолжают издаваться картинные словари, таблицы, карты, лото, языковые игры и т.д. В словаре методических терминов даётся понятие визуальных наглядных пособий как средства обучения, предназначенные для восприятия с помощью зрительного анализатора. К визуальным наглядным пособиям относятся кодопозитивы (картины, схемы, таблицы, демонстрируемые с помощью кодоскопа), диапозитивы, диафильмы, кодофильмы и немые кинофильмы) [Азимов Э.Г. 2009: 38].

Современные технологии развиваются очень быстро, поэтому к хорошо знакомым визуальным средствам прибавились и новые: инфографика, мемы, граффити, виммельбухи. Это весьма популярная тема, последние годы в социальных сетях создано немало групп, в которых преподаватели РКИ активно собирают коллекции таких материалов, в научной литературе появляются статьи об использовании новых визуальных средств.

Рассмотрим, во-первых, как можно использовать новые и старые виды визуальной наглядности на экзамене и на занятиях РКИ при подготовке к устной речи. Во-вторых, какие новые визуальные наглядные пособия могут быть использованы в курсе практики устной речи, и, в-третьих, какие требования надо предъявлять к наглядным средствам, которые используют при обучении РКИ и где их можно найти.

Во время проведения экзамена (субтест «Говорение»), с нашей точки зрения, тексты и письменное объяснение ситуаций, на основе которых учащийся должен строить диалог или монологическое высказывание, должны быть заменены визуальным материалом (картинки, фотографии, диаграммы, инфографика и другие). Одновременно на экзамене присутствуют два учащиеся и преподаватель. Учащиеся вступают в диалог друг с другом, соглашаются или не соглашаются с мнением другого выступающего, могут поочередно выступать в роли инициатора диалога или поддерживающего этот диалог, они могут строить монологическое высказывание из 10–12 фраз, а второй учащийся может поддержать этот монолог или предложить свой. Такой вид контроля даёт возможность и время преподавателю для оценки реплик или рассказов говорящих, он также может вступить в диалог студентов, слегка изменяя или направляя беседу в ту или другую сторону, или подталкивать учащихся к построению монолога, обращая их внимание на какие-то детали визуального стимула. Таким образом для учащихся создаётся комфортная ситуация для коммуникации, так как они беседуют друг с другом, а не с преподавателем. Такой вид контроля не позволяет учащимся просто рассказать текст, который они выучили дома или который строят на основе только что прочитанного текста.

Цель первой беседы двух учащихся по картинке (10–12 фраз от каждого) – проконтролировать умение студентов описать предложенные картинки, фотографии, раскрыть тему фотографий (с опорой на вопросы преподавателя), поддержать беседу, высказать собственное мнение и согласиться или не согласиться с мнением третьего участника беседы.

Целью второй беседы учащихся, когда они обсуждают между собой предложенные картинки, фотографии, схему, диаграмму, инфографику и вопросы к ним (монолог с опорой на визуальный материал и вопросы-стимулы) является контроль умения учащихся составить монологическое высказывание, быть инициатором разговора, умение поддержать беседу, высказать свою точку зрения, согласиться или не согласиться с собеседником. В этой ситуации учащиеся по очереди выступают сначала в роли начинающего беседу, а затем в роли поддерживающего беседу (диалог без участия преподавателя).

Рассмотрим, какие наглядные пособия могут выступать как визуальные стимулы устной коммуникации.

Картинки, фотографии. Это наиболее простая и знакомая визуальная наглядность. Однако, если мы сравним учебные пособия по английскому, немецкому, французскому, испанскому языку, для изучающих этот язык как иностранный, и учебники РКИ, то заметим, что в первых чаще используются визуальные средства, картинок в этих учебниках больше, чем текстов, а в учебниках РКИ, наоборот. А ведь то, что изображено на картинках или фотографиях, стимулирует учащихся к высказыванию на разные темы. Например, во время

занятий обучать учащихся готовить монолог по картинке или фотографии, учитывая три основных момента: *общее описание картинке, что или кого вы видите на картинке, где находится эти люди и предметы, какие они, постепенно переходя от общего описания к детальному; анализ картинке, что вы думаете по поводу ситуации, предметов или людей на этой картинке, типичная это ситуация или нет, могли бы вы оказаться в такой ситуации; высказывание своего мнения о конкретной ситуации, какие события могли предшествовать этой ситуации, и как она будет развиваться в дальнейшем.* А при подготовке диалога побуждать учащихся поддержать беседу по этой картинке с собеседником, соглашаясь или не соглашаясь с ним, и использовать в диалоге конструкции согласия / несогласия, уверенности / неуверенности и другие.

Инфографика и социологические опросы. Совмещение визуальной информации с текстовой – эффективный способ отработки грамматического и лексического материала. Работа с инфографикой также направлена на то, чтобы учащиеся вырабатывали навык чтения текста, представленного в виде инфографики. Отличительная черта такой работы – наличие разных шрифтов. Обычно учебные тексты бывают набраны одним шрифтом, к которому учащиеся привыкают, в заданиях на чтение инфографики учащиеся вырабатывают навык чтения разных шрифтов в одном упражнении. Это может быть как самостоятельной работой учащегося со словарем, так и работой под руководством преподавателя.

Часто результаты социологических опросов оформлены в виде инфографики. Инфографика – визуализация данных или идей, целью которой является донесение сложной информации до аудитории быстрым и понятным образом. Инфографика может быть предложена учащимся любого уровня. Особенно интересно использование инфографики с точки зрения лингвострановедения, например сравнительный анализ инфографики на русском языке и соответствующий инфографики на языке учащегося при работе на продвинутом уровне. Инфографика содержит актуальную и интересную информацию, поэтому создание упражнений на её основе всегда мотивирует студентов к рассказу о себе, а своей стране, о выборе профессии, о национальных праздниках и так далее.

Результаты соцопросов, ярко визуальными оформленные, могут быть использованы для обсуждения, для развития монологической речи: *подготовьте монолог по материалам инфографики. При описании картинке выстраивайте монолог учитывая три основных момента: общее описание инфографики, какой социологический опрос проводился, какие ответы давали респонденты, наиболее популярные и наименее популярные ответы; анализ результатов социологического опроса, мнение по поводу ответов на вопросы социологов, типичные это ответы или нет, почему результаты опроса отличаются, как вы бы сами ответили на подобные вопросы; расширение информации инфографики, какие ответы*

могли бы дать респонденты в стране учащихся, совпадали бы результаты опроса или нет и почему, будут ли меняться ответы в будущем.

Подобным образом строится работа и с другими визуальными стимулами, например это могут быть *комиксы*. Комиксы Херлуфа Бидструпа знакомы всем преподавателям РКИ. Их можно встретить в учебниках РКИ. Комиксы Бидструпа не устаревают, у них всегда смешные и неожиданные концовки, учащиеся разных стран понимают добрый юмор художника, его иронию, парадоксы и тонко подмеченные житейские и бытовые ситуации.

На сайтах, где собраны коллекции рисунков Бидструпа, они объединяются по определенным темам: «Животные», «Дети», «Забавные случаи», «Он и Она» и т. п. [Бидструп].

Особый интерес у учащихся вызывают *плакаты* советских времён, которые стимулируют к высказываниям на различные темы: образования *Учись на 5!*, воспитания *Не будь таким!*, *Не лги!*. Плакаты знакомят учащихся с культурой, историей страны. Существуют сайты, посвящённые теме плакаты.

Для описания ситуаций и предметов, практических заданий для активизации глаголов движения, заданий, связанных с составлением историй, хорошо использовать *виммельбухи*. При работе в интернете их можно выводить на виртуальную доску и составлять увлекательные задания. Они есть и в открытом доступе, существуют и отдельные издания. Особенно удобно работать с ними онлайн, потому что можно увеличить размер картинки на экране.

Сегодня при изучении языков активно используют *интернет-мемы*. Мемы, как готовые, так и созданные самим преподавателем и учащимися, в зависимости от целей конкретного занятия также помогут разнообразить урок русского языка и поддержать мотивацию учащихся. Для создания мемов могут быть использованы сервисы Make a Meme, Meme Buddy, Meme Generator. Основа любого мема – это юмор, но надо быть крайне осторожным при выборе мемов в качестве учебного материала.

В настоящее время, когда преподаватель должен вести занятия не только в аудитории, но и дистанционно, а чаще это бывает смешанная форма занятия, необходимо искать новые способы обучения учащихся построению монологического и диалогического высказывания. Нужно переходить от пересказа текста или ответов на вопросы к тексту к визуальным стимулам, побуждающим учащихся строить монолог или поддерживать беседу с другим учащимся на основе визуальных стимулов.

Литература

- Азимов Э.Г., Щукин А.Н. 2009 – *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. Москва: Издательство ИКАР.
- Андрюшина Н.П. и др. 2009 – *Требования по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. Второй вариант* [Электронный ресурс] : электронный аналог печатного издания – 2-е изд. Москва – Санкт-Петербург : Златоуст. – 32 с.
TRKI1_demo.pdf (spbu.ru)

Румянцева, Н.М., Костина, С.Г., Жиндаева, А.Г., Гусева, И.С. 2017 – *Готовимся к тесту по русскому языку. Первый сертификационный уровень. Общее владение.* – 3-е изд. Санкт-Петербург : Златоуст. – 240 с.

Типовой тест по русскому языку для приема в гражданство Российской Федерации (электронное издание). – 3-е изд. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2015. – 60 с.

T. Kargy

Pushkin State Russian Language Institute, Russia

tamarakargi@mail.ru

VISUAL MEDIA AS A STIMULATION FOR COMMUNICATION

Abstract: The article discusses the issues of teaching the construction of a monologue and dialogical utterance based on visual media. Some visual teaching aids are described and examples of working with them are given. The possibility of using visual teaching aids in preparation for the “Speaking” subtest is being considered.

Keywords: visual media, teaching speaking.

ВЕКТОРЫ НЕОЛОГИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Людмила Юрьевна Касьянова

Астраханский государственный университет, Россия

kaslyudmila@yandex.ru

В статье рассматриваются векторы неологизации русского языка, в результате которой появилось значительное количество новых слов, обусловленных пандемией. В этот период векторы неологизации наиболее четко обозначили себя, детерминируя развитие лексико-семантической системы русского языка в целом и конкретно определяя процессы словообразовательной неологизации, семантической неологизации и неологизации, детерминируемой межкультурной коммуникацией.

Ключевые слова: неологизация, неонминация, словообразовательный механизм, семантические трансформации.

Непрерывные импульсы изменений, идущие от постоянно трансформирующегося мира, закономерно определяют и облик русского языка, векторы его обновления, детерминирующие разнообразные качественно-количественные характеристики, свойственные, прежде всего, лексическому уровню языковой системы.

Особое исследовательское внимание с точки зрения неологии привлекает к себе процесс динамичного формирования социально значимого пласта новых слов, обозначающих реалии пандемии. Такие лексико-семантические ресурсы представляют собой результат неологизации русского языка, то есть комплексного когнитивно-дискурсивного процесса, направленного на обновление лексико-семантической системы языка в соответствии с преобразованиями языкового сознания народа, изменениями его ценностных ориентиров в связи с возникающими потребностями, под воздействием интра- и экстралингвистических факторов.

Релевантность временного периода, определённым образом отмеченного в семантике исследуемых неонминаций, обуславливает наше обращение к рассмотрению всего, что оказалось вовлеченным в орбиту пандемии.

Возникновение новых номинаций с начала 2020 года явилось своеобразной реакцией на происходящее, результатом когнитивно-дискурсивного освоения и интерпретации действительности. В этот период четко обозначили себя и векторы неологизации, детерминирующие развитие лексико-семантической системы русского языка в целом и конкретно определившие процессы (1) словообразовательной неологизации, (2) семантической неологизации и (3) неологизации, детерминируемой межкультурной коммуникацией.

Активным способом оперативного отражения действительности является образование неономинаций в результате действия словообразовательного механизма, обуславливающего высокие темпы обновления русского языка в период пандемии и выступающего как средство моделирования новых производных единиц номинации, участвующих в перекраивании сложившейся ранее языковой картины мира.

В контексте исследуемой проблематики целесообразно обратиться к рассмотрению таких производных неономинаций, которые отражают процесс классификационно-когнитивной деятельности носителей языка в период пандемии.

В рамках действия словообразовательного механизма активно проявили себя в исследуемый период аффиксальная деривация, сложение, аббревиация.

Значительную часть всего потока «ковид-номинаций» составляют аффиксальные дериваты. Большое количество новых единиц пополнило словообразовательное гнездо с вершиной *ковид* в кириллической графике: *ковидный*, *антиковидный*, *противоковидный*, *постковидный*, *ковидник* и др. Наибольшей частотностью характеризуется суффиксальный дериват *ковидный*. Что же касается префиксации, то необходимо отметить, что значительное количество производных образуется с помощью префиксов *анти-* и *противо-*, что вполне объяснимо в период пандемии.

Наблюдения показывают, что в рамках словообразовательной неологизации в исследуемый период активно появляются и производные от иноязычных слов. Так, находившееся в фокусе особого внимания в период пандемии слово *локдаун* послужило базой для создания на русской языковой почве неономинации *полулокдаун*, обозначающей неполные ограничения. Например: *«Наступил полулокдаун. В минувшую пятницу оперштаб по предупреждению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции принял решение ввести жесткие ограничения по типу тех, через которые мы уже проходили в прошлом году. Карантинные меры стали необходимы из-за сложившейся в регионе неблагоприятной эпидемиологической ситуации. То есть с сегодняшнего дня, и пока лишь на две недели, в городе парализуется работа кафе, ресторанов и торговых центров... Игорь Бабушкин обратился к астраханцам после первого дня полулокдауна»* (<https://punkt-a.info/news/26.07.2021>).

Ключевое слово периода пандемии COVID выступило мотивационной базой значительного числа неономинаций. Так, в начальный период пандемии практически одновременно появилась серия однотипных по структуре сложных слов, содержащих иноязычные аббревиатуры: *COVID-госпиталь*, *COVID-пациент*, *COVID-вакцина* и др. В течение короткого периода времени аббревиатура COVID стала мотиватором лексемы *ковид* – «русифицированного» варианта наименования заболевания. К настоящему времени ряд «COVID/ковид-дериватов» остается открытым, и новые единицы так же активно заполняют лексическое пространство.

К числу лексических единиц, многократно увеличивших частотность своего употребления, относятся сложения, содержащие иноязычную аббревиатуру QR (Quick Response – это двухмерный штрихкод, предоставляющий информацию для её быстрого распознавания с помощью камеры на мобильном телефоне). Прежде всего, выделяется номинация QR-код, которая приобрела статус ключевого слова второй половины 2021 года, многократно увеличив частотность своего употребления. По аналогии с этой единицей образуются и другие, например: *QR-пропуск*, *QR-кодизация*. Неономинации периода пандемии активно употребляются в масс-медиа, являющихся средоточием тех процессов, которые происходят в языке, в том числе в его словообразовании. К примеру: «*Как будет работать система QR-пропусков?*» (Российская газета, 2021, 23 ноября); «*QR-кодизация всей страны. Как коронавирус пытаются остановить технологиями*» (Аргументы и факты, 2021, 18 ноября); «*QR-кодизация шагает по стране*» (www.rosbalt.ru. 2021.11.16).

Активизация употребления производных от аббревиатуры **QR** привела к использованию «кириллического» варианта графического оформления неономинаций. В результате фиксируются случаи употребления окказиональных единиц типа *кюар-кодизация*, *куаркодизация*. Например: «*Как отметил Калачев в интервью Finam.ru, «тактический план» властей состоит в том, «чтобы дать населению остыть, свикнуться с мыслью о неизбежности кюар-кодизации и заодно освоиться с жизнью в ее условиях*» (Финам, 2021, 16 ноября); «*На первых больших слушаниях по скандальным законам о кюар-метках прозвучали аргументы и их «системных» оппонентов*» (www.rosbalt.ru. 2021.11.16).

В исследуемый период появилось огромное количество новых слов: по подсчетам неологов, за полтора года пандемии появилось порядка 3500 слов, так или иначе связанных с коронавирусом. Однако «большое количество лексических инноваций не столько отвечает объективным номинативным потребностям, сколько преследуют цель коллективной творческой самореализации носителей языка» [Громенко Е.С. 2021]. Действительно, данный тезис подтверждают такие слова, как *коронавт*, *ковид-диссидент*, *карантинейджер*, *коронапокалипсис*, *коронарт*, *коронаоптимист*, *коронапессимист*, *коронаскептик* и др. Подобная лексика ковидного времени, созданная в рамках действия словообразовательного механизма неологизации, употребляется исключительно в целях экспрессивизации речи, отражая лингвокреативный потенциал наших современников.

Следующий вектор неологизации языка, активно проявивший себя в период пандемии, связан с семантическими трансформациями.

Процесс семантических трансформаций, в результате которых лексические единицы русского языка получают модифицированное значение, является одним из активных в период пандемии. Такого рода процесс затронул слова, отражающие перемены в поведении и образе жизни людей: *самоизоляция*, *социальная дистанция* и некоторые другие. Например,

употреблявшийся исключительно в психологии термин *самоизоляция* в условиях пандемии стал обозначать режим изолирования от окружающих. Пандемия в 2020 году обусловила и появление вторичного заимствования *социальная дистанция* в значении 'физическое дистанцирование, которое сохраняется между людьми во время социальной и трудовой деятельности, чтобы предотвратить распространение болезней'. Ранее же терминологическое сочетание *социальная дистанция* обозначало отчужденность от остальных людей.

Процесс вхождения иноязычного слова в язык-рецептор связан с его семантическим развитием, формированием семантических связей слова в новой системе, его функционированием в различных контекстах. Существенной особенностью лексической семантики иноязычных слов является то, что в момент заимствования они, как правило, представляют собой моносемные единицы. В дальнейшем заимствованный лексико-семантический вариант может претерпевать изменения, трансформироваться. Само же заимствованное слово, спустя какое-то время, может приобрести новое значение.

В языке известно значение слова *локдаун* для описания чрезвычайных происшествий в тюрьмах, когда заключенных из-за каких-либо беспорядков оставляли в камерах. Однако в 2020 году значение слова изменилось, и оно стало обозначать ограничительную меру, в соответствии с которой люди должны находиться дома. К прежнему значению слова *локдаун*, обозначающему введение жестких ограничений на передвижение, социальные контакты и доступ к общественным местам, добавилось новое – «ограничительная мера, вводимая с целью сократить распространение COVID-19».

Новое значение заимствованного слова актуализировано в СМИ: «*Не будет максимальной вакцинации – не будет нормальной работы. Первый удар как раз придется по предприятиям, которые включены в сферу обязательной вакцинации. Но если они сами не организуют и не хотят этого делать, то какой исход? Исход такой: локдаун, полное закрытие*» (телеканал «Россия-1»).

Среди лексических доминант исследуемого периода выделяется и само слово *пандемия*, лингвистический статус которого определяется актуализацией в рамках современного языкового пространства. Ранее этот термин употреблялся исключительно в медицинском дискурсе, в настоящее же время термин вышел за пределы данного дискурсивного пространства и дефинируется следующим образом: *пандемия* – это распространение нового заболевания в мировых масштабах. Именно этот параметр становится определяющим и позволяет отличить рассматриваемое слово от бытующего термина *эпидемия*, которое отражает тот же смысловой объем, однако при этом не показывает в полной мере масштаб происходящего.

Развивая данную тему, подчеркнем, что пандемия обусловила изменение значений уже существующих слов. Многие единицы, известные и на более ранних этапах развития языка, подверглись переосмыслению и стали востребованными в повседневной коммуникации.

По прошествии полутора лет можно утверждать, что у новых слов *ковиниалы* и *корониалы* появились новые значения: 1) поколение детей, родившихся в период пандемии; 2) дети, осваивающие в период пандемии новые практики, адаптируясь к новым условиям.

Необходимо отметить и тот факт, что общеупотребительные нейтральные слова претерпели изменения в семантике и моделях сочетаемости. У таких слов отмечается конкретизация одного из компонентов значения, который выходит на первый план. В качестве примеров можно привести сочетание *легкая форма*, в котором компонент *форма* осмысливается именно как способ протекания болезни, а не как внешний облик объекта. В сочетании *выйти на плато* отмечается усиление образно-метафорического компонента значения слова *плато*.

В контексте проводимого исследования важно акцентировать внимание на том, что рассмотренные неоминации представляют собой ключевые слова, ставшие лексическими маркерами пандемии, отражающие не только фокус социального внимания в конкретный период и специфику ситуации в России, но и креативный потенциал носителей языка.

Итак, русский язык активно реагирует на все изменения, что проявляется в создании большого количества новых слов – наиболее оперативно порождаемого продукта когнитивно-дискурсивного освоения и интерпретации действительности.

Литература

- Громенко Е.С. 2020. – «Коронный» потенциал русского языка начала 2020-х годов. *Новые слова и словари новых слов. 2020*: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская / Институт лингвистических исследований РАН. – Санкт-Петербург.: ИЛИ РАН, 2020. – С.45-62.
- Иваненко А.А., Журавлева Г.А. 2020. – Что заразнее: оценка употребительности лексем коронавирусной эпохи. *Новые слова и словари новых слов. 2020*: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская / Институт лингвистических исследований РАН. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2020. – С.63-70.
- Русский язык коронавирусной эпохи. 2021.* – Коллективная монография / Ред. коллегия Е.С. Громенко, Н.В. Козловская, А.С. Павлова, М.Г. Приемышева (отв.ред.), Ю.С. Ридецкая. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 610 с.

L.Yu. Kasyanova
Astrakhan State University, Russia

VECTORS OF NEOLOGIZATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE DURING THE PANDEMIC PERIOD

Abstract: The article examines the vectors of neologization of the Russian language, as a result of which a significant number of new words due to the pandemic have appeared. During this period, the vectors of neologization most clearly identified themselves, determining the development of the lexico-semantic system of the Russian language as a whole and specifically defining the processes of word-formation neologization, semantic neologization and neologization determined by intercultural communication.

Keywords: neologization, neomination, word-formation mechanism, semantic transformations.

Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 107-113. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.

МЕТАФОРА В ОПИСАНИИ МОРСКОГО БОЯ В РОМАНЕ ВАЛЕНТИНА ПИКУЛЯ «МООНЗУНД» КАК ОСОБЕННОСТЬ ИДИОСТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ

Любовь Каширина

Балтийская международная академия, Рига
sea_bird@inbox.ru

В статье представлен анализ метафор и их функций в описании морских сражений в романе Валентина Пикуля «Моонзунд». В изображении действий кораблей, боевых орудий и снарядов, автор использует преимущественно антропоморфные метафоры и олицетворения, что создает яркие образы морского боя, впечатление соучастия читателя в этих событиях и является неотъемлемой чертой авторского стиля. В систематизации метафор текста романа использованы принципы дискурс-анализа – определение метафорической модели, выделение фреймов и слотов.

Ключевые слова: морской роман, метафорическая модель, сравнение, олицетворение, фрейм, слот, идиостиль.

Творчество Валентина Пикуля широко известно с 70-х годов прошлого века и в наше время активно популяризируется общественными и научными организациями на конференциях и различных мероприятиях. Однако исследований, посвященных художественным особенностям и стилю произведений Пикуля, практически не существует. Отчасти это связано с тем, что в советское время произведения Пикуля подвергались достаточно жесткой критике со стороны литературного официоза за «псевдоисторизм», свободную интерпретацию и «популяризаторство» важных событий в истории России. В наше время стало очевидным, что творчество известного русского писателя интересно не только обращением к важнейшим событиям русской истории и их талантливой интерпретацией, но и художественными достоинствами его произведений. В противном случае, произведения Пикуля не расходились бы многотысячными тиражами не только в России, но и за ее пределами. Современная литературная критика относит произведения писателя к категории «массовой литературы», что в противовес критике советского времени, осознается как достоинство писателя и его творчества.

Дмитрий Быков в эссе о творчестве Валентина Пикуля в значительной степени раскрывает причины популярности произведений писателя в советскую и постсоветскую эпоху: «Пикуль, которого большинством редакционных голосов отнесли к трешу, является всё же *первоклассным писателем*.

Не просто потому, что память Пикуля ревниво защищают его родственники и поклонники, что есть целая команда, отслеживающая упоминания о нём и горячо

возражающая недостаточно почтительным критикам, но потому, что собственное моё отношение к нему далеко не так однозначно.

Он создатель жанра, в котором сегодня упражняются многие — но получалось только у него. Это заставляет относиться к нему серьезнее, видеть в нём не бульварщину, а своеобразное упражнение в жанре сказа...».

Далее Быков подчеркивает, что один из признанных эстетов современной русской литературы, Михаил Веллер «... давний и убеждённый защитник Пикуля, он-то и заметил, что перед нами не лубок, а сказ, сознательная и умная стилизация, и *стиль прозы Пикуля, как и её посыл, не так-то прост*». [Быков Д. 2018:1]

Быков отмечает «все черты повествовательной манеры Пикуля», которые, по его мнению, захватывают читателя и отражают мастерство писателя: ...стремительное, без экспозиции, повествование, живые диалоги, минимум психологизма, сочувствие рядовым героям истории, недоверие ко всякого рода начальству; ...использование отдельных клише романтической прозы — роковые красавицы, коварные изменники, всё, что в прозе первой половины XIX века было очаровательно, но скоро ушло в арсенал конспирологического романа». [Быков Д. 2018:1]

Известный литературовед особо отмечает роман «Слово и дело», сравнивая его по масштабу и мастерству с историческими эпопеями Алексея Толстого и подчеркивая, что «...если бы Пикуль создал только эту гигантскую двухтомную эпопею послепетровских времен, то слава его в русской литературе была бы незыблема. Он бы стоял, пожалуй, в одном ряду с Алексеем Толстым, потому что Толстой по исторической части тоже не особенно аккуратен, а по *стилистической выразительности и увлекательности Пикуль ему ничуть не уступает*». [Быков Д. 2018:2]

Особое место в творчестве Валентина Пикуля занимают «морские романы» — «Моонзунд» и «Три возраста Окини-сан» о судьбах российского флота и военных моряков в трагических событиях переломной эпохи в истории России — Русско-Японская война, Первая мировая война, Октябрьская революция 1917 года. В центре этих произведений жизнь и судьба военных моряков в важнейших морских сражениях Российского флота в начале 20-го века.

Антонина Пикуль в книге «Валентин Пикуль» приводит слова доктора исторических наук, профессора Николая Молчанова, бывшего в годы войны моряком, о вкладе Валентина Пикуля в русскую военно-морскую романистику:

«Романы, связанные с историей русского военно-морского флота, — это наиболее успешно разрабатываемая им тематика. Книги Пикуля-мариниста отличаются знанием моря, людей, психологии, истории флота, боевой техники. Он рисует правдивые картины флотских будней и своеобразие морского боя с реальными ощущениями его участников.

Книги на морскую тематику лишены псевдоромантики и показывают жизнь в реалистическом восприятии мира». [Пикуль А.2018:37] Это мнение специалиста многократно подтверждалось военными моряками, знающими не понаслышке специфику морских сражений, роль кораблей и орудий, командиров и экипажей в боях и победах.

Историческая канва романа «Моонзунд» – важнейшие морские сражения Российского Императорского флота на Балтике в ходе Первой мировой войны, и на этом фоне – судьбы военных моряков, их тяжелая и смертельно опасная служба, нелегкий быт и любовь... Эту сюжетную многослойность и интригу романа Валентин Пикуль обозначил на титульном листе рукописи, ниже заглавия «Моонзунд»: «Этот роман одни читатели прочтут как морской роман, другие – как политический. Я же называю его любовным». [Пикуль А. 2013:140]

Главные герои романа – дворяне, потомственные офицеры российского флота и простые матросы, смысл жизни которых состоял в служении «Царю и Отечеству» и был выражен в формуле «Погибаем, но не сдаемся!».

В описании морских сражений упоминаются почти все военные корабли Российского флота того времени, но в центре событий линкор (миноносец, эсминец) «Новик», на котором служит герой романа Сергей Артедьев, и линкор «Слава», героически погибший при битве в Моонзунде.

Описание морских боев в романе Пикуль выстраивает как ключевые эпизоды в развертывании сюжета, последовательно проводя идею неизбежности гибели «старого мира», несмотря на героизм его защитников. В художественном плане это воплощается в развернутой метафоре «жизнь корабля и флота имеет начало и конец, как и человеческая жизнь», что позволяет выделить метафорическую модель «БОЕВОЙ КОРАБЛЬ (И ВООРУЖЕНИЯ) – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО».

Метафорическую модель, вслед за Алексеем Чудиновым, мы понимаем как метафорические словоупотребления, наиболее ярко выражающие типичные свойства модели. Сюда же включаются и сравнения, структурно отличимые от собственно метафор (тропов), но семантически и функционально неразрывно связанные с выделенной моделью. [Чудинов А. 2008:131]

В данной метафорической модели, как ее составляющие, нами были выделены фреймы «человек», «животное», «насекомое», «рыба» и слоты «возраст», «тело», «действия», «страдания», «боль».

В романе «Моонзунд» Пикуль развертывает описание двух ключевых морских сражений Первой мировой войны на Балтике, в проливах Ирбены и Моонзунд – входных воротах в Рижский залив и Ригу, и далее на север, в Финский залив и Санкт-Петербург.

Описание сражения за Моонзунд автор начинает с развернутого метафорического сравнения морского боя и кораблей-участников с шахматной игрой.

«Флотоводец – почти шахматист, но свою партию он разыгрывает не на доске, а на карте; и линкор зачастую – как ферзь, крейсер – как ладья, эсминец – как слон, а дальше спешат на погибель пешки – тральщики, посыльные, прочие суда на побегушках, с потерями которых мало считаются. Ночная рокировка сил была проведена, и к утру фигуры заняли свои места». [Пикуль В.2012:134, далее: там же]

Сравнивая военные корабли разных категорий с шахматными фигурами, не вдаваясь в военно-технические характеристики, писатель просто и наглядно рассказывает читателю, не посвященному в тонкости военно-морского дела, о роли и функциях каждого корабля в морском бою.

Через весь роман проходит идея автора о том, что корабли, как и люди, рождаются, взрослеют, стареют и умирают, и как в человеческой жизни, эти этапы неизбежны.

В развертывании метафорической модели в описании военных кораблей выделяется фрейм «человек» и слот «возраст».

Главных участников сражения за Ирбены – линкор «Слава» и миноносец «Новик», которым командовал главный герой романа Сергей Артеньев, автор представляет через развернутую антропоморфную метафору возраста и процессов, связанных со старением человека.

*«Осыпана ночным дождем, «Слава», как безмолвная тень, вошла в Ирбены. Соратники **молодых лет** «Славы» давно опочили возле Цусимы, а линкор, сочась железными швами, дожил до **расслабленной корабельной старости**. Не так уже, как раньше, бьется его сердце – машины, побаливают котлы-желудки, в артериях магистралей не так уже бурно пульсирует кровь воды и пара... **Старость** – не в радость (даже нам, кораблям!). Механики каждодневно, словно больничную карточку, заполняют графы журналов – о повреждениях, о появлении течи, об ослаблении корпуса...».*

*«Тихо струясь корпусом между берегом и минными банками, «Слава» вступила в Рижский залив, словно **рыцарь былой эпохи** – вся из **невозвратного прошлого**».*

Миноносец «Новик» был спущен на воду незадолго до начала войны на Балтике, и автор развертывает метафору его молодой силы и мощи: *«Впереди «Славы» легкой рысцой бежит «Новик» – он бежит легко, будто играючи, и это понятно: **он еще молодой**...».*

Далее антропоморфная метафора развертывается через фрейм «человек» и слоты «тело», «настроение».

*«Первые снаряды пристрелки взмутили воду на перелете. Вторая серия рухнула под **левой скулой** «Новика». Эсминец замер, **вздрыгнув всем телом**, и, **отряхнув с палубы тонны воды**, пошел дальше».*

Олицетворение в описании обмена сигналами боевых кораблей, включает сопереживание и сочувствие читателя:

«В десять часов вечера двое несчастных горемык, крейсер и эсминец, легли на обратный курс, кляузно обругивая один другого за случившееся. Наконец «Новик» своими упреками до того осточертел «Рюрику», что с крейсера передали на эсминец: «Прощайте. Ложусь на курс 08°, а вы как хотите...».

Слот «люди и их работа» расширяет метафорическую модель при описании действий тральщиков, предназначенных для уничтожения мин и минных ограждений: *«Как трудолюбивые крестьяне выходят утром в поле с косою за плечами, чтобы косить травы, – так же и тральщики прилежно убирают «урожай» мин, созревающих на морской целине.*

Их минные «жатки» тралов подсекают ножами стальные стебли минрепов, на которых колышутся в глубине сочные гремучие соцветия – мины!»

В метафорическую модель описания действий военных кораблей в морских сражениях входит фрейм «животное», который, в свою очередь, включает слоты «конь (рысак), хищники, ночные животные».

Боевые корабли российского флота, эсминцы, несущие на борту разрушительные смертоносные мины и торпеды, автор олицетворяет с мощью молодых рысаков: *«Новик» уже мелко дрожал, весь в нетерпении, словно рысак перед скачкой».*

«Эсминцы – разгоряченные кони! – толкали своей грудью воздух, уплотненный от скорости».

«Через узкие глотки Ирбен и Моонзунда, через пролив Созлозунд и Кассары, словно через чудовищные трубы завывающего в тоске органа, продувало черные сквозняки смерти. Молодой, хорошо подкованный, легко рысил по волнам XI дивизион: «Победитель», «Забияка», молниеносный «Гром».

Слот «хищники и ночные животные» строится на метафорическом переносе названий сторожевых кораблей на их действия и роль в морском бою.

«Нелюдимы и затаенны, прошелестели во тьме брезентами навесов сторожевики на посылках: «Барсук» и «Выдра», «Горностай» и «Хорек»; за ними пробежала осторожная тихая «Ласка», обнюхивая воздух широкими ноздрями своих вентиляторов».

Выбор метафорического сравнения обусловлен оценкой автором действий либо кораблей российского флота, либо вражеского, немецкого.

В описаниях российских кораблей доминирует семантика силы, мощи, скорости: *«Дальномерщики с «Кронпринца» отчетливо наблюдали стрельбу русских линкоров, которые разворачивались вдали тяжело и медленно, словно допотопные животные на болотах доисторических времен.*

Эсминцы, резкие и порывистые, как пантеры, помогали им своим огнем».

И в противоположность, в описании вражеских сил: *«Немецкие тральщики, словно крысы, прогрызали в минных стенках узкие норы, через которые Хиппер рассчитывал протащить свои корабли прямо на Ригу.*

Русские погнали перед собой «V-99» с такой яростью, как гонят по улице бешеную собаку. Эта «улица» вела прямо на минное поле...».

Смертоносные снаряды военных кораблей – мины и торпеды, автор олицетворяет с частями тела человека и, наиболее часто, животных.

«Первые снаряды пристрелки взмутили воду на перелете. ... снаряд с «Роона» на этом не успокоился.

Сам он уже исчез в ослепительной вспышке взрыва. Но снаряд пустил впереди себя свою головную часть. И «голова» снаряда продолжала крушить крейсер – уже отдельно от несуществующего «тела»: Сея вокруг себя смерть, «голова» металась среди переборок, выгибая их, и только в бункере, зарывшись в кучу угля, она утихла, успокоенная своей чудовищной работой».

Неоднократно автор олицетворяет боевые снаряды с кабанами, боровами, свиньями, воплощая идею ненасытности войны жертвами:

«Здоровенные рыла торпед, густо смазанные тавотом, не спеша стали выползать из труб аппарата, будто сытые свиньи из чуланов. И вот они, подпихнутые в зад газами порохов, поползли быстрее, быстрее, быстрее... Вильнув хвостами, торпеды плюхнулись в море.

– Все три... вышли! – поступил доклад на мостик.

И – пошли. Три торпеды пошли глотать пространство».

В метафорическую модель описания морских боев включаются фреймы «насекомое», «рыба» с негативной, уничижительной оценкой в описании действий вражеского флота: *«В багровом дыму ползали, как жуки в парном навозе, перепуганные тральщики». «Как испуганные мальки разбегаются в разные стороны, когда на них упадет тень человека, так же рассыпались сейчас германские эсминцы – кто куда, спешно удирая. А один из них рвало, рвало, рвало... Из корпуса выбивало пламя...».*

Метафорическую модель «военный корабль – живое существо» автор закрывает развернутой метафорой жизни человека от рождения до смерти *«Корабли – как и люди... Рождением своим приносят радость и поселяют в сердце печаль своей гибелью. Редко они доживают свой век на почетном приколе гаваней, словно на заслуженной пенсии, – чаще их поглощает огонь или пучина.*

Рождение кораблей всегда торжественно. Подобно плоду, созревающему в потемках материнского лона, зреют корабли в жестких конструкциях заводских эллингов. От кия

(от спинного хребта) начинается их тревожная жизнь. «Слава» тоже, еще младенцем, долго кормилась от груди России, лежа на железных пеленках стапелей. Потом линкор столкнули с берега – и Нева, как ласковая повитуха, обмыла ее в своих прохладных водах. Сколько было высказано надежд и тостов, сколько разбито бутылок с шампанским!..

Рожденная в 1903 году, «Слава» умерла в 1917 году. Краток век корабельный, а сколько прожито... Разрушаясь во взрывах, «Слава» ложилась на грунт Моонзунда, закрывая для немцев канал своим умирающим телом. Она закрывала сейчас фарватер – от Петрограда, от России, от Революции...

Вечная ей память!»

Так автор завершает повествование о героических сражениях Российского флота на Балтике в Первую мировую войну.

Таким образом, метафоры в описании морских сражений в романе Валентина Пикуля «Моонзунд» создают вовлеченность и сопереживание читателя, в чем и состоит художественное мастерство автора.

Литература

- Быков Д. 2018 – Валентин Пикуль. «Дилетант», №11. <https://ru-bykov.livejournal.com/>
Пикуль А. 2018 – Валентин Пикуль. http://loveread.ec/read_book.php?id=80609&p=1
Пикуль А. 2013 – Валентин Пикуль. *Венок памяти*. Вече
<https://books.google.lv/books?id=phi-B8nk3b8C&pg=PT208&dq>
Пикуль В. 2012 – *Моонзунд*. http://loveread.ec/view_global.php?id=15158
Чудинов А. П. 2008 – *Политическая лингвистика*. Москва: Флинта-Наука.

Lubov Kashirina

*Baltic International Academy, Latvia
sea_bird@inbox.ru*

METAPHOR IN THE DESCRIPTION OF NAVAL COMBAT IN THE NOVELS “MOONZUND” OF VALENTIN PIKUL AS A FEATURE OF THE IDIOSTYLE OF THE WRITER.

Abstract: The article presents an analysis of metaphors and their functions in describing sea battles in the novel “Moonzund” by Valentin Pikul. In depicting the actions of ships, combat weapons and shells, the author uses mainly antropomorphic metaphors and personifications, which creates vivid images of sea battle, the impression of the reader's complicity in these events and is an integral feature of the idiosyle of the writer. In the systematization of the metaphors of the text of the novel, the principles of discourse analysis were used - the definition of a metaphorical model, the allocation of frames and slots.

Keywords: nautical novel, metaphorical model, comparison, frame, slot, idiosyle.

ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ИСТОРИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. КЕКИЛЬБАЕВА

Самал Кобжасарова, Юлия Богданова

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан

ukis82@mail.ru, kobzhassarova@gmail.com

В статье анализируются проблемы исторической и художественной правды, преемственности культурных, фольклорных традиций и литературы. Исследуется новаторство прозы А. Кекильбаева. Проведен анализ присутствия в прозе А. Кекильбаева основных элементов поэтики историзма, исторических мотивов и образов. Выявлено общее, типологическое, а также индивидуальное, неповторимое основных форм и образов с исторической содержательностью в оригиналах и переводах произведений А. Кекильбаева.

Ключевые слова: историзм, психологизм, фольклорные традиции, проблемы перевода.

Абиш Кекильбаев – видный представитель казахской литературы второй половины XX века. Его прозаические произведения четко определили основной круг проблем творческих интересов и замыслов и раскрыли его склонность к неторопливой сказовой манере, к философичности, к психологизму. С детства писатель не только прекрасно знал устное народное творчество, но впитал его в себя. Можно сказать, что его художественные вкусы сформировали легенды, предания, притчи и баллады, поэтому А. Кекильбаев нередко обращался к истории и народному творчеству казахского народа.

Здесь уместно вспомнить слова П.С. Выходцева: *«Подавляющее большинство писателей — это выходцы из народной гущи, для которых народное творчество — родная и близкая стихия. Поэтому они не столько «обращаются» в нужных случаях к фольклорным источникам для решения своих профессиональных задач, сколько несут в себе эти начала, смелее идут на сближение литературных и фольклорных традиций»* [Выходцев П.С. 1979: 28].

Начало творческого пути А. Кекильбаева совпало как раз с довольно бурным периодом пристального и обостренного внимания многих казахских литераторов к прошлому своего народа, к своей почти неведомой истории. Писатель пошел совершенно по иному пути. В повестях «Баллада забытых лет», «Хатынгольская баллада», «Колодец», «Состязание», прибегая к искусной аранжировке древних преданий, сказов, притчей, он воссоздает не только нравственный облик яркого и сурового прошлого, но и затрагивает глобальные проблемы современности.

Поднимая общечеловеческие проблемы и широко используя фольклорные мотивы и сюжеты, А. Кекильбаев раскрывает глубину духовного мира героев. События, сюжеты

многих его произведений известны в народном представлении из фольклора, но стилевые и содержательные акценты, интонации уже резко окрашены индивидуальным видением мира писателя.

Раскрывая фольклоризм А. Кекильбаева, известный писатель Г. Бельгер отметил, что *«достоинство и сила художественной палитры А. Кекильбаева в том, что он по-современному историко-философски переосмысливает «сказанья старины глубокой» извлекает из древних легенд общечеловеческие гуманистические корни-формулы, по-новому, очень актуально высвечивая «осколок древней правды»* [Бельгер Г.К., 1981: 83].

В современной казахской литературе особое место отводится национально-фольклорным образам. В повестях «Баллада забытых лет» и «Хатынгольская баллада» А. Кекильбаева выделяются образы степи, кюйши, коня, мудрого старика, мудрой девушки, дьявола, которые определяют специфику национального колорита его произведений.

Своеобразие творческого дарования А. Кекильбаева мы видим в «стремлении к притчевости, в придании конкретно-чувственному материалу бездонной перспективы абстрактных философских глубин» [Устинов А., 1982: 281].

Своеобразие художественного творчества А. Кекильбаева рассматривается на анализе ранней исторической прозы писателя — повестей «Баллада забытых лет», «Хатынгольская баллада», «Колодец», «Состязание» и романа «Конец легенды». Историческая проза А. Кекильбаева вызывает неизменный интерес критики разного уровня своей неординарностью, своим совершенно новым отношением и к легендам, и к историческим личностям, и к взаимоотношениям своих предков.

О достоинствах исторических повестей А. Кекильбаева, Ч. Айтматове писал: *«... я хотел бы обратить внимание на книгу талантливого казахского прозаика А. Кекильбаева «Баллады степей», где автору с помощью мифологических систем и структур удалось затронуть существенные проблемы истории и современности. Эта книга на очень высоком уровне мышления — есть сплав мифов, легенд, современности, сплав опыта исторического и наших дней, и на мой взгляд, все эти компоненты сделали произведение не только насыщенным содержательным, но и художественно значительным»* [Ч. Айтматов, 1976: 157]. Мы считаем, что творчество А. Кекильбаева является совершенно новым фактом в истории развития советской казахской литературы. Его повести, рассказы, романы в художественном отношении синтезировали, но только достижения казахской литературы, но испытали на себе благотворное воздействие творчества русских классиков как Л. Толстой, А. Чехов и др. А. Кекильбаев сумел объединить традиции эпоса с глубоким психологизмом, восходящим по своей глубине и тонкости к завоеваниям мировой классики. Небольшие по своему объему повести А. Кекильбаева поднимают столько проблем нравственных, социальных, исторических, этических, что тесно переплетаются с современностью.

А. Кекильбаев формировался как писатель в 60-70-е годы и сложился как писатель в период, который сейчас принято называть «застойным». Это был период постепенного нравственного падения и духовного опустошения общества, время беззакония и расцвета всякой несправедливости и бесчестия. В этот период А. Кекильбаев в борьбе за спасение чести и достоинства человека избирает единственно правильный путь — художественное слово. В условиях подавления всякого живого и правдивого слова со стороны тоталитарной системы писатель найдет единственно верный метод — метод раскрытия всех форм угнетения человека изнутри, причем на историческом материале, используя прежде всего исторические притчи и легенды. Не останавливаясь на внешних событиях исторических эпох, он сосредотачивает свое внимание на психологическом развитии художественного образа. Исторические произведения Абиша Кекильбаева привлекают не только глубиной философского мышления, но и высокой художественностью. Писатель сумел найти такие приемы в композиционном построении, в раскрытии сюжета, которые сочетают в себе традиции древних сказов, эпосов с оригинальными находками современной мировой литературы.

Повесть «Баллада забытых лет» — это рассказ о непримиримой вражде двух племен — туркмен и казахов. И центре повести образ старого вожака туркмен Жонеута. Он одержим мстостью. В своей одержимости он не щадит никого, даже своего последнего сына. И только казнь совершенно безвинного домбриста-казаха и наступившее после казни, отчуждение между Жонеутом и соплеменниками заставляет его глубоко задуматься над своей жизнью. В этой повести А. Кекильбаев впервые использует внутренний монолог. Прозрение Жонеута, его страдания, его мучительное осознание своей несправедливой жизни раскрывается через внутренний монолог.

В повести А. Кекильбаев поднимает глобальную проблему смысла жизни, счастья человеческого. В образе Жонеута мы видим человека, жившего всю жизнь ложными идеалами и прозревшего слишком поздно. Он умирает от отчаянья, от сознания того, что слишком много зла совершено им в жизни, а исправлять не остается времени. В. Лавров отмечает, что «... в «Балладе забытых лет» речь идет о борьбе старого и нового в душах людских, о зарождении нового сознания, новой нравственности и инерции жизни по старинке, основанной на догматических представлениях о миссии человека в этом мире. Бессмысленная вражда, унижающая душу человека и возвышенный мир музыки, искусства, ненависть и гуманное чувство, злоба и сострадание — вот антагонистические силы в «Балладе» [Лавров В., 1972].

И действительно, А. Кекильбаев очень искусно вплетает в повесть тему искусства как противостояние всему злему, жесткому, античеловеческому. Именно музыкант заставляет

впервые Жонеута уронить слезу, и хотя это было кратковременным расслаблением вожака, но воздействие его искусства оказалось глубоким. Идее утверждения добра подчинено и композиционное построение повести, которая открывается и завершается рассказом о событиях 60-х годов XX столетия, когда начиналась разработка Мангышлакского месторождения. Среди нефтянников мы видим седого старика туркмена, проводника по имени Курбан, того самого Курбана, который унаследовал домбру Даулета. Он — связующее звено между прошлым и настоящим.

Исследование своеобразия ранней историко-художественной прозы А. Кекильбаева от повестей до романа «Конец легенды» позволяет нам заключить, что существенной чертой исторической прозы писателя является нравственно-философское осмысление истории, созвучие нынешнему дню поставленных автором вопросов о нравственной цене человеческого счастья, негативное отношение к пассивному восприятию жизни, осуждение бездушного эгоизма, как социального явления, жажда раскрытия потенциальных нравственных возможностей человека. Для исторической прозы присущи размеренная, неторопливая сказовая манера повествования, углубленный показ психологии. Автор мастерски владеет искусством внутреннего монолога. Он проникает в глубины сознания героев и выявляет мотивы их поступков и действий и использует внутренний монолог в целях самораскрытия героя.

А. Кекильбаев умеет использовать огромные потенциальные возможности казахского языка. Его язык пластичен, богат яркими эпитетами и сравнениями, пересыпан пословицами и поговорками, бытующими в народной среде, создают особый колорит и определяют творческую индивидуальность писателя.

За последние десятилетия учеными разных стран изучены многие аспекты художественного перевода и сделаны очень ценные открытия. Наша задача — показать насколько правдиво воссоздан этот внутренний мир героя, насколько верно отражена авторская концепция образа. Отмечая в основном, верную передачу сюжета произведения, мы приходим к выводу, что воссоздание внутреннего мира героев не всегда соответствует подлиннику. Переводчики иногда злоупотребляют свободой творчества переводчика, не всегда верно определяют «ключевые слова», не всегда оправданно используют методы калькирования или адаптации, не всегда умело подходят к подбору русского эквивалента. В результате чего внутренний мир героев обедняется, исчезает глубина образа, а порою просто меняется моральный облик героя.

Не всегда переводчики так чутки и внимательны к стилю писателя. Одной из особенностей мастерства А. Кекильбаева — умение без нажима на читателя подвести его к нужному выводу путем очень тонкого описания состояния окружающей природы. Но не

всегда переводчики умеют воспроизвести этот прием. Вот как описывает встречу двух, противников в повести «Баллада забытых лет» переводчик: *«Кругом голая степь, ей нет ни конца, ни края. Ни души поблизости. Некому крикнуть батырам: «Остановитесь, вы люди, а не звери. Вы принесли людям много бед. Но если падет один из вас, то вовсе не окончится счет несчастьям. Напротив, они будут приумножаться кровавой мстью изо дня в день, из года в год. Пусто вокруг. Вспугнутый жаворонок метнулся от одного всадника к другому и исчез в бездонной голубизне. Неподдалеку настороженно пробирался к водопою косяк косуль. Заметив переплясывающих коней, косули шарахнулись в сторону».*

Как видим, переводчик не понял художественный прием автора — глубинное раскрытие образа через восприятие окружающей природой героев. В оригинале животные и птицы, соотносясь с людьми, как бы подчеркивают их безумие. Так, жаворонок вовсе не *«улетает в бездонную голубизну»*, как сказано в переводе, а неистово чирикавая, бросается от одного батыра к другому, пытаясь защитить от этих озверевших существ свое гнездо. В оригинале нет того патетического назидательного монолога, который звучит в переводе. Все гораздо тоньше. Подобные ошибки встречаются во всех переводах.

Своеобразие А. Кекильбаева ярко проявляется прежде всего в его языковой системе. Образная языковая система писателя характеризуется тем, что метафоры, эпитеты, сравнения, которыми насыщен текст произведений выступают как элемент национальных исторических реалий, они тесно связаны с образом жизни, миропониманием и опытом жизни того народа, о котором повествуется в произведении.

Очень часто сравнения, эпитеты, идиоматические выражения отражают жизненный опыт героев, проживших в определенных природно-климатических условиях. Но при переводе эти особенности не всегда подвергаются глубокому осмыслению. Переводчики используют метод адаптации, способствующий потере национального своеобразия или метод калькирования, приводящий порою к полной бессмыслице. Очень часто переводчики не улавливают скрытый смысл метафорических сравнений в образно-выразительной системе писателя. Встречаются факты неверных передач реалий, неверный перевод слов.

Отмечается и тот факт, когда переводчиками зачастую опускаются пословицы и поговорки, фразеологические сочетания, характеризующие оригинальность изобразительных средств А. Кекильбаева. Все эти неудачи в целом искажают национальное лицо произведения, искажают художественную реальность произведений А. Кекильбаева.

Историческая проза А. Кекильбаева была переведена несколькими переводчиками, большинство которых не знают казахского языка, не знакомы с условиями жизни жителей пустыни и потому плохо представляют быт и нравы этих людей. Поэтому нельзя говорить о едином подходе к переводу произведений писателя. Можно отметить лишь один общий

принцип в подходе к художественному воспроизведению произведений А. Кекильбаева — стремление воссоздать сюжетное содержание произведений и смысл философских размышлений героев. В этом плане наиболее успешным можно считать перевод романа «Конец легенды» Г. Бельгером, свободно владеющим казахским языком и с детства знакомым с жизнью казахского народа. Им использованы различные способы в воссоздании внутреннего состояния героя от дословного перевода, использования эквивалента до замены другим выражением, глубже передающим эстетическое и эмоциональное воздействие на читателя.

Литература

- Выходцев П.С. 1979 – На стыке двух художественных культур (проблема фольклоризма в литературе). *Русский фольклор. Вопросы теории фольклора*: АНССС. С. 3-30.
- Бельгер Г. К. 1981 – *Брат среди братьев: статьи-размышления, литературные портреты*. Алма-Ата: Жазушы. – 148 с.
- Устинов А. 1982 – *Точка опоры*. А-Ата. «Жазушы». 281 с.
- Лавров В. 1972 – *Уроки Абая*. «Звезда». Санкт-Петербург.
- Айтматов Ч. 1976 – *Вопросы литературы*. № 8.

S. Kobzhassarova, Y. Bogdanova

*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan,
ukis82@mail.ru, kobzhassarova@gmail.com*

THE SIGNIFICANCE OF THE PRINCIPLE OF HISTORICISM IN THE WORKS OF A. KEKILBAYEV

Abstract: The article analyzes the problems of historical and artistic truth, the continuity of cultural, folklore traditions and literature. The article examines the innovation of A. Kekilbayev's prose. The analysis of the presence in A. Kekilbayev's prose of the main elements of the poetics of historicism, historical motives and images is carried out. The general, typological, as well as individual, unique features of the main forms and images with historical content in the originals and translations of A. Kekilbayev's works are revealed.

Keywords: historicism, psychology, folklore traditions, translation problems.

РЕАЛИЗАЦИЯ БАКАЛАВРСКОГО СЕМИНАРА В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛАТФОРМЫ MICROSOFT TEAMS

Мария Коссаковска-Марас
Жешувский университет, Польша
marineczka@mail.ru

Статья посвящена вопросу подготовки и защиты выпускной (бакалаврской) работы в условиях дистанционного обучения с использованием платформы Microsoft Teams студентов русской филологии. В статье рассматриваются преимущества платформы Microsoft Teams, особенности бакалаврских работ – процесс выполнения дипломной работы, выбор темы, роль научного руководителя, отношения между научным руководителем и студентами, а также защита дипломной работы.

Ключевые слова: дистанционное обучение, бакалаврский семинар, платформа Microsoft Teams.

Дистанционное обучение

С такими терминами, как дистанционные формы обучения, дистанционное обучение, онлайн-уроки, дистанционные модели образования, цифровая трансформация – мы постоянно сталкиваемся уже с марта 2020 года, когда Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила пандемию коронавируса (COVID-19), и всем учебным заведениям почти всех стран мира пришлось максимально быстро приспособиться к новым условиям и полностью перейти на дистанционное обучение.

На сегодняшний день накоплен достаточно большой опыт использования дистанционных моделей, существуют различные классификации и анализ эффективных методов обучения. Развитию теории дистанционного обучения также способствовали многочисленные работы российских и зарубежных исследователей, занимающихся различными аспектами дистанционного обучения. К примеру, Е.С. Полат со своими сотрудниками занималась вплотную проблемами дистанционного обучения уже с 1993 года [Полат Е.С. 2004: 8]. Н.Н. Антонова и С.А. Володина анализировали психолого-педагогические аспекты организации дистанционного образования в педагогических вузах [Антонова Н.Н., Володина С.А. 2017: 60-62]. В.С. Шаров рассматривал дистанционное обучение как форму, технологию и средство [Шаров В.С. 200: 236-240]. В.Л. Шатурновский и Е.А. Шатурновская описывали особенности организации и обеспечения дистанционного обучения [Шатурновский В.Л., Шатурновская Е.А. 2020: 53-56].

Существует много трактовок понятия «дистанционное обучение». Одна из трактовок дистанционного обучения принадлежит А.А. Андрееву и В.И. Солдаткину: *Дистанционное*

обучение – это целенаправленный процесс интерактивного взаимодействия обучающихся и обучающихся между собой и со средствами обучения, инвариантный (индифферентный) к их расположению в пространстве и времени, который реализуется в специфической дидактической системе [Андреев А.А., Солдаткин В.И. 1999: 33]. Е.С. Полат приводит сравнительный анализ нескольких определений дистанционного обучения, в том числе следующую формулировку: *дистанционное обучение – это форма обучения, при которой взаимодействие учителя и учащихся между собой осуществляется на расстоянии и отражает все присущие учебному процессу компоненты (цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения), реализуемые специфическими средствами интернет-технологий или другими средствами, предусматривающими интерактивность»* [Полат Е.С. 2004: 17].

А. Г. Азимов указывает, что богатый научно-методический опыт касается в основном асинхронных дистанционных форм обучения, в то время как онлайн-уроки до сих пор разработаны недостаточно и нет достаточного количества реального опыта внедрения дистанционных технологий в практику обучения языкам [Азимов Э.Г. 2020: 39–53].

Требование моментального, длительного и всеобщего перехода на дистанционное обучение оказалось весьма неожиданным и проблемным для многих субъектов образовательного пространства во всём мире, в том числе и высших школ Польши.

Платформа Microsoft Teams в обучении студентов

Жешувский университет (Польша) в половине апреля 2020 года осуществил централизованный переход на дистанционное образование, используя электронную платформу Microsoft Teams. Она была для всех новой и не использовалась преподавателями до периода самоизоляции.

Microsoft Teams – это платформа, позволяющая проводить лекции и видеозанятия в онлайн-режиме для групп пользователей. Она является простой и удобной в использовании. Её нужно скачать из интернета и установить Microsoft Teams на своем компьютере. После создания команды можно вручную добавить участников или выслать им ссылку для подключения к команде (или к конкретному каналу). Зайдя в систему, мы можем как присоединиться к существующей команде, так и создать свою команду (рис. 1).

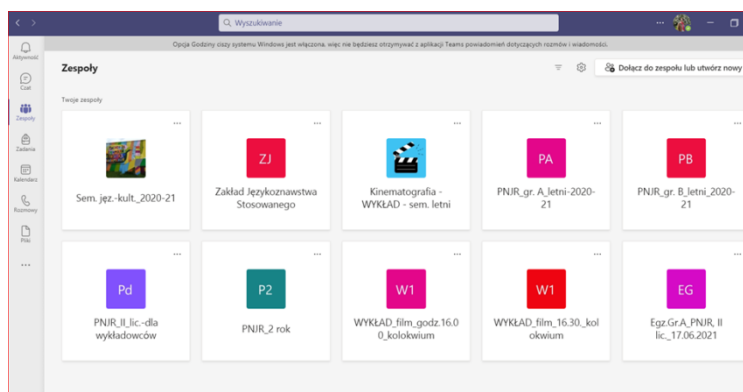

Рисунок 1. Вид экрана Microsoft Teams

Также в программе имеется возможность добавления файлов и запуска приложений (рис. 2).

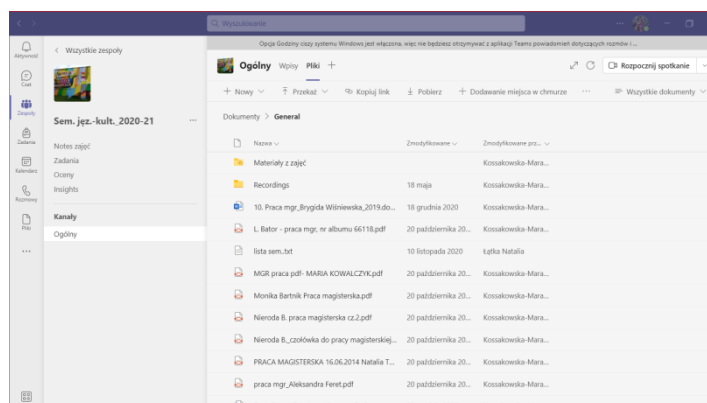

Рисунок 2. Добавление файлов в Microsoft Teams

Когда видеозанятие начинается появляется возможность воспользоваться функцией записи занятия для последующего пересмотра и лучшего усвоения материала в удобное для студентов время. Имеются дополнительные возможности программы Microsoft Teams, например, можно открыть загруженные файлы презентаций и в реальном времени выполнять надписи и рисунки на экране с помощью различных инструментов (аналогично программе Paint), а также в дальнейшем удалять эти надписи.

Данная программа дает возможность формировать и развивать коммуникативные навыки студентов в режиме реального времени. Платформа позволяет организовать дискуссии, дебаты, «круглые столы», ролевые игры и т.д. Кроме того, платформа обладает функцией, позволяющей организовать работу в парах или группах в отдельных сессионных залах. Таким образом, все студенты без исключения участвуют в процессе общения на иностранном языке. Платформа Microsoft Teams даёт возможность также организовать онлайн-выступление студентов перед группой. Для этого преподаватель переключает общую трансляцию со своего рабочего стола на рабочий стол выступающего и передает слово студенту. Во время выступления студента слушатели имеют возможность включаться в обсуждение, комментируя выступление в чате. Подготовленный для занятия мультимедийный материал преподаватель может транслировать, он может поделиться с присутствующими на занятиях студентами текущим видом экрана компьютера и начать демонстрацию презентации или других учебных материалов, а также использовать экран в качестве интерактивной доски. Во время занятия имеется возможность организовать совместную работу в таких приложениях, как Word и PowerPoint [см. Мирзамова А.С. 2021: 429]. Платформа Microsoft Teams помогает правильно организовать процесс обучения – она позволяет назначать и напоминать время занятий, консультаций, зачетов и экзаменов во встроенном календаре. Платформа постоянно обновляется и появляются всё новые возможности программы Microsoft Teams, которые можно использовать в учебном процессе.

Особенности бакалаврской диссертации в польских университетах на факультетах гуманитарных наук

Бакалаврская диссертация – это, по-другому, дипломная работа студента. Также это первое научное исследование студента, за которое он получает первую степень высшего образования. В Институте нефилологии Жешувского университета разработаны общие методические указания, содержащие основные (общие) сведения о правилах и требованиях, предъявляемых к написанию, оформлению и защите дипломной работы⁴.

Мною были разработаны методические рекомендации, которые содержат подробную информацию о правилах и требованиях, предъявляемых к написанию и оформлению дипломной работы студентов именно русской филологии (рис. 3)⁵.

WYTYCZNE-REDAKCYJNE DLA AUTORÓW PRAC DYPLOMOWYCH (licencjackich lub magisterskich) przygotowywanych w Katedrze Rusycystyki UR	
SPIS TREŚCI	
1. → Uwagi ogólne.....	2 □ □
2. → Struktura pracy.....	2 □ □
3. → Formatowanie tekstu pracy.....	3 □ □
4. → Cytowanie.....	5 □ □
5. → Przypisy.....	7 □ □
6. → Bibliografia.....	9 □ □
7. → Załączniki.....	10 □ □

Рисунок 3. Методические рекомендации на польском языке

Дипломная работа является выпускной работой студента. Студент-дипломник впервые самостоятельно выполняет дипломную работу, используя весь комплекс знаний и практических навыков, полученных в течение всего курса обучения в вузе. В связи с этим выполнение дипломной работы предполагает овладение методикой и техникой научного труда, поэтому к её оформлению предъявляются те же требования, что и к обычной научной

⁴ Общие методические указания на польском языке для всех студентов Коллегии гуманитарных наук Жешувского университета см.: *Regulamin Dyplomowania Studentów w Kolegium Nauk Humanistycznych Uniwersytetu Rzeszowskiego, który obowiązuje od roku akademickiego 2019/2020 Regulamin dyplomowania Uchwała okołoregulaminowa.pdf*; *Wzory strony tytułowej pracy dyplomowej i oświadczenie studenta o samodzielnym przygotowaniu pracy dyplomowej (Załącznik nr 2 do Zarządzenia nr 61/2018 Rektora UR z dnia 19 grudnia 2018 r)* są udostępnione na stronie internetowej Kolegium Nauk Humanistycznych: <https://www.ur.edu.pl/kolegia/kolegium-nauk-humanistycznych/student/regulaminy-wzory-pism-i-pliki-do-pobrania>.

⁵ Методические рекомендации на польском языке для студентов русской филологии. Внутренние материалы Кафедры.

публикации. Как показывает практика, не каждый студент умеет правильно работать с научной литературой. У многих не сформирована культура письменной речи, в основе которой лежит научный стиль.

В дипломной работе выпускник доказывает, что знаком с библиографией, умеет самостоятельно находить источники, анализировать документы и обобщать материал, имеет навыки изучения литературы и демонстрирует умение грамотно сформулировать и изложить свои мысли и выводы.

В дистанционном образовательном формате одним из самых актуальных является вопрос: как эффективно и целесообразно организовать самостоятельную познавательную деятельность студентов, чтобы они были в состоянии написать бакалаврскую работу. Поскольку самостоятельная работа студентов занимает значительное место по количеству отводимых на нее часов в учебном плане, для любого преподавателя важно представлять, какие формы, методы, способы организации целесообразно использовать.

Основное взаимодействие педагога и обучающихся ведется именно на платформе Microsoft Teams.

Процесс выполнения дипломной работы студентами университета состоит из следующих этапов:

1. Выбор и утверждение темы дипломной работы.
2. Выполнение и оформление дипломной работы.
3. Утверждение работы научным руководителем.
4. Рецензирование дипломной работы (если работа прошла через систему антиплагиата) и допуск студента к защите дипломной работы.
5. Защита дипломной работы.

Первых два этапа связаны непосредственно с проведением бакалаврского семинара – целью занятий является ознакомление с методами научного поиска, составление библиографии по теме, ознакомление с правилами цитирования и оформления ссылок на научную литературу, конспектирование и реферирование источников. Кроме этого в бакалаврском семинаре студент приобретает опыт выступлений с рефератами и докладами, участвует в дискуссиях, учится отстаивать свою точку зрения и оппонировать своим коллегам.

Обратим внимание на особенности каждого этапа в условиях дистанционного обучения.

1. Выбор и утверждение темы дипломной работы. На этом этапе работы над исследованием необходимо определить и направить исследовательские интересы студента, описав возможное поле для исследований. Этот этап должен быть реализован в процессе

общения педагога и студента. В дистанционном обучении это общение может быть только с использованием ИКТ. Одной из задач научного руководителя является определение вместе со студентом такого направления исследования, которое представляет интерес для студента. Правильный выбор темы дипломной работы – это уже половина успеха. Студент может выбрать тему дипломной работы из числа тем, предложенных научным руководителем, или выдвинуть ее самостоятельно. Целесообразным является ознакомление студентов с бакалаврскими работами, имеющимися в библиотеке Кафедры русистики. Это, несомненно, помогает понять студентам какие могут быть темы работ, как оформлена бакалаврская работа, из каких частей она состоит и т.д. В условиях дистанционного обучения студенты знакомились с другими работами на платформе Microsoft Teams, так как у каждого печатного варианта работы имеется тоже диск с электронным вариантом. У каждого студента был свободный доступ к тем электронным вариантам, которые преподаватель разместил на платформе. В нашем случае это было около 10 дипломных работ. Во время нескольких первых занятий мы со студентами анализировали бакалаврские работы на платформе Microsoft Teams, уделяя много внимания методологической части, а также рассматривали, какие другие аспекты русской культуры можно анализировать и как сформулировать тему дипломной работы. На определение темы студенту даётся приблизительно месяц, если семинарные занятия ведутся только один учебный год, как было в нашем случае. Иногда студент сразу понимает, какую тему выбрать, иногда ему требуется больше времени на размышления. Окончательно тема дипломного исследования утверждается на заседании Института в конце первого семестра последнего курса.

В учебном году 2020-21 студенты бакалавриата кафедры русистики выбрали следующие темы дипломных работ по культуроведению:

1. Образ общества в фильмах Андрея Звягинцева.
2. Образ общества в фильмах Юрия Быкова.
3. Образ общества в кинематографе Анны Меликян.
4. Зима в русской культуре и кинематографе.
5. Мужчина в русской культуре и кинематографе.
6. Образ женского счастья в российском кинематографе.
7. Отец в русской культуре и кинематографе.
8. Квартирный вопрос в русской культуре и кинематографе.
9. Жена в русской культуре и кинематографе.
10. Особенности летнего туризма в России *(на польском языке)*.
11. Дача в русской культуре и кинематографе.
12. Мать в русской культуре и кинематографе.
13. Студент в русских реалиях и культуре.

Все темы были связаны с русской культурой и русским кинематографом в частности. У студентов был выбор на каком языке писать дипломную работу – польском или русском. Все, за исключением одной студентки, выбрали русский язык.

2. Выполнение и оформление дипломной работы. Это самый насыщенный и длительный по времени этап, состоящий из следующих элементов:

- изучение методических рекомендаций, предъявляемых к дипломной работе – общих (для всех студентов Коллегии гуманитарных наук Жешувского университета) и конкретных (для студентов Кафедры русистики) в которых указаны основные сведения о правилах и требованиях, предъявляемых к написанию, оформлению и защите дипломной работы;

- составление библиографии, изучение научной литературы, составление плана – план составляется после выбора темы, одновременно идет подбор источников и литературы. Наличие подробного плана позволит целенаправленно подбирать источники и литературу, оптимизирует работу с ними. В плане целесообразно наметить примерный объем каждого раздела, что позволит не допустить увеличения объема работы;

- обработка, анализ и обобщение собранных материалов;

- подготовка текста дипломной работы – устранение замечаний и предложений, высказанных научным руководителем, итоговое оформление.

На платформе Microsoft Teams преподаватель и студенты могут обмениваться ссылками на документы, обсудить уже выполненные этапы работы, обсудить проблемные вопросы. Научный руководитель знакомит с основной литературой, дает характеристику литературных и других источников по теме, оказывает помощь в разработке календарного графика на период выполнения дипломной работы, проводит систематические, предусмотренные расписанием консультации, проверяет выполнение работы по частям и в целом. Отдельное внимание следует уделить источникам изучения научной литературы представленным в электронном виде, в частности, использованию научных электронных библиотек «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru/>) и «eLIBRARY.RU» (<https://elibrary.ru/>), что позволяет во время общения познакомиться с актуальными исследованиями в избранной области и даёт возможность студентам использовать их в своей дипломной работе.

Важно обращать внимание студентов на то, чтобы содержание работы отвечало плану и раскрывало предмет и объект исследования. Формулировки глав (параграфов) должны раскрывать содержания исследуемого предмета по избранной теме. Конечный результат должен отвечать цели исследования, выводы отражать поставленную задачу. Отдельное внимание следует уделить указаниям источников и авторским правам. Библиографическое описание источников в списке использованной литературы должно быть приведено согласно требованиям, находящимся в методических указаниях. Работа должна быть выполнена аккуратно, без грамматических, орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок.

Общение во время занятий или консультаций может быть организовано с одним студентом, с отдельными группами студентов или полностью со всей группой – всё зависит от этапа разработки дипломной работы и от потребностей данного студента. Индивидуальная работа студента с научным руководителем может иметь форму беседы и / или консультации. При удаленной работе в Microsoft Teams студент может поделиться своим рабочим столом, включив функцию «демонстрация экрана» – преподаватель видит, какие ошибки в его реферате (плане работы, части работы и т.п.), или что студент записывает, и может сразу сделать замечание, а студент может сразу исправить или же записать, что надо изменить или исправить. Функция «демонстрация экрана» даёт возможность студенту одновременно с преподавателем работать над каким-то фрагментом дипломной работы студента. Благодаря этому у преподавателя нет необходимости распечатывать огромное количество рабочих вариантов дипломных работ всех студентов. Следует отметить, что уровень компьютерной грамотности студентов бывает очень разным – одни очень продвинутые и легко учатся новому, у других уровень владения теоретическими практическими основами информационных и коммуникационных технологий средний или низкий. К недостаткам работы на платформе следует отнести прежде всего технические сложности – проблемы со связью, проблемы с изображением или звуком, отсутствие у студентов новых версий текстового процессора Microsoft Word.

При взаимодействии преподавателя со студентами необходимо создать дружелюбную атмосферу, ориентироваться на повышение активности студентов и установление с ними обратной связи. При этом преподавателю надо быть выдержанным, тактичным и уметь владеть собой.

3. Утверждение работы научным руководителем. После завершения дипломной работы она представляется научному руководителю, который её утверждает, а затем проверяет в системе «Антиплагиат» (рис. 4.).

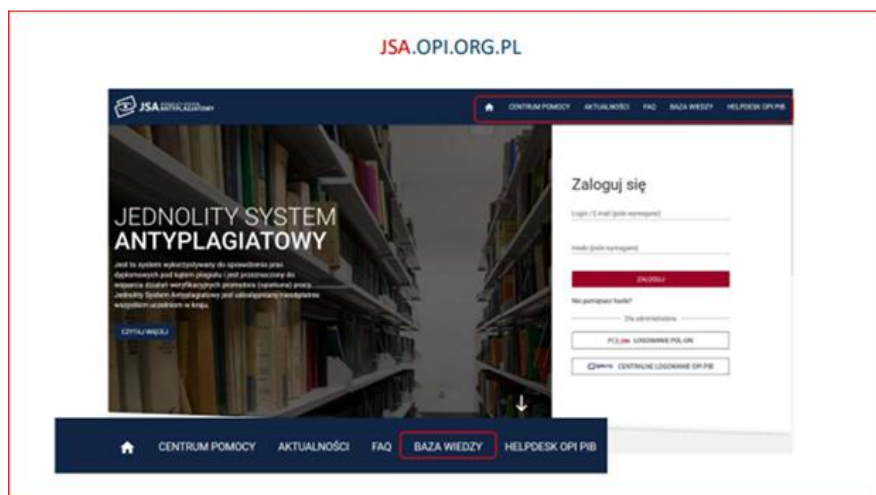

Рисунок 4. Система антиплагиата

Окончательное решение о правомерности использования заимствований в дипломной работе на основе отчета о результатах проверки в системе «Антиплагиат» принимает научный руководитель (рис. 5). Если работа прошла через систему антиплагиата – она направляется на рецензию. Студент распечатывает один экземпляр дипломной работы, который в дальнейшей направляется в архив.

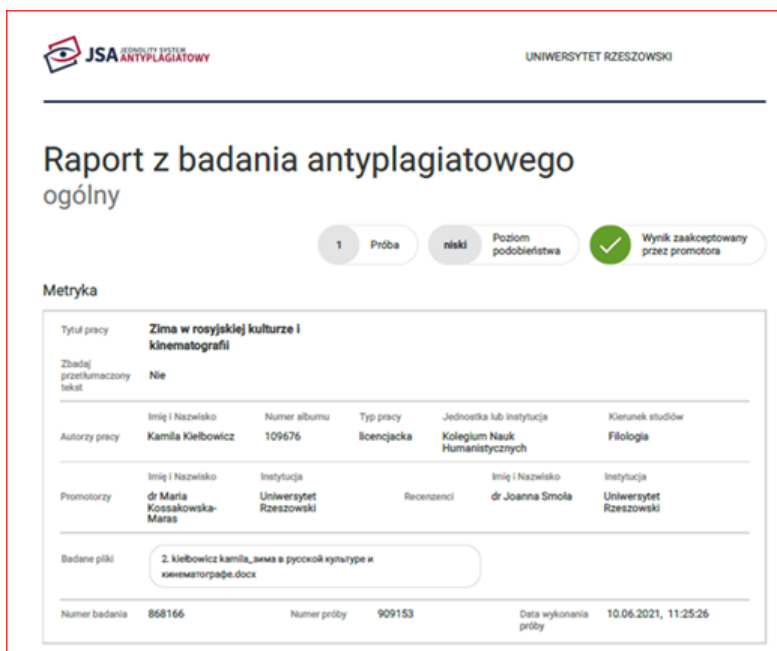

Рисунок 5. Результат проверки дипломной работы на наличие заимствований

4. Рецензирование дипломной работы и допуск студента к защите дипломной работы. Научный руководитель дипломной работы и другой ведущий научный работник готовят рецензии на основании электронных вариантов дипломной работы. Если рецензии положительные, студент допускается к защите дипломной работы согласно утвержденному на кафедре графику.

5. Защита дипломной работы. Защита дипломной работы в учебном году 2020-2021 могла происходить дистанционно платформе Microsoft Teams или в вузе с соблюдением всех санитарно-эпидемиологических норм. Все студенты выбрали вариант в вузе.

На защите дипломной работы присутствует студент и комиссия, состоящая из председателя в лице заведующего кафедры, научного руководителя и рецензента. По особому желанию студента при защите могут присутствовать другие преподаватели или другие лица, например, члены семьи, однако это случается очень редко. Защита работы включает ответы на вопросы, поставленные научным руководителем и рецензентом. Оценку за дипломную работу, экзамен и общую оценку, которая будет на дипломе, студент получает сразу после ответов. Каждый студент приходит на определенное время, каждому студенту на ответ отводится 20 минут.

Следует обратить внимание, что в польских вузах во время защиты студент, в отличие от русских вузов, не готовит выступления перед комиссией с целью доказать, что он получил определенный багаж знаний за годы обучения в вузе и готов называться специалистом. Он не делает презентации или видеоролика, а просто отвечает на вопросы, которые могут быть связаны конкретно с темой работы, а могут касаться общей тематики. Таким образом он не получает возможности полностью представить результаты своего исследования, если не получит именно такого вопроса от комиссии.

Заключение

1. Полномасштабное развитие дистанционного образования в ближайшей перспективе неизбежно. Дистанционные образовательные технологии следует использовать независимо от того ведутся занятия в дистанционном формате или нет. Сочетание очного образования и дистанционных форм взаимодействия преподавателей со студентами даст возможность каждому студенту учиться в комфортном режиме, по индивидуальному для каждого образовательному маршруту, с использованием новейшей информации в электронных библиотеках, используя современные коммуникативные возможности.

2. Взаимодействие и правильные отношения между преподавателем и студентами способствуют возникновению хорошей рабочей атмосферы, влияют на повышение мотивации, открывают «глаза» студента на многое новое, а положительная энергия преподавателя переходит на студента.

3. Правильно подобранная тема дипломной работы даёт возможность студенту глубже познакомиться с проблематикой, заинтересоваться данной тематикой, писать работу с удовольствием и постоянным чувством открытия чего-то нового для себя, развивает его критическое и творческое мышление.

4. Использование современных дистанционных компьютерных программ будет способствовать повышению уровня образования и качества знаний студентов. Важнейшей задачей информатизации вузовской образовательной среды является воспитание самостоятельной, критически мыслящей личности, готовой осознанно строить собственную жизнь, повышать свой духовно-нравственный и профессиональный уровень.

Литература

- Азимов Э.Г. 2020 – Электронные учебники по русскому языку как иностранному: современное состояние и перспективы развития. *Русистика* № 1. Т. 18. – С. 39-53. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-1-39-53>.
- Андреев А.А., Солдаткин В.И. 1999 – *Дистанционное обучение: сущность, технология, организация*. Москва: Изд-во МЭСИ.
- Антонова Н.Н., Володина С.А. 2017 – Психолого-педагогические аспекты организации дистанционного образования в педагогическом вузе. *Мир науки, культуры, образования* № 5 (66) – С. 60-62.

- Мирзамова А.С. 2021 – Дистанционное обучение иностранному языку в высшей школе с использованием платформы Microsoft Teams, *Педагогика. Вопросы теории и практики* Т. 6., Выпуск 3 – С. 427-432.
- Полат Е.С. (ред.) 2004 – *Теория и практика дистанционного обучения*. Москва: Academia.
- Шаров В.С. 2009 – Дистанционное обучение: форма, технология, средство. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена* № 94 – С. 236-240.
- Шатурновский В.Л., Шатурновская Е.А. 2020 – Ещё раз о дистанционном обучении (организация и обеспечение дистанционного обучения). *Вестник науки и образования* № 9-1 (87) – С. 53-56.

M. Kossakowska-Maras
University of Rzeszow, Poland
marineczka@mail.ru

IMPLEMENTATION OF THE BACHELOR SEMINAR IN THE CONDITIONS OF DISTANCE
LEARNING USING THE MICROSOFT TEAMS PLATFORM

Abstract: The article is devoted to the preparation and defense of graduation (bachelor's) work in the context of distance learning using the Microsoft Teams platform for students of Russian philology. The article discusses the advantages of the Microsoft Teams platform, the features of bachelor's theses - the process of completing the thesis, the choice of the topic, the role of the supervisor, the relationship between the supervisor and students, as well as the defense of the thesis.

Keywords: distance learning, bachelor seminar, Microsoft Teams platform.

*Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 131-141. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.*

МЕТАЯЗЫКОВОЙ ДИСКУРС ДИАСПОРЫ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Елизавета Костанди
Тартуский университет, Эстония
jelisaveta.kostandi@ut.ee

Языковая рефлексия, сопровождая любую речевую деятельность, активизируется в определенных условиях, в частности, в диаспоре, в ситуации языковых контактов. В статье анализируются метаязыковые единицы в письменных текстах разных стилей и в устной речи русской диаспоры Эстонии. В фокусе внимания языковая рефлексия, связанная с выбором языка (русского или эстонского), регулирующая коммуникацию и реализующаяся в разных типах речевых актов.

Ключевые слова: языковые контакты, русская диаспора Эстонии, языковая рефлексия, сопоставительный аспект

Введение

Интерес исследователей к языковой рефлексии (далее – ЯР) «обычных» носителей языка, не специалистов, очевидным образом возрос в последние десятилетия, что связано как с произошедшим общим поворотом языкознания в сторону говорящего человека и, соответственно, антропоцентрического подхода, так и с изменениями в коммуникации, обусловленными социальными, технологическим, экономическими и иными факторами. Говоря о таких факторах, достаточно упомянуть, например, все большее взаимодействие и даже смешение языков и культур в ходе глобализации или сетевое общение, требующее от его участников все большего внимания к языковым вопросам и осмысления своего и чужого речевого поведения. Обращаясь же к русскому языку, нельзя в этой связи не сказать о таком проявлении его вариативности, как особенности русского языка и коммуникации на нем в разных странах, также, несомненно, активизирующие ЯР, побуждающие русскоговорящих людей размышлять о том, «на каком русском» и как они говорят. Характер ЯР в условиях диаспоры, в ситуации постоянных языковых контактов также привлекает все большее внимание исследователей.

ЯР, отраженная в русской речи в Эстонии, в какой-то мере косвенно затрагивалась во многих работах, посвященных особенностям русского языка в нашей стране, однако предметом специального анализа она стала сравнительно недавно – примерно в последнее десятилетие. Тем не менее, и за этот сравнительно недолгий период получены интересные

результаты, которые уже представлены в ряде публикаций⁶ как автора настоящей статьи [Костанди 2012; 2018], так и других исследователей [Деци 2018; Паликова 2010; Щаднева 2015], что позволило сделать некоторые обобщения, зафиксировать наиболее регулярные проявления ЯР диаспоры и представить их в виде типового метаязыкового дискурса диаспоры [Костанди 2016]. Однако ряд аспектов последнего не описан и не проанализирован, и языковая рефлексия диаспоры, несомненно, требует дальнейшего изучения.

Настоящая статья посвящена тому, что можно определить как сопоставительный аспект ЯР, т. е. тому, как в письменной и устной русской речи в Эстонии коммуникантами комментируются, характеризуются, оцениваются соотношение языков, их единиц, билингвальные речевые практики, иные речевые действия, порожденные ситуацией языковых контактов. Как показывает анализ материала, интересующий нас аспект имеет множество частных проявлений, которые, разумеется, невозможно рассмотреть в одной статье, поэтому ниже сосредоточимся на достаточно очевидной ЯР, регулирующей протекание коммуникации в двуязычной среде. Основная цель статьи – постановка вопроса о рассмотрении таких метаязыковых единиц (далее – МЕ) как речевых актов. В качестве примера одной из функциональных групп будут рассмотрены МЕ, связанные с ситуацией выбора языка, регулярной в условиях диаспоры. Выводы вытекают из анализа обширного и разнообразного материала (разговорная речь, медийные тексты, интернет-общение, художественные тексты, мемуарная литература, диалектная речь и др.), что, думается, позволяет дополнить имеющееся представление не только о рассматриваемом аспекте, но и о некоторых общих тенденциях реализации ЯР в условиях диаспоры.

Как известно, имплицитная ЯР и, соответственно, метаязыковая функция (далее – МФ), являются неотъемлемой частью речевой деятельности, регулярна и эксплицитная рефлексия, реализующаяся в МЕ, во многом детально описанных на материале русского языка в целом. Задачи настоящей статьи не требуют обзора всего сделанного в этой области, это и невозможно в рамках отдельной статьи, обратим, однако, внимание на один момент, значимый для нашего материала. При отсутствии полного единства как в терминологии (ср., например, используемые часто как синонимы термины языковая / метаязыковая рефлексия), так и в определении ЯР и, соответственно, МФ, последняя большинством авторов изначально трактовалась как функция толкования, целью которой является обеспечение единства кода и удачной коммуникации, что берет свое начало в классической работе Р. Якобсона: «Если говорящему или слушающему необходимо проверить, пользуются ли они

⁶ В настоящей статье частично используется речевой материал, рассмотренный в указанных публикациях под иным углом зрения, и новый материал. В письменных примерах сохранены стиль, орфография и пунктуация оригинала. В записях устной речи сохранены особенности речи говорящих, в том числе и речевые ошибки.

одним и тем же кодом, то предметом речи становится сам код: речь выполняет здесь метаязыковую функцию (то есть функцию толкования)» [Якобсон 1975: 202]. Вместе с тем, по мере расширения анализа данной функции расширялось и ее понимание: если первоначально хотя и говорилось о функции речи, но в дефинициях постоянно отмечалось толкование языка, языковых единиц, то со временем все больше подчеркивается именно речь, речевое поведение и его окружение. Так, например, о ЯР как об интерпретации фактов языка и речи пишет М.Р. Шумарина [Шумарина 2011], о «типе языкового поведения, предполагающем осмысленное использование языка» говорит Т.В. Шмелева [Шмелева 1999: 108], о «нерефлектирующей рефлексии говорящих», как о «спонтанных представлениях о языке и речевой деятельности, сложившихся в обыденном сознании человека» пишет Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 2000: 7]. Один из крупнейших специалистов в данной области, И.Т. Вепрева, говоря о рефлексивах, эксплицирующих ЯР, подчеркивает необходимость обращения к широкому контексту, отмечая, что «высказывания-рефлексивы погружены в определенный общекультурный, конкретно-ситуативный, собственно лингвистический контекст и описывают некоторое положение вещей» [Вепрева 2005: 8]. Ряд исследователей, анализируя ЯР, включают в число ее показателей и неязыковые средства, например, размер шрифта, смайлики, разные специальные знаки и т.п. Таким образом, к настоящему времени в понимании ЯР и МФ произошел очевидный сдвиг в сторону коммуникации, речевого поведения и даже «некоторого положения дел». Наш материал также свидетельствует о необходимости такого подхода и обращения к понятию речевых актов и речевых / дискурсивных практик.

1. Метаязыковой дискурс диаспоры

Прежде чем перейти к основной цели статьи, кратко охарактеризуем языковую рефлексивность диаспоры в целом, опираясь на уже существующие указанные выше работы по метаязыку в русской речи в Эстонии. Такая характеристика необходима для понимания ситуации в целом, того фона, на котором далее будут рассмотрены более частные вопросы.

В нашем материале обнаружены многочисленные разнообразные МЕ, посредством которых комментируются, характеризуются, оцениваются, сопоставляются самые разные аспекты языка и речи. Среди них частотны такие МЕ, которые обусловлены функционированием русского языка в диаспоре, имеющим свою специфику, приведем лишь некоторые примеры, относящиеся к разным функциональным стилям:

- (1) *Я хорошо говорил по-эстонски, даже у меня акцента не было. Шесть месяцев ни одного русского языка не слышал. Ни одного русского-то не было, я и научился за три месяца. Хозяин немножко умел по-русски, так вот скажет, как [Очерки по языку и культуре староверов Эстонии. I: 191].*

- (2) *A*⁷: Мы пойдём в этот... в *veekeskus*⁸? *B*: В **вóдный цéнтр** (подчеркивает интонационно русское наименование) *A*: Ну, в *водный центр* (разговорная речь).
- (3) Шли через **Клевёрную** (Имеется в виду река *Харьяпеа*, которую в 1937 году увели под землю⁹); <...> *Ситцевая улица в Karbiküla (Karbiküla (эст.)* – картонная деревня, часть района *Коппель* (нынешний *Копли*, *Таллин*), в 1920-е годы застроенная бараками и временками) [Иванов 2014].
- (4) *B1*¹⁰: Вот ты живёшь где? В **Усть-Нарве** или в **Нарва-Йыэсуу**? *B2*: В *Нарва-Йыэсуу*. *B1*: Вот! Тебя же коробит, когда кто-то говорит *Усть-Нарва*. *B2*: Нет. Ради бога, **пускай говорят!** <...> *B1*: Подожди-подожди-подожди ... Ты же тут как-то **поправлял наши тексты, что надо писать** <...> *Нарва-Йыэсуу*? <...> *B2*: Нет, ну в разговоре это нормально, а в тексте непонятно, о каком самоуправлении идет речь. <...> *B2*: Слушай, ты когда в *Псков* едешь, ты в **Псков** или в **Пихкву**¹¹ едешь? *B1*: (иронически) А что там навигатор говорит? *B2*: Навигатор вообще предлагает, если у тебя немецкая версия, в **Плескау** ехать (из телепередачи).

Приведенные примеры из устной речи носителей говоров (1), городских жителей (2), из художественного текста (3) и телевизионной передачи (4) дают некоторое представление о разнообразии тем, вызывающих рефлексию (знание и использование языков, использование эстонских и/или русских названий, вариативность местной топонимики и др.), и средств ее выражения (предложения, слова, интонация, оформление текста, например, использование сносок). Обзор имеющегося материала в целом свидетельствует о том, что рефлексии подвергаются практически все аспекты языка и речи и набор МЕ, или рефлексивов, велик. В то же время, сопоставление рефлексивов с «диаспорной» составляющей показало, что в речи разных говорящих и пишущих содержатся похожие содержательно, а порой и формально близкие метаязыковые единицы. Это позволило говорить об определенной степени стандартизации ЯР, о постепенной выработке, условно говоря, типового «дискурса о языке», или метаязыкового дискурса, основные зоны рефлексии, или ключевые компоненты, которого следующие:

- общая характеристика ситуации языковых контактов, сосуществования народов, языков, обычаев и т. д.;

⁷ А и Б – собеседники, обсуждающие общие планы на ближайшее время.

⁸ *Veekeskus* (эст.) – ‘водный центр, спа-центр’.

⁹ Приведенное в скобках в тексте романа русского писателя Эстонии А. Иванова является авторскими пояснениями, технически оформленными как постраничные ссылки.

¹⁰ *B1* и *B2* – ведущие телепередачи.

¹¹ *Pihkva* (Pihkva) – эстонское название Пскова.

- характеристика, оценка знания языков, их использования кем-либо;
- описание, характеристика конкретных коммуникативных ситуаций использования разных языков;
- характеристика эстонских и русских (реже иных) слов, выражений, речевых практик, их соотношения и т. п.

Приведенный перечень компонентов является максимально обобщенным, а метаязыковой дискурс диаспоры (более детальное описание и примеры см. в [Костанди 2016]) понимается как инвариант, на практике реализуемый в частных вариантах. Во всех перечисленных компонентах в какой-то мере содержится элемент сопоставления языков, что естественным образом вытекает из самой ситуации сосуществования в стране двух наиболее распространенных языков, государственного – эстонского и языка диаспоры – русского. Кроме того, выделяются МЕ, в которых сопоставление находится в фокусе авторского внимания, на наиболее очевидных проявлениях чего и остановимся далее.

1.1. Сопоставительный аспект метаязыкового дискурса диаспоры

1.1.1. Метаязыковые высказывания как речевые акты

Анализ материала показал, что МЕ сопоставительного характера регулярно не представляют собой некое отвлеченное сопоставление языков и их единиц, а вытекают непосредственно из функционирования языка, из коммуникации, частью которой они и являются, зачастую организуя ее протекание как сопоставление языков «в действии», т. е. речи на разных языках. Для пояснения данного тезиса сравним следующие примеры:

- (5) а) *Вот как говорили: на гринкиной копле мы играли в лапту. А что такое копля? Korrel — это поляна такая* [Очерки по языку и культуре староверов Эстонии. I: 190]; б) *Спала я не в комнате, а там, где жарно молотили. Рига называлась по-эстонски, а как по-русски называется, я не знаю* [Очерки по языку и культуре староверов Эстонии. I: 263].
- (6) А: *Слушай, думаешь надо темы конференций переводить (на эстонский язык)? Вот как такое можно перевести (читает по-польски и по-русски)? В прошлом году мы на языке оригинала подавали, на латышском там, польском, русском. Б: Точно! Давай на языке оригинала* (из телефонного разговора).
- (7) Г: *«Динамо» был, ну, мужская организация. Потому что «Динамо» не только милиция и... ну-ну.. tuletõrjujad?* (произносит слово по-эстонски с вопросительной интонацией) В: *Ну... пожарные. Г: Püürivalvurid...* (вопросительно смотрит на ведущих) В: *Пограничники. Г: И пограничники, да* (из телепередачи).

В (5а, б) пожилые женщины, жительницы староверческих деревень в Эстонии, рассказывая о своем детстве, употребляют слова, которые они позаимствовали из эстонского языка,¹² и толкуют их. В обоих случаях рефлексия говорящих по поводу этих слов никак не регулирует последующую коммуникацию, женщины дальше продолжают рассказывать о своей жизни, а МЕ остались попутными вкраплениями. В (6) собеседники обсуждают необходимость и возможность перевода названий тем конференций для отчета по научной работе и решают, что не будут их переводить. В данном случае ЯР организует не ту коммуникацию, в ходе которой она появилась, а последующую – тексты отчетов, которые будут написаны вскоре. Пример (7) – фрагмент рассказа гостя телепередачи (Г) о спортивной команде «Динамо» с вставками, вопросами ведущего (В). Беседа идет на русском языке на русскоязычном телеканале ETV+, родной язык гостя эстонский, поэтому он допускает ошибки и иногда не может сразу вспомнить нужное русское слово, слегка запинаясь и произносит слово с вопросительной интонацией по-эстонски: *u... ну-ну.. tuletõrjujad*¹³. Ведущий помогает ему подобрать русское слово, однако тоже с некоторой заминкой: *ну... пожарные*. Далее повторяются те же речевые действия, но уже без заминок, что, как мы видим, определенным образом организует коммуникацию, «продвигая» ее. В нашем материале обнаружилось много такого рода речевых действий, содержащих ЯР, элемент сопоставления языков и предполагающих какое-либо внеязыковое или не полностью языковое добавочное действие (помощь, перевод, в том числе собственной речи, корректировка, одобрение, упрек, попутное информирование о значении, форме, употреблении слов, выражений и т. п.), которые можно назвать рефлексивами – речевыми актами. Так, следующий пример аналогичен приведенному выше (7) и иллюстрирует регулярную ситуацию: говорящий по-русски человек (Г) с родным эстонским языком не может сразу подобрать нужное слово, ведущий (В) телепередачи помогает:

(8) Г: Я думаю, что двадцать пять лет назад цель была таким, что обеспечить эстонцам все э-э-э... *tingimused*¹⁴? В: Условия. Г: Условия... для своей культуры, своего языка (из телепередачи).

Подобные высказывания, могут быть, как уже сказано выше, средствами осуществления действия иного характера, например, оценки использования собеседником с родным русским языком эстонских вкраплений-варваризмов и корректировки хода коммуникации:

¹² Эстонскими словами их считают сами говорящие, в действительности же эстонским языком слово *koppel* (огороженный участок для выпаса скота) заимствовано из немецкого, слово *riiga* имеет корни в финно-угорских языках, откуда вошло и в русский язык.

¹³ *Tuletõrjujad* (эст.) – ‘пожарные’.

¹⁴ *Tingimused* (эст.) – ‘условия’.

- (9) А: Нам сначала сделали *kiirtest*¹⁵, а потом уже *tavaline*¹⁶. Б: (иронически) Угу. Только **по-русски это называется экспресс-тест и обычный**. А: Ну... да... конечно. Ладно, **экспресс и обычный, пусть так**.

Разнообразие высказываний с метаязыковыми единицами, которые участвуют в регулировании коммуникации и выступают как речевые акты разного характера, требует их дальнейшего детального описания и анализа, в частности – выявления их тематических и функциональных групп. На данный момент такой анализ отсутствует, однако уже имеющиеся результаты позволяют предположить, что в основу описания и систематизации МЕ может быть положен характер речевого акта, совершаемого посредством метаязыковых высказываний. Продемонстрируем это на примере высказываний, относящихся к ситуации выбора языка, первые результаты наблюдения над которой были зафиксированы в [Костанди 2018].

1.1.2. Метаязыковые высказывания в ситуации выбора языка

Как отмечалось в указанной статье, выбор языка общения в условиях диаспоры является повседневной коммуникативной практикой, с которой сталкивается практически каждый человек. Этот выбор часто сопровождается формально выраженной языковой рефлексией, которая одновременно является еще неким добавочным действием или приводит к нему. На данном этапе исследования можно говорить о первичной систематизации материала с этой точки зрения. Приведем примеры, демонстрирующие, какие действия, порожаемые и/или осуществляемые метаязыковыми высказываниями, наиболее регулярно сопровождают выбор языка.

- Репрезентация общего положения дел, предполагающего возможность выбора языка:

(10) *И уж перевод будет оригинальным и можно будет читать субтитры, как мы уже привыкли в нашей стране это делать* (из телепередачи).

- Предположение о возможности выбора языка в конкретной ситуации:

(11) *Я думаю, там и на русском есть, посмотри* (разговорная речь).

- Сообщение о возможности выбора:

(12) А: *Вы там и на русском найдете, посмотрите, там есть иконка*. В: *Да мне все равно, могу на английском* (разговорная речь).

- Предложение выбрать язык:

(13) *Вы позвонили в <...>. Если Вы хотите **выбрать эстонский язык**, нажмите кнопку <...>, если Вы хотите **выбрать русский язык**, нажмите кнопку <...>*

¹⁵ Kiirtest (эст.) – буквально ‘быстрый тест’.

¹⁶ Tavaline (эст.) – ‘обычный’.

(автоответчик телеоператора, текст звучит на трех языках: эстонском, русском и английском).

- Вопрос о выборе языка:

(14) *К: На каком языке удобнее? П: Как хотите, все равно* (из диалога клиента и парикмахера).

- Фиксация выбора языка в определенных ситуациях:

(15) *Снова вернемся к замечанию... э-э к языковому замечанию. Иногда тебе приходит сообщение от твоего банка, хотя у тебя, ну, в твоём профиле прописан другой язык, тебе приходит сообщение на другом языке. Банк общается с тобой все-таки на том языке, на котором ты договорился общаться* (из телепередачи).

- Совет:

(16) *Вот смотрите, здесь есть на разных языках, выберите, на каком удобнее* (разговорная речь).

- Разрешение:

(17) *Как в колледже висят плакаты: «Здесь можно говорить по-эстонски – громко и неправильно!»* (из телепередачи).

- Запрет:

(18) *Иди домой, umbkeelne¹⁷. Не говори и не пиши по-русски! Забудь русский язык!* (из комментариев на: <https://rus.delfi.ee/>)

- Обоснование выбора языка:

(19) *У меня дети в эстонский садик пошли, русский дома выучим. А так будут знать два языка* (разговорная речь).

- Обсуждение возможностей / условий выбора языка:

(20) *Не думаю, что сейчас мое владение языком соответствует уровню B2, но его хватает, чтобы преподавать русский язык в эстонской школе. Я достаточно много говорю с учениками по-эстонски, например, объясняя грамматику или строение предложения. Разумеется, вся документация у нас также на госязыке. Иногда со мной мои коллеги-эстонцы ради разнообразия общаются по-русски, но это редко* (www.rus.delfi.ee).

Каждый из приведенных примеров может быть отдельно проанализирован, однако целью настоящей статьи является постановка вопроса о рассмотрении МЕ сопоставительного характера как речевых актов, обусловленных ситуацией языковых контактов, и нас интересует

¹⁷ Umbkeelne (эст.) – 'иноязычный'.

общее положение дел. Прокомментируем лишь некоторые моменты, важные для понимания приведенных примеров, связанных с ситуацией выбора языка.

Все высказывания (10 – 20) являются результатом языковой рефлексии, порожденной ситуацией сосуществования языков и возможностью выбора одного из языков или отсутствием таковой. Этот выбор может иметь разные реализации, такие, например, как возможность читать русские субтитры, сопровождающие звучащую эстонскую речь (10), обязательный выбор одного из вариантов телефонного номера (13), ироническое разрешение говорить по-эстонски «громко и неправильно» в колледже преимущественного русскоязычного города Нарва (17), агрессивный запрет на выбор русского языка со стороны русскоязычного пользователя, адресованный эстоноязычному пользователю, высказавшему свое мнение по-русски на русскоязычной странице местного новостного портала (18), выбор языка обучения, отличного от домашнего, с целью дать детям возможность овладеть двумя языками (19) и т. д. Как мы видим, действия в ситуации выбора языка, совершаемые с помощью МЕ, многочисленны, разнообразны, порой пересекаются, как, например, предположение (11) и сообщение (12), предложение (13) и совет (16), порой не определяются сколь-нибудь однозначно. Все это – свидетельство постоянной активной «работы» сознания говорящих / пишущих / слушающих / читающих, направленной на регулирование своих и чужих коммуникативных и иных действий, а также, думается, свидетельство необходимости детального описания и анализа языковой рефлексии, имеющей свою специфику в условиях диаспоры. Как нам кажется, анализ материала привел к необходимости сфокусироваться на рассмотрении МЕ как действий, как речевых актов. ЯР в ситуации сосуществования носителей разных языков, их постоянного взаимодействия и необходимости каждодневно решать вопрос о сопоставлении языков не отвлеченно, а в их функционировании становится, так сказать, рефлексией-действием. В нашем материале есть и метаязыковые высказывания, описывающие ситуацию выбора языка, однако не регулирующие непосредственное протекание коммуникации и совершение каких-либо действия участниками коммуникации или еще кем-то (ср. с примерами 5а, б). Они, разумеется, также заслуживают внимания, однако основная цель данной статьи предполагала сфокусированность на высказываниях иного характера – высказываниях-действиях.

Заключение

Обобщая сказанное выше, подчеркнем основные выводы, вытекающие из имеющегося на данный момент материала, которые, возможно, будут скорректированы в дальнейшем.

- Языковая рефлексия широко и разнообразно представлена в речи диаспоры.
- Значительная часть метаязыковых единиц (рефлексивов) обусловлена ситуацией языковых контактов и, соответственно, включает в себя самостоятельный или попутный элемент сопоставления языков и их использования.

- Метаязыковые единицы «диаспорного» характера регулярно определяются практикой функционирования двух (или более) языков, тем самым являясь речевыми / коммуникативными действиями / актами или их частью.
- Коммуникативная направленность – постоянная составляющая рефлексивов сопоставительной тематики, регулирующих речевую и порой сопутствующую неречевую деятельность в ситуации сосуществования языков, а точнее говоря, коммуникантов, использующих разные языки.

Очевидно, что аналогичные процессы происходят в речи не только русской диаспоры Эстонии, однако данные выводы основаны на анализе исключительно местного материала. В дальнейшем возможно их сопоставление с результатами анализа русской речи в условиях диаспоры в других странах и в языковой метрополии.

Литература

- Арутюнова Н.Д. 2000 – Введение. Наивные размышления о наивной картине языка. *Язык о языке*. Москва: Языки русской культуры. – С. 7-19.
- Вепрева И.Т. 2005 – *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС.
- Деци А. 2018 – Эстонские вкрапления в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Эстонии. *Ежегодник финно-угорских исследований. Yearbook of Finno-Ugric Studies № 2*. – С. 331-342.
- Иванов А. 2014 – *Харбинские мотыльки*. Москва: АСТ.
- Костанди Е.И. 2012 – Метаязыковые единицы в разговорной речи диаспоры. *Scientific Papers University of Latvia. Linguistics. Volume 772*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds. – С. 16-23.
- Костанди Е.И. 2016 – Метаязыковой дискурс диаспоры: инвариант и варианты. *W poszukiwaniu tożsamości językowej. Tom I*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. – С. 244–253.
- Костанди Е.И. 2018 – Типовой дискурс диаспоры: языковая самоидентификация. *Культурный ландшафт Пограничья: прошлое, настоящее, будущее. I*. Псков: изд-во Псковского государственного университета. – С. 114-120.
- Очерки по языку и культуре староверов Эстонии. I*. 2004, Тарту: изд-во Тартуского университета.
- Паликова О.Н. 2010 – Этикет в речи старообрядцев и в словаре говора. *Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования)*. Санкт-Петербург: Наука. – С. 424-434.
- Шмелёва Т.В. 1999 – Языковая рефлексия. *Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (8)*. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т. – С. 108-110.
- Шумарина М.Р. 2011 – *Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте*. Дис. ... д-ра филол. наук. URL: <https://www.dissercat.com/content/metayazykovaya-refleksiya-v-folklornom-i-literaturnom-tekste> (дата обращения: 12.09.2021).
- Щаднева В.П. 2015 – Региональные варианты русской речи в аспекте языковой рефлексии (на материале метаязыковых комментариев на интернет-форумах). *Rusistica Latviensis 5. Slavica – 2015: filoloģijas pētījumi*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds. – Р. 112-120.
- Якобсон Р. 1975 – Лингвистика и поэтика. *Структурализм: «за» и «против»*. Москва: Прогресс. – С. 193-230.

E. Kostandi

University of Tartu, Estonia

jelisaveta.kostandi@ut.ee

METALINGUISTIC DISCOURSE OF DIASPORA: A COMPARATIVE STUDY

Abstract: Metalinguistic awareness accompanies any speech production, and it becomes more salient in specific conditions, especially in diaspora settings and language contact situations. In this paper, I analyse metalinguistic units appearing in different text genres and the oral communication of the Russian diaspora living in Estonia. I focus on the emergence of metalinguistic awareness linked with language choice (Russian or Estonian) realised in different kinds of speech acts.

Keywords: language contacts, Russian diaspora in Estonia, metalinguistic awareness, comparative study

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОНЛАЙН-ПРИЛОЖЕНИЯ *КАНООТ*

Патимат Котикова, Лариса Норейко

МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия

pkotikova@mail.ru, nor-larisa@yandex.ru

В статье анализируется эффективность использования интернет – сервиса “Kahoot” как средства активизации и совершенствования аудитивной компетенции, а также более интенсивного вовлечения иностранных студентов в процесс изучения русского языка как иностранного. В статье описывается опыт работы обучения с использованием интернет – сервиса “Kahoot”, анализируются его результаты, которые показывают, что использование игровой платформы “Kahoot” при создании игрофицированной среды с использованием аутентичных текстов в обучении аудированию значительно повышает мотивацию студентов, формируют умения и навыки адекватного коммуникативного поведения инофонов в социально значимых ситуациях межкультурного общения.

Ключевые слова: аудитивные навыки, русский язык как иностранный, интернет-сервис Kahoot, аудитивная компетенция, аутентичные тексты, обучение аудированию, коммуникативное поведение инофонов.

Овладение устной коммуникацией начинается с аудирования, ибо оно наряду с говорением обеспечивает возможность общения на иностранном языке. Процесс аудирования представляет собой умение дифференцировать воспринимаемые звуки и слова, объединять их в смысловые синтагмы, осуществлять прогнозирование содержания, исходя из конкретной ситуации общения.

Поскольку общение процесс двусторонний, именно несформированность аудитивных навыков является причиной коммуникативных неудач. В связи с этим необходимо специально и регулярно учить пониманию звучащей иноязычной речи. Навыки аудирования формируются только в процессе восприятия речи на слух без опоры на печатный текст. При этом есть потребность учить понимать речь разного темпа, разного интонационного оформления и разного уровня языковой сложности.

Уточним содержание аудитивной компетенции. В современной методической литературе предлагается достаточное количество определений аудитивной компетенции. Так, например, Е.С. Каптурова полагает, что аудитивная компетенция актуализируется в способности и готовности осуществлять аудитивную деятельность на иностранном языке для достижения коммуникативных целей с оптимальными параметрами, под которыми понимается успешность, эффективность и интегративность обработки звучащей информации

[Каптурова Е.С. 2013: 7]. Другой методист Н.Л. Федотова под аудитивной компетенцией понимает «способность определять общую идею звучащего текста и имплицитно выраженный в нем смысл, различать эмоциональные состояния и значения высказываний, формулировать собственное отношение к услышанной информации» [Федотова Н.Л. 2013: 78].

Второе определение в наибольшей степени отражает коммуникативную сущность процесса аудирования, нацеленного на взаимодействие коммуницирующих сторон.

Главным стимулом в успешной учебной деятельности являются практическая направленность занятий, создание реальных ситуаций общения, увлекательность самого процесса взаимодействия участников учебного общения. Иными словами, такие качества учебного материала, как утилитарность, познавательность, разнообразие обеспечивают эффективное продвижение в овладении иноязычной речью. С этой точки зрения электронное приложение Kahoot предоставляет новые возможности для реализации поставленных методических задач, а именно создания условий для эффективного, увлекательного изучения иностранного языка.

Говоря об аудитивной компетенции, необходимо заметить, что она формируется сложнее и длительнее других компетенций. Аудирование – это сложный психолингвистический процесс, который связан с предшествующим академическим опытом студентов, особенностями их когнитивной базы, общим уровнем развития, объемом культурных и научных знаний.

Учащиеся часто с трудом распознают интенцию говорящего при прослушивании или просмотре аутентичного материала. А именно такой материал должен предъявляться при обучении аудированию. Перед преподавателем, таким образом, стоит задача использовать приёмы, обеспечивающие наиболее полное погружение аудитории в языковую среду.

Преодолеть сложности овладения аудивными навыками можно, если методически грамотно структурировать все этапы аудирования, правильно организовать самостоятельную работу. Например, целесообразно обратить особое внимание на подготовительный этап работы с аудиоматериалом. Это облегчит восприятие звучащей информации, позволит прогнозировать содержание, создаст необходимую мотивацию и заинтересованность в работе с данным материалом. Важно заметить, что звучащая речь должна произноситься в естественном темпе и с естественной интонацией на любом этапе изучения иностранного языка.

В целях приближения учебного общения к естественным условиям нам следует как можно чаще дополнять учебный материал аутентичными аудио- и видеоматериалами. Традиционно аутентичными принято называть «тексты, устные или письменные, которые являются реальным продуктом носителей языка» [Гончар И.А. 2011: 118]. С этой точки зрения, электронные ресурсы дают богатейший простор для выбора тем и сюжетов

прослушивания и их дальнейшей обработки. Аутентичными, таким образом, будут тексты интервью, фрагменты фильмов, аудио и видеосюжеты на ютубе. Единственным ограничением является уровень владения иностранным языком и предъявляемый стиль языка. Важно заметить при этом, что во время аудирования на любом этапе его изучения не следует давать учащимся печатный текст, так как это снижает эффективность аудирования и всех последующих заданий.

Намного эффективнее предложить студентам самостоятельно составить письменную версию звучащего текста или записать вопросы по тексту, которые потом интересно обсудить всем участникам.

Как известно, наибольшую трудность представляет смысловая обработка звучащего фрагмента. Это многоступенчатый процесс, состоящий из распознавания фонем, звуков иноязычной речи, узнавания смысловых фрагментов, лексического и грамматического понимания сообщения, выделения отдельных слов и предложений. И только после этой работы возможно понимание всего звучащего текста.

Особенно сложная работа заключается в узнавании слов в потоке речи, что связано с трансформацией звуков в непрерывной звуковой цепочке. В процессе прослушивания студенты должны также опираться на свои знания грамматических форм и лексики, осуществляя постоянный анализ смысла звучащей речи.

Традиционно мы рассматриваем аудирование как цель и как средство обучения. Аудирование как средство обучения способствует не только формированию аудитивных навыков и умений, но и навыков и умений в других видах речевой деятельности, позволяет достигать должного уровня владения иноязычной речью, совершенствует фонетические навыки инофона. Аудирование как цель обучения предполагает возможность получения и осмысления новой информации.

Трудности понимания чаще всего связаны с неразличением глухих и звонких согласных, мягких и твердых звуков, неумением выделять синтагмы. Кроме этого, трудности представляют лексические, словообразовательные и интонационные особенности звучащей речи. Поэтому такого рода трудности должны быть отработаны в заданиях до прослушивания предлагаемого фрагмента информации.

При использовании сервиса Kahoot мы учитываем уровень, интересы учащихся, а также их национальные особенности. Задания в игровой форме вносят разнообразие в занятие, повышают его эмоциональный фон, способствуют созданию соревновательной атмосферы. Живой языковой материал заданий дает возможность студентам использовать его в практике общения.

Приведем пример игровых заданий на платформе Kahoot, которые можно использовать, когда студенты изучают тему «Роль женщины в современном мире». Все

задания построены с использованием фрагмента «Пикник» из фильма «Москва слезам не верит» (1979, режиссер фильма Владимир Меньшов). Данный игровой ресурс позволяет создавать тесты Quiz, где четыре варианта ответа и тесты True / False (истинно / ложно). К каждому вопросу дается звучащий текст или ссылка на канал в YouTube.

В сервисе Kahoot имеется возможность организовать игровой тест либо классическим способом, где каждый студент играет за себя, либо можно организовать игру в командах (в этом случае перед тем как запускается время для ответа, у команд есть дополнительное время для совместного обсуждения).

Приведем пример игрового теста, где студент играет сам за себя. К каждому вопросу прикрепляется звучащий материал. Сразу после выполнения каждого задания присваиваются баллы не только за правильность ответа, но и за скорость выполнения теста. В тестах по аудированию мы можем проверить фонетические навыки и умения студентов различать твёрдые и мягкие, звонкие и глухие согласные звуки. Такие задания также направлены на формирование у пользователя РКИ навыков самоконтроля и самооценки. Иностранцам произношение русских согласных дается трудно. Часто студенты произносят согласные твердо вместо их мягких вариантов, что может приводить к искажению смысла, как, например, в словах: *живёт* и *живот*, *мил* и *мыло*.

Продемонстрируем это задание на примере:

1) выберите слово, в котором вы слышите только твердые согласные:

а) *шашлык*; б) *кандидаты*; в) *комплекс*; г) *момент*

2) выберите слово, в котором вы слышите три мягких звука:

а) *слишком*; б) *знаменитый*; в) *талантливый*; г) *получился*

Далее отбатывается умение различать звонкие и глухие согласные звуки, например:

3) выберите слово, в котором вы слышите только звонкие согласные звуки:

а) *хорошо*; б) *абсолютно*; в) *жизнь*; г) *должность*

4) выберите слово, в котором звук [Б] звучит как глухой [П]

а) *боялся*; б) *абсолютно*; в) *быть*; г) *больше*

Цель следующего задания – развитие у иностранных студентов навыка и умения различать интонационные конструкции (ИК), а также формирование произносительных навыков в области ритмической организации слова и интонации. В этом задании проверяется понимание интенций на слух: вопрос – переспрос, нейтральный вопрос, вопрос – удивление; выражение согласия / несогласия. Приведем примеры:

5) выберите правильный ответ: какую интенцию передает реплика:

- *Вы это серьёзно?*

а) нейтральный вопрос; б) вопрос - удивление

б) выберите правильный ответ: какую интенцию передает реплика:

- *О, это ещё успеется, до декабря времени много.*

а) согласие; б) несогласие

На заключительном этапе работы после просмотра видеосюжета, предполагается закрепление навыков употребления новой лексики, отработка функционирования новых слов и словосочетаний в предложении и в диалоге. Этот игровой тест мы предлагаем выполнять в командах. Так, студенты объединяются в группы и выполняют задания вместе, это особенно актуально при дистанционном обучении, когда у студентов отсутствует живое общение. Тест может выполняться в формате True / False (правильно / неправильно) или в форме вопросов.

Приведем пример игрового теста на семантизацию ключевых единиц, определяющих особенности развития диалога. Продемонстрируем этот тип заданий на следующих примерах:

7) Как вы понимаете значение выражения «за мной подарок»?

а) Это означает, что подарок вручат позже;

б) Это означает, что подарок находится за спиной.

8) Как вы понимаете значение выражения «комплекс неполноценности»?

а) Это убежденность, что человек не хуже других.

б) Это означает неуверенность в себе.

9) Как вы понимаете значение глагола «нахлебаться»?

а) Это означает «выпить много воды».

б) Это означает «пережить, испытать жизненные трудности».

В следующем задании мы проверяем понимание цели и мотива говорящего, характер его отношения к предмету речи и адресату, выраженные в видеотексте эксплицитно. Это задание мы предлагаем провести классическим способом, где каждый играет за себя, этот способ также достаточно эффективен, так как дает возможность студенту увидеть свой личный результат, а преподаватель, учитывая сделанные ошибки каждым студентом, может скорректировать работу над ними.

Работу на понимание смысла предложенного фрагмента можно организовать в формате теста Quiz, представляющего собой множественный выбор.

Приведем пример такого задания:

10) посмотрите фрагмент «Пикник» из фильма «Москва слезам не верит» и выберите правильный вариант ответа к каждому из заданий.

1. Героев связывают ...

а) родственные отношения;

б) годы учебы в институте;

- в) общие интересы и взгляды;
 - г) дружеские отношения.
2. Гоша (Георгий Иванович) – высококлассный специалист ...
- а) в научной сфере
 - б) в сфере образования
 - в) в рабочей сфере
 - г) в области медицины
3. Георгий Иванович (Гоша) считает, что мужчина по положению в семье должен быть ...
- а) выше женщины и получать зарплату больше
 - б) ниже женщины и получать зарплату меньше
 - в) главой семьи
 - г) заботливым семьянином
4. Георгий Иванович говорит с героями ...
- а) грубо
 - б) вежливо
 - в) равнодушно
 - г) эмоционально

Вопросы, связанные с использованием интернет сервиса Kahoot в практике преподавания иностранных языков, активно обсуждаются в отечественной методической литературе. Актуальность использования игровой платформы Kahoot не подвергается сомнению. Применению мобильного приложения “Kahoot” как средства геймификации в образовательной среде и оптимизации системы контроля на занятиях по иностранному языку посвящен ряд статей [Пак Л. Е., Данилина Е.К. 2019; Царев Р.Ю. 2017].

Приложение Kahoot! Рассматривается и как один из способов повышения мотивации учебной деятельности на уроках иностранного языка [Каравеева А., Скрынник Е. 2019: 43]. Все эти работы посвящены использованию интернет-сервиса Kahoot при создании игрофицированной образовательной среды на уроках английского языка в школе. Однако работы, посвященные использованию данного электронного ресурса в вузе в практике преподавания русского языка как иностранного, нам не встречались.

Мы считаем, что одним из достоинств интернет-сервиса Kahoot является возможность сохранить полученные результаты студентов для дальнейшего анализа преподавателем. Преподаватель имеет возможность сохранить все результаты учащихся путем экспорта в Excel-документ и сохранением его на своем компьютере или на Google Disk. Это дает преподавателю возможность пересмотреть содержание и представление учебного материала, выявить и проанализировать аспекты, которые у студентов вызывают затруднения. Кроме

того, в Kahoot есть возможность использовать режим «Ghost mode», который дает возможность студенту после неудачно выполненного теста пройти его еще раз, но уже с учетом результатов первого выполнения. Таким образом, Kahoot выявляет уровень знаний обучающихся между первым игровым тестом и всеми последующими. Кроме того, использование на занятиях Kahoot позволяет интенсифицировать учебный процесс: открывается возможность задать 10 из 10 вопросов каждому студенту в отличие от линейного опроса при работе в аудитории. Наш опыт показывает, что результаты исходного и конечного тестирования позволяют говорить, что учащиеся демонстрируют улучшение владения аудитивными навыками, а также лексико-грамматическими навыками. Когда все тестовые задания решены, студенты видят на экране свои результаты. На этом этапе преподаватель может провести анализ успешности выполнения заданий. Студентам предлагается оценить тест по пятибалльной шкале, выразить свое отношение к результатам, оценить соответствие теста изученным темам/материалам.

Полагаем, что наряду с существующими традиционными методами обучения русскому языку как иностранному, игровая форма обучения является эффективным методическим приёмом активизации учебного процесса. При дистанционном формате обучения она может быть весьма полезна.

Использование возможностей приложения Kahoot позволяет разнообразить учебный процесс и поддерживать интерес студентов к изучению русского языка. Важно при этом в процессе отбора материала учитывать потребности и интересы студентов, предлагать живой и актуальный для студенческой аудитории звучащий материал. Опираясь на внеучебные интересы студентов (развлечения, путешествия, видеоигры), можно отобрать тот материал, который, скорее всего, привлечёт внимание учащихся. И Kahoot как игровое приложение будет наиболее всего соответствовать решению этой задачи. Как известно, главной причиной снижения мотивации является однообразие форм учебной работы и отсутствие интереса к предлагаемому материалу. Кроме того, материалы должны соответствовать принципу информативности, познавательности, практической ценности. Нами было проведено анкетирование студентов об их мнении о результатах обучения с применением Kahoot. Полученные результаты позволяют сделать вывод об эффективности применения игрового ресурса Kahoot при обучении студентов русскому языку как иностранному.

Итак, с помощью электронного приложения мы можем отрабатывать и совершенствовать следующие операции, направленные на улучшение и развитие аудитивных навыков:

- А) распознавание звуков и слов, выделение синтагм в речевом потоке;
- Б) восприятие и понимание значения лексических единиц;
- В) осмысление значимой информации в предъявляемом тексте и ее интерпретация.

Следует выделить несколько уровней сформированности аудитивных навыков и умений. Низкий уровень будет означать общее или неточное представление о смысле звучащего фрагмента. Средний уровень демонстрирует возможность распознать ключевые лексические единицы и смыслы содержания, и высокий уровень обеспечивает полное понимание содержания и его адекватную интерпретацию.

Считаем, что продуктивной работой с прослушанным материалом можно считать создание своего письменного текста или устного сообщения на основе полученной информации, а также расширение лексического запаса.

В процессе работы предпочтение отдаем аутентичным материалам, представляющим интерес для студентов и позволяющим сформировать у них представление о современном состоянии русского языка.

Литература

- Гончар И.А. 2011 – Аудирование иноязычного текста как объект лингвистики и методики. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 9, вып. 4. – С. 118-120.
- Каптурова Е.С. 2013 – *Педагогические условия формирования иноязычной аудитивной компетенции будущих лингвистов в вузе*: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Орел.
- Пак Л. Е., Данилина Е. К. 2019 – *Азимут научных исследований: педагогика, психология*. №3 (28). Т.8. – С.199-210.
- Скрынник Е.С., Караваева А.А. 2019 – Приложение Kahoot! как один из способов повышения мотивации учебной деятельности на уроках иностранного языка. *Городской методический журнал*. № 1(21). – С. 43-49.
- Федотова Н.Л. 2013 – *Методика преподавания русского языка как иностранного*. Санкт-Петербург: Златоуст.
- Царев Р.Ю. 2017 – Применение КАНООТ! при геймификации в образовании. *Международный журнал перспективных исследований*. №1. Т.7. – С. 198-208.

P.B. Kotikova, L.N.Noreiko

*Lomonosov Moscow State University, Russia
pkotikova@mail.ru, nor-larisa@yandex.ru*

NEW OPPORTUNITIES FOR LEARNING TO LISTEN TO FOREIGN LANGUAGE SPEECH USING THE ONLINE APPLICATION KAHOOT

Abstract: The report analyzes the effectiveness of using the Internet service “Kahoot” as a means of activating and improving the auditive competence, as well as more intensive involvement of foreign students in the process of learning Russian as a foreign language. The report describes the experience of teaching using the Internet service “Kahoot”, analyzes its results, which show that the use of the game platform “Kahoot” when creating a gamified environment using authentic texts in listening training significantly increases the motivation of students, forms the skills and skills of adequate communicative behavior of foreign speakers in socially significant situations of intercultural communication.

Keywords: listening comprehension skills, Russian as a foreign language, Internet application Kahoot, auditive competence, authentic texts, listening training, communicative behavior of foreign speakers.

Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 150-155. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.

АВТОР И ГЕРОЙ В ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ СЛАВЫ СЭ

Евгения Кравченкова

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Россия
eakr@mail.ru*

Творческое наследие недавно ушедшего от нас Славы Сэ (Вячеслава Солдатенко) нуждается в литературоведческом анализе и включении в современный литературный процесс. В статье рассматривается проблема позиции автора в дебютной книге Сэ «Сантехник, его кот, жена и другие подробности» (2009). Поиски самоопределения заставляют писателя пройти через самоиронию, стилизацию, игру с читателем, трудную конкретизацию границ жанра книги. Эпистолярная форма «Сантехника...» раскрывает потенциал дара Славы Сэ и включает его творчество в традицию русской литературы.

Ключевые слова: современная русская литература, автор, читатель, блог, роман в письмах.

Вячеслав Солдатенко (1969 – 2021) в середине 2000-х годов увлекся написанием блогов в крайне модном тогда Живом Журнале. Спрятавшись за псевдонимом Слава Сэ, автор не затерялся на просторах русскоязычной блогосферы, а неожиданно для самого себя в 2009 году вышел на просторы «бумажной» русской литературы с книгой «Сантехник, его кот, жена и другие подробности». Спустя 12 лет после яркого и шумного дебюта писатель скоропостижно скончался от ковида, оставив читателям несколько талантливых книг и остроумных сценариев. Завершение творческого пути писателя всегда подталкивает литературоведа к анализу места автора в литературном процессе, тем более что рождение Славы Сэ как яркого блогера совпало с интереснейшим процессом сосуществования в одну эпоху литературы как таковой – бумажной, сетературы (произведений, живущих исключительно в Интернете) и аудиокниг, которые записывает сам автор, тем самым привнося в эпические жанры элементы драмы и театрального искусства.

В данной статье сосредоточимся на проблеме определения позиции автора в дебютной книге Славы Сэ. И в первую очередь необходимо разделить ипостаси автора, часто смешиваемые в литературоведении и в критических статьях. Б.О. Корман говорит о трех значениях слова «автор»: *«Прежде всего оно означает писателя – реально существовавшего человека. В других случаях оно обозначает некую концепцию, некий взгляд на действительность, выражением которого является все произведение. Наконец, это слово употребляется для обозначения некоторых явлений, характерных для отдельных жанров и родов»* (62, с.199) [Корман Б.О. 1971: 199]. И.П. Карпов разграничивает следующие смыслы

данного понятия: «1) автор как субъект деятельности, объективирующий свои внутренние (экзистенциальные) силы во всей структуре литературно-художественного произведения; 2) образ автора – персонаж, именуемый в литературно-художественном произведении «автором», выступающий в литературно-художественном произведении во внутренней сфере поэтической реальности равным другим персонажам; 3) субъект речи (повествователь); 4) автор биографический – писатель» [Карпов И.П. 1999: 258-259]. По мнению Н.Д.Тамарченко, «автор должен быть ограничен, с одной стороны, от писателя как исторического и частного лица, с другой – от различных «изображающих субъектов» внутри произведения (образ автора, повествователь, рассказчик)» [Литературная... 2001: 17].

Несмотря на разное количество ипостасей автора (три у Кормана и Тамарченко, четыре у Карпова), литературоведы сходятся в определении истинного, изначального автора как «носителя концепции всего произведения» [Корман Б.О. 1971: 199], как «источника единства эстетической реальности, инстанции ответственной за целостный смысл художественного высказывания» [Литературная... 2001: 17], как «субъекта литературно-художественной деятельности, результатом которой является литературно-художественное высказывание (произведение), в котором – в образно-знаковой форме – объективируется видение, понимание и эмоциональное восприятие мира и человека автором» [Карпов И.П. 1999: 258-259].

Жанр блога, который послужил отправной точкой для книги Славы Сэ, затрудняет определение авторского «я» и разграничение ипостасей автора. Формирование нового жанра блога в русской литературе – явление сложное и, скорее всего, еще не завершившееся. Слава Сэ интуитивно нащупывает самоопределение на протяжении всех ста двух отрывков (глав), составивших «Сантехника...». Изначальное намерение пользоваться никнеймом в ЖЖ не кажется странным: анонимность в Интернете является частью правил жизни и поведения в сети, а защита своего личного пространства, включая и родное имя, от множества часто незнакомых тебе лично фолловеров естественна. Уже в «Аннотации» к книге автор восклицает: «Кто это – сам Слава Сэ? Или его герой? Да и Слава Сэ ли он?» [Сэ С. 2009: 3]. Задумчивая интонация, характеризующая стиль писателя, намеренно стирает границу между автором и читателем – Сэ пускает подписчиков ЖЖ в самые укромные уголки своей жизни. Например, делится с ними трудными, мучительными переживаниями о разводе или о смерти давнего друга. Жанр блога у Сэ намеренно дневниковый: читая его ЖЖ до дрожи осознаешь правдивость всех перипетий жизни автора, сочувствие к горестям Славы пронзительно, потому что возникает ощущение общения с соседом или товарищем по работе где-то на кухне или в курилке – нет вымысла в словах блогера, нет «литературщины» в его Журнале. Читатель блога не видит тех «изображающих субъектов» (Н.Д. Тамарченко) в заметках Сэ,

которые являются частью любого литературного произведения – он видит жизнь, реальность, *«правду действительности»*, как писал И.А. Гончаров [Гончаров И.А. 1955: 67].

И одновременно, как будто в насмешку над наивным читателем блога, Сэ постоянно вводит в текст намеренные указания на литературную обработку своих заметок. Книга полна примерами обыгранных хрестоматийных цитат: *«как Катерина из “Грозы”»* [Сэ С. 2009: 54], *«половодье чувств»* [Сэ С. 2009: 12], *«толстой молнии подобный»* [Сэ С. 2009: 44] и т.д. Сейчас игровое цитирование уже больше воспринимается как признак интеллектуальной речи, когда собеседники во время разговора быстро определяют свой-чужой, и не обязательно поэтому привязывать заметки Сэ к произведению постмодернизма как литературного метода. Однако постоянные обращения автора к читателю в *«Сантехнике...»* уже точно характеризуют переход задушевного разговора с соседом на кухне в новое эстетическое единство – в произведение литературы. *«Читайте внимательно!»* [Сэ С. 2009: 10], *«Вот что я вам скажу, дорогие мои неосторожные читатели, необдуманно раскрывшие эту книжку»* [Сэ С. 2009: 48] и др. – взаимодействие автора с читателем намеренно подчеркнуто в произведении, что характеризует формирование фигуры повествователя как субъекта речи, согласно концепции автора И.П. Карпова.

Слава Сэ также активно пользуется приемом автокомментария. Каждый их отрывков книги имеет отдельный – иногда остросюжетный, иногда юмористический, иногда лирический – сюжет, по ходу развития которого автор не может удержаться от пояснений к технике создания литературного произведения. *«Ну, когда припрёт, пишу в Интернете рассказы про чужую страсть»* [Сэ С. 2009: 16], – восклицает автор вдруг в середине заметки о любовных томлениях коллеги Игоря. *«Видите, товарищи, у меня проблемы со смыслом. Он ускользает»* [Сэ С. 2009: 48], - горько жалуется автор, когда с темы нехватки еды вдруг перескакивает на красоту женских ног. Автор ведет сложный рисунок с героем в *«Сантехнике...»* - то сближаясь до неразличимости, то резко отдаляясь друг от друга, эти два субъекта изображения в литературном произведении трансформируют жанр блога в новый жанр. Но какой? Слава Сэ постепенно подходит к определению для самого себя в первую очередь, так что за книгу он в конце концов издал, в каком жанре природа его таланта реализуется наиболее полно?

В *«Сантехнике...»* поиски авторского «я» заводят Славу в эксперименты со стилизацией. Например, отрывок 5 написан «под Шукшина»:

«У нас было принято драться заборными досками. По субботам. Доски были частью нашей танцевальной традиции. После танцев полагалось оружие вернуть, откуда взял. Можно было не прибивать, хотя бы побросать под вишни. Селяне сами всё приколачивали на место таким гуманным способом, чтоб боевая доска легко отдиралась вновь и гвоздей из неё не торчало. У нас очень культурная была станица» [Сэ С. 2009: 12].

Быстрая кинематографическая экспозиция отрывка, любовный сюжет Паши Пятакова (даже фамилия шукшинская) и Лены, типаж «чудика» и счастливый финал сельских страстей – всё показывает пробу пера Сэ под «Сельских жителей» В.М. Шукшина.

Или отрывок 8 вдруг написан от имени дочки сантехника маленькой Лёли: *«И почему, скажите, нельзя добавлять в компот горошек? Прекрасный горошек, красный, синий, полпачки пластилина на него ушло, всем бы пить и радоваться, – отобрали, наорали.*

До ужина сплошная смурдятина. На ужин дали детскую национальную еду спагетти. Между прочим, если ребёнок немножко испачкал соусом брови, необязательно ржать и говорить «оближи их». Не семья, а лошади пржевальские, в эмоциональном плане» [Сэ С. 2009: 15].

Эксперименты со сменой «голоса» повествователя заканчиваются проникновенной самоиронией автора: *«Однажды усядусь писать. Стану вскидывать над компьютером руки, как какой-нибудь Прокофьев. Буду молотить по буквам много и вдохновенно.*

И конечно же, разбогатею» [Сэ С. 2009: 47].

Такое отношение автора к самому себе подкупает читателя искренностью и безыскусностью, такому автору безоговорочно веришь. По мере чтения «Сантехника...» автор становится всё более близким лично тебе человеком, и жанр блога окончательно разрушается, так как теперь возникает стойкое чувство, что Сэ пишет только тебе лично, единственному читателю его заметок, а не анонимной толпе фолловеров ЖЖ.

Возникает новый жанр, который утвердится по мере движения «Сантехника...» к финалу. Это жанр письма – того самого бумажного письма, которое уже забыто в электронный век мгновенных сообщений. Слава Сэ постепенно приходит к пониманию главной художественной особенности его книги. Отрывок 19 внезапно открывается для читателя этикетной формой письма:

«Самая моя прекрасная, я невыносимо, лопни моя голова, как хочу с тобой говорить, прямо сейчас. Но тебя нет нигде. Поэтому вот письмо. Слушай» [Сэ С. 2009: 28].

И завершается призывом – слишком личным и щемящим, чтобы ставить его в блог:

«Теперь ты расскажи что-нибудь. Желательно, чтоб упоминались твои голые ноги. И это, я очень скучаю» [Сэ С. 2009: 29].

Во второй половине «Сантехника...» эпистолярный жанр вступает в свои права более уверенно. Отрывок 63, в котором описываются страдания мужа, который оказался один на один с необходимостью прибираться в доме, заканчивается лихим обращением к читателям, в котором уверенность в том, что Сэ наконец-то нашел жанр для своих заметок, подчеркивается самоиронией над собой, своим характером, жизнью в целом и этикетными формулами писем (над знаком постскриптума):

«Мне с вами теперь некогда эпистолярничать. До полуночи надо перебрать фасоль, посадить сорок кустов, переловить детей, убаюкать медведя и познать самой себя. Если успею, скажу всем, что еду на бал, а сам мордой в тыкву – и спать.

А розы как-нибудь вырастут сами.

P.S.

Ещё позвоню Незабудкиной, спрошу, есть ли он на самом деле, этот Египет. Может враки всё...» [Сэ С. 2009: 79].

В предпоследней главке «Сантехника...» в жизни разведенного героя появляется некая Лариса Григорьевна, о которой нам неизвестно ничего, кроме ее красивых ног. Появление важного в судьбе героя лица подчеркивается формой обоих последних отрывков книги, которые представляют собой уже полноценные письма с традиционным зачином и финалом:

«Здравствуйте, ненаглядная моя дружочек Лариса Григорьевна.

Пишет вам известный бардовский аккомпаниатор Слава Сэ.

У нас всё хорошо, погода тоже. В пятницу был дождичек, потом молния» [Сэ С. 2009: 123], – так обращается герой к желанной женщине. Эпитет «ненаглядная» и синтаксическая структура первых предложений письма напоминают отрывки из фильма «Белое солнце пустыни», где Сухов мысленно пишет письмо любимой:

«Душа моя рвется к вам, ненаглядная Екатерина Матвевна, как журавль в небо».

Или: *«Добрый день, веселая минутка. Здравствуйте, бесценная Катерина Матвевна».*

Последние слова «Сантехника...» звучат по-домашнему ласково и тепло: *«И раз уж я тут главный, хочу передать монамуру Ларисе Григорьевне привет и ещё сказать вот что.*

Лариса Григорьевна. Вот мы вчера ходили в баню, там я не решился. У вас очень, очень красивые ноги». [Сэ С. 2009: 124].

Жанр блога, с которого начинал Слава Сэ, постепенно трансформируется в роман в письмах, что включает «Сантехника...» в традицию «бумажной» литературы, позволяет рассматривать автора как продолжателя традиции Ф.М. Достоевского и его «Бедных людей». Автор в «Сантехнике...» таким образом сближается с Макаром Деушкиным – он становится в ряд «маленьких людей» русской литературы. Ранимость, неприкаянность, стремление к своему маленькому счастью, жалость к людям и к себе, доброта и незлобивость – такие черты характера становятся определяющими для сантехника. Эпистолярная форма книги помогает Вячеславу Солдатенко, с одной стороны, быть бесстрашно искренним, ведь письмо читает всегда один человек – его адресат, а с другой, жестко ограничивает ипостаси автора Славы Сэ в художественном мире произведения. Во-первых, автор Слава Сэ собрал и опубликовал эти письма – его имя стоит на обложке книги, он их издатель. Во-вторых, автор

создал свое альтер эго как героя произведения, который в письмах рассказывает и о себе, и о других людях – в целом обо всем, что он видит вокруг или о чем вспоминает. В-третьих, автор строго отслеживает реакцию читателя на прочитываемое, корректирует читателя, держит читателя под контролем, потому что знает, что письма всё-таки увидят тысячи чужих глаз, и надо, чтобы они всё правильно поняли и истолковали.

Слава Сэ оставил небольшое, но очень интересное и ценное творческое наследие. Иронизируя над своим писательским даром, он «*ушел в великие русские писатели*» [Сэ С. 2009: 13], потому что с дебютной книги расширил границы молодого жанра блога, вступил в диалог с классикой, и тем самым включил свое творчество в литературную традицию.

Литература

- Гончаров И.А. 1955 – Лучше поздно, чем никогда. *Собрание сочинений: В 8 т. – Т. 8.* Москва: Художественная литература.
- Карпов И.П. 1999 – Автор. *Проза Ивана Бунина.* – Москва: Флинта-Наука.
- Корман Б.О. 1971 – Итоги и перспективы изучения проблемы автора. *Страницы истории русской литературы.* Москва: Советский писатель.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий.* 2001 – Под ред. А.Н. Николюкина. ИНИОН РАН. Москва: НПК «Интелвак».
- Сэ С. 2009 – *Сантехник, его кот, жена и другие подробности.* Москва: АСТ.

Е. Kravchenkova

Pushkin State Russian Language Institute, Russia
eakr@mail.ru

THE AUTHOR AND CHARACTER IN THE HUMOROUS PROSE BY SLAVA SE

Abstract: The works by the recently departed Slava Se (Vyacheslav Soldatenko) need literary analysis and inclusion in the modern literary process. The article deals with the problem of the author's position in Se's debut book "The Plumber, his Cat, Wife and Other Details" (2009). The search for self-determination forces the writer to go through self-irony, stylization, playing with the reader, difficult concretization of the boundaries of the genre. The epistolary form in "The Plumber..." reveals the gift of Slava Se and includes his works in the tradition of Russian literature.

Keywords: modern Russian literature, author, reader, blog, epistolary novel.

Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 156-164. ISBN
Балтийская международная академия, 2021.

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГОСТЕПРИИМСТВО»
В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Алина Кунусова

Сиенский государственный университет, Пизанский государственный университет,
Астраханский государственный университет, Италия – Россия
a.kunusova@gmail.com

Малика Кунусова

Астраханский государственный университет, Россия
mskunusova@yandex.ru

В фокусе исследования – реализация основополагающего для любой культуры концепта «гостеприимство» с точки зрения европейской и восточной паремиологической картины мира. Цель настоящей статьи – вербальная интерпретация этноориентированных и универсальных черт данной культурной доминанты в анализируемых языках.

Ключевые слова: языковое сознание, разноструктурные языки, паремии, гостеприимство.

«Гостеприимство» является фундаментальным концептом в культурно-национальном мировидении любого народа. В настоящей статье мы рассмотрим данное понятие сквозь призму трёх культур (русской, казахской и итальянской) на примере их паремиологического фонда.

Этимология русской и итальянской лексемы *гость* / *ospite* имеет схожее происхождение (в отличие от казахского *қонақ*). Итальянское слово восходит к латинскому слову *hospes* -*itis* из более древней формы XIV в. *hostipotis* “*signore dello straniero*”, состоящей из двух компонентов: *hostis* “*straniero*” (иностранец) и *potis* «*signore, padrone*» (хозяин). В подтверждение данной гипотезы реалистично происхождение русского слова «господин».

Действительно, в итальянском языке *ospite* означает и гостя, и хозяина, что подтверждается в современных толковых и переводческих словарях; хотя и употребляется в первом значении. В английском языке также есть историческая однокоренная подоплёка: *host* (похожее на итальянское *ospite*) – тот, кто приглашает; *guest* (сходный со словом *гость*) – тот, кого приглашают.

Русская лексема *гость*, по мнению Г.А. Крыловой, восходит к общеславянскому слову, имея аналоги и в неславянских языках. Лексикограф уточняет, что «первоначальное значение – «приезжий купец» – сохранилось в таком сочетании, как *гостиный двор*» [этимологический онлайн-словарь]. Н.М. Шанский считает, что оно «родственно нем. *Gast*

«гость», лат. *hostis* «чужеземец, враг» и др. Некоторые ученые считают суффиксальным производным (суф. -t-) от индоевроп. **hos* «поедать» (ср. др.-инд. *ghasati*). В таком случае *гость* буквально — «тот, кто ест, когда его в знак гостеприимства потчует хозяин» [этимологический онлайн-словарь].

Деривационный потенциал слова *ospite* не ограничивается производным *ospitalità* (гостеприимство), но и подтверждается другими, этимологически родственными: *ospitante* (принимающий), *ospitale* (гостеприимный), *ospitare* (приглашать), *ospedale* (больница), *ospizio* (хоспис). Следует отметить, что итальянский глагол *ospitare* включает в себя не только слово «приглашать», но и «приютить», и «разместить экспозицию», и «насчитывать какое-то количество жителей».

Наблюдается словообразовательная активность корня в казахском и русском языках, оформившаяся в следующие слова: гостеприимство – қонақжайлылық, мейманшылық, меймандостық; гостить – мейман болу, қонақтау; гостиная – қонақжай бөлме, қонақжай, мейманхана, гостиница – мейманхана, қонақ үй, қонақжай, қонақхана; угощать – қонақ ету. Функционирование в казахской паремии значительного количества сочетаний слов и дериватов от *қонақ*, таких как *қонақпаз*, *қонақжайлық*, *қонақ кәде*, *қонақ аяқ*, *қонақ хақы* и др. свидетельствует о связи лексемы с целенаправленной деятельностью человека, с важными аспектами его жизни, а также о значительной культурной разработанности слова, т.е. употреблении его в пословицах, поговорках, фразеологизмах, изречениях [Вежбицкая А.2001:36].

В казахском языке значение «гостеприимный» передают несколько лексем: *қонақуар*, *қонақжай*, *қонақшыл* с общим корнем «*қонақ*» (гость), в русском и в итальянском языках родственных слов такого типа нет. Наблюдаются абсолютные и контекстуальные синонимы во всех анализируемых языках: *радушный*, *хлебосольный*, *приветливый*, *любезный*, *тёплый*; *жайлы*, *жағдайлы*, *жайдары*, *сыпайы*, *құрмет көрсетуші*, *ізетті*, *мейманшыл*, *меймандос*; *accogliente*, *affabile*, *amichevole*, *caloroso*, *cordiale*, *gentile*.

В итальянском языке, в отличие от русского и казахского, непосредственно слово *гость* зачастую не входит в состав словосочетаний, связанных с ним, но сохраняет смысл, например: идти / ходить в гости – *fare una visita*, *andare a trovare* / *visitare* (нанести визит); принимать гостей; наряду с *ospitare* используются *avere/ accogliere gente/ visitatori a casa* (иметь / принимать народ дома); гостить у кого-то – *fermarsi da qualcuno* (остановиться у кого-то); входи, гостем будешь! – *entra, sei benvenuto!* (заходи, милости просим / добро пожаловать / тут тебе рады!). Глагол *гостить* отсутствует, он входит в состав словосочетания *essere ospite* (быть гостем). Кроме того, *essere ospite in qualcosa* означает быть новичком в чём-либо.

“*L’ospite è sacro!*” – восклицают итальянцы, транслируя через это выражение особое, сакральное, отношение к гостю (гость священен). У казахов гость тоже считался не просто сакральным, а посланцем бога, кочевники называли его *құдайы қонақ* (букв. «божий гость»). Одним из самых устойчивых выражений по отношению к гостю, бытующих и сегодня, является *қырықтың бірі Қыдыр* (один из сорока – *Қыдыр*). Святой Қыдыр, по мнению верующих, может вознаградить гостеприимного хозяина благополучием, счастьем, плодovitостью и всем тем, что содержит в себе понятие *құт* (благодать). Отсюда предостережение, зафиксированное в поговорке: *қонақты қуа берсең құт қашады* (букв. если гнать гостя, құт убежит). В противном случае обитатели дома будут беззащитными и несчастными – *құтсыз қалады* (останутся без благодати).

Люди были уверены, что радушная встреча и угощение гостей – это возврат долга Всевышнему: *қонақ асы – тәңір ақысы*. Считалось, что от гостя исходит божья милость (*қонақтан шарапат тиеді*). Поэтому независимо от возраста путника, его надо встречать так, словно это сам легендарный пророк Хызыр (Кыдыр), приносящий встретившимся с ним счастье и богатство: *алыстан келген 9 жасар баланы да 90 жастағы ақсақал қарсы алуға асығуда* (даже 9-летнего ребенка, прибывшего издалека, спешит приветствовать 90-летний старец).

Казахские традиции гостеприимства предполагают обязательное угощение (*дам ауыз тигізу*), включающее в себя ряд национальных блюд или как минимум кусок хлеба. В русской культуре принято встречать гостей на пороге своего дома хлебом-солью. Этот обычай пришел из глубины веков, когда соль являлась дорогим и ценным продуктом, и в той или иной степени сохраняется до сих пор. Хлеб-соль – это традиция приветствия гостей, демонстрация радушия, которая проявляется в паремиях: от констатации факта (*русский человек хлеб-соль водит*) до назиданий и норм поведения (*от хлеба-соли не отказывайся; хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай; хлеб-соль ешь, а правду режь; с кем хлеб-соль водишь, на того и походишь; спасибо тому, кто поит и кормит, и вдвое тому, кто хлеб-соль помнит*). Тема благодарности и её адекватности реализуется в следующих паремиях: *хлеб-соль – отплатное дело, за хлеб-соль не платят, кроме спасибо*; некоторые примеры отражают негативные стороны в отношениях гость – хозяин: *хлеб-соль есть, да не про вашу честь; велика твоя хлеб-соль, а все корочки*.

Итальянское гостеприимство ярко реализуется через гастрономическую составляющую, наличие большого количества продуктов – залог успеха: *cucina piena non teme ospiti improvvisi* (богатая кухня не боится непрошенных гостей); *a chi ha lardo e pane, non gli mancano ospiti* (у кого есть хлеб и лардо (продукт из свиного сала), у того не будет отбоя от гостей).

Огромную роль в этом контексте играет понятие «стол/обеденный стол». В итальянском языке лексема *tavola* входит в ряд пословиц и поговорок, в основном характеризующих взаимоотношения и правила поведения людей, сидящих за столом. Например: *a tavola fatti avanti e al lavoro stai in disparte* (за столом выступай вперёд, на работе – будь подальше); *a tavola non ci si fa pregare* (за столом не давай себя уговаривать); *a tavola non s'invicchia* (за столом не состаришься); *a tavola non si maligna, non ci s'adira e non si piange* (за столом не злорадствуют, не злятся, не плачут); *a tavola non si parla d'affari* (за столом не говорят о делах); *a tavola e a letto si va per invito* (за стол и в кровать нужно приходиться по приглашению); *a tavola si conosce la gente* (за столом узнаёшь людей); *bisogna alzarsi da tavola sempre con un po' d'appetito* (нужно всегда вставать из-за стола с чувством голода); *se vuoi la casa piena d'amici fai che: la tavola sia imbandita, la botte sia piena, giri l'arrosto al fuoco e fumi il camino* (если хочешь, чтобы твой дом был полон друзей, пусть стол будет накрыт, бочка полна, мясо на огне, а камин включён); *quel che si dice a tavola va gettato con le briciole della tovaglia* (то, о чём говорят за столом, должно быть выброшено вместе с крошками на скатерти). Как видим, существует ряд правил, запрещающих выполнять определённые действия, не переносить негативное настроение на ритуал еды: не злись, не давай уговаривать, не ворчи и др.; в русском языке – *когда я ем, я глух и нем*.

В Италии принято вкусно и много есть, иногда жизнь отождествляется с едой: *cucina e tavola son la rovina dell'uomo* (кухня и стол – это гибель человека); *la vita è un banchetto: sul più bello bisogna alzarsi da tavola* (жизнь – это пиршество: в самый прекрасный момент нужно встать из-за стола). Религиозная составляющая итальянской культуры не могла не отразиться в паремиях: *dove la concordia mette su tavola, dio si fa commensale* (там, где за столом согласие, бог – сотрапезник); *messa corta e lunga tavola* (короткая месса и длинный стол); в русской интерпретации – *бог на стене, хлеб на столе*. Приметы и суеверия – часть мировидения большинства народов, репрезентированная в пословицах и поговорках русских, казахов и итальянцев: *куры дерутся – к гостям; чихание лошади на чужой земле всегда указывает на то, что гостю будут рады; ложка, забытая на столе, – к гостю; in tredici non si va a tavola* (за столом не сидят в количестве 13 человек); *sale sulla tavola guai per la via* (соль на столе – беда на пути); у казахов, *зайдя к кому-нибудь домой в гости и застав хозяев за работой, надо помочь – иначе сын твой станет горбатым*.

Паремиологическое представление о столе (*tavola*) в итальянской культуре можно соотнести с важнейшим для казахов понятием «дастарқан», включающего в себя ряд субконцептов, в частности, накрытый стол, скатерть, еда: *дастарқанда наны жоқтың, тамагының сәні жоқ* (стол без хлеба смотрится бедно; без соли не вкусно, а без хлеба не сытно; без хлеба и медом сыт не будешь); *дастарқаннан аттау* (пренебрегать хлебом-солью

(букв. перешагивать через дастархан); отвечать черной неблагодарностью); *дастарқань мол болсын!* (пусть его стол будет обильным).

Предложить гостю почетное место, самую вкусную еду, быть приветливым и радушным, не скупиться – древняя традиция, объединяющая русских, казахов и итальянцев, бережно хранящаяся в духовном мировоззрении народов и эксплицированная в паремиологии. Подтвердим примерами: *хороший кусок – для хорошего гостя; лучшему гостю первое место; гость на порог, ставь самовар и пирог; у нас на Руси прежде гостю поднеси; за пустой стол гостей не сажаят; гостю щей не жалей, а погуще влей; что есть в печи, все на стол мечи; più caro l'ospite, più squisite le vivande* (чем дороже гость, тем вкуснее яства); *chi ama l'ospite, invita anche il suo cane* (кто любит гостя, приглашает и его собаку); *non è mai sì piena la casa, che non vi resti posto per un forestiero* (дом не полон, если не остаётся места для странника); *pomo bacato non si pone davanti all'ospite* (червивое яблоко не ставится перед гостем); *kісі келсе есің шықсын, есебін артынан санап ал* (если придут гости, ухаживай за ними, дай им все, не раздумывая; считать будешь потом); *құтты қонаққа – тәтті тамақ* (дорогому гостю – вкусное угощение), *сыйлы қонақ босағада отырмайды* (порог не место для уважаемого гостя), *қонақтың орны – төрде* (гостю – почетное место), *қонақ келсе есікке, жүгіріп шық, кешікпе* (если гость придет, беги к двери, не опоздай), *көңіл кең болса, үйдің тарлығы білінбес* (широта души скрадывает тесноту дома), *асыңа тойғызбасаң да, ақ ниетіне тойғыз* (бедность стола искупается щедростью души), *сыйлы қонағың келсе, итіне сүйек таста* (если пришел уважаемый гость, и собаке его кинь кость), *қонаққа кел демек бар, кет демек жоқ* (гостю «приходи» говорят, но когда уходить, не говорят) и т.д. Эти паремии актуализируют основное правило относительно посетившего дом: гостю – все лучшее (место за столом, угощение, отношение). Во всех трёх культурах прослеживается желание создать комфортные условия для гостя: *төрден орын алу немесе өз үйіңдей көр – чувствуйте себя, как дома – fate come se foste casa vostra*.

Особое место для расположения гостя за столом уделяется в казахской культуре, оно связано с понятием «төр» – реалией восточного этикета поведения за столом –, означающее почётное место в комнате или юрте, а также место в глубине напротив входа в помещение. Только уважаемые гости или старейшины могли его занять: *жаман төрін бермес* – глупец не уступит почетного места (в своем доме); *төрге шығыңыз!* – проходите на почетное место!; милости просим!; *төрде орын барда есікте отырма* – когда свободно почетное место, не садись у порога; *төрінен көрі жуық* – доживать свою жизнь, стоять одной ногой в могиле; смотреть в могилу (букв. человек стоит ближе к могиле, чем к почетному месту).

Место гостя в русских пословицах и поговорках выражается иначе: *гость не вольный человек, – где посадят, тут и сядет; гости сидят, где хотят, а нам – где велят*. В целом в

русской культуре антиномия *воля–неволя*, представление о смиренности является одной из характерных скреп национального менталитета: гость зачастую воспринимается как существо подневольное, строго следующее правилам хозяйского дома: *гость, как невольник: хочешь – ешь, и не хочешь – ешь; в гостях воля хозяйская; гостя не своя воля: угощают – кушай, не угощают – не спрашивай; гость хозяину не указчик; в гостях не дома: воля не своя; в гостях добро, а дома вольно; в гостях что в неволе; что поставят, то и кушай, а хозяина в доме слушай; в гостях гостить – не свою волю творить.*

Считается, что хозяин, не накормивший гостя или недостаточно приветливо встретивший его, будет чувствовать угрызение совести, стыда и сожаления: *қонақ келсе ет пісер, ет пінесе бет пісер* (если гость останется, сварится мясо, если мясо не сварится, сварится лицо, т. е. покраснеет от стыда), а дом, в который в понимании казахов не приходят гости, подобен могиле: *қонақ келмеген үй – мола; звали гостей, да посадили глотать костей; қонақтан аяғаның шайтанға бұйырар* (пища, укрытая от гостя, достанется шайтану); *non accogliere l'ospite è vergogna, cacciarlo è crudeltà* (не принять гостя – это стыд, выгнать его – жестокость); *verso il diavolo puoi violare il diritto di ospitare* (навстречу дьяволу можешь изменить право принимать гостей).

Обычно хозяева проявляют деликатность по отношению к гостям: *сказать «приди» легко, а сказать «уйди» трудно*; и в целом их приход – это радостное событие (*қонақ келді – ырысын ала келді – гость приходит – счастье в дом с собой приводит; una rondine e un ospite recano fortuna in casa – ласточка и гость приносят удачу дому*), однако радушие хозяина, тем не менее, имеет свои границы, непрошенные и поздние гости приходятся не ко двору: *званому гостю большая честь; незванный гость хуже татарина; званный – гость, а незванный – пес; желанный гость зову не ждет; нежданный гость лучше жданных двух; поздний гость гложет и кость; гости на двор, так и ворота на запор; гости на двор, так избу на запор; гость на двор – хозяин со двора; кто к нам торопится, пусть назад воротится; откуда пришел, туда б и ушел; ospite raro, ospite caro* (мил гость, что недолго гостит); *l'ospite non invitato se ne parte svergognato* (неприглашённый гость уходит восвояси без зазрения совести); *скатертью дорога от нашего порога.*

Важной составляющей концепта «гостеприимство» является ощущение времени нахождения в гостях: *мил гость, что недолго гостит; бесстыжий гость посидеть любит; частый гость скорее наскучит; ломливый гость голодный уходит; частый гость, что в горле кость; хороший гость – редкий; поздний гость хуже горькой редьки; гостям дважды радуются: встречая и провожая; чужая изба засидчива; intrattieni gli ospiti, ma senza trattenerli* (займи гостей, не задерживая их); *il primo giorno ospite, il secondo indiscreto, il terzo sfacciato, il quarto via da casa mia* (в первый день ты гость, во второй – невоспитанный; в

третий – наглый, а на четвёртый уходи восвояси); *l'ospite e il pesce in tre giorni pizza* (гость, как рыба: на третий день пахнет); *сыпайы қонақ сыйыңды жейді, мылжың қонақ миыңды жейді* – скромный гость, что дашь, то съест, болтливый гость все мозги проест; *қонақ бір күн қонса – құт, екі күн қонса – жұт* (счастье, когда одну ночь гость переночевал, две ночи переночевал – джут / падёж скота настал); *қонағым, өз үйіңді де ойлай отыр* (гость, не забывай, что у тебя и свой дом есть). О казахской традиции обязательного посещения гостем всех родственников и знакомых, находящихся поблизости, напоминает пословица *қонағым, жүре-бара тоярсың*, предупреждающая, что другие хозяева тоже угостят, а умеренность в еде позволит не обидеть их отказом от угощения. В пословицах порицается обжорство: *дома ест мало, в гостях — объедало; дорогие гости, вас ли вывести, стол ли вынести?; алчного гостя не употчевать; casa che ospita, divorata o denigrata; chi a tavola mangia tutto e in piazza racconta tutto, finisce male* (кто всё съедает за столом и на площади всё рассказывает, плохо заканчивает).

Кроме отношения к гостям, в русских, казахских и итальянских паремиях получили отражение и другие признаки концепта «гостеприимство». Так, сложившиеся этикетные нормы поведения самих гостей отражены в следующих пословицах и поговорках: *будь, как дома, но не забывай, что ты в гостях; пришел в гости, веди себя как гость; любишь в гостях бывать, люби и гостей привечать; в гости иди, гостинец неси; гостях от души налегай на обед: другу в радость, врагу во вред; гости не напрашивайся и не отказывайся; қонақ қойдан да жуас* (гость должен быть смиреннее овцы), *ет жемей жатып – тұздық, асатпай жатып – құлдық деме* – пока не подали мясо не проси приправу, пока тебя не угостили мясом, не благодари (т.е. не опережай событие); *шақырғанда бармасаң, шақыруға зар боларсың* (один раз от приглашения откажешься – в другой раз его не жди).

Необходимость отплатить добром хозяину, и желание отблагодарить в целом – обязательное условие хождения в гости: *бір күн дам татқанға қырық күн сәлем* (один день гостевания стоит сорока дней благодарности), *құтты қонақ келсе, қой егіз табады* (когда желанный гость придет, овца двойню принесет), *қонағыңның алғысы алтыннан қымбат* (благодарность гостя твоего дороже золотого подарка его).

Паремии русского, казахского и итальянского языков чётко определяют границы «своего» и «чужого», например, в антиномии гость-хозяин; эти взаимоотношения всегда разные: с положительной коннотацией: *гостю почет – хозяину честь; добрый гость хозяину приятен; гость на гость – хозяину радость; в гостях как же не поесть – надо хозяйошку почесть; для дорогого гостя и ворота настезь; доброму гостю и хозяин рад; добрый гость всегда в пору;* с отрицательной: *уйдут гости, «перемоют» хозяину кости; гости едят и пьют, а с хозяина шкуру дерут; ушел из гостей не солоно хлебавши; гость гостю рознь,*

a ino go хоть брось; хоть в тягость, да гость; гость не кость, за дверь не выкинешь; гости милы, да деньги малы; cattivo quel'ospite che caccia di casa il padrone (плох тот гость, который гонит хозяина из дома); *non tutti amano ospiti in casa* (не все любят гостей дома); *più pusillo è l'ospite, più spicce sono le accoglienze*; жаманның үйінде қонағы басқарады (в плохом доме гость хозяин).

Ходить в гости – способ социализации, источник новостей: *хорошо в гостях, кому дома скучно; легче в гости ходить, чем гостям угодить; зашёл на часок почесать язычок; в гости ходить – к себе водить*. Её отсутствие, добровольное или вынужденное, также отражено в паремиях: *пошел бы в гости, да никто не зовет; и в гости не ездит, и к себе не зовет; дома не сидится, а в гости не зовут*.

Эффект от похода в гостей также может быть разным, особенно ярко у народов проявляется установка «относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе»: *come tratterai gli ospiti in casa tua, sarai trattato in casa altrui* (как будешь относиться к твоим гостям, так и к тебе будут относиться в чужих домах); *по гостю и честь*. Взаимная оценка – неотъемлемая часть концепта «гостеприимство»: *гостя по одежке встречают, а по разуму провожают, l'uomo si riceve secondo la vesta, e si accomiata secondo la testa* (человека встречают по одежаниям; прощаются по разуму); *si riceve l'ospite secondo l'abito, e si accomiata secondo il discorso* (гостя встречают по одежде и прощаются по речи). Гость, как и хозяин, выступает в качестве наблюдателя: *гость гостит – на житье смотрит; қонақ табағыңа қарамайды, қабағыңа қарайды* (гость смотрит не на угощение, а на твое расположение к нему), однако, как бы хорошо ни было в чужом жилище, *в гостях хорошо, а дома лучше*.

Существует ряд паремий, находящихся в векторе «богатство – бедность» или даже желание прибедняться: *хоть не богат, но гостям в доме рад; чем хата богата, тем и рада; чем богаты, тем и рады; chi va ospite in casa di poverelli, porti con sé cibo o quattrinelli* (кто идёт в гости домой к беднякам, должен прихватить с собой еду и деньги); *alla tavola della povera gente si comincia col primo piatto e si finisce con quello* (стол бедных людей начинается с первого блюда и им же заканчивается); *povera tavola, poveri amici* (бедный стол, бедные друзья); *gli ospiti della povera gente se ne tornano presto a casa* (гости бедняков возвращаются домой рано); *қонақ келсе, құт келеді* (если придет гость, придет и богатство). К данной семантической группе можно отнести следующие паремии: *гусь есть, так гостя нет, гость есть, так гуся нет; есть кус, так гостя нет; нет ни корки, а гости с горки; деньги – гости: то нет, то горсти*.

Одним из интересных концептов в рамках гостеприимства является слово уют (*жайлылық, ыңғайлы, жайлы жағдай* в казахском языке) в контрастивной оценке. Его можно определить как реалию, которая не имеет прямого аналога в итальянском языке в

понимании носителя русскоязычной культуры: лексемы *comfort*, *comodità domestiche*, *accoglienza* – неабсолютное отражение концепта, и на русский язык они переводятся как «комфорт», «комфортные бытовые условия», «приём», «радушность».

Таким образом, национально-культурная специфика реализации концепта «гостеприимство» в языковом сознании русских, казахов и итальянцев имеет ряд универсальных и индивидуальных черт народа, находящим отражением в пословицах и поговорках. Они раскрывают этнокультурное содержание исследуемого концепта: значимость гостя, его место в доме; степень радушия; оценочные характеристики, восприятия гостем общей ситуации и др.

Литература

- Вежбицкая А. 2001 – *Понимание культур через посредство ключевых слов*. Москва: Языки славянской культуры.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. 2005 – *Язык и культура*. Москва: Индрик
- Гачев Г.Д. 2008 – *Национальные образы мира*. Казань: Логос.
<https://lexicography.online/>

A.Kunusova

Università degli Studi di Siena, Università degli Studi di Pisa, Astrakhan State University, Italia – Russia
a.kunusova@gmail.com

M.Kunusova

Astrakhan State University, Russia
mskunusova@yandex.ru

REPRESENTATION OF THE CONCEPT “HOSPITALITY” IN THE DIFFERENT TYPOLOGICAL *LANGUAGES*

Abstract: The paper examines the representation of one of the basic concepts in European and eastern cultures (Russian, Kazakh, and Italian). The purpose of the study is to describe the concept of “Hospitality” concerning the national specific constants of culture fixed by paremiology.

Keywords: hospitality, concept, constants of culture, proverbs, sayings.

Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 165-174. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.

РОССИЙСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ В ПОИСКАХ РЕАЛЬНОСТИ: ИНТЕРЕМЕДИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ДРАМЕ

Елена Курант

Ягеллонский Университет, Польша
elena.kurant@uj.edu.pl

Новые технологии – интегральный элемент современного театрального искусства. Интермедиаальные стратегии используются в текстах для театра на разных уровнях содержания и композиции, подчиняя традиционные драматургические элементы эстетике новых медиа. Анализ интермедиаальных стратегий в пьесах «Цикл индекса» Е. Августеняк (2020), «Фо Хер» О. Казаковой (2020), «Брак» А. Волошиной (2020) позволит сформулировать основные принципы «дигитальной драмы» как значимого явления современного театра.

Ключевые слова: дигитальная драма, цифровая пьеса, ZOOM-пьеса, цифровое бессмертие, генератор текста, нейросети.

Пандемический опыт 2020 года продемонстрировал, что противопоставление цифровой и реальной действительности непродуктивно. Новые технологии не только развиваются быстрее, чем мы в состоянии фиксировать эти изменения, но и настолько прочно влились в нашу жизнь, что мы часто даже не осознаем их бесспорного, всеобъемлющего влияния на повседневность. Театр, будучи частью реальности, чутко улавливает происходящие в мире процессы, и конечно, дигитализация не могла обойти стороной театральное искусство. И произошло это задолго до локдауна, когда цифровое пространство начали осваивать не только независимые коллективы, но даже государственные репертуарные театры, что вылилось в огромное количество онлайн-трансляций на различных интернет-платформах, фестивали цифрового театра¹⁸, театральные виртуальные проекты¹⁹ и т. д. Для процесса дигитализации не столь показательны и интересны проекты, транслируемые онлайн, сколько проекты, предназначенные именно для цифрового пространства, созданные при использовании онлайн-технологий («Преступление и наказание» (2012) А. Могучего ТПАМ, «Shoot/Get Treasure/Repeat» (2012) Дмитрия Волкострелова и Семена Александровского театр Post, «Лесосибирск Лойс» (2017) Родиона Букаева театр «Поиск») с привлечением дополненной реальности и требующие использования различных видов цифровых носителей (приложения

¹⁸ например, Спонтанная программа фестиваля «Точка доступа», фестиваль «Корона-драма» и другие.

¹⁹ Проект «Практика карантина» театр «Практика», BronAir Константина Богомолова, театральная платформа БДТ- Digital театр БДТ им. Товстоногова и другие.

для смартфонов, VR-очки и т.д.): «9 Movements» немецко-швейцарской группы Rimini Protokoll, проекты Максима Диденко, Семена Александровского, Бориса Павловича, МХТ Михаила Зыгаря) и другие.

Медиатизация цифрового пространства заставляет исследователей театра переформулировать такие основополагающие для театрального искусства понятия, как живое присутствие, телесность, актерская игра и сам театральный актер, сценическое время и пространство и другие элементы театрального языка. И, конечно, особый интерес вызывает текст для цифрового театра, специфика и особенности которого позволяют говорить о появлении так называемой «дигитальной (или цифровой) драмы». По аналогии с цифровым перформансом, в котором компьютерные технологии играют ключевую роль, если речь идет о содержании, эстетике, технике и презентации [Dixon Steve 2007: 3], дигитальная драма в соответствии с пост-интернет эстетикой²⁰ использует цифровые технологии функционально. Разнообразные интермедийные стратегии (привлечение различных медиа-форматов, перформативные стратегии вовлечения, интерактивность, монтажные приемы, креолизация текста, использование гипертекста, элементов дополненной реальности и другие), отражая ситуацию размытия границ между офлайн и онлайн реальностью, призваны организовать коммуникативное пространство встречи с читателем/зрителем для совместного размышления об эстетических, социальных, политических аспектах окружающего нас технологического мира.

Пьеса «Брак» Аси Волошиной продолжает направление ZOOM-пьесы (это авторское жанровое определение текста «Выбрать троих» Дмитрия Данилова), то есть пьесы для приложения онлайн-конференций ZOOM в формате скринлайф²¹. Она была написана по заказу режиссера Pop-up театра Семена Александровского, премьера онлайн-показа киберспектакля, по определению режиссера, состоялась в рамках фестиваля «Точка доступа»²². Выбор платформы ZOOM как места действия изначально закладывает диалогический характер текста. Действие пьесы происходит в 2035 году на платформе ZOOM (уже устаревшей по меркам 2035 года), где главные герои, супружеская пара, Миша и Нора, встречаются, чтобы отпраздновать юбилей. Из диалогов героев мы узнаем, что в мире многое изменилось: их первая встреча произошла в 2020 году во время карантина, тогда

²⁰ термин „пост-интернет” пришел на смену «нет-арту» в результате дискуссий об интернет-искусстве таких художников и теоретиков искусства, как Мариса Олсон, Джин МакХью, Арти Виркант. Пост-интернет искусство понимается как искусство, которое исследует не возможности Интернета, а его влияние и присутствие в культуре и обществе.

²¹ скринлайф (skreenlife) - формат повествования, в котором все события происходят на цифровом экране.

²² Стоит упомянуть, что открывал фестиваль zoom-спектакль «Черновик» Рижского русского театра и резидента Гоголь-центра Владислава Наставшева по пьесе Сергея Уханова.

Миша был модным историком-медиевистом, а Нора – психотерапевтом. Позднее случился некий «Переход», то есть разделение реальности на два мира: верхний, привилегированный мир, в котором цифровое бессмертие стало реальностью, физический контакт запрещен, все эмоции, воспоминания оцифрованы и помещены в сенсорную библиотеку, интимные отношения происходят вне физиологии прямо в мозге: *«все наши отобранные воспоминания загружены в Svise, бидистиллированы, коэффициентинизированы, гибрированы, и являются субстратами для почти бесконечного числа уникальных, легальных и экстрапремиумных наслаждений. Которые вспыхивают без посредства периферии – прямо в мозгу. [...] Без неловкости первых встреч, без пресыщения последних. Без стыда своего тела. Без не тех слов. Без... это же бесконечность перечислять – без чего»* [Волошина А. 2020]. Есть также нижний, изолированный мир «нулов», в котором царит «нелимитированный разгул тела», который живет по старинке, пользуется «даркнетом», лишен доступа к новейшим технологиям. Нижний мир существует по своим «диким» законам, при этом верхний мир контролирует его путем вакцинации, вызывающей бесплодие, стремясь ограничить процесс размножения человеческого вида. В самом же верхнем мире процесс репродукции четко санкционирован, допустим лишь на определенных уровнях, которых герои пьесы еще не достигли. Верхний, элитарный, интеллектуальный мир иерархичен, в нем есть уровни и лимиты, для получения лицензии на следующий уровень необходимо иметь достаточное количество коэффициентов, за нарушение правил грозят санкции.

Суть конфликта пьесы в том, что Нора нарушила два важных правила верхнего мира: она инициировала традиционный, запрещенный физический контакт с Михаилом, а результатом этого контакта стал «несанкционированный эмбрион». Все эти события никак не уместаются в рациональную картину мира Миши, который, кроме того что он выполняет важную функцию в верхнем мире, консультирует правительство: *«пишет для госстримов красивые концептуальные энциклики про то, [...] что именно тот путь, который избрало человечество сегодня [...] единственно правильный и единственно идеальный», – абсолютный апологет цифрового бессмертия, для него величие и безупречность системы верхнего мира бесспорны, являются вершиной эволюции: «"Человек — есть то, что нужно преодолеть". Сказал нам в 885 году Ницше. "Человек — есть то, что нужно преодолеть". Проорал нам в 2020-м вирус. Вирус и всё последующее. И на сей раз мы услышали. [...] Переход — это был великий шанс. И критиковать его из нынешнего момента — значит забывать прошлый контекст, которым он был порожден. [...] Мне нравится современность, которую мы строим. Я горд ею. И я хочу быть её частью»*. Он демонстрирует свою интеллектуальную подкованность, цитируя Ницше, Платона, Бодрийера (он необыкновенно красноречив и многословен), чтобы это доказать. Нора в свою очередь

иронична, ее реплики, недомолвки, переспросы низводят картину новой цифровой реальности в ранг антиутопии. Здесь очевидны параллели с различными произведениями в жанре антиутопии, в частности, с «Phuck 10» Виктора Пелевина с его «Государством Надзора и Контроля» и «Законом о защищенном воспроизводстве», и еще более выразительные, как мне кажется, параллели с романом «Мы» Замятина, не только в схожести установленного миропорядка, риторике Д-503 и Михаила (« [...] линия Единого Государства – это прямая. Великая, божественная, точная, мудрая прямая – мудрейшая из линий» [Замятин Е.И. 2015: 30]), но и в том, что единственная, кому удалось у Замятина покинуть Единое Государство, спасая тем самым своего ребенка, также «нежелательного эмбриона», – это беременная О-90. Программа «математически безошибочного счастья» дала сбой. Цифровой рай хочет покинуть и Нора, борясь за жизнь своего будущего ребенка. Из рекордных 86 % их совпадения (пары в верхнем мире должны подбираться на основе коэффициента совпадения) остаются 14%, которые для Михаила – «бездна, «бесконечное», «непознаваемое», «темное», иррациональное начало, не поддающееся логическому осмыслению. Он прямо называет беременность Норы грехопадением, а ее предложение уйти вместе – реализацией ветхозаветного мифа. Упоминаемая им Лестница Ламарка – иллюстрация нисхождения Норы, обратного эволюционного процесса от сложного к простому, от киберфеминизма²³ к гендеру, которое он не в состоянии понять и принять. Нора Ибсена уходит от Хельмера, чтобы «стать человеком» [Ибсен Г. 1957]²⁴, Нора Волошиной уходит, чтобы «стать биологическим существом, а не биологической угрозой. Телом, если угодно. [...] быть объектом желания, а не субъектом коммуникации. Вот и всё. Коммуницировать я могу с Кьеркегором, а то и с Лаканом в своей голове. Абсолютно автономно. А вот чтоб сделаться объектом... чтоб сделаться объектом, мне нужен Другой». Для Норы цифровая реальность, в которой тело становится ненужным атрибутом, отторгаемым объектом, разрыв новой реальности с телесностью означают неаутентичность мира и неаутентичность ее собственной жизни. Она все время обращается к эмоциональной, телесной памяти Михаила как гаранту подлинных эмоций и переживаний: «...А ты помнишь, как я в первый раз в Зуме для тебя маечку сняла?». Все истории о клиентках Норы – истории о чувственном, телесном, феноменологическом и реальном (в отличие от цифрового) опыте. Ее бунт против инструментализации телесности, стремление к «возвращению» собственного тела близок традиции феноменологии и экзистенциальной философии, в которой телесность и идентичность неразделимы, как писал Н. Бердяев, «[...] тело человека в этом смысле не

²³ киберфеминизм - идеология феминизма в киберпространстве, которое воспринимается как область свободная от гендерных различий.

²⁴ Нора – героиня романа Г. Ибсена «Кукольный дом»

есть только один из объектов природного мира, оно имеет и экзистенциальный смысл, оно принадлежит внутреннему, не объективированному существованию, принадлежит целостному субъекту» [Бердяев Н. 1936]. Дигитальная реальность дает сбой перед лицом биологического детерминизма: «Вы предлагаете мне равенство, а мне, может быть, может быть, может быть, – мне нужно господство. Я просто спускаюсь, чтоб в муках рожать детей, обрабатывать землю [...]». И в этом бунт Норы против того мира, в котором техника становится инструментом отчуждения и дегуманизации, ее стремление обрести свободу и тоска по реальному контакту с Другим. В пьесе возникает также мотив личной несвободы, прозрачности, личных санкций в цифровом раю, где «прослушка» существует по умолчанию, а «непрослушка» – очень дорогостоящее удовольствие (как и в романе Пелевина, герои которого могут за крупную сумму установить блокирование системы полного автоматического сканирования СПАС), которое не гарантирует желаемого результата. Даже на этом онлайн-свидании Норы и Миши, который платит за «непрослушку» суммы, «сопоставимые с бюджетом небольшой нижней деревни», присутствуют свидетели. Михаил называет их ботами, профильтрованными модусами бывших пользователей ZOOM-а, количество которых совпадает с количеством зрителей онлайн-спектакля, а их имена – ники зрителей. В структуре пьесы это создает элемент театра в театре: Нора и Михаил обращаются к ботам, отыгрывают перед ними представление, поясняя историю своего знакомства и некоторые правила верхнего мира. В спектакле Александровского не только усиливается партиципаторный характер зрительского участия (зрителям предлагается поучаствовать в онлайн-опросе по ходу действия), но и подчеркивается мотив полного контроля частной жизни за счет дополнительного окна, где некто конспектирует фрагменты речи героев, вводит сказанные ими фразы в поисковую систему и набирает донос о несанкционированной беременности. И как ни парадоксально, но восхождение по Лестнице Ламарка в антиутопическом мире тотальной цифровизации, постгуманистических ценностей принимает черты расчеловечивания, идея личной свободы освобождения оборачивается всеобъемлющим контролем, цифровым неравенством, потерей идентичности.

Пьеса Екатерины Августеняк «Цикл индекса», представленная в шорт-листе «Любимовки-2020» – интерактивный, перформативный текст-пазл, который необходимо собрать из разрозненных фрагментов, определяемых автором как «направления». Направлений всего пять. В первом персонаж женского рода работает с программой фотошоп, выполняя заказ к дедлайну. Второе направление – подкаст об экологических угрозах и глобальном потеплении. Третье представляет собой сообщения в рабочем чате по подготовке дизайнерского проекта на аграрную тему. Четвертое – лекция на YouTube о философии

русского космизма. Пятое – игра в Майнкрафт. Объединяет все эти направления персонаж Нины: это она готовит проект в фотошопе, о чем отчитывается в рабочей группе чата как @Нина Дизайн, слушая одновременно подкаст и смотря лекцию на ю-тубе, она же играет в Minecraft под никнеймом Anton_Karate (второй игрок обращается к ней по имени «Тоня»). Если изначально реальная и виртуальная действительность еще различимы, то по ходу развития каждого из направлений создается ощущение их взаимопроникновения, создания некоей смешанной (дополненной реальности), которая органично сочетает в себе и реальные, и виртуальные объекты: реплики игроков Minecraft’а прерывают лекцию на YouTube и сообщения подкаста, сначала это отдельные фразы, потом целые предложения, сопровождаемые шумом и помехами. В чате, где изначально указано время отправления сообщений, появляется некто под номером, принадлежащим умершему отцу одного из участников чата, Феликса, и, судя по характеру его сообщений, им и является. Постепенно виртуальная реальность вытесняет все остальные: игроки Minecraft’а, которые занимаются выбором места для строительства дома, теряют физическую связь с действительностью, остается только память о ней как фантомный рефлекс: один из игроков, Президент, который в первом фрагменте игры прерывает ее, поскольку идет «спасать мир», в очередном эпизоде говорит: *«Капец, я до сих пор не могу расслабиться. У меня фантомный рефлекс какой-то! Щас вызовут! Щас вызовут на совещание! Всё не могу привыкнуть, что уже никто никогда не вызовет»* [Августеняк Е. 2020]. Minecraft – это вечное существование, и жизнь и смерть – лишь повторяемые эпизоды, которые проходят игроки: *«Я не люблю умирать в этой игре»*. В сообщениях чата перестает указываться время, они появляются с пометкой «время не определено», чат становится местом *«пересечения с чужими душами и событиями»*, собственно, большинство его участников не имеют тела, их просто нет: *«Анжела. Земля вам пухом, коллеги»*. А те, кто принадлежит реальной действительности, теряют к нему доступ: *«Не можем информировать вас глубже, пока вы при теле. Но мы всегда открыты к сотрудничеству. Здесь очень востребованы дизайнеры, Нинель»*. Диалог Нины с виртуальным Филиппом, в котором она сосредоточена на физиологических переживаниях тела: *«Мне всегда казалось, что человек красивее всего в момент максимальной усталости, вот этот зеленоватый оттенок кожи у не спавшего всю ночь, ажур красных капилляров в глазных яблоках, синяки под глазами [...]. А прикосновения других людей? Ой... Филипп. цвета темнеют, на темном фоне вспыхивает узкая розовая полоска. Нина. Я понимаю, понимаю»* – это, вероятно, ее последняя попытка удержать физическую оболочку, не раствориться, как остальные, в виртуальности: *«Ты же понимаешь, что они наштампуют идеальных! Нельзя сейчас терять эту возможность: нормально состариться. Морщины!..»*. Но это попытка обречена на провал: *«Нина. Это произойдет так скоро, что ты и не заметишь»*.

Можно предположить, что прогнозы, озвучиваемые подкастом, о наступлении глобального экологического кризиса, сбываются. На это указывает и название пьесы: как указано в одном из фрагментов, «направлений» пьесы, «цикл индекса», или васцилляция (качание) – явление гидродинамической неустойчивости вращения неравномерно нагретой жидкости или газа, первоначально обнаруженное как квазипериодическое изменение индекса зональной циркуляции атмосферы», определяющее характер и направление морских течений, которые теряют устойчивость и замедляются, что связывает глобальное потепление с «катастрофическим похолоданием» и несет в эффekte смерть всему живому. Таким образом, в результате экологической катастрофы земная жизнь, которая постепенно перестраивалась на цифровую среду, полностью перешла в виртуальное пространство, в котором продолжают реализовываться бытовые и профессиональные навыки (Minecraft, профессиональные чаты). Это виртуальное пространство становится своеобразным воплощением идеи космистов, Н. Федорова в частности, о преодолении смерти, воскрешении всех умерших – *«создании технологических, общественных и политических условий, которые позволили бы воскресить – техническими средствами – всех когда-либо живших на Земле людей»* [Гройс Б. 2015: 8] (в чате возникает умерший отец, «работают» те, кому удалось преодолеть «телесную природу», кто перестал быть «гниющей материей» в отсутствие тела). Чат становится «нетленным» (одно из названий направления 3 – «Нетленный проект») в противоположность тоски Нины по материальному – «Тлен». Виртуальная реальность, созданная после апокалипсиса, дублирует земную, создавая виртуальную природу, идеального человека, коллективный разум, который и после смерти запрограммирован на выполнение заданий, как своего рода цифровая производственная драма, иронически воплощающая идею о цифровом бессмертии и трудящемся во благо цифрового рая постчеловеке.

Последняя пьеса «ФО ХЕР» Ольги Казаковой, представленная на Fringe-программе²⁵ фестиваля Любимовка-2020, – это, пожалуй, самая интересная пьеса с точки зрения конструкции, в которой интермедийные стратегии наиболее радикально проявляются на уровне формальной организации текста. Как указано в описании пьесы на сайте фестиваля, это «пьеса, синтезирующая литературный текст с компьютерным кодом»²⁶. Она состоит из 3 актов и эпилога и существует в цифровом виде в pdf-файле. Это выразительный пример принципиально разомкнутой структуры текста, который, собственно, является гипертекстом, то есть *«представляет собой потенциально бесконечный, нелинейный, открытый и*

²⁵ Fringe-программа – это фестивальное направление Любимовки, ориентированное на наиболее радикальные, экспериментальные пьесы молодых драматургов, «провоцирующие театр на поиски и эксперименты, [...] по прочтении которых у режиссеров возникает плодотворный вопрос: а как это ставить?» см. <https://lubimovka.ru/lenta/22-anonsy/291-fringe-programma-spornaya-territoriya>

²⁶ <https://lubimovka.ru/lyubimovka-god/777-fringe2020>

подвижный текст», который распадается на фрагменты, «предусмотренные его собственной стратегией интерпретации» [Северина Е. 2019]. Принципиально иная, цифровая материальность текста, наличие интерфейса как посредника в процессе коммуникации определяют новые способы восприятия и интерпретации, «причем читатель не только интерпретирует текст, он осуществляет «материальную интервенцию в текст, участвуя в организации информации и становясь просьюмером (потребителем и одновременно создателем контента)» [Северина Е. 2019]. В пространстве пьесы, которое гораздо шире, чем текстовое пространство, именно читатель должен взять на себя ответственность ознакомления с референтными текстами и собрать воедино элементы фрагментарного мира. Таким образом, мы можем говорить о реализации в самой структуре текста принципов site-specific или спектакля-променада: если в них роли главных героев принадлежат самому зрителю или пространству, изначально не предназначенному для искусства, то здесь событие сосредоточено на разных уровнях виртуального пространства, а активные действия читателя необходимы для того, чтобы собрать разнородный материал и генерировать смысл. Причем необходимым условием реализации события текста является подключение к Интернету.

Итак, первый акт пьесы «Ресерч» представляет собой историю гугл-поиска, которую можно считать как вид фларф-поэзии (flarf poetry / found poetry), то есть поэзию поисковых запросов, но также читатель может проследить эту историю, переходя по гиперссылкам. На странице мы видим дату и время обращения в поисковой системе гугл и текст поиска, общая тематика которого – искусственный алгоритм для обработки перевода стихотворения. При этом ссылки могут направлять нас как на конкретные веб-страницы, так и на результаты поиска, где чтение огромного количества страниц может осуществляться в произвольном порядке. Переходя по ссылкам, мы знакомимся с новейшими достижениями разработчиков искусственного интеллекта в области нейросетей и генераторов текста, которые совершенствуются в устранившем темпе, и, хотя присутствие человека, редактора, еще является необходимым, но, вероятно, полная замена автора-человека технологией – вопрос времени и совершенствования техник машинного обучения нейросетей. Как указано на одном из сайтов, «они выдерживают общий стиль повествования и даже соблюдают структуру статьи. Конечно, их результат еще приходится редактировать, но не сильнее, чем черновики начинающих авторов»²⁷. Затем история поиска направляет нас на страницы, посвященные нейросети «Порфирьевич»²⁸, генератору текстов российских программистов, аналогу нейросети GPT-2 Илона Маска. Итак, Порфирьевич, кроме того, что генерирует

²⁷ <https://dx.media/articles/how-it-works/ii-vmesto-zhurnalystov/>

²⁸ И, конечно, имя нейросети заимствовано из романа «Iphuck 10» Виктора Пелевина, от имени «полицейско-литературного» робота Порфирия Петровича.

осмысленные тексты на основе слов и предложений, то оснащен также telegram-ботом «нейропоэт», которые умеет дописывать стихи. Следующее направление поиска – аутизм как форма нейроразнообразия и тексты, написанные аутистами – перенаправляет нас на страницу в Фейсбук со стихотворением 10-летнего Бенджамина Жиру (текст также выведен на экран). Это стихотворение было написано в 2016 году мальчиком, страдающим синдромом Аспергера, и вызвало огромный интерес в Сети, большое количество откликов и комментариев, было переведено на многие языки. Заканчивается первый акт переводом текста Жиру, вставкой авторского лирического фрагмента, обработкой материала нейросетью Порфирьевич и выведением готового исходного текста в формате google.doc на экран. Второй акт «Исходный код» выглядит как скриншот html-страницы с отформатированным стихотворением на русском языке, а третий акт «Программа» выводит конечный результат – само стихотворение, созданное нейросетью. Эпилог, защищенный кодом доступа, переносит читателя в пространство обсуждения пьесы читателями. Итак, средствами искусственного интеллекта создается необыкновенно чувственный и поэтический текст, а само событие его возникновения – результат индивидуального опыта читателя, который связывает воедино различные фрагменты, которые изначально не обязательно связаны. Из цифрового хаоса как модели мироустройства рождается устойчивая субстанция в виде любовной лирики, а тот факт, что ее создатель – небиологический актер, вводит читателя в область постгуманистической²⁹ и постдуалистической рефлексии, выхода за пределы бинарных оппозиций человеческого и нечеловеческого, мужского и женского. Искусственный интеллект, создавая поэтическое произведение, наделяет его огромным количеством смыслов, при этом ни в стихотворении, ни в самой пьесе нет нарратива в традиционном понимании, а само цифровое пространство является важным элементом высказывания. В этой пьесе, которая сама по себе представляет артефакт, подчеркивается ощущение цифровой реальности как территории эстетического опыта и взаимодействия с читателем, технологический процесс постижения текста становится метаповествованием, которое позволяет не столько фокусироваться на работе с девайсами, сколько переживать цифровую реальность на эмоциональном уровне.

Все три рассмотренных нами текста, созданных непосредственно в цифровом пространстве или предназначенных для цифрового пространства, демонстрируют широту драматургических возможностей, открываемую за счет дигитализации пространства театра и пространства текста. Задействуя в той или иной степени интермедийные стратегии, авторы совершают попытку сформировать мультимедийное пространство в пределах текста как

²⁹ термин «постгуманизм» впервые появился в 1977 году в работе «Прометей как перформер: по направлению к постгуманистической культуре» И. Хассана.

аналог мультэкрана с большим количеством открытых окон, к которому привык современный пользователь. Экспериментируя с формой, самим понятием нарративности, отказываясь от основных элементов традиционной драмы, авторы современной цифровой пьесы ищут адекватный способ отражения внетеатральной, фрагментарной, оцифрованной реальности и ее актуальных проблем.

Литература

- Августеняк Е. 2020 – *Цикл индекса*. <https://lubimovka.ru/lyubimovka-god/774-short-list-2020>
- Бердяев Н. А. 1936 – Проблема человека. *Путь*. №50. С.3-26.
http://hrono.ru/libris/lib_b/berd07.html
- Вилисов В. 2019 – *Нас всех тошнит. Как театр стал современным, а мы этого не заметили*. Москва: АСТ.
- Волошина А. 2020 – *Брак*. (пьеса не опубликована. Цитаты приводятся по авторскому экземпляру)
- Гройс Б. 2015 – *Русский космизм. Антология*. Москва: Ad Marginem.
- Ефременко О. 2020 – Точка доступа – 2020 как форум новых форматов. *Театр*.
<http://oteatre.info/tochka-dostupa-2020/>
- Замятин Е.И. 2015 – *Мы*. Москва: Азбука-Аттикус.
- Ибсен Г. 1957 – *Кукольный дом*. Москва: Искусство.
<https://libcat.ru/knigi/poeziya/dramaturgiya/1910-genrik-ibsen-kukolnyj-dom.html>
- Казакова О. 2020 – *Фо Хер*.
<https://drive.google.com/file/d/1RHRm-VhpB4Bys4E5ObQJdp6AYpbD7Av3/view>
- Северина Е.М. 2019 – Цифровой текст в пространстве современной культуры. *Человек и культура*. №5. – С. 65-72.
- Dixon, Steve 2007. *Digital Performance: A History of New Media in Theatre, Dance, Performance Art, and Installation*, USA: The MIT Press.

E. Kurant

*Jagiellonian University, Poland
elena.kurant@uj.edu.pl*

IN SEARCH OF REALITY. INTERMEDIAL STRATEGIES IN MODERN RUSSIAN DRAMA

Abstract: New technologies seem to be an integral part of contemporary theatrical art. Intermediate strategies are employed in theater texts at different levels of organization, making traditional dramatic elements subordinate to the aesthetics of new media. Analysis of intermediate strategies in the plays "Index Cycle" by E. Avgustenyak (2020), "For Her" by O. Kazakova (2020), "Marriage" by A. Voloshina (2020) will allow to define the basics of "digital drama" as a valid phenomenon of modern theatre.

Keywords: digital theatre text, ZOOM-play, digital immortality, text generator, neural networks, Russian modern drama.

*Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 175-180. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.*

АНТИГЕРОЙ – ГЕРОЙ ДРАМАТУРГИИ В. СОРОКИНА

Татьяна Ланда

Тель-Авивский университет, Израиль

Tatyanalanda7@gmail.com

Драматург – это лабиринт. Драматург, который также писатель и художник – сложный лабиринт, состоящий из большого количества составляющих, запутанных сочетаний. «Хочу сказать, с полной ответственностью, что каждый настоящий писатель – экстремист в той мере, в которой он берет на себя смелость говорить о вещах, противоестественных собственному сознанию» [В. Ерофеев 2002]. И эта уникальная способность отражена в драматургии XXI в. в форме, о которой столько раз говорили исследователи, в форме, начатой общеизвестной фразой классика «...Тара-ра ... бумбия ... сижу на тумбе я» (А. П. Чехов). В форме языка «новой новой драмы».

Сложный пазл литературы постмодернизма складывается из нескольких составляющих: текстов, созданных в соответствии с художественно-эстетической системой постмодернизма. А также антитезой всему вышесказанному, т.е. антиэстетикой и антиидеологией постмодернизма.

Ключевые слова: антигерой, драма, постмодернизм, «Занос», В. Сорокин.

Драматургия XXI века, как часть литературы и культуры подвержена анализу взаимоотношений, взаимовлияния и взаимоисключения между новой парадигмой развития и традиционной. Чаще всего искусство XXI века, в работах современных исследователей, представляется как “terra incognita”. Что понятно и объяснимо. Мы находимся в центре живого процесса – развивающегося, растущего, формирующегося. И роль исследователя, на наш взгляд – «не навредить».

Б. Гройс, исследователь современной культуры, считает, что «в искусстве есть простая цикличность: мы наблюдаем колебания между ценным и обесцененным. Дабы удовлетворить прогрессивному требованию новизны. Ценным становится маргинальное или иное, затем в свою очередь, подлежащее переоценке» [Гройс Б. Кабаков И. 2010: 174]. На то, что в приведённой выше гипотезе есть своя правда, указывает время от времени повторяющаяся «мода» на темы, стили, образы, о чем будем говорить в дальнейшем. Если это так, то искусство XXI века, разнообразно и пестро лишь односторонне. С другой стороны, оно монохромно. Известно достаточно примеров самоограничения художников, когда каждый следующий (художник) оставляет все меньше и меньше места для экспериментов, ограничивая круг первичных понятий и объектов. Искусство и драматургия, как ее часть, все больше и больше становятся похожа на «шагреновую кожу».

«Творческий процесс, в своей сущной основе – не демонстрирует уникального мастерства. Это не блажь, не роскошь, не развлечение... Творец, как самобытная личность все время меняет форму своего существования, демонстрируя отсутствие прикрепленности к одному видению, одной позиции, одной не вызывающей сомнения идеи. Его переход из одного состояния в другое и представляет собой собственно человеческое бытие культуры: знающее осуществление, но не знающее осуществленного» [Кривцун О. 2008 : 8-9].

Драматургия как неотъемлемая часть литературы отражает все процессы, происходящие в культуре, обществе, сознании. Однако с некоторой поправкой на особенность жанра. Драматургия – это неотъемлемый материал для театра. Таким образом, на долю драматургии выпала роль обслуживать и править, вершить и формировать. Театр становится местом, где с молчаливого согласия автора и исполнителя на зрителя возлагается задача додумывать, довоображать перформативные акты, происходящие на сцене. И тут роль текста сложно переоценить. Зрительское восприятие – речь идет о драматургии XXI века – расширяется, достраивается, либо катастрофически «зависает» в зависимости от определенных стереотипов (ментальных, интеллектуальных, возрастных, социальных и т.д.), которые учитывал, либо игнорировал драматург, а затем и режиссер.

Важнейшей особенностью современного драматургического текста является «...процесс проекции зрителя. ... Перспектива развития самого себя и всех своих возможностей. Таким образом, сценическая реальность формирует и окрашивает зрительское Я» [Журчева О. 2009 :24]. Все это отражено в процессе развития драматургии XXI века, что достаточно трудоемко, поскольку «...не дрейфуют тексты сами через культурные границы» [Автономова Н. 2002: 277].

Так что же происходит с драматургией XXI века? Наблюдается, на наш взгляд, несколько тенденций. Одна из которых своими корнями уходит в классику, в возникновение «новой драмы». А именно в популярную фразу А.П. Чехова «...Тум – тара – тумба...я сижу на тумбе.» [Чехов А. П.: 217]. Именно этот рефрен открыл возможности драме постмодернизма.

В пьесе В. Сорокина «Занос» (2009 год написания) языком постмодерна написана треть произведения. Это, несомненно, помогает драматургу передать авторское отношение к персонажам. А Сорокин, относится к числу тех художников, кто не оставляет границ что-либо додумать за него о созданных им героях. Что в определенной степени способствует созданию постмодернистского колорита пьесы. Выписав до мелочей портреты действующих лиц: «...полковник, внутренних войск с рацией в руке, человек в сером костюме с аленьким значком на лацкане пиджака, изображающим щит и меч., и человек в коричневой тройке со значком депутата Государственной думы с портфелем руке» [Сорокин В. 2019: 635. Здесь и

далее ссылки по данному изданию]. Драматург вкладывает в их уста сленговую речь. Общение происходит на языке, понятном лишь тем, кто владеет жаргонной лексикой или сленгом «братанов».

СИЛОВИК. Где это торжественное пропихо?

ДЕПУТАТ. Или проще хорошее пропихо? Про – пи – хо?

СИЛОВИК. Вы не понимаете?

СЕРГЕЙ. (через силу) Тут... в кабинете.

ДЕПУТАТ. Хлеб?

СИЛОВИК. (с усмешкой) Хлеб? (показывает Сергею на замок) Ты знаешь хлеб?

ПОЛКОВНИК. Надо спросить у печального носорога.

СИЛОВИК. Он обрадуется.

ПОЛКОВНИК. Надо спросить грустно.

СИЛОВИК. Времени нет. Так, (полковнику) зовите справедливых, пусть умножают Приличное.

ПОЛКОВНИК. (по рации) Колосов. Майору, тут придется обидится» [Сорокин В. 2019: 636-637].

Итак, часть пьесы написана языком сленга, часть жаргоном, часть непереводаемым фольклором, часть языком плохого реалити-шоу. Данное культурно-языковое явление, с одной стороны, расширяет арсенал языка, а с другой, почти полностью язык теряет функцию формирования национальной идентичности. Язык, как и само произведение, определяется потребительскими качествами, сформированными в жесткой формуле: «Чем проще и понятнее, тем меньше усилий». «... Сорокинский язык, трансгрессивный, постоянно оперирующий на грани табу, использует все мыслимые и немыслимые сигнификации телесности, из области крови и плоти, чтобы соматизированным словом семантизировать дискурсивные системы» [Буркхарт Д. 2018 :175].

Сложный пазл драматургии XXI века складывается из «отрицательного провозглашения» <Т. Л.>. И этим провозглашением становится отсутствие в произведении положительного героя – того героя, на котором выросло и сформировалось поколение современных драматургов, читателей, зрителей. Что это?! Парадокс жизни?! Внутренний надлом?! Или новое поколение героев?! Когда надо разбирать не тонкие струны души. А через грязь и мерзость определять наличие, либо полное отсутствие человечности и духовности. «Хочу сказать, с полной ответственностью, – напишет В. Ерофеев – что каждый настоящий писатель – экстремист в той мере, в какой он берет на себя смелость говорить о вещах, противоестественных собственному сознанию» [Ерофеев В. 2002]. Художник должен не только создать свою концепцию бытия, но и передать динамику созданной им

действительности. А у В. Сорокина она негативна даже в образах положительных героев. Настолько они бесцветны и бесхарактерны. В пьесе «Занос» их всего лишь два. Два «положительных» героя – девушка тренер и попугай, выживший после всех катастроф, происходящих в произведении. Почему же автору так ненавистны его же «положительные» герои? Тренер проповедует здоровый образ жизни. А В. Сорокин, вышедший как писатель и личность из андеграунда, вероятно, продолжает быть противником всего «здорового». Ну а попугай... Почему Сорокину он так же не симпатичен?! Попугаю, в пьесе отведена особая роль. В финальной сцене пьесы, его забывают в заколоченном доме, именно он закрывает занавес. Этаким Фирс, но в постмодернистской трактовке. В пьесе есть еще один герой – антигерой – «Черный квадрат» Казимира Малевича. Но присутствует он в скрытой, закодированной форме, через определение жанра, который он символизирует – «супрематизм».

Анализируя произведения В. Сорокина, следует помнить, что он не только писатель и драматург, но и не менее талантливый художник. Так вот для него, художника, заснеженные московские поселки, мимо которых проносится автомобиль главного героя пьесы – черные квадраты или «... явления природы, сами по себе не имеющие значения; существенным является лишь чувство, которым оно вызвано» [Малевич К. В кн. Эми Демпси 2008: 103].

Безусловно одно: в пьесе В. Сорокина закодировано то множество и та многослойность, на которую способен только он. Жанр пьесы также не однозначен. То ли это рассказ, то ли постмодернистская притча. Закольцованная точной датой происходящего – первое марта. И маркой машины, на которой приезжает герой – БМВ. И названием шоссе, где эта машина проезжала, – Можайское. И цитатой из В. И. Ленина. И фирмой туфель, в которые обут герой. Все, абсолютно все, в мельчайших подробностях и деталях. Что не характерно для жанра драмы. Да и не имеет особого смыслового значения для понимания всего происходящего. Драматургическая утопия В. Сорокина протоколочно точна.

А имеет значение статуя, художественная инсталляция, «... которую он издали принял за вставшего на дыбы медведя. Но это был вовсе не медведь, скульптурная композиция, состоящая из двух человеческих фигур... Одна из этих фигур сидела на закорках у другой. Нижняя фигура была искусно выточена из дерева, текстурой похожей на дуб: судя по пропорциям, низкорослый человек в костюме при галстуке, в ботинках (этот или похожий на него образ уже анализировался нами) стоял на подиуме в спокойной и уверенной позе. На закорках у него, обхватив руками плечи и шею, сидел голый человек, отлитый из темного металла, похожего на простое железо. Руки деревянного человека поддерживали за голени ноги железного. По пропорциям обе скульптуры были почти одинаковы, но выражение лица у них сильно различалось. Лицо деревянного человека было простоватым, широковатым и самоуверенно-благодарным. Дубовые, коротко подстриженные волосы слегка курчавились

на его голове, деревянные губы расходились в полуулыбке. Голова железного человека была лысоватой, жилистое лицо сужалось к маленькому упрямому подбородку и смотрела напряженно с неприветливой внимательностью. Небольшие, но мускулистые руки железного человека цепко оплелись вокруг широкой шеи деревянного, пальцы вцепились в предплечья, по которым бежали подробные дубовые складки [Сорокин В. 2019: 593]. На наш взгляд, вот он тот «золотой ключик», та художественная метафора, во имя которой В. Сорокин пишет пьесу. Это та особая полифония постмодернистского произведения, когда пространство (художественного произведения, изобразительного искусства, музыки) вмещает в себя множество противоречивых идей, точек зрения, взаимоисключающих систем.

Сорокин-художник доминирует над Сорокиным-драматургом. Все, что происходит в пьесе, в той или иной степени будет соотноситься именно с этой художественной композицией. Именно в ней, пренебрегая всеми законами жанра драмы, В. Сорокин закодирует то множество, о сложности и глубине которой будет спорить еще не одно поколение исследователей его творчества. Творчество В. Сорокина – это «...лестница, начало которой не с первой ступени, а с последней» [Бродский И. 2016 : 731].

Литература

- Автономова Н. 2002 – *Философия и филология. Ускользящий контекст: Русская философия XX века*. Москва.
- Буркхарт Д. 2018 – *Эстетика безобразного и пустишь в творчестве Сорокина. Просто буквы на бумаге (Владимир Сорокин: после литературы)*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Бродский И. 2016 – *Стихотворения. Мрамор. Набережная неисцелимых*. Москва: Азбука.
- Грос Б. Кабаков И. 2010 – *Диалоги*. Москва: Германа Титова.
- Демпси Э. 2008 – *Стили. Школы. Направления*. Москва: Искусство XXI века.
- Ерофеев В. 2002 – Особенности национальной травли писателей. Открытое письмо президенту России В.В. Путину. *Газета «Время МН»*. от 5 сентября 2002 года.
- Журчева О. 2009 – *Природа конфликта в новейшей драме XXI. Новая драма XX – XXI: проблема конфликта. Материалы научно – практического семинара. 12 – 13 апреля 2009*. Тольятти. «Университетская группа».
- Кравцун О. 2008 – *Творческое сознание художника*. Москва: Памятники исторической мысли.
- Сорокин В. 2019 – *Занос. Капитал. Пьесы*. Москва: АТС.
- Чехов А.П. 1986 – *Три сестры. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти тт. Т.13*. Москва: Наука.

Tatyana Landa

Tel-Aviv University, Israel
Tatyanalanda7@gmail.com

ANTI-HERO LIKE A HERO IN VLADIMIR SOROKIN'S DRAMATURGY

Abstract: A dramatist is a labyrinth. A dramatist, which is also a painter and author, is a very complicated labyrinth, which is connected from different small combination.

“I want to say, with full responsibility, that every real writer is an extremist to the extent that he takes the liberty to talk about things unnatural to his own consciousness” (V. Erofeev). And this unique ability is reflected in the drama of the XXI century. In the form that researchers have spoken about so many times, in the form started by the well-known phrase of the classic “...Tara-ra...bumbia... I am sitting on the pedestal” (A. P. Chekhov). In the form of the language of the “new-new drama”.

The complex puzzle of postmodern literature consists of several components: texts created in accordance with the artistic and aesthetic system of postmodernism. As well as the antithesis to everything just said i.e anti-aesthetics and anti-ideology of postmodernism.

Keywords: Antihero, Drama, Postmodernism, “Marble” (*«Занос»*), V. Sorokin.

Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 181-187. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.

«ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ» ДВУЯЗЫЧНЫХ УЧАЩИХСЯ ЭСТОНИИ (РУССКО-ЭСТОНСКИЙ БИЛИНГВИЗМ)

Наталья Мальцева-Замковая, Ирина Моисеенко

Таллиннский университет, Эстония
taly@tlu.ee, irmo@tlu.ee

Образовательный ландшафт современной Эстонии определяет разнообразие сред обучения, которые способствуют в той или иной степени формированию билингвизма. В статье представлен «языковой портрет» учащихся-билингвов, получающих образование на разных ступенях учебных заведений с эстонским и русским языками обучения. Выясняются «проблемные» моменты, связанные с языковым развитием разных групп учащихся, которые были выявлены в ходе нескольких исследований преподавателей и магистрантов из Эстонии.

Ключевые слова: билингвизм, языковое развитие, родной язык, нарушение языковых норм, среда обучения.

Проблема двуязычия является в настоящее время как никогда актуальной, и ее изучению посвящено немало работ как на русском [Кривошапова Н.В. 2017: 436–440; Протасова Е.Ю., Родина Н.М. 2005; Цейтлин С.Н., Чиршева Г.Н., Кузьмина Т.В. 2014.], так и на иностранных языках [Quick E.A., Lieven E., Carpenter M., Tomasello M. 2018: 477–501; Swanson H.L., Saez L., Gerber M. 2006: 247–264]. Эта проблема также активно изучается, причем исследуется как русско-эстонский билингвизм, так и другие варианты двуязычия [Branets A., Bahtina D., Verschik A. 2019: 1–32; Soler J., Zabrodskaya A. 2017: 547–566].

Образовательный ландшафт современной Эстонии определяет разнообразие сред обучения, которые способствуют в той или иной степени формированию билингвизма. Это школы

– **с эстонским языком обучения**, в которых существуют неспециализированные классы, специализированные классы для двуязычных учащихся, а также классы, где предусмотрена поддержка родного (русского) языка;

– **с русским языком обучения**, в которых имеются неспециализированные классы с интенсивным изучением эстонского языка (с 1 класса) и классы погружения.

В школах с эстонским языком обучения в соответствии со своим государственным статусом русский язык изучается как иностранный. Поскольку получение высшего образования и трудоустройство без владения государственным языком в совершенстве являются затруднительными, многие русскоязычные родители предпочитают отдавать своих детей в эти учебные заведения. Зачастую у русскоязычных родителей вовсе отсутствуют

другие возможности, т.к. в некоторых регионах страны нет школ с русским языком обучения, например, в городе Пярну работает только одна такая основная школа (девятилетка), в городах Хаапсалу, Выру и многих других нет ни одной школы. Двухязычных детей, с детства владеющих двумя языками, как правило, определяют в эстонские школы. По данным 2009 г. 3% от всех учащихся эстонских школ составляли двухязычные ученики. Особенно много двухязычных учащихся в Таллинне. Так, в 2009/10 учебном году их было 4,5% от общего количества учащихся школ с эстонским языком обучения, в 2010/11 – 3,8%, в 2011/12 – 3,8%, в 2012/13 – 3,3%, в 2013/14 – 3, 25%. Однако, как показывают данные анкетирования 2019 года, количество двухязычных учащихся в школах Эстонии значительно (не менее 2 учеников в каждом классе, в некоторых классах до 16 учеников) [Мальцева-Замковая Н, Моисеенко И., Чуйкина Н. 2019: 149-169]. Обучение русскоговорящих детей в школах с эстонским языком обучения приводит к формированию русско-эстонского двухязычия, но помимо преимуществ такого обучения (интеграции в эстонское общество, бóльшие успехи в карьере и т.д.), существует и ряд проблем: ученики изучают свой родной язык как иностранный, а некоторые не изучают его вообще, выбирая в качестве второго или третьего иностранного другой язык. Как показывают результаты исследований [Моисеенко И., Замковая Н. 2015: 132-143], в речи учащихся-билингвов гимназических классов наблюдается обилие разнообразных ошибок, что указывает на явные недостатки в овладении первоначально родным языком. Поскольку обучение проходит на эстонском языке, для речи учащихся характерно наличие ошибок, свойственных маленьким детям и иностранцам. Это прежде всего орфографические и графические ошибки, обусловленные максимальным использованием латинского алфавита и отсутствием системных знаний по орфографии. Типичными для речи билингвов являются ошибки в словообразовании и формообразовании. Это ошибки типа «заполнения пустых клеток»: *текёт, ляжут, добрость, дружность* и др., формообразовательные или грамматические просторечия, наличие которых можно объяснить общением билингвов на русском языке, как правило, в бытовой среде, например, *ихний, пройтися*. Часто учащиеся ошибаются в выборе видовых форм глагола, альтернативных приставок, образовании падежных форм существительных, например, *будем посмотреть, мнениев, обзнакомиться*. Зачастую ученики как бы стараются устранить формы слов, чуждые языковой системе, в результате чего возникают такие ошибки: *закрыл ворота, на пианине, овощная консерва, (собирают) малины и др.* Среди лексических ошибок наиболее частотны замены русских слов эстонскими, например: «*каубакескус*» (вместо *торговый центр*), «*максуамет*» (вместо *налоговый департамент*), «*кыргтасе*» (вместо *высший уровень*), «*линнавалитсус*» (вместо *горуправа*), «*корральдус*» (вместо *распоряжение*) и др. Также в речи билингвов встречаются грамматические ошибки, в первую очередь, связанные

с управлением, например, *иметь представление о архитектуры, он высказывает два противоположных взглядов, помогать подругу, писать на доску и др.*, а также с использованием предлогов, особенно «в» и «на»: *он был на экспедиции, в Дальнем Востоке, в Камчатке и др.*

В речи двуязычных учащихся основной школы тоже наблюдаются речевые недостатки [Покинйчереда 2019]. Исследование письменных текстов на русском и эстонском языках, созданных учащимися с 6 по 8 класс, показало, что и в тех и других значительное количество ошибок, однако эстонские тексты более корректны в языковом отношении (в них меньше орфографических и графических ошибок, они богаче по лексическому наполнению), они более объемны и содержательны, но они также далеки от совершенств. Результаты анализа текстов позволяют предположить, что у учащихся замедляется общее языковое развитие.

Возможным решением проблемы может быть создание специализированной программы для таких учащихся. Первые шаги в этом направлении были уже сделаны. С 2010 по 2012 годы проводилась работа по дополнительному обучению русскому языку в специальных группах учащихся-билингвов (проект «Kaks keelt –üks meel») при поддержке Министерства образования и наук Эстонии. В рамках проекта в Таллинне работали три возрастные группы, в состав которых входили двуязычные учащиеся из разных школ. Для каждой группы были разработаны методические материалы по русскому языку и литературе, прошедшие экспертную оценку преподавателей Таллиннского университета. Кроме того, в Таллиннском университете был разработан специальный курс «Двуязычие и родной (русский) язык» для будущих учителей русского языка, который читался в течение нескольких лет. Силами преподавателей того же университета ежегодно проводится республиканская олимпиада по русскому языку как иностранному, где учащиеся-билингвы соревнуются в отдельной группе. Также авторами статьи разработаны основополагающие принципы создания специализированной учебной литературы для билингвов [Замковая Н., Моисеенко И. 2011].

В Эстонии (в Таллинне, Кохтла-Ярве, Хаапсалу, Валга) в некоторых школах с эстонским языком обучения работают специализированные классы для двуязычных учащихся. Для них разрабатываются программы, предусматривающие углубленное изучение русского языка (некоторые теоретические сведения, а также орфография и пунктуация). Кроме того, учащиеся знакомятся с рядом произведений русской литературы, что помогает поддержанию их национальной идентичности и культуры.

В ситуации, когда у родителей нет возможности определить ребенка в школу с русским языком обучения, важным становится оказание поддержки языкового развития

первоклассника на русском языке. Такой возможностью может быть проведение кружковой работы, которая осуществляется на основе детально разработанных учебных планов и тщательно отобранные дидактических материалов [Вавилова Н. 2021].

Учащиеся **школ с русским языком обучения** в определенной степени являются билингвами, т.к. изучают эстонский язык с первого класса, а также на эстонском языке им преподаются некоторые предметы, количество которых увеличивается от этапа к этапу, и на гимназической ступени составляет 60%.

Даже в речи учащихся гимназии прослеживается значительное количество проблемных моментов [Моисеенко, Мальцева-Замковая 2018: 331-336], но наиболее частотны следующие нарушения языковых норм:

– сдвиги в глагольном и именном управлении [Мальцева-Замковая, Моисеенко 2014: 285-296] (*книга учит о дружбе, радуюсь жизнью, обсуждение о том, забота за слабого, сидеть в компьютере – arvutis istuma, объяснить о том – explain about what*), которые могут быть обусловлены общими процессами в грамматическом строе русского языка, влиянием эстонского и английского языков;

– ошибки в словообразовании (наиболее характерны ошибки типа «заполнения пустых клеток»: *совестный, трудолюбивость*, у ее и т.д.

Несмотря на то, что в речи учащихся русских школ также встречается нарушение языковых норм, оно проявляется несколько иначе: не столь заметно влияние эстонского языка, большинство ошибок можно объяснить общими тенденциями развития русского языка в России, такими как раскованность, усиление личностного начала, резкое ослабление автоцензуры, неузואальное словообразование и словоупотребление, появление большого количества окказионализмов.

В школах с русским языком обучения работают классы с ранним (с первого класса) и поздним погружением (с 7 класса). При раннем погружении изучение русского как родного начинается со второго полугодия второго класса.

По результатам диагностики речи учащихся третьих классов [Мешкова 2019] видно, что они не владеют грамматическим строем как русского, так и эстонского языков на уровне, предусмотренном программой обучения. Об этом свидетельствуют примеры, приведенные в таблице.

ЧАСТОТНЫЕ ТИПЫ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОШИБОК

ТИПЫ ОШИБОК

Неправильное образование имен существительных со значением отвлеченного понятия от прилагательных

ПРИМЕРЫ

Трусть (от трусливый), добротсть/добрец, высокость, глубокость/глубость крутость/круть, жолтость, белость

Некорректное образование имен существительных от глаголов	<i>Посад, засоль/засоление/засолина, полев/полёвка, пересказка</i>
Неправильное образование имен существительных, обозначающих посуду, в которой что-то хранится	<i>Селёдница/селедольница, масленица/масленица/маслица, солоница/солонитса/солтница</i>
Ненормативное употребление существительных в форме единственном и множественном числе	<i>Блюдцы/блюци/блюды, дуплы, тополи/топли /топольи/тополы, лобы/лоби, левы/лвы, пени/пньи/пеньи/пенки, орёлы, платьи/плати, суки, други, стёклы, ухи, вёдры, человеки, Периль /перило/ перилы (перила), Кошелёки, дочи блюдецы Семечка/семя (от семена), зверьок/зверь (от зверьки), вёсл(от вёсла).</i>
Нарушение согласования существительных с количественными числительными	<i>6 ух/уш, 7 ведр, 5 медведя/медведья/медведея, 10 пуговитс/пуговки, 10 капли/капелек 5тулов 2 песец 5 песецов</i>
Некорректное употребление предлогов	<i>Ученики завтра идут в экскурсий По субботам мы ходим в рынок. Лук растёт в грядке. Возвращался со школы. Приехал с Москвы, из Украины, с Литвы, из Сааремаа, с Пярну, с России, из Кавказа, из Урала, из Муху, на пекарне, на типографии, с норы, в снежный ком упал из еловой ветки, зайцы испугались и умчались чаще, спешат в добычу,</i>
Нарушение управления	<i>собирали ябллок, обрадовались поездкой Маша ходит в детском саду. Оля помогает бабушку Ребята договорились встретиться в автобусную остановки. Учитель записал число на доску. Я купил газету дедушку, Братья отдали рыбу маму. Сажает цветов. Рубит деревьев. Ветер качают в вершинах соснав. Стали называть этот мостик по его фамилии. В честь етово этот мост был назван ева вамилия</i>

Несоблюдение границ предложений.	<i>И он решил зделот мостик. Рядом с речкою. Сёма остоновится и сказал друзьям давайте постройть мост друзья согласились. И начели стойт.</i>
Пропуск слов	<i>Захотел тоже молоко. Жили мышонок. Не решился будит. Мышонок испугоном литцом увидел</i>
Нарушение порядка слов в предложении	<i>Орехи белка прячет в дупло. Часто осенью идёт дождь.</i>
Несогласование времен глагола (нарушение временных связей в предложении)	<i>Кот удивился, потому что молока уже нет. Сёма оторывал ветки от дерева и дедушка помогает делать перилы. Выходит из чащи и побряла.</i>

Низкие результаты тестирования можно объяснить тем, что русскоязычные дети используют эстонский язык в своей речи только в школе, вне ее стен общение происходит на русском языке. При усвоении сразу двух языков одна языковая система оказывает влияние на другую, в результате чего происходит их смешение, которое приводит к ряду речевых и языковых трудностей ребенка. Можно предположить, что главной причиной недостаточно высокого уровня развития речи на родном языке является влияние языковой эстоноязычной образовательной среды.

Большинство ошибок в речи детей являются логопедическими и требуют специальной коррекции (*нарушение порядка слов в предложении, неупотребление заглавных букв в начале предложений, несогласование времен глагола, нарушение временных связей в предложении, нарушение видовых связей, нарушение использования множественного и единственного числа и т.д.*).

Поскольку в школах с эстонским языком обучения получают образование все больше двуязычных учащихся, а также увеличивается количество учеников в классах погружения, чья речь характеризуется нарушением языковых норм, это может оказать определенное влияние на функционирование русского языка в Эстонии.

Возможность обучения на родном языке, безусловно, способствует соблюдению языковых норм, однако и речь учащихся русских школ также требует определенной коррекции.

Литература

Мальцева-Замковая Н, Моисеенко И. 2014. – Особенности глагольного и именного управления в письменных текстах русских гимназистов Эстонии. *Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI. Антропоцентризм в языке и речи.* Тарту: изд-во Тартуского университета. – С. 285-296.

- Моисеенко И.М., Мальцева-Замковая Н.В. 2018. – Русский язык выпускников школ Эстонии. *Русистика и современность. Монография. Ч. 1.* Санкт-Петербург: Северная звезда. – С. 331-336.
- Мальцева-Замковая Н., Моисеенко И., Чуйкина Н. 2019. – Влияние языковой ситуации на изменение обобщенных характеристик языковой личности двуязычных учащихся (русско-эстонский билингвизм), получающих образование на эстонском языке. *Science for Education Today*, 9 (6). – С. 149–169.
- Моисеенко И.М., Замковая Н. В. 2015. – Нарушение языковых норм в письменной русской речи двуязычных учащихся, получающих образование на эстонском языке. «Я» и «другой», свое и чужое в культуре Эстонии. Москва: Флинта-Наука. – С. 132-143.
- Замковая Н., Моисеенко И. 2011 – Некоторые принципы создания учебника по русскому языку для билингвов (русско-эстонское двуязычие). *XII Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы «Русский язык и литература во времени и пространстве».* Шанхай: Shanghai Foreign Language Education Press. – С.528-532.
- Вавилова Н. 2021. – Поддержка развития родной речи русскоязычных первоклассников в условиях обучения на эстонском языке. *Магистерская работа.* Таллинн.
- Покинъчерда М. 2019. – Особенности текстов-описаний, создаваемых учащимися-билингвами. *Магистерская работа.* Таллинн.
- Мешкова И.А. 2019. – Пути преодоления грамматической интерференции в письменной речи школьников-инофонов. *Выпускная квалификационная работа.* Санкт-Петербург.
- Кривошапова Н. В. 2017. – Детский билингвизм: проблемы при усвоении русского и болгарского языков. *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность. Т. 14, № 3.* – С. 436–440.
- Протасова Е. Ю., Родина Н. М. 2005. – *Многоязычие в детском возрасте.* Санкт-Петербург: Златоуст.
- Цейтлин С. Н., Чиршева Г. Н., Кузьмина Т. В. 2014. – *Освоение языка ребенком в ситуации двуязычия.* – Санкт-Петербург: Златоуст.
- Quick E. A., Lieven E., Carpenter M., Tomasello M. 2018. – Identifying partially-schematic units in the code-mixing of an English and German speaking child. *Linguistic Approaches to Bilingualism. Vol. 8, Issue 4.* – P. 477–501.
- Swanson H. L., Saez L., Gerber M. 2006. – Growth in literacy and cognition in bilingual children at risk or not at risk for reading disabilities. *Journal of Educational Psychology. Vol. 98, Issue 2.* – P. 247–264.
- Branets A., Bahtina D., Verschik A. 2019. – Mediated receptive multilingualism: Estonian-Russian-Ukrainian case study. *Linguistic Approaches to Bilingualism. Vol. 9, Issue 1.* – P. 1–32.
- Soler J., Zabrodskaya A. 2017. – New spaces of new speaker profiles: Exploring language ideologies in transnational multilingual families. *Language and Society. Vol. 46, Issue 4.* – P. 547–566.

I.M. Moiseenko, N.V. Maltseva-Zamkovaja

Tallinn University, Estonia
taly@tlu.ee, irmo@tlu.ee

“LANGUAGE PORTRAIT” OF BILINGUAL STUDENTS OF ESTONIA
(RUSSIAN-ESTONIAN BILINGUISM)

Abstract: The educational landscape of modern Estonia is characterized by a variety of learning environments that contribute to the formation of bilingualism. The article presents a “linguistic portrait” of bilingual students receiving education on different levels of educational institutions with Estonian or Russian language of education. The “problematic” moments in the language development of different groups of students are clarified. Several studies by scientists and undergraduate student from Estonia were devoted to their research.

Keywords: bilingualism, language development, native language, violation of language norms, learning environment.

МОЖНО ЛИ ПОТРОГАТЬ ДУШУ? СЕМАНТИКА ТАКТИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ТЕКСТАХ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Людмила Николаевна Некрасова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия
carinjo@mail.ru

В работе рассматривается специфика глаголов тактильного контакта, в частности, глаголов *трогать* и *касаться*, в текстах Андрея Платонова. Тактильная лексика является одним из механизмов соединения конкретного и абстрактного, физического и духовного в платоновской прозе. В работе отмечается роль глаголов тактильного восприятия в создании уникальной языковой картины мира Платонова.

Ключевые слова: Андрей Платонов, осязание, тактильные глаголы, языковая картина мира.

В последние годы выходит все больше работ, посвященных репрезентации телесного кода в литературе и в культуре [См., например, Григорьева О.Н. 2000, Крюкова Л.Б., Двизова А.В. 2011, Сухов А.В. 2017]. Творчество Андрея Платонова – уникальное поле для подобного рода исследований. Художественный мир писателя удивительно телесен. Светлана Семенова пишет об отношении к телу у Платонова:

«У Платонова поразительное отношение к телу. Как уникальное целостное устройство человека оно свято. Ощущение его интимно и глубоко <...> Все, что происходит у Платонова с телом, прекрасно и жалко, как прекрасен и жалок сам человек» [Семенова С.Г. 1989: 357]. Герои Платонова воспринимают мир всеми органами чувств: они всматриваются и вслушиваются в окружающую действительность, нюхают и трогают все вокруг. Данная работа посвящена лексике только одного модуса, тактильного. Мы рассмотрим специфику нескольких тактильных глаголов – *касаться*, *трогать* и производных от них – в текстах писателя. Какую же роль они играют в формировании уникальной платоновской языковой картины мира?

Г. Крейдлин в книге «Невербальная семиотика» делит глаголы тактильного контакта на 3 группы. Это:

1) глаголы собственно касания, такие как *касаться*, *трогать*, *прикоснуться*, *дотронуться* и др.;

2) глаголы осязания (*гладить*, *щупать*, *тереть*, *проводить рукой* и др.);

3) жестовые касания – обозначения социальных и культурных актов (*обнять*, *прижать к груди*, *поцеловать* и др.) [Крейдлин Г.Е. 2002: 431].

В работах о поэтике А. Платонова наибольшее внимание уделяется последней из групп – жестовым касаниями. Описываются важные типы поз и жестов в универсуме Платонова, символическое значение телесных контактов героев [Родкевич М. 1994; Баршт К.А. 2005]. Символичность жестовых касаний очевидна. Однако для глаголов собственно касания, таких как *потрогать* или *коснуться*, характерна диффузность, размытость значения. Тем не менее данные глаголы играют важную роль в создании языковой картины мира Платонова. Являясь одним из способов соединения двух миров – физического и духовного – они становятся средством передачи важных идей и понятий.

Философы отводят тактильной чувствительности главную роль в процессе познания человеком как своего тела, так и тела Другого. В. Подорога пишет о том, что при прикосновении мы «воплощаемся в мире, поскольку он изменился ровно настолько, насколько получил перцептивной информации о нашем присутствии в нем» [Подорога В.А. 1995: 129]. В тексте Платонова герой через прикосновение знакомится с собственным «я». В романе «Чевенгур» читаем: *«Саша вошел на кладбище, не сознавая, чего ему хочется. В первый раз он подумал сейчас про себя и тронул свою грудь: вот тут я, – а всюду было чужое и непохожее на него. Дом, в котором он жил, <...> оказался не его домом – его вывели оттуда утром на прохладную дорогу»*. Толчком к этому вниманию к собственной индивидуальности стала вынужденная жестокость приемных родителей, отправивших Сашу побираться. Потрясенный этим предательством, Саша понимает, что окружающий мир – не часть его и даже враждебен ему. Платонов показывает зарождение самосознания героя через тактильные ощущения. Посредством прикосновения к себе мальчик учится отделять себя от мира.

Узнавание через прикосновение – естественный способ познания действительности героями Платонова, поэтому они трогают и щупают тех, с кем знакомятся. Объектом прикосновения может стать любая часть человеческого тела. В «Чевенгуре» Яков Титыч знакомится с пришедшими женщинами и одна из них чем-то напоминает ему его самого: *«Яков Титыч подошел к выбранной им женщине и потрогал ее за лицо; ему подумалось, что она похожа снаружи на него»*. В тексте дается ясная мотивировка действий героя: хотя он *видит* женщину, он все же из всех видов ощущений больше всего доверяет тактильным и потому *трогает* ее лицо.

Прикосновение к другому человеку в художественном мире Платонова – способ прикоснуться не только к телу, но и к душе, путь к пониманию людей. Саша Дванов в романе «Чевенгур» надеется, что прикосновение поможет ему проникнуть в тело другого и ощутить его жизнь: *«Дванов <...> хотел полностью почувствовать желания Прокофия, вообразить себя его телом и его жизнью, чтобы узнать, почему по его будет верно. Дванов прикоснулся к Прокофию и сказал:*

- *Говори мне еще, я тоже хочу здесь жить».*

Ощущения двух модусов – слухового и тактильного – становятся средством проникновения в сокровенный мир другого человека, способом соединения двух душ ради познания истины.

В художественном пространстве Платонова ничто не исчезает бесследно. Прикосновение, любой телесный контакт – событие, которое будет храниться в мире. Сербинов в «Чевенгуре» намеренно прикасается к Софье Александровне, чтобы навсегда остаться в ее воспоминаниях: *«Сербинов прикоснулся рукой к плечу Софьи Александровны, чтобы она вспомнила его когда-нибудь после разлуки».*

Любое касание – передача информации о человеке, потому для героев Платонова важно, что, кого и когда касалось. Вещи навсегда сохраняют следы того, что с ними происходило, но для сохранения воспоминаний нужно сохранить и сами вещи как материальные носители этой информации. В повести «Котлован» *«Вощев <...> собирал по деревне все нищие, отвергнутые предметы – для социалистического отмщения. Эта истершаяся терпеливая ветхость некогда касалась батрацкой кровной плоти, в этих вещах запечатлена навеки тяжесть согбенной жизни».* Глагол *касаться* обозначает непродолжительное действие. В данном фрагменте происходит сдвиг в значении глагола: *касаться* означает здесь не «дотрагиваться», а вообще «быть в контакте с кем-либо», то есть происходит расширение семантики глагола. Тот факт, что вещи когда-то касались кого-либо, означает, что в них содержатся сведения о жизни человека и даже о его страданиях (*тяжесть согбенной жизни*). В данном фрагменте можно увидеть реализацию второго, абстрактного значения глагола *касаться* – «иметь отношение к чему-либо». Ветхие вещи, действительно, единственное, что имело хоть какое-то отношение к жизни безвестных бедняков. В отношении героя Платонова к истершимся вещам прослеживается отзвук федоровской идеи о телесном воскрешении мертвых. Идеи Н. Федорова, безусловно, оказали огромное влияние на Андрея Платонова. Существует много работ о влиянии философии Федорова на творчество Платонова [Никулина М.В. 2005; Гюнтер Х. 2012]. Но если Федорову для реализации идеи физического воскрешения мертвых требовались тела усопших, то платоновский герой идет еще дальше: он стремится сохранить всякий материальный след бытия, в котором запечатлена не только физиология, но и чувства, страдания, то есть душа человека.

Вощев точно понимает, для чего он собирает материальные следы жизни, и выбирает самые жалкие, ветхие, истершиеся предметы. Сироты «прочие» в Чевенгуре, наоборот, не понимают, что делать с добротной утварью, доставшейся им от убитых буржуев, и для них *трогание* превращается в самостоятельный вид деятельности: *«они приобрели имущество и*

многочисленный домашний инвентарь, который они часто трогали своими руками и не знали, откуда это произошло – ведь это слишком дорого стоит, чтобы можно было кому-либо подарить; прочие щупали вещи несмелыми руками, словно те вещи были омертвелой жизнью их отцов и их заблудившихся где-то в степях братьев». Как и в «Котловане», вещи являются здесь для героев материальными носителями «остатков жизни» людей, и прикосновение к ним становится актом общения с давно утраченными родными.

Отметим, что платоновским героям необходимо *трогать, касаться* всех, не только друзей, но и врагов. В «Чевенгуре» Копенкин: «... не собирался стрелять в противника, а вынул саблю, чтобы ближе касаться врага». Герой чувствует себя уверенно только в сфере тактильных ощущений, и потому намеренно выбирает саблю в качестве оружия. Чиклин в «Котловане» также предпочитает лично чувствовать свой контакт с врагом и отказывается убивать предателей некоей *железякой*: «Я сроду не касался человека мертвым оружием: как же я тогда справедливость почувствую?». Обратим внимание на вторую часть этой фразы: «Как же я тогда справедливость почувствую?» Тактильный контакт с человеком дает герою Платонова возможность получить нравственную оценку своих действий. В последнем примере интерес также представляет употребление прилагательного *мертвый* (*мертвое оружие*). Противопоставление *живой* и *мертвый* в данном случае не соответствует общезыковым антонимам *живущий – умерший*. *Живые* (люди) и *мертвые* (предметы) разделены по другому признаку: через прикосновения живых передаются мысли и ощущения, а мертвый предмет нельзя использовать для контактов с людьми.

Расширенное значение глагола *касаться* лежит и в основе некоторых других его употреблений в платоновском тексте. В повести «Котлован» писатель рассказывает о детстве Чиклина так: «В молодости Чиклина здесь пахло пекарней, ездили угольщики и громко пропагандировалось молоко с деревенских телег. Солнце детства нагревало тогда пыль дорог, и своя жизнь была вечностью среди синей, смутной земли, которой Чиклин лишь начинал касаться босыми ногами». Подобными словами Платонов описывает и детскую фотографию Федора, героя «Фро»: «Прекрасная жизнь была в самом этом мальчике с широким, воодушевленным и робким лицом, который держал в руках ветку травы вместо игрушки и касался земли доверчивыми голыми ногами». Почему автор выбирает именно глагол *касаться*? Сама возможность его использования в данных контекстах основана на семе «контакт», но данная сема в том или ином виде входит в состав многих лексических единиц. Может быть, здесь важно именно то, что *касаться* обозначает легкое, «нежное» прикосновение. Герои этих фрагментов – дети, которые только начинают свой путь в мире. Робость, нежность, незащищенность ребенка неоднократно подчеркнута: дети касаются земли *босыми/голыми* ногами, у Федора *робкое* лицо, а его ноги названы к тому же *доверчивыми*.

Глагол *касаться* дополняет этот образ, где соединяются физическое и душевное, голые ноги и доверчивая душа.

Можно ли потрогать душу человека? В романе Платонова «Счастливая Москва» два героя, инженер и врач, пытаются найти вещественные следы человеческой души. Хирург Самбикин вскрывает тело умершей женщины и вместе с инженером Сарториусом ищет в нем душу:

«- Видишь!, – сказал Самбикин, разрезая <...> пустой участок между пищей и калом, – <...> Это душа – нюхай!

Сарториус понюхал.

- Ничего, – сказал он. – Мы эту пустоту наполним, тогда душой станет что-нибудь другое.

- Но что же? – улыбнулся Самбикин.

- Я не знаю что <...> Сперва надо накормить людей, чтобы их не тянуло в пустоту кишок.

- Не имея души, нельзя ни накормить, ни наесться, – со скукой возразил Самбикин, – ничего нельзя.

Сарториус склонился ко внутренности трупа <...> Он потрогал пальцами остатки кала и пищи, тщательно осмотрел тесное, неумирующее устройство всего тела и сказал затем:

- Это и есть самая лучшая, обыкновенная душа. Другой нету нигде».

Герои-ученые хотят обнаружить физическое проявление человеческой души, которое можно было бы исследовать, чтобы понять человека до конца. Для них в человеке нет ничего низкого и они готовы *понюхать, потрогать* и *осмотреть* эту душу. Найденная Самбикиным в кишках душа – многоплановый образ. С одной стороны, это пародия на ученых, желающих непременно уловить неуловимое, потрогать и понюхать нематериальное. В то же время это, несомненно, гротеск – самое высокое в человеке обнаруживается в самом «низменном» месте, «между пищей и калом». Душа в кишках – это и выражение материальной природы человека, страшный образ тупика существования. Человек не может освободиться от своих потребностей, прежде всего – от простейшей потребности в пище, отчего возникает порочный круг: чтобы иметь душу, надо наесться, но нельзя наесться, не имея души. И все же такой однозначно материальный ответ на вопрос о душе не удовлетворяет Сарториуса. В дальнейшем в романе он обещает найти человеческую душу, но человек так и остается для него тайной.

Касаться чего-либо в художественном мире Платонова можно не только физически, но и чувством: «*Может быть, легче выдумать смысл жизни в голове – ведь можно нечаянно догадаться о нем или коснуться его печально текущим чувством*», пишет писатель в «Котловане». Использование глагола *коснуться* дает ключ к фрагменту языковой картины мира Платонова, который можно условно назвать «познание истины». Смысл жизни, который

хотят обрести герои, существует в виде некоего объекта в ментальном мире; действующие в том же мире потоки печальных человеческих чувств могут нечаянно сблизиться с этим объектом и даже коснуться его и тогда смысл жизни будет обнаружен. Абстрактное и конкретное – с одной стороны, мысль и чувства, с другой – физическое прикосновение – настолько тесно переплетаются в данном фрагменте, что отделить одно от другого невозможно.

Трудно сделать это и при интерпретации следующего фрагмента из романа «Чевенгур»: «*Как конец мира, вставал дальний тихий горизонт, где небо касается земли, а человек человека*». Это поэтическое описание степного горизонта многомерно. Первый пласт значений здесь – конкретно-физический: человеку, глядящему на горизонт, кажется, что небо там соединяется с землей, а фигуры идущих вдали людей как будто сливаются. Из всех возможных глаголов для описания мира на горизонте Платонов выбирает *касаться*. Возможно, таким образом подчеркивается легкость, нежность или естественность этого «контакта». Может быть, актуализируется переносное значение глагола – на горизонте одно имеет отношение к другому: человек к человеку, небо и земля друг к другу. Значит, на том горизонте разрешается мучившая героев Платонова (и, несомненно, самого писателя) проблема отъединенности всего в мире: неба от земли, человека от природы, человека от человека. «Всеобщее соприкосновение» происходит в пространстве – на дальнем горизонте. Он настолько далек от героев, что кажется им концом мира. В то же время сочетание «конец мира» в общеязыковом употреблении чаще имеет не пространственное, а временное значение. Конец мира – это прекращение истории. Дальний горизонт платоновского повествования становится местом-мечтой, где разрешаются все противоречия. Но эта мечта отделена от героев в пространстве и во времени; она осуществится, только когда настанет конец света.

Таким образом, в художественном мире Платонова прикосновения, репрезентируемые рассматриваемыми тактильными глаголами, выполняют несколько функций. Они являются способом передачи энергии между людьми, способом получения информации о мире и сохранения в других информации о себе. Через прикосновения герои хотят осознать самих себя и почувствовать душу другого человека. Прикосновение ко всеобщему разуму в ментальном пространстве может стать ключом к понимаю героями смысла жизни.

Литература

- Аксёнова А. А. 2020 – Проблема репрезентации звука в художественном мире произведений О. Мандельштама. *Известия ВГПУ*. №7 (150) – С. 169-173.
- Баршт К.А. 2005 – *Поэтика прозы Андрея Платонова*. Санкт-Петербург.
- Григорьева О.Н. 2000 – Мир запахов в языке Чехова. *Функционирование и семантические характеристики текста, высказывания, слова*. Москва. – С. 182-191.
- Гюнтер Х. 2012 – *По обе стороны утопии. Контексты творчества А. Платонова*. Москва.
- Крейдлин Г.Е. 2002 – *Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык*. Москва, Новое литературное обозрение.

- Крюкова Л. Б., Двизова А. В. 2011 – Семантическая модель тактильного восприятия и ее реализация в поэзии Б. Пастернака. *Вестник Томского государственного университета*, № 352. – С. 22-26.
- Никулина М. В. 2005 – Религиозная утопия Н. Ф. Федорова в творчестве А. П. Платонова (на материале повести А. Платонова «Котлован»). *Проблемы исторической поэтики*. № 7. – С. 538-550.
- Подорога В.А. 1995 – *Феноменология тела. Введение в философскую антропологию*. Москва, Ad marginem.
- Родкевич М. 1994 – Символическая пластика в повести А. Платонова «Котлован». «*Страна философов*» Андрея Платонова. Москва. – С. 145-153.
- Семенова С.Г. 1989 – *Преодоление трагедии: вечные вопросы в литературе*. Москва, Советский писатель.
- Сухов А.В. 2017 – Музыкальные образы в творчестве Есенина: мифопоэтика и контекст: автореферат дис. ... канд. фил. наук. Нижний Новгород.

Liudmila Nekrasova

Lomonosov Moscow State University, Russia
carinjo@mail.ru

CAN ONE TOUCH A SOUL? SEMANTICS OF TACTILE VERBS IN ANDREY PLATONOV'S TEXTS

Abstract: The paper deals with the specifics of the verbs of tactile contact, in particular the verbs *kasatjsia* and *trogatj*, in the texts of Andrey Platonov. Tactile vocabulary is one of the means for connecting concrete and abstract terms, physical and mental world in A.Platonov's prose. The paper discusses the role of tactile verbs in creating a unique Andrey Platonov's linguistic view of the world.

Keywords: Andrey Platonov, tactile sense, tactile verbs, linguistic view of the world.

Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 195-198. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.

МЕТАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО КАК КОМПОНЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА

Кадиша Нургали, Молдир Амангельды

*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан
nurgalik1@mail.ru, amangeldimd@gmail.com*

В статье рассматривается метатематическое единство как теоретический комплекс, способный выявить и зафиксировать своеобразие художественного мира писателя и реализации авторского начала в художественном тексте. Акцентируется внимание на фигуре автора. Актуализируется обращение к художественному произведению не только как к дискретному и обособленному объекту, но и как к творению личностного художественного сознания писателя.

Ключевые слова: метатема, единство, текст, мотив, метод.

На современном этапе литературоведения проблема изучения авторского начала в произведении и способов его реализации в тексте приобретает особую актуальность. Долгое время в литературоведении функционировали так называемые «внеавторские» методы анализа художественных произведений. Затем на первый план выходит обращение многих исследователей к проблеме взаимосвязи автора и текста. С этой точки зрения произведение обретает некое внетекстовое организующее начало. Таким организующим началом и выступает авторская цель, внутренняя интенция самого художника в развитии и вербализации своих мыслей и ощущений в тексте.

Данную мысль выразил А.П. Скафтымов в статье «Тематическая композиция романа «Идиот». *«Созданию искусства, — считает А.П. Скафтымов, — предшествует задание. Заданием автора определяются все части и детали его творчества. В произведении искусства нет ничего случайного. Художник из множества проносящихся в его воображении формальных возможностей выбирает те или иные потому, что узнает в них соответствие тому, что он в себе уже смутно носит и воплощения чему ищет»* [Скафтымов А.П. 1972: 23].

Еще в конце XIX века В.В. Розанов в статье «Три момента в развитии русской критики» писал, что литературу, и прежде всего современную, необходимо рассматривать как ряд индивидуальных авторских миров, сотканных нитями духовных устремлений авторов. *«Предметом нашего особенного внимания, — подчеркивал он, — должны стать в творчестве писателя все входящие нити. Уловив эти нити в его созданиях, мы должны*

идти, руководимые ими, в дух самого писателя и вскрывать его содержание, его строй» [Скафтымов А.П. 1972: 23.].

С работ Б.В. Томашевского, В.Б. Шкловского и А.П. Скафтымова изучение темы выходит на первый план анализа литературного произведения. Именно Б.В. Томашевский в учебнике «Теория литературы. Поэтика» (1925) определяет статус темы. Он отмечает, что тема «объединяет компоненты художественной конструкции, обладает актуальностью и вызывает интерес читателей». В это же самое время в работах В.Б. Шкловского («О теории прозы», 1925) и А.П. Скафтымова («Тематическая композиция романа «Идиот», 1923) тема получает статус категории смысловой. Она стала пониматься как *«некоторая установка, которой подчинены все элементы произведения, некоторая интенция, реализуемая в тексте»* [Скафтымов А.П. 1972: 25].

Категория мотива так же долгое время исследовалась за пределами смысловой стороны произведения и соотношения ее с авторским началом. Она исполняла только сюжетобразующую функцию. В XIX и первой половине XX века наличие повторяющихся мотивов не связывалось с авторским посылом. Так, например, с точки зрения семантического подхода (в работах А.Н. Веселовского), мотив есть отражение существующих в общем культурном сознании народа общих представлений о мире. С точки зрения морфологического (В.Я. Пропп) и дихотомического подходов (А.И. Белецкий, А. Дандес), мотив – это отражение некоего общего построения фольклорного и художественного текста.

Мотивный анализ Б. Гаспарова также представил категорию мотива как категорию, существующую в межтекстовом, интертекстуальном пространстве, уже даже не авторскую, а именно читательскую, рождающуюся и приобретающую свои свойства во многом уже за пределами авторского замысла. В концепциях А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова, А.П. Скафтымова акцент в рассмотрении мотива также смещается в сторону автора. Если на протяжении одного или ряда произведений один и тот же ряд мотивов повторяется, значит, данные мотивы имеют первостепенную значимость для автора и для его художественной системы в целом. Мотив, в таком случае, становится категорией, отвечающей не только за смену событий, но и за реализацию и выражение вложенной в произведение мысли [Жолковский А.К., Щеглов Ю. К. 1975: 150].

Таким образом, с помощью категорий темы и мотива (как микротемы) можно понять смысловую содержательность творчества того или иного автора. С другой стороны, именно тема и мотив позволяют зафиксировать специфику авторского самовыражения. Тема и мотив, позволяют исследователю найти точный баланс между содержанием произведения, авторским замыслом (идеей) и его формальной выраженностью в тексте.

Раскрытие сквозных тем и мотивов в произведениях того или иного писателя позволяет говорить о сознательном повторении писателем данных сегментов, об их важнейшем положении внутри художественного целого, их первостепенной роли в оценке художественного мира писателя.

Но если в рамках одного произведения, как утверждал А.П. Скафтымов, «завершающей точкой» является анализ тематического состава произведения, то в рамках ряда текстов одного автора ею может стать анализ метатематической сферы и ее особенностей. Сквозные мотивы, темы и метатемы, создающие оригинальное смысловое пространство, как метатематическое единство, способны зафиксировать телеологическую заданность художественного произведения и ее особенности. По этой причине в качестве доминирующих заслуживают тщательного изучения следующие понятия: метатематическое единство, метатема, тема, мотив, а также организующие принципы художественного целого. Данный теоретически-понятийный круг способен описать метатематическую сферу и присущие ей законы существования.

Метатематическое единство — это пространство, включающее темы и мотивы, повторяющиеся в большом количестве текстов того или иного писателя, скрепленные и скрепляющие посредством общих организующих принципов все значимые компоненты художественного мира произведения, связанные между собой единой авторской установкой.

Интерес, который ученые проявляют к проблемам описания и анализа мотивного и тематического единства в рамках общего исследования художественных произведений того или иного автора с целью выявления определенных закономерностей, в современном литературоведении достаточно значительный.

Проблемам выявления и анализа инвариантных начал в творчестве русских и зарубежных писателей и поэтов посвящены работы А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова, вышедшие в разные годы. Следует отметить монографию Н.В. Злыдневой «Мотивика прозы Андрея Платонова». Инвариантным темам и мотивам, а также закономерностям их анализа в творчестве Ф.М. Достоевского и Ф.И. Тютчева посвящены диссертации О.А. Фарафоновой «Мотивная структура романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и Б.В. Орехова «Принципы организации мотивной структуры в лирике Ф.И. Тютчева». Этому же вопросу посвящена диссертация А.Н. Шехватовой «Мотив в структуре чеховской прозы». Авторы указанных работ предлагают свои варианты понятия, с помощью которого можно было бы зафиксировать ряды повторяющихся тем и мотивов в творчестве того или иного писателя.

Опыт рассмотрения данной проблемы свидетельствует, кроме всего прочего, о необходимости и возможности выработки метода и соответствующих ему понятий, с

помощью которых можно было бы отразить системность и неразрывность разнообразных тем и мотивов внутри художественного целого как на горизонтальном уровне (о котором писала Н.В. Злыднева), так и на вертикальном (иерархическом, инвариантно-вариантном). На наш взгляд, понятие метатематического единства объединяет данное требование.

Таким образом, изучение антропологической и телеологической сторон художественного произведения является одним из самых интересных и вопросов, обращение к нему является перспективным в плане исследований художественных текстов. Метатематическое единство выступает как важнейший компонент художественного мира автора. Оно позволит распознать авторский взгляд на феномен человеческого существования и претворение его в текстах автора и позволит приблизиться к пониманию авторского мирозерцания и, возможно, к поэтической личности самого художника. Набор метатем и инвариантных мотивов, взаимодействующих и связанных между собой, дает возможность попытаться создать некую матрицу художественного мира писателя.

Литература

- Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. 1975 – К понятию «тема» и «поэтический мир». *Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 365*. Тарту.
- Розанов В.В. 1990 – Три момента в развитии русской критики. *Несовместимые контрасты жития*. Москва.
- Скафтымов А.П. 1972 – Тематическая композиция романа «Идиот». *Нравственные искания русских писателей*. Москва.

K. Nurgali, M. Amangeldy

*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
nurgalik1@mail.ru, amangeldimd@gmail.com*

METATHEMATIC UNITY AS A COMPONENT OF THE ART WORLD

Abstract: The article examines metathematic unity as a theoretical complex capable of identifying and fixing the originality of the writer's artistic world and the implementation of the author's principle in a literary text. Attention is focused on the figure of the author. The reference to a work of art is actualized not only as a discrete and isolated object, but also as a creation of the personal artistic consciousness of the writer.

Keywords: metatheme, unity, text, motive, method.

Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 199-206. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.

КОНЦЕПТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЮРИЯ КОЗЛОВА «КОЛОДЕЦ ПРОРОКОВ», ХАНУ ЛУНТИАЛА «ПОСЛЕДНИЕ СООБЩЕНИЯ» И САТИМЖАНА САНБАЕВА «ВЕСНОЙ НАС ЗАЧАРУЕТ ГОЛОС»:
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Кадиша Нургали, Светлана Ананьева

*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Казахстан
nurgalik1@mail.ru, svananyeva@gmail.com*

В романе Ю. Козлова «Колодец пророков» настоящее переплетено с далеким прошлым, российская действительность – с военными событиями в Афганистане. Пейзаж в пустыне Афганистана – в духе Сальвадора Дали. Роман-предвидение анализируется в сравнительно-сопоставительном аспекте с психологической драмой Хану Лунтиала «Последние сообщения» и романом С. Санбаева «Весной нас зачарует голос», первым произведением об Афганской войне в литературе Казахстана. Ненужный риск, чужая война. Горе от ума – движущая сила истории.

Ключевые слова: текст, стиль, посткультура, сюжетные линии, порог риска, пейзаж, игра теней.

Новая модель посткультуры обуславливает развитие постсовременного литературоведения, в котором как новый феномен анализируется *дискурс* гибридности и концептосфера. Понимание *другого* как ведущая идея сравнительного литературоведения многое определяет в гуманитарной науке первых десятилетий века XXI. «Можно говорить, – считает К.К. Султанов, – о холистическом восприятии мира, сопрягающем константное и вариативное, о сопряжении примордиальных индикаторов ментальности (архетипы, этнические автостереотипы, мифопоэтические интенции) и мировоззренческих ориентациях, поощряющих открытость новациям» [Султанов К. 2020: 280].

Постмодернизм в литературе Финляндии представлен яркими именами. В издательстве “Tammi” в 2007 году увидел свет первый в современной мировой литературе роман «Последние сообщения» (*The Last messages*) Ханну Лунтиала (*Hannu Luntiala*), полностью составленный из sms-сообщений, а первое sms-сообщение было отправлено, как известно, в Финляндии в 1993 году. В 2006 году число мобильных телефонов в Финляндии превысило число жителей страны. Объем романа – более трехсот страниц, на которых в хронологическом порядке расположены около тысячи sms-сообщений.

В тексте необычного художественного произведения сохранены особенности стиля sms-сообщений, принятые сокращения, аббревиатуры и даже ошибки. Захватывающая

интрига основана на том, что оставивший пост руководителя крупной IT-компании – финского отделения «Майкрософта» решил совершить путешествие по местам своей юности – Стокгольм, Копенгаген, Амстердам, Париж, Барселона, Малага. Но со счетов пропадают четыре миллиона долларов, и путь главного героя теперь лежит на Ближний и Дальний Восток.

Герой романа, оказавшийся по собственной воле на исходе жизненного пути вдали от родных и близких, которые до определенного момента и не подозревают о его болезни, общается с ними с помощью телефонных сообщений, раскрывающих его взгляды на мир и шире – моральные и философские идеи романа. И на обложке оригинально изданной книги – мобильный телефон, на фоне экрана которого – падающий (или летящий) вниз головой человек [Ханну Лунтиала 2007]. Причем в оригинальном издании текст романа состоит из сообщений на финском, шведском и английском языках, только одно на испанском. При получении текстового сообщения из другого часового пояса, как известно, адресат видит время отправителя. И в романе все временные указания даны по финскому времени. И все же, исходя из дат спортивных матчей, о которых сообщает персонаж своим близким и друзьям, можно отнести происходящие события к 2005 году.

Жанр произведения наиболее точно можно определить не как детектив, а психологическую драму. *«Главный герой стремится выполнить программу-мечту, эгоистично не заботясь о чувствах близких. Впрочем, не исключаю, – пишет О. Рогозина, – что кому-то его поступок может показаться мужественным. Друзья и родственники сходят с ума от невозможности что-то изменить. История начинается 27 апреля, перед любимым финнами праздником Ваппу, а заканчивается 20 июня сообщением от авиакомпании Кувейта с предложением зарегистрироваться на рейс. Ответа нет, история заканчивается»* [Рогозина О. 2016].

Заслугу автора произведения, первой ласточки «мобильной» литературы, критики видят не в том, что он *«придумал новую форму романа, а в том, что смог в короткие сообщения вложить то, что обычно содержится в «больших» книгах – характеры героев и вызванные их поступками эмоции и ощущения. Сам автор в одном из интервью сказал, что общение только с помощью мобильных телефонов представляет угрозу для социальных отношений. Писатель уверен, что сейчас, более чем раньше, важно встречаться с людьми и общаться с ними лицом к лицу»*, – завершает обзор О. Рогозина [Рогозина О. 2016].

Изучением культурных концептов, т.е. «понятий, являющихся ценностями культуры и выражающихся прежде всего (но не единственно) абстрактными словами типа «Закон», «Беззаконие», «Беспредел», «Вера», «Радость», «Грех», «Семья», «Свои и чужие», «Любовь» и т.д.», занимается культурная концептология [Степанов Ю. 2001: 3]. Своеобразен стиль

повествования Ю. Козлова в романе «Колодец пророков», где настоящее переплетено с далеким прошлым, российская действительность – с военными событиями в Афганистане. Гадалка прогуливается *«короткими ломаными линиями, а иногда удлинёнными овалами и эллипсами вокруг столика с простыми игральными картами, картами Таро»* [Козлов Ю. 2003: 6] и весьма редкими в мире древнеегипетскими картами Руби, картами мертвых. Гадание на картах мертвых в Египте было строжайше запрещено, гадалок ослепляли, *«дабы погасить (а в редких случаях, выражаясь компьютерным языком, сканировать) в их глазах неуместный свет (информацию), выхватывающий из тёмной реки времени отдельные фрагменты будущего. Если же предсказанную судьбу или будущее требовалось изменить или направить по другому руслу, гадалку попросту закалывали специальным ритуальным ножом – узким и длинным, как спица»* [Козлов Ю. 2016: 7]. Так интригующе-увлекательно начинается произведение, в котором несколько сюжетных линий, широкий охват событий, стран, континентов.

Начальник отдела неустановленных рукописей Государственной библиотеки Илларионов участвовал в грандиозном проекте американских мормонов по созданию электронной версии Библии для Всемирной информационной сети Интернет. Так в роман врывается современность. Преобразование избранных фрагментов Библии в компьютерный гиперроман, то есть в роман *«с бесчисленным внутренним разветвлением файлов (совершенно самостоятельных сюжетов) заинтересовал участников Международного симпозиума по вопросам межбиблиотечного обмена информацией по электронным системам связи»* [Козлов Ю. 2016: 9]. Новейшие технологии на грани фантастики. Текст разветвлялся новыми, новейшими, сверхновыми и сверхновейшими файлами в электронном библейском лесу.

Мотив неканонического текста Библии, которая должна быть главным гиперроманом в Интернете, заключается в следующем: Бог изгнал Адама и Еву из рая за то, что Ева предсказала Адаму судьбу человечества с помощью карт Руби. Они разрушили рай. В современном мире рушатся цивилизации. Илларионов вместе с народом дышал *«отправленным (или в силу непонимания, природной враждебности к новому кажущимся таковым) воздухом «все не так», вместе с народом же видоизменяясь, приспособливаясь, как некогда видоизменялись, приспособливаясь, к сухой воздушной среде обитания, оставшиеся без океана кистеперые рыбы»* [Козлов Ю. 2016: 8]. Генералы ловят в мутной воде свою рыбку.

Образ рыбы здесь как прообраз названия следующей книги Ю. Козлова «Почтовая рыба», главный герой которой и фамилию носит Рыбин, а *«в теплую сентябрьскую московскую ночь тревожно шевелили ветками-щупальцами осьминоги-кусты»* [Козлов Ю. 2011: 35].

Роман Ю. Козлова «Колодец пророков» сверхинформативен, но это не перегружает повествование. Истина о фотографиях тел пришельцев с уничтоженной американцами в 1947 году над островом Пасхи летающей тарелки, как и театр теней в шкафу, начинающих под колеблющимся светом люстры жить своей жизнью (дамы шевелили веерами, псы и всадники отставали от уходящего под вазу оленя), предстала *«не то чтобы не имеющей место быть, но как бы несущественной... Тень гадалки напоминала склоняемый ветром к земле куст. Тень клиента – гвоздь»* [Козлов Ю. 2003: 22]. Песцовая шапка ... *«пошла, набирая скорость, сквозь толпу, как нагретый гвоздь сквозь масло. Это был особенный метод ухода с места события сквозь толпу, требующий концентрации воли и специальной тренировки мышц»* [Козлов Ю. 2003: 25]. Он не пропал бы при столпотворении в дни похорон Сталина. Ничто и никогда не может исчезнуть бесследно. Весточки о будущем являлись одним из связующих звеньев между двумя вечными мирами, что явно чувствуется и в ткани произведения Ханну Лунтиала.

Запоминается читателю мимолетная зарисовка мастера по замкам – штучного человечка Эрика, *«застенчивого, похожего на инока, с редкой светлой бороденкой и длинными пальцами пианиста»* [Козлов Ю. 2003: 12]. Автор внимателен к деталям, портретным описаниям, в которых выделяет главное: светящиеся глаза гадалки, «особый свет зелёных глаз» Илларионова-старшего. Черные, как муравьи, буквы на пейджере. У Ханну Лунтиала в тексте романа будет уже сотовый телефон.

Генерал Толстой – плотен, кругл, лыс, добродушен на вид, как говорящий колобок из сказки. *«Если можно было вообразить себе колобок из снега и льда, то сейчас генерал Толстой напоминал именно такого арктического колобка. Уворачиваясь от желающих его съесть, он сам не зевал – съедал (морозил?), кого хотел»* [Козлов Ю. 2003: 13].

Глава представительства (миссии) мормонов в России господин Джонсон-Джонсон: ухоженное, холодное и жёсткое лицо, как у честного, готового упечь в тюрюгу собственную старушку-мать, судьи. Отлично говорящий по-русски, спортивный. На столе в кабинете Библия и последней модели, соединённый с закрытыми спутниковыми системами информации компьютер. Имел воинское звание никак не меньше полковника. Повествование интеллектуально и информативно. Разговор пишется на видеопленку. Проверка *«на возможное обладание информацией, на степень готовности делиться информацией, блокировку путей сокрытия информации, быстроту реакции, скорость вхождения в системный анализ и так называемую скорость постижения происходящего, то есть смысла, ощущение опасности, порог риска, наконец, определение цены»* [Козлов Ю. 2003: 19].

Вопрос на подсознание. Странное предчувствие героя: *«Илларионов знал, что физическая смерть – почему-то она виделась ему в виде трассирующего, вычеркивающего»*

во тьме светящуюся линию удара: не то молнии, не то лазера, не то какого-то сверхтонкого острого лезвия – придет кинескоп именно из коридора с черным креслом, правда, он не знал – этого или другого коридора. И ещё такая странная деталь: Илларионов как бы заранее знал, что сможет в свой смертный час не только подробнейшим образом разглядеть летящий ему в шею луч, но и уклониться от него, отвести от себя рукой – да, именно рукой! – молнию-лазер-лезвие, но почему-то не сделает этого» [Козлов Ю. 2003: 30].

Часто думал: что есть выигрыш в игре теней? «Мир устроен таким образом, что на каждую, даже самую нелепую и иррациональную загадку непременно отыскивается человек, который зачем-то её разгадывает. Если существует замок, то и существует ключ, который должен его отомкнуть. Вот только они не всегда совпадают во времени и пространстве» [Козлов Ю. 2003: 22]. Часто обращение к отцу. Отец говорил ему: настоящий профессионал, если берётся, делает профессионально любое – пусть даже поначалу незнакомое ему – дело. Иначе – не берётся.

В романе не так много пейзажных зарисовок, запоминающихся именно своей лаконичностью. Зарисовка ночной Москвы: «Над Арбатом искусственный неоновый свет смешивался с натуральным сумеречным. Но над обитым радиопроницаемой медью шпилем МИДа неон растворялся в глубоком, как перевёрнутый колодец, зелено-сиреновом небе. В этот сумеречный час на небе, с трудом просверливая смог, показались тусклые вечерние звёзды. Потом они уступали место почти совсем неразличимым звёздам ночным» [Козлов Ю. 2003: 23]. На Лесном кладбище во время похорон отца главного героя «только прозрачно застекленные льдом ветви деревьев выглядывали из белого тумана как кончики-узелки тех самых нитей, потянув за которые можно распутать клубки тайн». Вместе «с отцом в белый туман, в обледеневшие ветви деревьев, в чёрную промерзшую землю и ещё бог знает куда ушло немало тайн... Почему отец так спокойно, если не сказать равнодушно, относился к событиям, сотрясающим Россию с конца восьмидесятых и по сию пору, к разрушению всего того, чему он и Илларионов-младший (не считая многих других достойных людей) служили верой и правдой столько лет?» [Козлов Ю. 2003: 14]. В ледяном воздухе была разлита такая крепость, что российское государство казалось вечным и неприступным, как лес в снегу. Отец воспитывает сына: «Пословица “Не в деньгах счастье” на все времена. Деньги, как и несчастья, тебя сами найдут» [Козлов Ю. 2003: 16].

Действие в романе переносится из России в Афганистан. Пейзаж в пустыне Афганистана – в духе Сальвадора Дали. Все это, по мнению капитана Сергеева, который кивнул «на песок, кровь, летающихся клевать кровоточащие тела стервятников – они были похожи на странствующих дервишей с язвами на лицах, в чёрном дранье», придёт «к нам. И очень скоро» [Козлов Ю. 2003: 14]. Актуальность текста возрастает в нашем глобализирующемся мире, особенно в современной ситуации.

Роман-предвидение российского прозаика интересно сравнить с романом казахского писателя С. Санбаева «Весной нас зачарует голос» – первым произведением в литературе Казахстана об Афганской войне. Главный герой произведения Турлыжанов дорожит званием десантника, командира элитных частей армии, воинским братством и пытается разобраться в сложных взаимоотношениях этой разноплеменной страны, в традициях и обычаях: *«До недавних пор в здешних горах и пустынях то и дело вспыхивали межплеменные войны..., длились по несколько лет, сопровождаемые таким жутким насилием и зверством, что в жилах леденеет кровь... И сейчас сплошь и рядом – дикие расправы, кровная месть, рабский труд, продажа девочек, еще почти детей, в жены. Правосудие совершается не столько по шариату, сколько по патриархальным и феодальным законам»* [Санбаев С. 2009: 208].

Нурлан Турлыжанов ищет ответа на вопросы, кто же скрывается под именем Бакая? Есть ли такой полевой командир? И все больше (после беседы с Нуржаном) склоняется к мнению, что это и есть Гинаят. Помогают ему разобраться давние рассказы отца о древних батырах уильской и каратальской степей Ботакане, Карабатыре, Алакае, Макате, Сакале, Кошкаре и Бакае... Старший брат Галимжан запечатлел их подвиги в своих произведениях. По именам сыновей Гинаята – Карабатыр, Каракерей, Жаик – можно догадаться, откуда семья пришла в далекий Афганистан. Неслучайно Галимжан говорил, что имена предков дают детям, чтобы не позабылась история родного края, а история – это суть биография народа.

Белый женский платок, который срывает с непокрытой головы Нагима со словами: *«Вы же с одних колодцев. У вас один предок»* [Санбаев С. 2009: 395] останавливает Нурлана и Гинаята от необдуманных шагов и последствий. Концепт Ближнего Востока раскрывается С. Санбаевым через единый ряд этико-философских категорий, характеризующий основной смысл мировоззрения кочевников. Понятия построены таким образом, что они как бы становятся последовательной преградой на пути к конфликту. Не помогает *дат* – табу на войну или конфликт, появляется *сауга* – призыв к перемирию, к поиску согласия в обмен на дар. Не помогает и это, на пути к неминуемому столкновению становится *араша*, что символизирует готовность защитить собой человека, ценой своей жизни сохранить жизнь другого человека или целого народа.

Хрупкий мир восстановлен. *«И шелестел в весеннем воздухе, словно окровавленное крыло, платок степной женщины»* [Санбаев С. 2009: 396]. Стиль романа С. Санбаева лаконичен. Ближний Восток, Афганистан, война, первая задача на которой – сохранить в себе все человеческое. Кишлак Сарыташ, где в основном проживали таджики, узбеки и казахи, жил своей обычной жизнью. Но память о военных действиях жила с ними.

Стиль романа Ю. Козлова метафоричен: *«... Лубянка с вьевшимся в её стены, коридоры, бетонные и деревянные перекрытия и потолки духом смерти и несбывшихся*

надежд хранит немало тайн. Но он (майор Пухов. – К.Н., С.А.) знал, какой силы удары наносились по ней в последнее время. Если Лубянка и была одним из китов, на которых когда-то, как на сваях, стояло государство, то сейчас этот пронзённый многими гарпунами многих капитанов Ахавов белый кит Моби Дик исходил последним кровавым фонтаном» [Козлов Ю. 2003: 39]. Невозможно быть одновременно очень умным и очень физически сильным. Концепт рыбы: «В мутной воде (тихом омуте) коллективного бессознательного русского народа будто бы ловят генерал Толстой и его люди свою рыбку». В этом контексте дано изображение спецоперации в Азербайджане, когда золотозубый, двухметрового роста Шоша, большую часть жизни проведший в зоне, что видно по наколкам, захватил азербайджанский райцентр, затеяв бессмысленную резню. Руководил операцией по спутниковой связи генерал Толстой (псевдоним Худоногов). Красная вода выплескивалась из фонтана на площади, забитого трупами, как вино из переполненной чаши. После выполнения задания («Забудь о нем, немедленно возвращайся домой. Вас там не было»), посадив ребят в вертолет, майор остался, чтобы получить ответ на единственный вопрос: зачем?» [Козлов Ю. 2003: 42].

Ненужный риск. Чужая война. Авторский комментарий. Мятеж подавили турки. Спецоперации – «это своего рода тончайшее нейрохирургическое вмешательство, призванное не столько выполнить поставленную задачу, сколько сканировать во всей своей противоречивости сложившуюся в данном регионе военно-политическую ситуацию, определить намерения и степень готовности рисковать основными геополитическими субъектами; спецоперации редко приводят к однозначным результатам; результаты спецопераций становятся очевидными (естественно, не для всех) только по прошествии времени в случае принятий на основе их всестороннего анализа правильных государственных решений. «Спецоперации, – вдруг подумал майор Пухов, – сродни вживлению в организм раковых клеток. Тактика (клинические симптомы) у раковых клеток могут быть самые разные и неожиданные, но стратегия у них всегда одна-единственная – смерть» [Козлов Ю. 2003: 36].

Автор подчеркивает бесполезность майора для мирной жизни или даже опасность, крылья у него вырастают только на войне. И постоянная работа мысли, переосмысливается история, современность, литература... Полет Икара, по мнению генерала Толстого, «как вызов богам. Как мания величия. Как коммерческий риск. Как бесконечная усталость. Как красивое самоубийство» [Козлов Ю. 2003: 36]. Не было случая, как следует узнать мирную жизнь в постсоветской России. «Он, как соринка на поверхности завихряющейся вооруженной (если можно таковую вообразить) воды, все эти годы перетекал из одной локальной войны в другую. Ему казалось, что жизнь России – война и тлен, но оказалось, что – мир и деньги» [Козлов Ю. 2003: 36].

Генерал мыслит афористично: горе от ума – движущая сила истории. Величие Грибоедова недооценивается. «Горе от приказа – естественная форма существования Российского государства, в особенности же российских вооруженных сил. Горе от ума – их погибель» [Козлов Ю. 2003: 31].

«Колодец пророков» Ю. Козлова органично соединяет элементы футурологии, детектива, интеллектуальной игры. Концепт Ближнего Востока каждым из прозаиков, чьи художественные произведения были проанализированы в данной статье, раскрывается, исходя из задач, которые стояли перед ними. В современной прозе появляются новые горизонты, новые художественные темы, литературные формы и стили, новые концепты.

Литература

- Козлов Ю. 2003 – *Колодец пророков*. Москва: Молодая гвардия.
Козлов Ю. 2011 – *Почтовая рыба*. Несатирическая история. Москва: Поколение.
Рогозина О. *Последние сообщения*. <http://terve-suomi.com/kulturny-otdyh/knizhnaya-polka/314-khannu-luntiala-poslednie-soobshcheniya.html>
Санбаев С. 2009 – *Весной нас зачарует голос*. Астана: Агроиздат.
Степанов Ю.С. 2001 – «Интертекст», «Интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии). *Известия Академии наук. Серия литературы и языка*. 2001. Том 60. №1. – С.3-11.
Султанов К. 2020 – Национальная картина мира в эпоху глобализма. *Культура в глобальном мире*. – С. 276-292.
Ханну Лунтиала. 2008 – *Последние сообщения*. Санкт-Петербург: Азбука-классика.

K.R. Nurgali, S.V. Ananyeva

*L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov, Kazakhstan
nurgalik1@mail.ru, svananyeva@gmail.com*

THE CONCEPT OF THE MIDDLE EAST IN THE WORKS OF YURI KOZLOV'S "WELL OF PROPHETS", KHAN LUNTIAL'S "LAST MESSAGES" AND SATIMZHAN SANBAYEV'S "THE VOICE WILL ENCHANT US IN THE SPRING": COMPARATIVE COMPOSITION

Abstract: In Yu. Kozlov's novel "The Well of the Prophets", the present is intertwined with the distant past, Russian reality – with the military events in Afghanistan. The landscape in the desert of Afghanistan is in the spirit of Salvador Dali. The foresight novel is analyzed in a comparative aspect with the psychological drama Khanu Luntiala "Last Messages" and the novel by S. Sanbaev "The Voice Will Enchant Us in the Spring", the first work about the Afghan war in the literature of Kazakhstan. An unnecessary risk, someone else's war. Woe from wits is the driving force of history.

Keywords: text, style, post-culture, storylines, risk threshold, landscape, play of shadows.

Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 207-214. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ ЧЕХОВА В КАЗАХСТАНЕ

Кадиша Нургали, Виктория Сиряченко

*Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан,
nurgalik1@mail.ru, vikalife020894@gmail.com*

Предметом рассмотрения является литературная репутация А.П. Чехова в Казахстане, обстоятельства, повлиявшие на ее формирование, а также некоторые факторы, направленные на ее утверждение. Анализируются произведения писателя, переведенные на казахский язык в разные периоды, популярные источники (современные издания, сборники статей, монографии), а также прозаические и драматические произведения классиков казахской литературы, в которых писатели затрагивают общие с А.П. Чеховым темы. Все это позволяет авторам составить представление о литературной репутации русского прозаика и драматурга, его роли в становлении казахской классической литературы, драматургии и казахского театра.

Ключевые слова: литературная репутация, рецепция, диалог культур, русская литература Казахстана, А.П. Чехов.

Культурные связи стали существенным неотъемлемым компонентом общения и сотрудничества между Казахстаном и Россией. В результате чего были накоплены и сохранены знания и ценности, непрерывно происходит процесс взаимного обогащения казахской и русской литератур. Справедливо в свое время о диалоге культур и взаимообогащении художественных литератур отметил М. М. Бахтин: *«Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывается полнее и глубже <...> один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур <...> При такой диалогической встрече культур они не сливаются и не смешиваются, каждая из них сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимообогащаются»* [Бахтин М.М. 1979: 334]. Авторы коллективной монографии «Литература народа Казахстана» замечают, что *«русская литература Казахстана – часть общелитературного процесса мультикультурной среды республики и в то же время самостоятельный творческий феномен, оказывающий существенное воздействие на духовную атмосферу Казахстана»* [Литература народа Казахстана 2014: 43].

В процессе исследования проблемы «литературной репутации» [Розанов И.Н. 1990: 16] можно определить ряд факторов, которые определяют славу писателя и успех у читателей в других странах. Согласно определению А. И. Рейтблата, под литературной

репутацией следует понимать *«те представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели)»* [Рейтблат А.И. 2001: 51]. «Вхождение» творчества А.П. Чехова в культуру казахского народа начинается в первой половине XX века. Уже в 1932 году издательством «Қазақстан баспасы» выпущен первый сборник рассказов А.П. Чехова, переведенных на казахский язык. В 1960 году в сборник «Литературное наследство» (том 68), посвященный жизни и творчеству А.П. Чехова, входит статья казахского писателя и исследователя М.О. Ауэзова «Светлая вершина русской литературы». В рамках статьи автор отмечает многогранный талант Антона Павловича и называет его *«светлой вершиной»* [Ауэзов М.О. 1960: 11], к творческому наследию которого, по его мнению, тянутся люди разных народов, в том числе и он сам. Однако до сих пор вопрос рецепции творческого наследия Чехова в Казахстане не был всесторонне исследован. Таким образом, можно с уверенностью отметить, что изучение литературной репутации Антона Павловича Чехова в Казахстане является одним из приоритетных направлений современного чеховедения. В качестве достоверной базы для формирования литературной репутации А.П. Чехова в Казахстане авторы статьи используют переводы художественных произведений прозаика и драматурга на казахский язык, критические статьи, рецензии, эссе, очерки, написанные казахстанскими исследователями, литераторами, писателями, драматургами и журналистами различных лет, опубликованные в монографиях, сборниках статей, научно-популярных журналах, газетах и научных журналах.

Знакомство с А.П. Чеховым в Казахстане начинается с рассказов «Грач» и «Хамелеон», переведенных талантливыми казахскими литературными деятелями А. Баржаксиным и А. Бокейхановым. Академик Р.Н. Нурғали отмечает: *«Әлихан Бөкейхан талантының сан алуан қырлары оның ... Эзон, Мопассан, Толстой, Чехов, Короленко шығармаларын аударуынан көрініп жатады»* (перев. авт.: «Многогранность таланта Алихана Букейхана прослеживается в его ... переводах Эзопа, Мопассана, Толстого, Чехова, Короленко») [Нұрғали Р.Н. 2013: 83]. В упомянутом ранее сборнике «Чеховтың әңгімелері» (1932), казахстанские переводчики и составители остановили свой выбор на следующих произведениях Чехова: «Смерть чиновника» («Чиновниктің ажалы»), «Грач» («Күзғын»), «Брожение умов» («Ақылдың алжасқаны»), «Налим» («Жайын»), «Из дневника помощника бухгалтера» («Бір бухгалтер көмекшісінің күндклігі дәптерінен»), «Ушла» («Кетті»), «Орден» («Медел») и «Человек в футляре» («Аяншақ адам»). Представленный сборник стал одним из первых изданий, благодаря которому казахские читатели могли познакомиться с творчеством Антона Павловича на родном языке. Рассматривая принципы работы переводчиков, можно выделить некоторые неточности и частичные изменения при переводе заглавий, но в целом полного

переименования произведений на языке оригинала не наблюдается. Также следует отметить неоправданные опущения имен собственных в текстах рассказов, о чем более подробно авторы пишут в статье «Специфика перевода русскоязычного художественного текста на казахский язык (на материале рассказов А.П. Чехова)».

Следует отметить, что прозу А.П. Чехова во многих случаях трудно перевести, ведь такой жанр как короткий рассказ не включает в себя пространные монологи и диалоги, авторские уточнения и объяснения. У Чехова каждое отдельное слово несет на себе определенную информативную и смысловую нагрузку и опущение переводчиком хоть одного из них может привести к существенному искажению смысла, либо к неполному пониманию авторского замысла. Герои Антона Павловича изъясняются просторечиями и канцеляризмами, также речи многих из них пестрят фразеологизмами и метафорами. Все это может стать сложной, а порой и неразрешимой задачей для переводчика. Другая сложность заключается в частом использовании Чеховым в своих рассказах так называемых «говорящих фамилий». Для наглядного примера в статье «Практика художественного перевода в Казахстане: рассказы А.П. Чехова на казахском языке» авторами приведен краткий обзор перевода рассказа «Лошадиная фамилия» («Жылқы аттас фамилия») на казахский язык, выполненный А. Ахметовым. Данный рассказ вошел в сборник «Чехов Антон Павлович. Әңгімелер» (2009) в рамках государственной программы «Мәдени мұра» («Культурное наследие»). В сборник также вошли рассказы: «Чиновниктің ажалы» («Смерть чиновника»), «Залым бала» («Злой мальчик»), «Анықтама» («Справка»), «Хирургия», «Жуан мен жіңішке» («Толстый и тонкий»), «Москвадағы Труба алаңында» («В Москве на Трубной площади»), «Орден», «Хамелеон», «Маска», «Капитан мундирі» («Капитанский мундир»), «Моншада» («В бане»), «Жылқы аттас фамилия» («Лошадиная фамилия»), «Қаскүнем» («Злоумышленник»), «Өлік» («Темнота»), «Қасірет» («Горе»), «Балақайлар» («Мальчики»), «Зар» («Госка»), «Әбігер» («Переполох»), «Анюта», «Хористка», «Мұғалім» («Учитель»), «Тынышсыз қонақ» («Беспокойный гость»), «Дұшпандар» («Враги»), «Қараңғылық» («Темнота»), «Қорғансыз жан» («Беззащитное существо»), «Унтер Пришибеев», «Үйде» («Дома»), «Каштанка», «Ұйқының мең-зеңі» («Сонная одурь»), «Қояншық» («Припадок»), «Ішқұса өмір» («Скучная история»), «Ұшқалақ» («Попрыгунья»), «Сүргінде» («В ссылке»), «Беймәлім біреудің әңгімесі» («Рассказ неизвестного человека»), «Жұртта» («В усадьбе»), «Аққасқа» («Белолобый»), «Көлікте» («На подводе»), «Құндақтаулы адам» («Человек в футляре»), «Өмірдің бір оқиғасы» («Случай из практик»), «Қызмет бабында» («По делам службы»), «Ионыч», «Святкиде» («На святках»), «Сай ішінде» («В овраге»), «Ванька», «Қалыңдық» («Невеста»), «Княгиня», «Қашқын» («Беглец»), «Пошта» («Почта»). Переводы в разное время были выполнены казахстанскими деятелями культуры и театра,

исследователями, писателями, среди которых можно особо выделить А. Кекильбаева, Г. Ахмедова, Б. Кенжебаева, Г. Койшыбаева, Ф. Динисламова, А. Елшибекова, А. Ахметова и Ж. Ысмагулова.

Используя сборники переводов, можно более подробно исследовать не только проблемы эквивалентности перевода, но также на основании переводческого и литературоведческого анализов можно сделать выводы о восприятии иноязычными читателями творчества Антона Павловича, который в своих рассказах знакомит иностранцев с российской ментальностью, показывая национальное своеобразие, выходя при этом на общечеловеческий уровень. Таким образом казахский читатель может отметить близкие для себя темы и проблемы, которые затрагивает писатель: бытовые и социальные.

Чтение и перевод произведений Чехова не прошли бесследно для казахских писателей. Так М. Имангазинов, написавший монографию, посвященную жизни и творчеству талантливого казахского прозаика и драматурга Ильяса Джансугурова, отмечает: *«Писатель (прим. авт. – И. Джансугуров) особенное внимание уделил тому, чтобы фабула рассказа была понятной, краткой и точной. Здесь чувствуется влияние А. Чехова: писать рассказы кратко»* [Имангазинов М. 2019: 81]. Многие общие с Антоном Павловичем темы затрагивают в своих произведениях Мухтар Ауэзов, Ахмет Байтурсынов, Магжан Жумабаев, Сакен Сейфуллин, Ильяс Джансугуров, Оспанхан Аубакиров и др. Интерес к творчеству Чехова продолжает расти, что помимо всего прочего обусловлено также и развитием казахского театра и казахской драматургии в целом. Многие казахстанские драматурги учились у Чехова, это отмечают в своих исследованиях такие ученые и литературоведы как Р. Нургали, Р. Рустембекова, Н. Габдуллин, А. Тажибаев, Ж. Абилов и многие другие.

В таких произведениях как «Көк серек» («Серый лютый») М. Ауэзова и «Гибель борзого» М. Магауина можно отметить преемственность чеховской традиции обращения к анималистическим образам и зооморфным кодам, а также интерес к изображению жизни и повадков животных. По мнению С.А. Ашимхановой, Чехов становится одним из учителей Габита Мусрепова, его лаконизм и функциональные особенности подтекста среди прочего оказали существенное влияние на структурно-содержательные особенности произведений Г. Мусрепова [Ашимханова С.А. 2011: 195]. Ш.К. Сатпаева называет Б. Майлина *«продолжателем традиций Чехова»* [Сатпаева Ш.К. 2012: 403]. По ее мнению, в некоторых своих рассказах казахский прозаик, подобно Чехову, пронизывает повествование *«тонкой иронией, мягким юмором и грустной улыбкой»* [Сатпаева Ш.К. 2012: 403]. Б. Майлин пишет в своих произведениях о жизни людей, не превращая их в карикатуры, не гиперболизируя и не обобщая своих героев. В произведениях казахского писателя читатель также может почувствовать его сострадание, обеспокоенность о судьбах обездоленных. Примером в этом

аспекте может послужить, по мнению исследователя, повесть Майлина «Памятник Шуги». При рассмотрении эволюции и становления литературного гения Б. Майлина академик Р.Н. Нургали также делает акцент на том, что писатель в профессиональных кругах был наречен «*қазақтың Чехов*» [Нұрғали Р.Н. 2013: 86] (перев. авт.: «казахским Чеховым»). Также Ш.К. Сатпаева считает, что «*благородным влиянием чеховского тонкого психологизма*» [Сатпаева Ш.К. 2012: 404] пронизаны рассказы писателя И. Иманжанова.

Другие казахстанские исследователи отмечают пересечение образов в произведениях А.П. Чехова и Р.Ш. Сейсенбаева. «... *социальный смысл произведений Сейсенбаева перекликается с идеями творений Чехова и других. Герои писателей в атмосфере колебания всех полезных навыков и понятий, всех видов человеческого умения не разуверились в целесообразности жизни и сохранили в себе её здоровые элементы. Чехов и Сейсенбаев запечатлели агонию общего распада основных форм сознания*» [Абдыханов У.К. 2019: 57]. Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что А.П. Чехов является признанным классиком русской литературы в Казахстане. Творчество писателя привлекало и продолжает привлекать казахстанских писателей и исследователей, которые находят в его произведениях близкие мотивы и темы, которые перекликаются с их собственным творчеством.

А.К. Кекильбаев переводит не только рассказы и повести Чехова, но также и пьесы. Так в 1982 г. на сцене Казахского государственного академического театра драмы им. М. Ауэзова в городе Алматы впервые проходит премьера спектакля «Ваня ағай» («Дядя Ваня») на казахском языке в переводе А.К. Кекильбаева. Долгое время эта постановка являлась единственной постановкой на казахском языке, до тех пор, пока другой казахстанский режиссер Е. Тапенов не представил театральной публике спектакль «Шағала» («Чайка») на сцене Павлодарского областного театра драмы им. А. П. Чехова. Постановку «Апалы-сіңлілі үшеу» («Три сестры») в переводе А. Бопежанова поставил в 2013 году Казахский государственный академический театр драмы им. М. Ауэзова в городе Алматы. Успешной стала постановка спектакля «Шие» в Казахском Государственном академическом музыкально-драматическом театре имени К. Куанышбаева в городе Нур-Султан, представленная зрителю в 2016 году. Одной из последних аншлагом в 2019 году отметилась премьера постановки «Сүйікті менің ағатайым» («Дядя Ваня») на сцене Казахского государственного академического театра драмы им. М. Ауэзова, в переводе все того же А.К. Кекильбаева.

Большой вклад в изучение и рассмотрение драматургии Чеховских сценических произведений был сделан в рамках 50-ти томного собрания сочинений М.О. Ауэзова. Автор в докладе «Драмы Чехова» ставит перед собой цель разобрать пьесы Чехова, поэтому рассматривает только среду, отраженную в пьесах «Дядя Ваня», «Вишневый сад» и «Три

сестры», «как наиболее выпукло и ярко отразившие как художественный пафос Чехова, так и среду писателя со всей окружающей атмосферой: дум, настроений и чаяний» [Ауэзов М.О. 2014: 22].

В последние годы значимым вкладом в развитие казахстанского чеховедения стали исследования профессора В.В. Савельевой. Среди них следует выделить вышедшую в 2013 г. книгу, посвященную вопросам художественной гипнологии («Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей»), где автор рассматривает онейрические тексты в произведениях А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова. «Сны персонажей А. Чехова ориентированы на сновидный опыт самого Чехова, который он изложил в письме Д.В. Григоровичу» [Савельева В.В. 2013: 4]. Также в рамках данной монографии автор рассматривает художественный концепт «облака» в прозе А.П. Чехова.

Изучение данной проблематики приводит В.В. Савельеву к написанию в 2014 году следующей книги «Облако, сны, слезы в художественной антропологии А.П. Чехова», где предметом рассмотрения становятся три наименее изученные особенности (прим. авт.: облако, сны, слезы) художественной антропологии А.П. Чехова [Савельева В.В. 2014: 15]. Монографии В.В. Савельевой стали первыми в казахском литературоведении глубокими и серьезными исследованиями, в которых самым подробным образом были изучены особенности художественной антропологии произведений Чехова, а также раскрыты новые локусы произведений русского писателя.

Подводя итоги и обобщая материал настоящей статьи, необходимо отметить, что в работах казахстанских ученых, посвященных творчеству Чехова, неоднократно подчеркиваются многогранность таланта русского классика, отмечается его мастерство в изображении душевной жизни его героев. Важное место в данных исследованиях занимают вопросы влияния творчества Чехова на становление казахских писателей и казахского театра. Чеховские образы, в которых он воплотил определенные социальные силы русского общества, в немалой степени способствовали созданию подобных образов в произведениях казахских классиков, что, по мнению авторов, является определяющим в вопросе формирования литературной репутации Антона Павловича в Казахстане. В своем стремлении осмыслить творчество Чехова как единое художественное целое казахстанские литературоведы сделали важное и справедливое, по мнению авторов, замечание, что главная ценность чеховских произведений заключается в его особом человеколюбии – гуманизме. Так в своей статье, приуроченной к 50-летию со дня смерти А.П. Чехова литературный критик Айкын Нуркатов пишет: «А.П. Чехов өзінің тамаша творчествосымен дүниежүзі мәдениетінің асыл қазынасын малықтырып, орыс ойының даңқын тереңдете түсті. Оның әділетсіз дүниені сынаған, адамгершілік, ізгілікті мадақтаған тамаша шығармалары

ескірмей, әлсірмей, гасырлар бойы жасай бермек» (перев. авт.: «Своим выдающимся творчеством А. П. Чехов впитал сокровища мировой культуры и углубил славу русской мысли. Его блистательные произведения, критикующие несправедливый мир, восхваляющие нравственность, добродетель, не стареют, а продолжают жить в вечности») [Нұрқатов А. 2013: 36].

В целом в казахском чеховедении обнаружилось отличное друг от друга исследовательские стратегии, которые включают изучение творчества автора со стороны его критико-литературоведческой, переводческой и театральной рецепции. Традиция восприятия и интерпретации творчества А.П. Чехова, которая началась в Казахстане еще в XIX веке, продолжается и сегодня. Произведения Чехова по-прежнему переводятся на казахский язык, в свет выходят научные и критические статьи, рецензии и монографии, в которых авторы обращаются к его творчеству. Однако, на данный момент остро стоит вопрос о систематизации информации, касающейся целостной истории критико-литературоведческой, переводческой и театральной рецепции наследия А.П. Чехова и его литературной репутации в Казахстане.

Литература

- Абдыханов У.К. 2019 – Чехов и Сейсенбаев: переключка социального смысла и идей произведений. *Известия Чеченского государственного педагогического института*. – С. 50-57.
- Ауэзов М.О. 1960 – Светлая вершина русской литературы. *Литературное наследство*. – С. 11-12.
- Ауэзов М.О. 2014 – *Собрание сочинений: [в 50 т.]*. Алматы: Дәуір, Жібек жолы. – Т. 17.
- Ашимханова С.А. 2011 – Чеховские традиции в прозе Габита Мусрепова. *Сборник статей по материалам V Междунар. науч.- практ. конф.* Новосибирск: СибАК. – С. 194-198.
- Бахтин М. М. 1979 – *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство.
- Имангазинов М. 2019 – *Ильясоведение: учебное пособие для студентов вузов*. Алматы: Кітап.
- Литература народа Казахстана 2014* – Алматы: ҚазАқпарат.
- Нұрғали Р.Н. 2013 – *Шығармалары*. Қазақ әдебиетінің алтын ғасыры: әдеби зерттеулер, эссе және сұхбаттар. Астана: Фолиант. – Т. 5.
- Нұрқатов А. 2013 – *Шығармалары: Айқын Нұрқатов*. Алматы: Ана тілі. – Т. 4.
- Рейтблат А.И. 2001 – *Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Розанов И.Н. 1990 – *Литературные репутации*. Москва: Советский писатель.
- Савельева В.В. 2014 – *Облако, сны, слезы в художественной антропологии А.П. Чехова*. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing.
- Савельева В.В. 2013 – *Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей*. Алматы: Жазуши.
- Сатпаева Ш.К. 2012 – Его имя дорого навеки. *Вечные времена*. Астана: Елорда. – Т. 4. – С. 403-405.

K. Nurgali, V. Siryachenko

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan

nurgalik1@mail.ru, vikalife020894@gmail.com

THE LITERARY REPUTATION OF ANTON CHEKHOV IN KAZAKHSTAN

Abstract: The focus is on the literary reputation of A.P. Chekhov in Kazakhstan, the circumstances that influenced its formation, as well as some factors aimed at its assertion. The works of the writer translated into the Kazakh language in different periods, popular sources (modern editions, collections of articles, monographs), as well as prose and dramatic works of the classics of Kazakh literature, in which the writers touch upon the common themes with A.P. Chekhov, are analyzed. All this allows the authors to get an idea of the literary reputation of the Russian prose writer and playwright and his role in the formation of the Kazakh classical literature, drama and Kazakh Theater.

Keywords: literary reputation, reception, dialogue of cultures, Russian literature of Kazakhstan, A.P. Chekhov.

*Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 215-225. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.*

ЭТНОПЕРЕВОД: СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ ВО ВТОРИЧНЫХ ТЕКСТАХ

Вероника Разумовская, Вера Жданович
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
veronica_raz@hotmail.com

Исследование обращено к предпосылкам и перспективам появления нового раздела в предметном поле перевода – этнопереводоведения, основным объектом и единицей которого является этнотекст, выполняющий роль хранилища культурной информации и памяти этносов мира. В работе рассматривается история создания вторичных этнотекстов коренных народов Сибири, проживающих в Красноярском крае и Якутии, языки которых относятся к категории младописьменных. Перевод понимается как «ключ» к культурной информации этнотекстов и эффективный инструмент сохранения уникальных языков и культур.

Ключевые слова: автохтонное население, культурная информация и память, этническая идентичность, этнотекст, этноперевод.

С момента появления Сибири как сложного и до настоящего времени неоднозначного геополитического понятия данный регион России является полиэтнической и многоязычной территорией этнокультурного, религиозного, языкового соприкосновения и взаимодействия, что проявляется в регулярном взаимопроникновении культур проживающих этносов и нарушении четких этнокультурных границ. Сибирь исторически сложилась как гетерогенное социально-экономическое и культурное пространство, в границах которого в многообразном единстве сосуществуют различные социальные, экономические, политические, религиозные, этнические, культурные группы. Социальная динамика региона Сибири находит отражение во многих особенностях системы социальных коммуникаций. При этом особое значение для понимания особенностей протекания процессов социальной динамики имеет трансформация этнической идентичности коренных народов.

Обширная зона Сибири включает в себя административные субъекты Сибирского и Дальневосточного Федеральных округов, а также части Уральского Федерального округа. В Сибири расположены крупнейшие административно-территориальные единицы современной России и мира – Красноярский край и Республика Саха (Якутия). По данным переписи 2010 года в Красноярском крае (население составляет около 3 миллионов человек, а территория – 2 366 797 км²) проживают более 150 национальностей [Социально-демографический портрет России 2012]. Доминирующим этносом является русское население, составляющее в 2010 году 89,5% от всего населения края и сохраняющее указанное положение и в настоящее время. Численность коренного населения (в местах традиционного проживания) составляла

на 1 января 2020 года 16 709 человек [Доклад 2021], что является 0,6% от общего числа жителей. Коренное население Сибири представлено в этноландшафте Красноярского края народами самодийской группы урало-юкагирской языковой семьи (ненцы, энцы, нганасаны и селькупы), тунгусо-маньчжурской группы алтайской языковой семьи (эвенки, нанайцы, эвены), тюркской языковой группы (якуты, долганы, хакасы и чулымцы), а также енисейской семьи (кеты). В Якутии – самой крупной административно-территориальной единице мира (территория республики охватывает 3 083 523 км²), число жителей составляет около 1 миллиона человек, среди которых представлено более 120 этносов [Социально-демографический портрет России 2012]. Якуты (тюркское коренное население) являются самой многочисленной этнической группой в республике (48,7%), а численность других коренных народов Сибири, которые имеют статус малочисленных (эвенки, эвены, долгане, юкагиры, чукчи) – 4,2%. Тем не менее, автохтонное население Якутии составляет более 50% жителей, что демонстрирует значительное отличие от этноландшафта Красноярского края. При этом полученные данные исследований свидетельствуют о том, что коренные народы рассматриваемых сибирских регионов испытывают очевидное влияние основных процессов современного мира – глобализации и глокализации. И, прежде всего, социокультурного аспекта указанных процессов, который предполагает учет двух противоположных тенденций – универсализации и партикуляризации. Одним из основных объектов влияния глобализации и глокализации стала этническая идентичность народов, проживающих на рассматриваемых территориях Сибири и, в первую очередь, этническая идентичность коренных народов.

Рассмотрение вопросов социокультурной динамики коренных народов зоны Сибири, прежде всего, направлено на выявление и описание основных аспектов трансформации этнической идентичности в многомерном пространстве инокультурного воздействия, а также на определение и освоение эффективных механизмов сохранения культурной самобытности этнических общностей [Дегтяренко К.А. 2020]. Если в аспекте культуры глобализация, прежде всего, предполагает культурную унификацию и интеграцию [Robertson R. 1992], то в понятии глокализации находит отражение важнейшая методологическая идея диалектической взаимосвязи между глобальными и локальными процессами. В соответствии с идеями, высказанными ранее социологом Р. Робертсоном, понятие глокализации предполагает сосуществование двух противоположных тенденций – к универсализации и партикуляризации [Robertson R. 1997]. Дальнейшее осмысления природы взаимодействия проявлений глобального и локального по комплементарному (в понимании Н. Бора, разработавшего и введшего в научный дискурс универсальный принцип дополнительности), а не по взаимоисключающему сценарию представлено в работах У. Бека, который вслед за Р. Робертсоном считал, что локальное и глобальное не исключают друг друга, утверждая, что движение во фрагментарной мозаике (прежде всего, в сложной культурной мозаике

современного мира) идет одновременно в разных направлениях (дихотомиях), определяемых как глобализация и регионализация, связь и фрагментация, централизация и децентрализация [Бек У. 2001]. Глокализация, бесспорно, находит проявление в объективном увеличении интереса к собственной культуре, в возникновении и освоении новых способов осмысления родной культуры, а также в локализации своей этнической общности в постоянно меняющихся условиях современности.

Важнейшее место в исследованиях различных проявлений глокализации занимает изучение феномена и механизмов культурной памяти, которые в рамках обозначенной проблематики, способствуют обеспечению и поддержанию этнической идентичности в пространстве инокультурного воздействия. Изучение культурной памяти в гуманитарном дискурсе, приведшее к возникновению новой исследовательской парадигмы, основывается на трудах ученых, расширившими предметную область исследования памяти в XX веке (Г. Эббингауз, Ч.Ф. Бартлетт, Л. Леви-Брюль, П. Жане, М. Хальбвакс, А. Варбург и др.), а также на работах Я. Ассмана, развившего в дальнейшем идеи М. Хальбвакса и А. Варбурга (в конце XX века) и предложившего термин «культурная память» [Assmann J. 1992].

Вопросы изучения культурной памяти и этнической идентичности, бесспорно, остаются актуальными и в XXI веке, когда проблематика трансформации и вырождения этнической самобытности стала особенно острой. К основным вопросам, требующим рассмотрения и решения, относятся следующие: (1) определение условий, особенностей, механизмов и соответствующих инструментов формирования этнической идентичности; (2) описание механизмов возникновения, функционирования и сохранения культурной памяти; (3) выявление природы связи между культурной памятью и идентичностью этноса; (4) выделение факторов, генерирующих процесс формирования этнической идентичности в современном культурном контексте. Приведенный перечень вопросов ни в коей мере не является конечным, но включает вопросы, которые наиболее часто возникают в современной гуманитаристике, так как они напрямую связаны с основными процессами этнокультурной идентификации и самоидентификации и ответы на них формируют представления о собственной этнокультурной общности и способах приобщения к ней на социокультурном и психологическом уровнях в пространстве внутриэтнического и межэтнического взаимодействия.

Вербальные тексты, являющиеся наиболее изученными в отношении представления в них культурной информации и памяти, стали материалом данного исследования в аспектах этнографии и перевода. Будет более правильно говорить о сочетании указанных аспектов по упомянутому выше комплементарному принципу. В работе рассматриваются этнотексты, понимаемые как обязательные элементы этнодискурса, являющиеся важнейшими факторами языковой и культурной идентичности [Загрязкина Т.Ю. 2016]. Первая теория этнотекста

(ethnotexte), основой которой послужили фольклористика и этнография, социология, а также структурная антропология и теория дискурса, была разработана французскими лингвистами в 1970-1980-х годах на материале региональных языков и культур Франции. Ж.-К. Бувье (один из авторов первой теории этнотекста) определяет такой вид текста как речь (дискурс) коллектива о самом себе [Bouvier J.-C. 1992]. Культурологи отмечают, что изучение этнотекстов дает исследователям возможность максимально приблизиться к «живой», народной культуре, формой и основным условием существования которой является традиция, и подчеркивают, что именно традиция обеспечивает накопление в социальной среде коллективного опыта и его постоянное воспроизводство [Брандт З.В. 2001]. В связи с этим важнейшей задачей современной гуманитарной науки становится изучение культурной (этнокультурной) памяти, одной из важнейших форм которой и является этнотекст.

Еще раз отметим, что коренные народы Сибири, как и другие народы и этносы современного мира, испытывают влияние двух упомянутых социокультурных процессов – глобализации, которая тесно связана с культурной унификацией и нивелированием и глокализации, которая, напротив, предполагает сохранение и усиление региональной культурной специфики. Данная ситуация позволяет исследователям культур Сибири прийти к важному выводу о том, что указанные культуры в условиях глобальных трансформаций наглядно демонстрирует результаты влияния двух указанных выше процессов на региональную и этническую идентичность их представителей [Koptseva N.P., Kirko V.I. 2015].

С точки зрения информационного архивирования этнотекст является метафорической «капсулой», существующей в пространстве мировой культуры и являющейся важнейшей и традиционной формой кодирования культурной информации и памяти, обязательное присутствие которых делает данные этнотексты действенным инструментом сохранения культурной идентичности «своего» этноса, а также является причиной и поводом креации таких текстов.

Данные российских и зарубежных исследователей убедительно свидетельствуют о том, что большая часть языков коренных народов Сибири находятся в опасном или даже критическом (вымирающем) положении. Так, ситуация с языками коренных народов, отраженная в «Красной книге языков народов России», впервые изданной почти тридцать лет назад, практически не претерпела изменений и в XXI веке [Красная книга 1994]. В силу указанных обстоятельств возникла следующая парадоксальная ситуация: носители коренных языков и культур Сибири имеют возможность познакомиться с этнотекстами, являющимися традиционными объектами «своей» культуры, преимущественно через русские переводы.

Обзор работ, посвященных различным аспектам бытования этнотекстов коренных народов Сибири, позволяет исследователям прийти к выводу о том, что подобные тексты

впервые фиксировались (транскрибировались) на письме представителями «других» культур с помощью кириллицы и латиницы, а также записывались в русских переводах [Колесник М.А. 2014]. Основной задачей письменного фиксирования текстов явился сбор уникального этнографического для дальнейших исследований. В контексте изучения культур народов, проживающих на северных территориях Красноярского края, еще раз отметим, что языком первых переводов этнотекстов стал в большинстве случаев русский язык, что позволило сохранить ценный этнографический материал, а также получить опыт перевода уникальных культурных объектов коренных народов Сибири.

Накопленный опыт перевода этнотекстов, созданных, коренными народами Сибири наглядно свидетельствует о том, что перевод подобных этнокультурных объектов призван решать ряд научных, культурно-практических («внешне»- и «внутренне» культурных в зависимости от нахождения и функционирования в «своем» или выхода в «чужие» культурные пространства) и социальных задач. Отмечая бесспорную тесную взаимосвязь всех обозначенных задач, в рамках данного исследования остановимся более подробно на первых двух.

В свою очередь, первая задача обращена, по крайней мере, к двум проблемам, что делает такую задачу «полизадачей». Прежде всего, деятельность ученых, в область исследовательских интересов которых целенаправленно или в связи с иной научной проблематикой попали культуры и языки коренных народов Сибири, часто прибегали к переводу для фиксирования впервые «открываемых» для широкого научного сообщества уникальных и ранее неизвестных культур и языков. Подобные исследования имели место в процессе освоения территорий, расположенных за Уралом и далее в азиатской части российского государства. Большинство впервые описываемых языков на момент получения статуса научного объекта и процесса первого письменного фиксирования не имели письменной традиции и, соответственно, системы письменности, что дает основание отнести подобные языки к младописьменным или даже новописьменным языкам. К таким языкам относится подавляющее большинство языков коренных народов современной Сибири: ненецкий, тувинский, хакасский, эвенкийский, эвенкский, а также кетский, долганский и юкагирский [Красная книга 1994; Вахтин Н.Б. 2016]. Основами новых письменных систем становились как латиница, так и кириллица, но в дальнейшем все младописьменные народы, проживающие в СССР, стали использовать алфавиты, созданные на основе русской графики. В ряде случаев этнотексты впервые записывались с помощью письменной системы языка их перевода, который был родным языком исследователя. Интересным примером является история создания якутской письменности. Первые записи отдельных слов якутского языка относятся к концу XVII века и сделаны голландцем Н. Витсенем, опубликовавшим в Европе

по результатам поездок первую карту Сибири (путешественник использовал традиционное для картографии того времени название региона «Тартария»), а также этнографическое и географическое описание сибирских земель [Витсен Н. 2010]. В дальнейшем исследователи публиковали списки якутских слов, записанные как кириллицей, так и латиницей. Первая система якутской графики было создана на основе кириллицы, но была заменена на латинский вариант алфавита в авторстве якутского политика, лингвиста и полиглота С.А. Новгородова. В дальнейшем в системе якутского письма произошел возврат к кириллице.

Вторая задача является результатом осмысления «бытования» языков коренных народов начиная с момента возникновения к ним научного интереса и до настоящего времени. Проблема обусловлена реальной угрозой исчезновения языков и культур коренных (и, в первую очередь, малочисленных) народов мира и, в частности, народов Сибири, а ее решение направлено на их сохранение и возрождение, что делает перевод важным культуросохраняющим инструментом. В данном аспекте интересны исследования культурологов Сибирского федерального университета, проектная деятельность которых имеет одной из основных целей возрождение эвенкийской культуры и языка [Копцева Н.П., Разумовская В.А. 2020]. В рамках реализуемых сибирскими учеными проектов центральное место принадлежит сохранению и созданию детской литературы коренного населения Красноярского края, что опирается на анализ опыта успешных аналоговых проектов ряда стран мира (Китая, Норвегии, Канады). Деятельность культурологов предполагает как сбор и сохранении этнотекстов на языках оригиналов, так и создание вторичных текста переводов на русский язык и иностранные языки. Таким образом, перевод становится одним из способов и инструментов сохранения и активного существования этнолитературы. Успешное решение проблемы возможно через использование культуроориентированных стратегий перевода, позволяющих сохранить культурную информацию и память оригинальных этнотекстов в их вторичных версиях, а также определение единиц перевода, относительно которых переводчик этнотекстов (не всегда профессиональный переводчик, а чаще всего ученый, обладающий переводческими компетенциями) принимает (*ad hoc*) решение на перевод. В контексте рассматриваемой проблематики несомненную ценность имеет успешный опыт не только зарубежных стран, но также и опыт перевода этнотекстов, полученный в России.

Отметим, прежде всего, накопленный обширный материал перевода якутского героического эпоса олонхо, ставшего известным за пределами якутской культуры, а также и популярным объектом перевода со середины XIX века. Датой «открытия» олонхо считается 1844 год, когда А. Ф. Миддендорф опубликовал свои впечатления об исполнении олонхо в записках возглавляемой им экспедиции в Северную и Восточную Сибирь 1882-1885 годов.

Отчет исследователя стал одним из наиболее полных естественно-исторических обзоров Сибири данного исторического периода и первым известным этнографическим описанием сибирских народов. Миддендорф записал начальный фрагмент услышанного олонхо латиницей и сопроводил его сокращенным русским переводом, что можно считать первым случаем перевода олонхо [Иванова Н.А. 2019]. У якутов, как и других народов Сибири, фольклор служит основой национальной культуры, сопровождая всю историю жизни якутского народа, определяя его национальное самосознание и служа единению народа. Среди разнообразия жанров якутского фольклора центральное место принадлежит именно эпосу олонхо – венцу словесного искусства якутов, признанному ЮНЕСКО в 2005 году шедевром нематериального наследия человечества. Тексты эпоса со времени его «открытия» являются регулярными объектами перевода, используемого для научных, образовательных и культурных целей. Бесспорная значимость олонхо для сохранения самобытности якутов, его культурная ценность и принадлежность к системе культурных наследий всего человечества обуславливают необходимость создания новых переводов эпоса на языки мира. Наиболее часто языком олонхо перевода становится русский язык – государственный язык Российской Федерации, в состав которой входит Республика Саха (Якутия), а также английский язык – язык международного и межкультурного общения (еще одно из ярких проявлений процесса доминирующей глобализации). Известны переводы олонхо на немецкий, японский, французский и другие языки мира. Значимым культурным событием стал перевод на английский язык олонхо «Нюргун Боотур стремительный» П. Ойунского, выполненный командой переводчиков Северо-восточного федерального университета под руководством А. А. Находкиной и опубликованный в Великобритании [Oyunsky P. 2013]. Исследователи переводов олонхо отмечают языковые и культурные трудности, а также размытые границы переводимости и непереводимости эстетической и культурной информации/памяти олонхо и считают, что, как и другие фольклорные тексты, тексты олонхо предъявляют особые требования к переводу, которые отличны от подходов к переводам текстов других жанров и, в частности, текстов литературных [Nakhodkina A. 2014; Razumovskaya V. 2018].

Как уже отмечалось, научная «полизадача» имеет тесную связь с культурно-практическими задачами. Традиционно к таким задачам относят обеспечение доступа представителям «чужих» культур к уникальным культурам народов поликультурной Сибири [Razumovskaya V. 2014]. Именно через перевод, посредством появления вторичных этнотекстов, малоизвестные этнокультуры входят в обширное поликультурное пространство современного мира, обеспечивая его культурное разнообразие. Тем не менее, в последнее время регулярно отмечается важность перевода этнотекстов и для носителей языков и культур, к которым такие тексты принадлежат [Копцева 2013]. По аналогии с рассмотренным процессом

глобализации можно говорить о процессе «глобрусификации», интенсивно протекающим в культурном пространстве коренных народов Сибири. При этом обратим внимание на следующую ситуацию: что полная или частичная утрата родных языков коренными народами, доминирование русского языка в различных сферах общения с одной стороны, и возрастающее стремление сохранить свою культурную идентичность с другой стороны, определяют важность знакомства коренных народов со «своей» культурой и литературой через переводы этнотекстов.

Все сказанное является свидетельством причин и появления реальных предпосылок создания самостоятельного раздела в науке о переводе – этнопереводоведения. К основам новой интегративной дисциплины относятся, прежде всего, области научных знаний, изучающие различные аспекты актуальной этнической проблематики (этнология, этнография, этнолингвистика, этнолитературоведение, этнопсихология, этнопедагогика, этнометодология и другие этнодисциплины), а также авторские идеи и концепции, появившиеся в предметном поле науки о переводе за последнее время, обзор которых может стать темой отдельного изучения.

В рамках настоящей статьи обратимся, прежде всего, к исследованиям, появление которых стало импульсом к выделению этнонаправления в переводоведении. Опираясь на плодотворные идеи философской герменевтики, французский теоретик, историк и практик перевода А. Берман пришел к важному методологическому тезису о том, что перевод – это испытание чужим. Можно предположить, что чужим испытываются переводчик, а также язык и культура перевода. Такой нетрадиционный вывод явился результатом осмысления ученым взаимоотношения своего и чужого в художественном переводе [Berman A. 1984]. Исследователь обратил внимание на движении перевода в сторону чужого, о стремлении постичь именно чужое, о «следах» языка оригинала во вторичных текстах переводов. У Бермана перевод трактуется как опыт постижения чужого и понимается как искусство различия, а не сходства, что всегда являлось переводоведческой аксиомой. Идеи Бермана о чужом в переводе созвучны с идеями форенизации американского переводоведа Л. Венути, который выделил указанное переводческое явление в отдельную культууроориентированную стратегию.

Термины «этноперевод» и «этнопереводоведение» появились в переводоведческом дискурсе относительно недавно (на рубеже XX-XXI веков). Так, с точки зрения М.М. Копыленко основные задачи этнолингвистического изучения переводного текста могут быть сформулированы как установление сохранности «идиоэтнической природы языка оригинала» в переводе, а также описание присутствия «идиоэтнической струи языка перевода». Отмечая, что первый вопрос регулярно занимал внимание исследователей проблем перевода и достаточно

успешно решался в трудах теоретиков (С. Влахова и С. Флорина, Л. С. Бархударова, В. Н. Комиссарова, А. В. Федорова, К. Чуковского, А. Д. Швейцера и др.), а также и в практике художественного перевода, Копыленко делает оптимистическое для будущего этнопереводоведения заявление: «Многочисленные наблюдения и выводы в этой сфере отнюдь не составляют еще теории отражения в Я2 идиоэтнической природы Я1, но при надлежащей ориентации могут лечь в основу этнопереводоведения как раздела этнолингвистики» [Копыленко М.М. 1997: 13–14].

В переводоведческих работах Г. Лунгу-Бадея представлены развернутые определения понятий этноперевода и этнопереводоведения. Румынский исследователь включила терминологические единицы в малый многоязычный словарь переводческих терминов, в котором предложила французские, русские, немецкие, английские и испанские аналоги рассматриваемых понятий и терминов [Lungu-Badea G. 2012]. Опираясь на идеи Б. Штефанинка о этнопереводоведении как потенциальном направлении в теории и практике перевода, появление которого возможно на основе существующей этнонауки [Stefanink B. 1995; Stefanink B. 1999], составитель словаря переводческих терминов отмечает, что этнопереводоведение ни в коей мере не оспаривает общие для перевода принципы, но имеет свою специфику, использует результаты этнографии и априори предполагает трудности для переводчиков. В 2013 году в Казахстане (Евразийский национальный университет им. Н. Гумилева) была предпринята попытка (в форме грантовой заявки) выделения этнопереводоведения в отдельную дисциплину учебного плана для подготовки филологов. В подготовке гранта и дальнейших исследованиях материалом стали тексты классика казахской литературы Абая Кунанбаева [Sarsikeeva G. 2016].

Таким образом, этнопереводоведение как потенциальная интегративная область знания может быть создана на основе существующих этнодисциплин, а также дисциплин предметного поля переводоведения: общей и специальных теориях перевода (например, художественного перевода). Стремление к наиболее полному и точному декодированию содержания этнотекста сближает цель, задачи и технику этноперевода с переводом филологическим (научным), предполагающим обязательное научное комментирование текстов оригинала и вторичных текстов перевода. Выделение этнопереводоведения в отдельный раздел требует определения цели, задач, предмета и объекта неонаправления, а также основных единиц и стратегий перевода. Обучение этнопереводоведению предполагает разработку дидактических принципов и методики, позволяющих ответить на современные вызовы подготовки переводчика будущего, который способен наряду с традиционными видами перевода осуществлять и этноперевод – переводческую деятельность, обеспечивающую успешное культурное взаимодействия между этносами России и мира, декодирование,

интерпретацию и трансляцию культурной информации и памяти этносов. Этноперевод понимается как эффективный инструмент сохранения редких языков и культур, а также ревитализации исчезающих и уже исчезнувших языков. Этноперевод призван диверсифицировать современное переводоведение посредством выделения новых объектов перевода (или нового взгляда на объекты переводы) и решения новых методологических задач, стоящих перед переводом, а также обеспечить сохранение мультикультурализма и многоязычия и регионов мира через решение научных, культурно-практических и социальных задач.

Литература

- Бек У. 2001 – *Что такое глобализация?* Москва: Прогресс-Традиция.
- Брандт З.В. 2001 – *Этнотекст как форма проявления этнокультурной памяти: на русском и французском материале: автореф. дис.... канд. культурол. наук.* Москва: Московский университет.
- Вахтин Н.Б. 2016 – *Языки Сибири и Севера.* Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Витсен Н. 2010 – *Северная и Восточная Тартария.* Amsterdam: Pegasus.
- Дегтяренко К.А. 2020 – *Культурная память и конструирование этнической идентичности коренных малочисленных народов арктической зоны российской федерации (на материале анализа кетов) в конце XX - начале XXI вв.: дис. ... канд. культурологии.* Красноярск: Сибирский федеральный университет.
- Доклад Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в Красноярском крае «О проблемах реализации конституционных прав и свобод коренных малочисленных народов на территории Красноярского края в 2020 году» 2021.* Красноярск.
- Загрязкина Т.Ю. 2016 – *Этнодискурс в пространстве языка и культуры. Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2.* – С. 52-65.
- Иванова Н.А. 2019 – *Из истории перевода якутского героического эпоса олонхо. Мир науки, культуры, образования. № 6 (79).* – С. 557-558.
- Колесник М.А. 2014 – *Обзор изучения фольклора коренных народов Севера. Litera. № 3.* URL: http://e-notabene.ru/ca/article_13998.html (дата обращения 16.09.21).
- Копцева Н.П. 2013 – *К вопросу о сохранении и воспроизводстве традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Сибирском федеральном округе. NV: Проблемы общества и политики. № 12.* – С. 1-16.
- Копцева Н.П., Разумовская В.А. 2020 – *Новые проекты для возрождения эвенкийского языка. Язык Севера: материалы Всероссийской научной конференции. 18 марта 2020 г.* Москва: Политическая энциклопедия. – С. 36-44.
- Копыленко М.М. 1997 – *Русский переводный текст как объект этнолингвистики. Актуальные проблемы русистики: Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной 70-летию проф. Э. В. Кузнецовой. 7-9 февр. 1997, Екатеринбург, Россия.* Екатеринбург: Уральский университет. – С. 13-15.
- Красная книга языков народов России: Энциклопедический словарь-справочник* (под ред. В.П. Нерознака) 1994. М.: Academia.
- Социально-демографический портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года* 2012. Москва: ИИЦ «Статистика России».
- Assmann, Jan 1992. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen.* München: C. H. Beck.

- Berman, Antoine 1984. *L'Épreuve de l'étranger. Culture et traduction dans l'Allemagne romantique*. Paris: Gallimard.
- Bouvier Jean-Claude 1992. La notion d'ethnotexte. *Les voies de la parole*. Aix-Marseille I.
- Koptseva, Natalya, Kirko, Vladimir 2015. The Impact of Global Transformations on the Processes of Regional and Ethnic Identity of Indigenous Peoples of Siberian Arctic. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 6. – Pp. 217-223.
- Lungu-Badea, Georgiana 2012. *Mic dicționar de termeni utilizați în teoria, practica și didactica traducerii*. Timisoara: Editura Universitatii de Vest.
- Nakhodkina, Alina 2014. Problems of (Un)translatibility of the Yakut Epic Text Olonkho. *Journal of Siberian Federal University, Humanities and Social Sciences*. 2 (7). – Pp. 273-286.
- Oyunsky, Platon 2013. *Olonkho: Nurgun Botur the Swift*. Folkestone: Renaissance Books.
- Razumovskaya, Veronica 2014. Translating Aboriginal Siberian and Circumpolar Cultures in Russia. *Translators, Interpreters, and Cultural Negotiators Mediating and Communicating Power from the Middle Ages to the Modern Era*. London: Palgrave Macmillan. – Pp. 190–212.
- Razumovskaya, Veronica 2018. Olonkho 'Nurgun Botur the Swift' By Platon Oyunsky as a 'Strong' Text of the Yakut Culture. *Journal of History Culture and Art Research (Special Issue)*. Vol. 7 (4). – Pp. 363-373.
- Robertson, Roland 1992. *Globalization. Social Theory and Global Culture*. London: SAGE Publications.
- Robertson, Roland 1997. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. *Global Modernities*. London & New Delhi: SAGE Publications. – Pp. 24-55.
- Sarsikeeva, Gulnar 2016. Linguistic and Translatological Study of Abay's Way, Tetralogy by M.O. Auezov. *Science and world*. 3 (31). Vol. 8. – Pp. 53-58.
- Stefanink, Bernd 1995. L'Ethnotraductologie au service de l'enseignement de la traduction centré sur l'apprenant. *Le langage et l'homme*. 4. – Pp. 265-293.
- Stefanink, Bernd 1999. Ethnotraductologie: ethno-science et traduction. *Etudes de traductologie*. Timișoara, Editura Mirton. – Pp. 76-100.

V. Razumovskaya, V. Zhdanovich
Siberian Federal University, Russia
veronica_raz@hotmail.com

ETHNIC TRANSLATION: PRESERVATION OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA CULTURES IN SECONDARY TEXTS

Abstract: The research is focused on the prerequisites and prospects for the emergence of a new section in the subject field of translation – Ethnic Translation Studies, the main object and unit of which is the ethnic text, which serves as a repository of cultural information and memory of ethnic groups of the world. The paper examines the history of the creation of secondary ethnic texts of the indigenous peoples of Siberia living in the Krasnoyarsk Krai and the Republic of Yakutia, whose languages belong to the category of languages with young written systems. The translation is understood as a “key” to the cultural information of ethnic text and an effective tool for unique languages and cultures preservation.

Keywords: autochthonous population, cultural information and memory, ethnic identity, ethnic text, ethnic translation.

Русистика и современность.

Коллективная монография, с. 226-235. ISBN 978-9984-47-254-6

Балтийская международная академия, 2021.

РЕЧЕВОЙ ОБРАЗ ПУТИ В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»: ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОДЫ НА АНГЛИЙСКИЙ И ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫКИ

Валерий Сергеев

Вентспилсская высшая школа, Латвия

valerijssergejevs@inbox.lv

Статья посвящена анализу языковых средств, формирующих речевой образ пути в романе Владимира Набокова «Защита Лужина». Автор сопоставляет их с языковыми средствами, использованными в переводах этого романа на английский и латышский языки. Мотив пути является одним из ключевых в художественном пространстве Набокова и нередко организует хронотоп его произведений, однако языковое воплощение речевого образа пути изучено недостаточно. Ключевыми являются словесные образы *путь, лужа, зеркало, дверь, окно*.

Ключевые слова: Владимир Набоков, идиолект, художественный перевод, речевой образ, русский, английский, латышский языки.

Категория хронотопа является одной из центральных категорий, организующих художественный текст. Лингвистический анализ хронотопа может выявить важные аспекты художественной картины мира и идиостиля автора. Это отмечается М. М. Бахтиным: «...всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [Бахтин 2012: 503].

Следует отметить информационную насыщенность категории хронотопа в произведениях В. В. Набокова. Один из вариантов воплощения этой категории – мотив пути – является характерным для В. В. Набокова и организует художественное пространство во многих его произведениях («Подвиг», «Другие берега», «Приглашение на казнь» и пр.). При этом необходимо подчеркнуть тесную связь пространственной и временной составляющих хронотопа. Известно, что В. В. Набоков большое внимание уделял воспоминаниям, прошлому (которые в его случае неразрывно связаны с вынужденными переездами), поэтому следует отметить, что «в сознании пространство и время неразрывно связаны, что находит своё отражение и в языке» [Красных 2001: 6], «<...> пространственные отношения накладываются на временные <...>» [Красных 2001: 10]. Именно поэтому многие образы, описывающие категорию пространства в концептосфере, также зачастую несут информационную нагрузку в категориях времени / вневременности. «Свой, близкий, родной мир и исторически связан в первую очередь с родной землёй. За границами своего мира начинается мир чужих, исторически тесно связанный с миром мёртвых [миром потусторонним]» [Красных 2001: 8].

Принимая во внимание вышесказанное, суть пути воспринимается не только лишь как перемещение в пространстве, но и переход от одного мира (земного, телесного, временного) к другому (вневременному, духовному). Ключевая тема всего творчества В. В. Набокова (как в предисловии к сборнику его стихотворений пишет Вера Евсеевна Набокова) – потусторонность, отсюда особая информационная нагрузка на категорию хронотопа и его проявления в мотиве пути [Набоков 2019: 5].

Существует множество языковых маркеров хронотопа: словесные образы *путь, дорога, тропа, дверь, лес, мост, окно, зеркало, лужа*, объединяющее свойство которых – символизм перехода из одного мира в другой. В настоящей статье рассматриваются некоторые из них. Как пишет В. Н. Топоров: «Кульминационный момент пути совпадает с максимумом энтропии. Он приходится на стык двух частей, указывающих на границу-переход между двумя по-разному устроенными «подпространствами» (отсюда особая выделенность всех вариантов «границы»: порог, дверь, лестница, окно, мост и т. п. — и необходимость особой внутренней сосредоточенности героя в этих ответственных местах — от сказочных персонажей до персонажей Достоевского)» [Топоров 1983: 263]. Отсюда следует, что необходимо обращать особое внимание на контекстуальное окружение языковых маркеров хронотопа: в кульминационных моментах пути посредством языковых маркеров хронотопа, осуществляющих функцию границы-перехода между пространствами (в том числе и между пространством текста и пространством автора) происходит раскрытие авторской картины мира.

Представляется, что из вышеперечисленных языковых маркеров хронотопа следует выделить образ *лужи* и начать анализ именно с него, поскольку он является одним из центральных.

Словесный образ лужа и зеркало

Образ *лужи* встречается в так называемых «сильных позициях текста» – он выражен в заглавии, в фамилии главного героя, в первой строке романа («Больше всего его поразило то, что с понедельника он будет Лужиным»). Следует отметить историю заглавия в переводе: «Защита Лужина» в первом издании на английском языке переведена как *The Defense* и уже потом издавалась как *The Luzhin Defense* (например, в таких изданиях как *Vintage* в 1990 году, *Penguin Classics* в 1994 году).

Номинативные значения слова *лужа* следующие: «1. Небольшое углубление на почве, наполненное дождевой или подпочвенной водой. <...> 2. Пролитая на поверхность жидкость» [ТСРЯ 2006: 334], но, как будет показано в дальнейшем, образ лужи представляет для В. В. Набокова особую ценность. Если рассматривать творчество писателя как метатекст, то следует отметить, что образ *лужи* появляется и в более позднем творчестве, например,

в романе «Под знаком незаконнорождённых», где, как указано в авторском предисловии к роману, *лужа* «невнятно намекает <главному герою> о моей <В. В. Набокова> с ним связи: она — прореха в его мире, ведущая в мир иной, полный нежности, красок и красоты» [Набоков 1997: 72]. *Лужа* является границей-переходом между миром произведения и миром автора.

Можно утверждать, что образ лужи в художественной картине мира В. В. Набокова наполняется символическими смыслами: на основе связи фамилии главного героя «Защиты Лужина» с образом лужи предвещается его дальнейшая трагичная судьба:

<p>Перед тем как лечь, она отодвинула штору окна, чтоб посмотреть, спущено ли жалюзи. Оно не было спущено. В темной глубине двора ночной ветер трепал какие-то кусты, и при тусклом свете, неведомо откуда лившемся, что-то блесело, быть может – лужа на каменной панели вдоль газона, и в другом месте то появлялась, то скрывалась тень какой-то решетки. И вдруг все погасло, и была только черная пропасть. [Набоков 2013: 119]</p>	<p>Before going to bed she moved back the window curtain to see if the blind had been lowered. It had not been. In the dark depths of the courtyard the night wind rocked a shrub and in the faint light shed from somewhere unknown something glistened, perhaps a puddle on the stone path that skirted the lawn, and in another place the shadow of some railings fitfully appeared and disappeared. And suddenly everything went dark and there was only a black chasm. [Nabokov 2016: 125]</p>	<p>Iekāms likties gulēt, atvilka vaļā loga aizkaru, lai paskatītos, vai žalūzijas ir nolaistas. Tās nebija nolaistas. Pagalma tumšajā dzīlumā nakts vējš purināja krūmus, un blāvajā gaismā, kas plūda nezin no kurienes, varēja redzēt spīdumu, – varbūt tā bija pelke uz akmens ietves zālāja malā, – citā vietā te parādījās, te zuda kāda režģa ēna. Pēkšņi viss apdzisa, un palika tikai tumšs bezdibenis. [Nabokovs 1989: 160]</p>
--	--	--

Словари символов [Степанов 2004, Ferber 1999, Холл 1996, Трессидер 1999, Королев 2005, Телицын et. al. 2005, Cirlot 2001] не дают какого-либо толкования символики *лужи*, поэтому можно предположить, что символ в известной мере авторский. Однако образ *лужи* – как зеркальной поверхности – близок к образу *зеркала*: оба могут восприниматься как «символ «удвоения» действительности, граница между посюсторонним и потусторонним (отсюда суеверия, связанные с зеркалом: разбить его — накликают беду, поскольку с зеркалом уничтожается граница между мирами)» [Королев 2005: 223]. В толковых словарях отмечена связь этих речевых образов: зеркало определяется как «1. предмет со стеклянной или металлической отполированной поверхностью, предназначенный для отображения того, что находится перед ним. <...> 2. перен. Спокойная гладкая поверхность вод» [ТСРЯ 2006: 229]; зеркальный – «<...> 3. перен. Имеющий гладкую, блестящую поверхность (о водном пространстве)» [СТСРЯ 2006: 211]; «<...> 2. Гладкий и блестящий, напоминающий зеркало. Зеркальная гладь <...>» [ТСРЯ 2006: 229]. «Функция отображения включает зеркало в парадигму «отражающих поверхностей» и роднит его с человеческим глазом и с водой

(ср. греческий миф о Нарциссе, любовавшемся собственным отражением в воде)» [Королев 2005: 223; см. также Cirlot 2001: 211]. Из вышесказанного следует, что образы *лужи* и *зеркала* тесно взаимосвязаны.

Как и *лужа* в романе «Под знаком незаконнорождённых», *зеркало* «может символизировать дверь в параллельный мир» [Трессидер 1999: 51], быть символом «связи нашего мира с параллельным» [Телицын et. al. 2005: 184], быть связанным с символикой двери и «перехода по ту сторону» [Cirlot 2001: 211]. Следует отдельно отметить символику «состояния человеческой души» [Трессидер 1999: 51; см. также Королев 2005: 223] и «воображения и — шире — сознания, поскольку отображает многообразие мира» [Королев 2005: 223; см. также Cirlot 2001: 211]. Именно через этот образ, связанный с воображением, творчеством, аналитическими способностями, воплощающимися через шахматную игру, осуществляется выход в хронотоп потусторонности – вневременья:

<p>Единственное, что он знал достоверно, это то, что спокон века играет в шахматы, – и в темноте памяти, как в двух зеркалах, отражающих свечу, была только суживающаяся, светлая перспектива: Лужин за шахматной доской, и опять Лужин за шахматной доской, только поменьше, и потом еще меньше, и так далее, бесконечное число раз. [Набоков 2013: 86]</p>	<p>The only thing he knew for sure was that from time immemorial he had been playing chess — and in the darkness of his memory, as in two mirrors reflecting a candle, there was only a vista of converging lights with Luzhin sitting at a chessboard, and again Luzhin at a chessboard, only smaller, and then smaller still, and so on an infinity of times. [Nabokov 2016: 89]</p>	<p>Vienīgais, ko viņš droši zināja, bija tas, ka kopš mūžseniem laikiem spēlē šahu, – un atmiņas tumsībā kā divos spogulos, kur redzams sveces atspīdums, bija tikai gaiša perspektīva, kas top aizvien šaurāka: Lužins pie šaha galdiņa un atkal Lužins pie šaha galdiņa, tikai mazāks, pēc tam vēl mazāks un tā tālāk, bezgalīgi daudz reižu [Nabokovs 1989: 118-119].</p>
--	--	---

В обоих вышеупомянутых контекстах чётко прослеживается ассоциативная связь *лужи* и *зеркала* со светом [Трессидер 1999: 51]: *что-то блестело, быть может – лужа / something glistened, perhaps a puddle / spīdumu, – varbūt tā bija peļķe; суживающаяся, светлая перспектива – a vista of converging lights – gaiša perspektīva, kas top aizvien šaurāka*. Нужно отметить, приведённые выше и другие контексты романа построены на семантическом контрасте, порождённом соположением словесных образов, содержащих, с одной стороны, признаки ‘свет’ ‘светлый’ ‘блеск’ (*свет, блестело, лужа, зеркало, свеча, светлая перспектива*), с другой – ‘тьма’ ‘тёмный’ ‘чёрный’ (*в темной глубине, тень, погасло, чёрная пропасть*). Особенно насыщены подобными словесными образами контексты с ярко выраженной сюжетной нагрузкой. Контраст сем этих лексических единиц, расположенных в ближайших контекстах, создаёт противопоставление. В день, когда маленький Лужин обнаруживает в себе страсть к шахматам, «<...> впервые появляется чёткое противопоставление

света и тьмы, промежуточная серость исчезает за счёт стягивания полюсов, крайних членов оппозиции» [Дьячковская 1997: 699].

Обратим внимание на следующий контекст: *суживающаяся, светлая перспектива – a vista of converging lights – gaiša perspektīva, kas top aizvien šaurāka*. Оба перевода в целом передают все элементы значения *светлый* – физический (физическое явление), эмоциональный (‘радостный, счастливый’), духовный (‘просветление’), умственный (‘ясный, логичный’): [СТСРЯ 2006: 211; TNSOED 1993: 3590; LVV 2006: 299]. Схожая ситуация и с семами *перспектива*, с тем отличием, что в английском языке *vista* подразумевает не только перспекцию, но и ретроспекцию – ‘вид вдаль’, ‘панорама’, ‘искусство изображать [удаление объектов на плоскости]’, ‘возможность или неизбежность <...> в будущем’ [СТСРЯ 2006: 706; TNSOED 1993: 3590; LLVV 1986: 617]. Но следует отметить различное грамматическое оформление этих сем: в русском и латышском языках используется существительное *перспектива / perspektīva*, которое в русском языке модифицируется причастием и прилагательным, в латышском – прилагательным и придаточным предложением; в то время как в английском прилагательное *светлая* становится существительным *lights*, которое при помощи предлога *of*, указывающего на состав, структуру, модифицирует *vista*.

Образ светлого, блестящего, зеркального пятнышка присутствует в описании выздоровления после нервного срыва; контекст также насыщен противопоставлением света и тьмы:

<p>Да, было движение, было. Безобразный туман жаждал очертаний, воплощений, и однажды во мраке появилось как бы зеркальное пятнышко, и в этом тусклом луче явилось Лужину лицо с черной курчавой бородой, знакомый образ, обитатель детских кошмаров. Лицо в тусклом зеркальце наклонилось, и сразу просвет затянулся, опять был туманный мрак и медленно рассеивавшийся ужас. [Набоков 2013: 102]</p>	<p>Yes, there was movement, there was. The formless fog thirsted for contours, for embodiments, and once something, a mirror-like glint, appeared in the darkness, and in this dim ray Luzhin perceived a face with a black, curly beard, a familiar image, an inhabitant of childish nightmares. The face in the dim little mirror came closer, and immediately the clear space clouded over and there was foggy darkness and slowly dispersing horror. [Nabokov 2016: 106-107]</p>	<p>Jā, kustība bija, bija. Nejaukā migla alka arveidu, iemiesojuma, un reiz Lužinam parādījās tāds kā spoguļains lāsumiņš, un šajā blāvajā gaismarā ieainojās parādība – seja ar melnu, sprogainu bārdi, pazīstamais tēls, kas kādreiz mita bērnišķības murgos. Seja blāvajā spogulī noliecās, un to pašu brīdi gaišā strēle aizmācās, savilkās miglots melnums, un lēni viesās šausmas. [Nabokovs 1989: 139]</p>
--	--	---

Следует обратить внимание на перевод словосочетания *безобразный туман – formless fog – nejaukā migla*. Отметим различные трактовки оригинала в переводах: *formless* – «shapeless, having no determinate or regular form» [TNSOED 1993: 1006] и *nejauks* – «1. Tāds,

kas izraisa nepatiku, noraidošu attieksmi <...>» [LVV 2006: 679]. Представляется, что различные прочтения появились вследствие различной постановки ударения: в переводе на латышский язык опирались на ударение *безобразный* – «1. Отталкивающе некрасивый; уродливый. 2. перен. Возмутительный, недопустимый. // разг. Очень плохой; отвратительный, скверный» [СТСРЯ 2006: 138], в то время как в английском языке на *безобразный* – «Не заключающий в себе художественной образности» [СТСРЯ 2006: 138], от *образ* – «Внешний вид, облик, наружность, внешность <...>» [СТСРЯ 2006: 400], т.е. не имеющий определённой формы. Принимая во внимание, что далее говорится, что туман «жаждал очертаний, воплощений», можно утверждать, что *безобразный* использовано в значении «не имеющий образа», соответственно, перевод *formless* семантически более точный. Этот довод подкрепляется тем, что в современных изданиях (например, Набоков 2013) слово *безобразный* дано с ударением на второй слог.

Словесный образ путешествие

Исследователями отмечена связь времени и пространства в романе «Защита Лужина» – описание пространства при помощи категории времени и наоборот [Дьячковская 1997: 699].

<p>Только в апреле, на пасхальных каникулах, наступил для Лужина тот неизбежный день, когда весь мир вдруг потух, как будто повернули выключатель, и только одно, посреди мрака, было ярко освещено, новорожденное чудо, блестящий островок, на котором обречена была сосредоточиться вся его жизнь. Счастье, за которое он уцепился, остановилось; апрельский этот день замер навеки, и где-то, в другой плоскости, продолжалось движение дней, городская весна, деревенское лето, – смутные потоки, едва касавшиеся его. [Набоков 2013: 22]</p>	<p>Only in April, during the Easter holidays, did that inevitable day come for Luzhin when the whole world suddenly went dark, as if someone had thrown a switch, and in the darkness only one thing remained brilliantly lit, a newborn wonder, a dazzling islet on which his whole life was destined to be concentrated. The happiness onto which he fastened came to stay; that April day froze forever, while somewhere else the movement of seasons, the city spring, the country summer, continued in a different plane — dim currents which barely affected him. [Nabokov 2016: 18]</p>	<p>Tikai aprīlī, Lieldienu brīvlaikā, Lužinam atausa tā neizbēgamā diena, kad visa pasaule piepeši apdzisa, it kā būtu pagriezts slēdzis, un tumsas klājienu vidū spoži apgaismots bija tikai viens, jaundzimis brīnums, zaigojoša salīna, kurā lemts sakopoties visai viņa dzīvei. Laime, kurai viņš pieķērās, apstājās uz vietas; šī aprīļa diena palika stingusi mūžu mūžos, un kaut kur citā plaknē turpinājās dienu skreja, pilsētas pavasaris, vasara laukos – trauksmainas strāvas, kas viņu tikpat kā neskāra. [Nabokovs 1989: 36]</p>
---	---	--

Так, например, долгие годы увлечения шахматами зеркально описываются в двух контекстах (начало увлечения и перерыв на фоне болезни) при помощи пространственного образа путешествия. В описании начала увлечения шахматами, по сути заменившего главному герою жизнь, оно сравнивается с «далёким путём»:

<p>Лужин почему-то необыкновенно ясно запомнил это утро, этот завтрак, как запоминаешь день, предшествующий далекому пути. [Набоков 2013: 25]</p>	<p>Luzhin for some reason remembered that morning and that lunch with unusual brightness, the way you remember the day preceding a long journey. [Nabokov 2016: 22]</p>	<p>Lužins nezin kāpēc sevišķi skaidri atcerējās šo rītu, šīs brokastis, kā cilvēks parasti atceras dienu, kurai seko tāls ceļš. [Nabokovs 1989: 41]</p>
---	---	---

Развитие этого образа проявляется в метафорическом описании кульминационного момента пути – процессе выздоровления после нервного срыва, когда Лужину внушают необходимость отказаться от своего шахматного прошлого:

<p>Так Лужин вернулся обратно из долгого путешествия, растеряв по дороге большую часть багажа, и лень было восстанавливать пропажу. [Набоков 2013: 103]</p>	<p>Thus Luzhin came back from a long journey, having lost en route the greater part of his luggage, and it was too much bother to restore what was lost. [Nabokov 2016: 108]</p>	<p>Tā Lužins atgriezās no garā ceļojuma, tajā pazaudējis lielu daļu bagāžas, un bija slinkums atgūt zaudēto [Nabokovs 1989: 140-141]</p>
--	---	---

Можно отметить, что в переводе на латышский язык образность пути немного утрачивает интенсивность, поскольку *по дороге – en route* передаются местоимением *tajā*, т.е. теряется дополнительный образ пути.

Через образ путешествия (с турнира на турнир) в тексте появляются намёки и на автора:

<p>Вообще же так мутна была вокруг него жизнь и так мало усилий от него требовала, что ему казалось иногда, что некто – таинственный, невидимый антрепренер – продолжает его возить с турнира на турнир, [...] [Набоков 2013:60]</p>	<p>In general, life around him was so opaque and demanded so little effort of him that it sometimes seemed someone — a mysterious, invisible manager — continued to take him from tournament to tournament; [...] [Nabokov 2016: 60]</p>	<p>Vispār dzīve ap viņu blāvoja tik miglaini, prasīja no viņa tik maz pūļu, ka brīžiem šķita – kāda būtne, noslēpumains, neredzams antreprenieris, joprojām vadā viņu no viena turnīra uz otru, [...] [Nabokovs 1989: 84]</p>
---	---	--

Таинственный, невидимый антрепренёр – автор, проигрывающий ходы судьбы главного героя, возящий его с турнира на турнир. Помимо перемещения в пространстве, автор также управляет второй составляющей хронотопа – временем: «Так, например, перед концом четвертой главы я <В. В. Набоков> делаю неожиданный ход в углу доски, на протяжении одного абзаца проносится шестнадцать лет, и Лужин, внезапно превращенный в зрелого мужчину и перенесенный на немецкий курорт, оказывается сидящим за садовым столиком и указывает тростью на знакомое окно гостиницы <...> и разговаривает с кем-то <...>» [Набоков 1997: 47-48]. Это свидетельствует о том, что именно в перемещении, в

местах изменения пространства-времени следует искать словесное воплощение авторского присутствия.

Словесный образ *дверь*

Авторское присутствие отгадывается и через повторение «тематических узоров». Так желание отца Лужина видеть своего сына известным музыкантом отражается в гравюре, расположенной в квартире, которую снимает невеста Лужина; при этом появляются образы, связанные со *светом*, а также символами перехода – *дверью* и *окном*:

<p>Лампа оказалась в мавританском стиле, занавески на окнах были желтые, что сулило по утрам обманный солнечный свет, – и в простенке висела гравюра: вундеркинд в ночной рубашонке до пят играет на огромном рояле, и отец, в сером халате, со свечой в руке, замер, приоткрыв дверь. [Набоков 2013: 112]</p>	<p>The lamp turned out to be in the Mauritanian style, the curtains over the windows were yellow, promising a deceptive sunlight in the mornings — and a woodcut in the wall space between the windows showed a child prodigy in a nightgown that reached to his heels playing on an enormous piano, while his father, wearing a gray dressing gown and carrying a candle, stood stock-still, with the door ajar. [Nabokov 2016: 118]</p>	<p>Izrādījās, ka lampa ir izveidota mauru stilā, dzeltenie aizkari pie logiem solīja maldinošu saules gaismu, – un sienas ailā karājās gravūra: brīnumbērns garā naktskreklīnā līdz papēžiem spēlē, sēžot pie milzīgām klavierēm, un tēvs pelēkos rītsvārkos, ar sveci rokā stāv sastindzis pavērtās durvīs. [Nabokovs 1989: 152]</p>
--	---	---

В переводе на английский язык образ *окна* становится эксплицитным – *space between the windows* – в то время как в оригинале и переводе на латышский язык он лишь подразумевается (*простенок / sienas aila*).

Образ двери, намекающий на авторское присутствие, появляется в описании и других ключевых сюжетных контекстов.

<p>То, что его жизнь прежде всего озарилась именно с этой стороны, облегчило его возвращение. Некоторое еще время оставались в тени жестокие громады, боги его бытия. Произошел нежный оптический обман: он вернулся в жизнь не с той стороны, откуда вышел, и работу по распределению его воспоминаний взяло на себя то удивительное счастье, которое первым встретило его. [Набоков 2013: 104]</p>	<p>The fact that his life was illuminated first of all from this side eased his return. For a short while longer those harsh eminences, the gods of his being, remained in shadow. A tender optical illusion took place: he returned to life from a direction other than the one he had left it in, and the work of redistributing his recollections was assumed by the wondrous happiness that welcomed him first. [Nabokov 2016: 108-109]</p>	<p>Tas, ka viņa dzīvi gaisma apstaroja vispirms no šīs puses, atviegloja viņa atgriešanos. Kādu laiku nežēlīgie milzeņi, viņa esības dievi, vēl palika ēnā. Īstenojās saudzīgi optiskie maldi: viņš atgriezās dzīvē no citas puses, ne no tās, no kuras bija aizgājis, un viņa atmiņas izkārtšanas darbu uzņēmās tā brīnumainā laime, kas viņu sagaidīja pirmā. [Nabokovs 1989: 141]</p>
---	--	---

После нервного срыва, Лужин «вернулся в жизнь не с той стороны, откуда вышел» (болезнь и последующее выздоровление метафорически описываются при помощи образа двери) [Набоков 2013: 104]. «Работу по распределению его воспоминаний взяло на себя то удивительное счастье, которое первым встретило его», воплощённое в его невесте:

<p>И в разговоре бородатого друга стали мелькать намеки на что-то таинственное и счастливое; оно было в воздухе вокруг него, и в осенней прелести <u>окна</u>, и дрожало <u>где-то за дверью</u>, – загадочное, увертливое счастье. [Набоков 2013: 103]</p>	<p>And hints began to flicker in the bearded man's conversation about something mysterious and happy; it was in the air around him and in the autumn beauty of the <u>window</u>, and it trembled <u>somewhere behind the tree</u> — an enigmatic, evasive happiness. [Nabokov 2016: 108]</p>	<p>Arī bārdainais draugs savās runās dažkārt ieminējas par kaut ko noslēpumainu un laimīgu; šī mīklaina, projām slīdošā laime jautās ij gaisā ap viņu, ij <u>loga</u> rudenīgajā skaistumā, ij <u>trīsēja aiz durvīm</u>. [Nabokovs 1989: 141]</p>
---	---	--

Отметим лишь, что в переводе на английский язык образ *двери* был заменён образом *дерева – tree*.

Заключение

Маркеры пути, такие как *зеркало*, *лужа*, *окно*, *дверь*, *путешествие*, появляющиеся в ключевых местах сюжета, обозначают границу-переход между миром произведения и авторской картиной мира. Посредством этих образов обнаруживается незримое присутствие автора и сигнализирует об особой наполненности концептуального пласта значения.

Авторский образ *лужи* тесно связан с символическим значением образа зеркала, и оба символа, в свою очередь, с категорией света. Оппозиция *света* и *тьмы* – соотносится в художественной картине мира В.Набокова с оппозициями *реальный мир – потусторонность*, *быт – творчество*. Необходим отдельный анализ оппозиции *свет – тьма* как имеющей особую концептуальную ценность.

Можно отметить несколько случаев, когда мысль оригинала была искажена в переводе из-за неверного прочтения (*безобразный туман – nejaukā migla / где-то за дверью – somewhere behind the tree*), а также случаи определённых потерь образности (*no doroge – tajā*) или, наоборот, усиления образности (*в простенке – in the wall space between the windows*).

Исследование авторской системы образности необходимо продолжить, в особенности в контексте всех произведений автора, анализируемых как метатекст – это поможет будущим переводчикам романов В. В. Набокова выделять образы с особой концептуальной нагрузкой и избежать возможных смысловых потерь.

Литература

Дьячковская, Л. 1997 – Свет, цвет, звук и граница миров в романе «Защита Лужина». В.В. Набоков: pro et contra T2. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института.

- Королев, К. М. 2005 – *Энциклопедия символов, знаков, эмблем*. Мидгард.
- Набоков, В. В. 2013 – *Защита Лужина*. Малое собрание сочинений. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус.
- Набоков, В. В. 1997 – Предисловие к роману «Bend Sinister». *В.В. Набоков: pro et contra*. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института. Т1, С. 69-75.
- Набоков, В. В. 1997 – Предисловие к роману «The Defense». *В.В. Набоков: pro et contra*. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института. Т1, С. 46-49.
- Набоков, В. В. 2019 – *Стихи*. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус (Азбука-поэзия).
- Степанов, Ю. 2004 – *Константы: словарь русской культуры*. Москва, «Академический Проект».
- СТСРЯ 2006 – *Современный толковый словарь русского языка*. Москва, «Издательство Астрель».
- Телицын В.Л. (ред.), Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. 2005 – *Символы, знаки, эмблемы Энциклопедия*. Москва: Локид-Пресс, Рипол Классик.
- Трессидер, Д. 1999 – *Словарь символов*. Москва, ФАИР-ПРЕСС.
- ТСРЯ 2006 – *Толковый словарь русского языка*. Москва, ООО «А ТЕМП».
- Холл, Д. 1996 – *Словарь сюжетов и символов в искусстве*. Москва, Крон-пресс.
- Cirlot, J. E. 2001 – *A Dictionary of Symbols*. Taylor & Francis e-Library.
- Ferber, M. 1999 – *A Dictionary of Literary Symbols*. Cambridge University Press.
- LVV 2006 – *Latviešu valodas vārdnīca*. Rīga: Avots.
- LLVV 1986 – *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. Rīga: Izdevniecība „Zinātne”.
- Nabokovs, V. 1989 – *Lužina aizsardzība*. Rīga: Liesma.
- Nabokov, V. 2016 – *The Luzhin Defense*. London: Penguin Classics.
- TNSOED 1993 – *The New Shorter Oxford English Dictionary*. Oxford University Press.

Valērijs Sergejevs

*Ventspils University of Applied Sciences, Latvia
valerijssergejevs@inbox.lv*

THE VERBAL IMAGE OF JOURNEY IN VLADIMIR NABOKOV'S NOVEL THE LUZHIN DEFENSE:
ORIGINAL AND TRANSLATIONS IN ENGLISH AND LATVIAN

Abstract: The article is devoted to the analysis of linguistic means that form the verbal image of journey in Vladimir Nabokov's novel *The Luzhin Defense*. A contrastive analysis is conducted between the original and the translations in English and Latvian. The journey motif is one of the central motifs within the works of V. Nabokov; however, the verbal image of journey hitherto has been studied insufficiently. Verbal images *journey, puddle, mirror, door, window* are central.

Keywords: Vladimir Nabokov, idiolect, literary translation, verbal image, Russian, English, Latvian.

РУССКАЯ ФОЛК-ЛИНГВИСТИКА КАК ИСТОЧНИК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ДЕВИАЦИЙ

Евгений Николаевич Степанов

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, Украина

Хунаньский педагогический университет, Китай

stepanov.odessa@gmail.com

Цель исследования – установить роль и место фолк-лингвистических работ в области русского языка в эпистемологической дихотомии «обоснованное // необоснованное». Объект изучения – псевдонаучные фолк-лингвистические концепции неспециалистов и специалистов в области языкознания; предмет исследования – последствия для русского языкознания слабого реагирования учёных на абсолютное большинство искажений научного подхода, допускаемых фолк-лингвистами в социально важных областях языковедческой теории. В результате проведённого исследования вскрыты причины обусловленных ею эпистемологических девиаций и ложного представления о национальной истории в общественном сознании, указаны основные направления, разрабатываемые русской фолк-лингвистикой и признаки, указывающие на их эпистемологическую девиантность. Основные среди них: дискредитация результатов научных исследований лингвистов и историков; псевдонаучные подходы к исследованию; националистическая позиция первенства своего языка по отношению к другим языкам; пропаганда неязыческих устоев бытия и сознания с одновременным осуждением православного прошлого; наивные представления о языке, некоторые другие. Сделаны выводы: разработки в сфере русской фолк-лингвистики ведутся в разных направлениях, некоторые из них становятся опасными для общественного сознания и поведения, поскольку не только соседствуют в виде наивных представлений о языке с научными представлениями о нём, но и используются в политической борьбе и пропаганде смены традиционных культурных устоев жизни общества.

Ключевые слова: фолк-лингвистика, эпистемологический, девиация, народная история, общественное сознание, псевдонаучный.

Металингвистические исследования, в центре внимания которых стоят «представления человека о языке – о его природе, устройстве и использовании» [Полиниченко Д. Ю. 2011] появляются всё чаще. В основе таких представлений лежит, по обыкновению, наивный, а не научный подход к явлениям языка. Нарушениям подвергаются при этом принципы системности, целостности, историзма, целесообразности используемой методики; язык и речь, как правило, не различают. Результаты такого отношения к языку как объекту изучения составляют совокупность непрофессиональных лингвистических концепций, которые принято относить к фолк-лингвистике.

Мифологемы фолк-лингвистики согласуются с мифологемами национального мифа, описанными Д. Б. Гудковым: «...древность родного языка, его исключительное богатство, его

необыкновенная сложность, угрозы родному языку, теряющему чистоту и правильность» [Гудков Д. Б. 2009: 79].

Мифологема целенаправленной языковой политики встречается в работах авторов, ратующих за обновление языка либо изменение языковой ситуации в той или иной стране. Нередко они выступают за универсализацию языковых средств, которые служат одной цели. Например, предлагается многие потенциализмы ввести в словари как реальные слова: если есть *правда* ≠ *неправда*, значит, по мнению некоторых фолк-лингвистов, приставка НЕ-должна быть в любой антонимической паре абстрактных имён существительных *(*смех* ≠ *несмех*; *плотность* ≠ *неплотность* и под.); если от имён прилагательных можно образовать имена существительные с помощью суффиксов -ОСТЬ, -ЕСТЬ, то это необходимо ввести в обязательную систему типа *уличный* – **уличность*; *компьютерный* – **компьютерность*; *северный* – **северность* и под. При этом предлагаются толкования, уже занятые другими словами.

Мифологема псевдонаучности популярна у тех, кто позиционирует себя как представитель «неофициальной» науки, а свои труды – как научные.

Фолк-лингвистика давно вышла за рамки исторического языкознания. Этот феномен все больше приобретает целенаправленный политический характер. Имеется четыре основных объекта внимания современной русской фолк-лингвистики: язык как таковой, история и её отражение в языке, язык как выразитель религиозного сознания человека, отражение политики в языке и языка в политике.

Изучая рассуждения неспециалистов о языке и речи в Интернете, других СМИ, на эстраде и в текстах, изданных печатным способом, мы можем сделать вывод о том, что основными направлениями современной фолк-лингвистики являются наивная палеография, этимология и фоносемантика. Фолк-лингвисты занимаются декодированием древних надписей, предлагают варианты расшифровки не прочитанных учёными текстов. Нередко они выдвигают самые разнообразные версии происхождения одних языков от других, предлагают собственные теории происхождения языка и причин происходящей языковой эволюции. Профессионалы-языковеды, как правило, снисходительно относятся к наивным фолк-лингвистическим вымыслам, иногда даже считая полезным проявление интереса к языковой сущности и её отражение в самодеятельных трудах и издательских проектах, возникших на обыденно-сознательной метаязыковой рефлексии наивных пользователей языка. При снисходительном отношении к данным явлениям, к сожалению, не учитываются приводящие к обману начинающих исследователей, читателей, подростков претензии многих любителей на системность и научность, манипуляции сознанием познающего, искажения истории и эволюционных процессов, происходящих в языке, идеологические

вбросы. Отсутствие серьезной дискуссии по большинству концепций, активно навязываемых обществу через Интернет и модные наукообразные печатные издания

В литературе имеется несколько синонимов термина «фолк-лингвистика». Е. С. Косенко и О. В. Мальцева, анализируя процессы становления и функционирования фолк-лингвистических концепций в русистике, отмечают, что это направление в языкознании называют в разных работах «любительской лингвистикой», «лингвофричеством», «криптолингвистикой» [Косенко Е. С., Мальцева О. В. 2020: 17–18].

Рассуждения о языке как таковом в современной русской фолк-лингвистике направлены на пропаганду разного рода теорий происхождения праславянского языка и на изложение рефлексий, возникших в обыденном сознании, относительно формирования и эволюции других естественных и искусственных языков, функционирующих в мировом коммуникативном пространстве.

Фолк-лингвисты в своих работах нередко дискредитируют результаты научных исследований не только лингвистов, но и историков. В большинстве стран СНГ имеются фолк-лингвистические версии происхождения родных языков. Авторы и сторонники этих версий нередко занимают националистическую позицию первенства своего языка по отношению к родственным языкам либо к неродственным языкам соседних народов.

Представляя язык как выразитель религиозного сознания человека, современные русские фолк-лингвисты обычно выступают в своих работах с критикой на православное или, в целом, на христианское прошлое славян, дискриминируя нынешние духовные ценности, ставшие неотъемлемой частью истории, культуры, сознания народа. В некоторых работах пропагандируются неоязыческие устои бытия и сознания как диалектически закономерные.

В вопросах отражения политики в языке и языка в политике фолк-лингвисты обычно радикальны. В своих высказываниях об истории и современной роли русского и других языков они допускают политические выпады в адрес оппонентов, вносят предложения о принятии законов, противоречащих реальной языковой ситуации и здравому смыслу, способствующие не объединению, а разъединению этнических групп, нарушающие социальное равновесие и мешающие концентрации усилий общества в развитии экономики и улучшении уровня жизни его членов.

Современные филологи занимаются изучением этого феномена, но проблема в том, что их работы направлены сугубо на научную сферу. Носители языка, находящиеся за пределами этой сферы, не всегда способны вникнуть в тяжеловесные исследовательские тексты, которые, не имея публицистичной направленности, теряются в сети на сайтах библиотек и научных журналов. К сожалению, немало фолк-лингвистических разработок

включаются в политическое противостояние, не имеющее ничего общего с научной дискуссией. Появляясь в сети, эти разработки дезориентируют начинающих исследователей, нередко направляют их по ложному пути, что замедляет процессы развития гуманитарных знаний в целом.

Выделим ряд признаков фолк-лингвистики, присущих в том или ином наборе работам, концепциям, идеям, квалифицируемым нами как ненаучные, псевдонаучные.

Во-первых, большая часть теоретического материала не подтверждена системой фактов и не проверена экспериментально, представлен низкий уровень лингвистического анализа. В качестве примеров таких идей можно привести ряд утверждений, предложенных известным сатириком М. Н. Задорновым в качестве своих убеждений. Так, он считал, что «русский язык – это изуродованный славяно-арийский язык», что «все древние язычники говорили на одном языке – славянском» [Задорнов, Концерт], что «все языки Европы имеют славянские корни», потому что «латынь произошла от протославянского языка» [Задорнов М. Н., О славянской...]. М. Н. Задорнов утверждал, что славяне жили на природе, поэтому у них рождался «язык от природы», а не от «юридических законов войны», «для жизни по берегам рек, на полянках». Звуки «ж», «ч», «ш», «щ», «с» он считал исконно русскими / славянскими [Задорнов М. Н., О славянской...].

Во-вторых, концепции обычно представлены наукообразно. С одной стороны, их авторы игнорируют языковедческие открытия, научно доказанные языковые законы, которые нарушают их псевдоконцепции. С другой стороны, понимая необходимость представления хоть какой-то доказательной базы и придания своим идеям наукообразия, фолк-лингвисты выбирают удобные для подтверждения своей позиции научные утверждения, которые зачастую должны учитываться в науке в сочетании с игнорируемыми положениями. Имеют место также манипуляции чужими научными исследованиями или даже фамилиями авторитетных учёных, позиция которых на самом деле не имеет ничего общего с выдвигаемыми фолк-лингвистическими утверждениями. Появление таких утверждений в печатных работах или в Интернете, к сожалению, берётся на веру молодыми исследователями, и лжессылки распространяются в научно-информационном пространстве. Так, О. В. Мальцева пишет, что попытки поиска фальсификаций и фальсификаторов истории славянских языков, в том числе русского, привели её на один из сайтов, популяризовавших «Древлесловенскую Буквицу», где наткнулась на удивившую её цитату якобы Г. А. Хабургаева, авторитетного советского учёного в области истории славянских языков [Косенко Е. С., Мальцева О. В. 2020: 18–19]. Было указано, что цитата взята из его учебного пособия «Старославянский язык». Её суть в том, что умерший в 1991 году учёный якобы утверждал, что появившаяся в IX веке «кириллица» была создана на основе уже

имевшейся к тому времени Буквицы с использованием македонского диалекта древнеболгарского языка для нужд христианской церкви. Древнерусский язык там квалифицирован как светский упрощённый вариант Буквицы, доживший до петровской языковой реформы [Буквица]. Погуглив в Интернете, исследователь обнаружила эту цитату в нескольких студенческих дипломных работах, выставленных на учебных сайтах. Нигде не были указаны страницы, что может свидетельствовать о том, что цитата взята студентами из одного источника в Интернете и является умноженной фальшивкой для придания ложной концепции «Буквицы» как азбуки более древней, чем кириллица, внешней истинности, наукообразия и непогрешимости. Тщательная проверка обоих изданий учебного пособия на наличие слова *Буквица* показала, что ни цитаты, ни похожих на неё утверждений у Г. А. Хабургаева нет. Налицо циничная фальсификация с использованием имени авторитетного учёного, ушедшего из жизни и не имеющего возможности вступить в полемику с фальсификаторами.

Д. Ю. Полинченко указывает на используемые современными фолк-лингвистами стратегий дискредитации оппонентов, изучающих языковые явления научными методами [Полинченко Д. Ю. 2010: 200]. Поскольку выдвигаемые фолк-лингвистами теории противоречат основам как филологических, так и исторических исследований, авторы лженаучных теорий не находят ничего лучшего, чем идти по пути дискредитации научного знания. Так, один из ведущих агрессивных фолк-лингвистов заявляет, что русисты как исследователи языковых явлений некомпетентны, недобросовестны, консервативны, являются ретроgrадами, слепо следуют авторитетам, идеологически ангажированы, служат врагам русского языка, русской истории, русского народа и подлинной истории. Разумеется, все противоположные положительные качества должны быть приписаны честным учёным, среди которых есть и они [Драгункин А. Н. 2004: 225]. Встречаются среди фолк-лингвистов и филологи. Своё непонимание сложных законов взаимодействия разных народов, языков, культур, литератур, отличия синхронических процессов от диахронических филолог Н. Н. Вашкевич выражает в полном отрицании компаративистики как важнейшего направления филологии, утверждая, что «компаративистика разоблачает себя абсурдностью своего названия», что она возникла «для того, чтобы реконструировать так называемый праязык, абстракцию, которую никто никогда не видел и не слышал. ...В итоге мы получаем большую кучу хлама, состоящую из одних гипотез. <...> Уже 200 лет как самое подходящее место для компаративистики помойная яма» [Вашкевич Н. Н. 2009].

В-третьих, в своих высказываниях и оценках официальных научных положений, имеющих точки соприкосновения с исследуемой проблемой, фолк-лингвисты нередко бывают некорректны. Выше мы уже показали это. Кроме того, очень часто в их работах

обычно высказываются претензии на глобальность изучаемых проблем и высказываемых идей. Так, не будучи филологом, Ю. Д. Петухов высказывает мнение о том, что древнескандинавский язык – это индоевропейский язык, однако до X века не содержал германизмов, а поэтому отнесение современных скандинавских языков к германским – политически ангажированное [Петухов Ю. Д. 2008: 185–186]. Вместо цивилизованной научной дискуссии с учёными, имеющими другую точку зрения, Ю. Д. Петухов обвиняет их в некомпетентности. Ю. Д. Петухов резко выступает против научно обоснованных утверждений о месте русского языка в генеалогическом древе языков, считая его первоязыком: «История Человечества – это изначально и повсеместно История Русов. Всё создано ими, все имена себе и другим даны ими, все вещи и явления назвали они». Автор считает «Язык Русов» Первоязыком, языком языков. «Все прочие языки – производные от него. Все прочие народы и народности – производные от русов, в той или иной степени смешанных с местными архантропами. Тот «лингвист», который этого не понимает, не лингвист. Тот «историк», который не осознаёт этого, не историк» [Петухов Ю. Д. 2008: 355]. Разумеется, эти и подобные им утверждения ни по своей форме, ни по сути нельзя считать научными. В то же время, навык автора работать с другими научными текстами помогает ему обеспечить наукообразие выдвигаемых идей и способствует некоторому успеху среди тех читателей и слушателей, которые не готовы противопоставить истинные знания фальшивым.

По мнению М. Н. Задорнова, «слова – это заповеди / обереги, только в русском языке слова содержат образы / смыслы, которые нужно уметь раскрывать, иначе мудрость поколений будет утеряна» [Задорнов М. Н., Концерт]. М. Н. Задорнов считал также, что «иностранные языки можно расшифровать только при помощи славянских языков, так как они далеки от природы» [Задорнов М. Н., Концерт]. В своих выступлениях он много раз повторял, что «только с помощью русского языка возможно расшифровать тайные смыслы слов в других языках» [Задорнов М. Н., Концерт]. Претензия на глобальность здесь не шутка эстрадного исполнителя, а убеждение. Разумеется, часть зрителей и слушателей принимает это за сатиру на лженаучные представления о месте и роли славянских языков в языковом пространстве мира, однако находятся и те, которые всерьёз задумываются над этими словами.

В-четвёртых, следует заметить, что форма изложения многих фолк-лингвистических текстов мемуарная. В таких произведениях используются языковые средства, характерные, как правило, для публицистики либо для научно-популярных жанров. Например, книга О. М. Гусева «Магия русского имени» (2001) [Гусев О. М. 2001] написана в виде мемуаров, благодаря чему автор располагает читателя к мысли о правдивости изложения, поскольку все

события пережиты лично автором и спорить с ним бесполезно. Вместе с тем, в аннотации к этой книге находим: «Впервые в мировой славистике для проникновения в тайные формулы русского языка использована Всеясветная Грамота, состоящая из 147 Буков и известная Русским 40 тысяч лет. Открывается совершенно неожиданный – эзотерический уровень понимания русских имён и фамилий» [Гусев О. М. 2001]. Упоминание так называемой Всеясвятской Грамоты, которая является плодом фантазий отдельных фолк-лингвистов, и её солидного возраста, указание на который даже по отношению к любой из ныне известных земных цивилизаций является ложным и не может быть подтверждено фактами материальной культуры. Это свидетельствует о мифологическом характере представленной информации.

Как же соотносится фолк-лингвистика и эпистемология?

В узком смысле эпистемология — это исследование знания и обоснованного убеждения. В качестве исследования знания эпистемология занимается вопросами необходимых и достаточных условий знания, выясняет и описывает его источники, структуру и границы. В качестве исследования обоснованного убеждения эпистемология стремится ответить на вопросы о том, как следует понимать обоснованность, что делает убеждения обоснованными и является ли обоснование чем-то внутренним или внешним по отношению к разуму человека. В более широком смысле эпистемология связана с вопросами создания и распространения знания в конкретных областях исследования [Steup M. 2014]. Значит, любое научное знание имеет определённую степень обоснованности, и главная задача эпистемологического обоснования истинного или ложного знания состоит в правильном определении и использовании принципов разграничения научного и ненаучного знания. В языкознании необоснованное выдвижение того или иного принципа либо подмена научно обоснованного принципа ненаучным – это те эпистемологические девиации, которые искажают как предмет, так и результат исследования, развивая, таким образом, псевдонаучные подходы. В истории языкознания XX века одним из источников эпистемологической девиации стало «новое учение о языке» Н. Я. Марра. Даже временное признание его яфетической теории привело не только к замедлению гуманитарных научных исследований в СССР, но и повлекло гонения на многих учёных, искавших принципы научного обоснования языковых явлений, а также гибель некоторых из них.

Выводы. Таким образом, разработки в сфере русской фолк-лингвистики ведутся сегодня в разных направлениях и становятся опасными для общественного сознания, поскольку не только соседствуют в виде наивных представлений о языке с научными представлениями о нём, но и используются в политической борьбе и пропаганде смены традиционных культурных устоев жизни общества.

Литература

- Буквица. Ч. 2. URL: <https://nesvidomij.livejournal.com/266676.html/>
- Вашкевич Н. Н. Разборки академиков. *Прояснение смысла*: сайт. 2009. URL: <http://nnvashkevich.narod.ru/TEXTS/RECENZ/zlz.htm/>
- Гудков Д. Б. 2009 – Лингвистический миф в национальной мифологии. *Вестник ЦМО МГУ*. Москва, № 1. С. 79–85.
- Гусев О. М. 2001 – *Магия русского слова*. Санкт-Петербург: ЛИО Редактор. 192 с. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000816355-magiya-russkogo-imeni-oleg-gusev/>
- Драгункин А. Н. 2004 – *5 сенсаций: Pamфлетовидное эссе на тему языка*. Санкт-Петербург: ИД АНДРА. 400 с.
- Задорнов М. Н. *Концерт «О русской речи»*. URL: <https://youtu.be/TeEWnkm8cbk> (дата обращения: 15.09.2021).
- Задорнов М. Н. *О славянской истории и русском языке*. URL: <https://youtu.be/5q2y1WWv9Qc> (дата обращения: 15.09.2021).
- Косенко Е. С., Мальцева О. В. 2020 – Азбука «Древлесловенская Буквица» как репрезентант фолк-лингвистики. *Мова: науково-теоретичний часопис*. Одеса: Астропринт. № 34. С. 17–22. <http://doi.org/10.18524/2307-4558.2020.34.219514/>
- Петухов Ю. Д. *Норманны 2008 – Русы Севера*. Москва: Вече. 368 с.
- Полиниченко Д. Ю. *Любительская лингвистика: проблемы номинации и определения феномена*. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2011/02/2011-02-39.pdf/>
- Полиниченко Д. Ю. 2010 – Политические мифологемы фолк-лингвистики. *Политическая лингвистика*. Екатеринбург: УрГПУ. Вып. 4 (34). С. 196–202.
- Steup M. Epistemology. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / E. N. Zalta (ed.). 2014 (Spring). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2014/entries/epistemology/>

Ievgenii N. Stepanov

Odessa I. I. Mechnikov National University

Hunan Normal University

stepanov.odessa@gmail.com

RUSSIAN FOLK LINGUISTICS AS A SOURCE OF EPISTEMOLOGICAL DEVIATIONS

Abstract: The purpose of the study is to establish the role and the place of folk-linguistic works in the field of the Russian language in epistemological dichotomy “justified // unfounded”. The object of study is pseudoscientific folk-linguistic concepts of non-specialists and specialists in the field of linguistics; the subject of this research is the consequences for Russian linguistics of weak reaction of scientists to the absolute majority of distortions of the scientific approach made by folk linguists in socially important areas of linguistic theory. As a result of the study, the reasons for the epistemological deviations caused by it and the false idea of national history in the public consciousness are revealed, the main directions developed by Russian folk linguistics and signs indicating their epistemological deviance are indicated. The main ones are: discrediting the results of scientific research made by linguists and historians; pseudoscientific approaches to research; the nationalistic position of the primacy of one's own language in relation to other languages; propaganda of neo-pagan foundations of being and consciousness with a simultaneous condemnation of the Orthodox past; naive ideas about the language, some others. Conclusions are made: developments in the field of Russian folk linguistics are carried out in different areas, some of them become dangerous for public consciousness and behavior, since they not only coexist in the form of naive ideas about the language with scientific ideas about it, but are also used in political struggle and propaganda of changes in traditional cultural foundations of society.

Keywords: folk linguistics, epistemological, deviation, folk history, public consciousness, pseudoscientific.

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ
ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РАССКАЗОВ ЦИКЛА «ЗАПИСКИ ЮНОГО ВРАЧА»
М. А. БУЛГАКОВА

Светлана Евгеньевна Степанова, Галина Евгеньевна Фатех
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
kukusa1@i.ua; fudimka@i.ua

Цель исследования – установить пути взаимовлияния эмоциональной и языковой картин мира художественного персонажа. Объект изучения – фрагменты текста, описывающие эмоции главного героя; предмет – невербальные и вербальные реакции молодого врача на свои успехи и неудачи. Материал выбран из рассказов «Пропавший глаз» и «Стальное горло». Результаты анализа указывают на разнообразие невербальных маркеров беспокойства, переживания, страха, чувство неудачи, вины, апатии, одиночества. Чувство профессиональной и человеческой ответственности за жизнь человека выражается вербальными маркерами.

Ключевые слова: эмоция, маркер, социальный статус, языковая картина мира, эмоциональная картина мира, невербальный, вербальный, М. Булгаков.

Постановка проблемы. Актуальность исследования, результаты которого изложены в данной статье, состоит в необходимости изучения в условиях современного доминирования антропоцентрической научной парадигмы путей взаимодействия языковой и эмоциональной картин мира человека с целью установления невербальных и вербальных средств выражения как положительных, так и отрицательных эмоциональных реакций. Поскольку в психологии выделяют, в соответствии с разными теориями психотипов, разные их наборы и, само собой, основания для систематизации, необходимо, в первую очередь, отыскать оптимальные ориентиры, признаки, способные лечь в основу многоуровневой системы психологических типов людей. Одним из главных уровней, которые должны составлять фундамент такой системы, является, по нашему мнению, **статусный уровень**. Социальный статус личности следует учитывать при определении её психотипа. Ведь мужчина и женщина; мальчик и девочка, юноша и девушка, человек средних лет и пожилой человек; директор предприятия и рабочий; медик и историк, инженер и музыкант; школьник и студент; священник и светский человек; богатый и бедный; обладатель большого дома и квартирант; индивид, имеющий эмпирический опыт в определённой области и не имеющий такового, как правило, по-разному реагируют на одну и ту же информацию. Разумеется, необходимо учитывать и содержание информации, и условия, и пути, и язык её сообщения, многие другие факторы. Думается, что использование экстралингвистического подхода приблизит ответ на вопросы о причинах омонимии вербальных и невербальных

средств выражения разных эмоций и различиях в выборе средств выражения одинаковых эмоций обладателями разных социальных статусов.

Связь со смежными исследованиями. Наша работа связана с вопросами отражения в языке социального статуса человека и его эмоционального состояния, а также с вопросами формирования языковой и эмоциональной картин мира (ЯКМ и ЭКМ). Понятие социального статуса в широкий научный обиход было введено немецким социологом Максом Вебером, в работах которого статус, класс и власть выступают в качестве основных измерений социальной стратификации [Weber M. 1978: 305, 927–937]. В русистике вопросы социального статуса и ЯКМ личности освещаются с конца XX в., в том числе в работах авторитетных учёных [напр.: Карасик В. И. 2002; Караулов Ю. Н. 2007; Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. 2010; Крысин Л. П. 1983; Пауфошима Р. Ф. 1989; Степанов Е. Н. 2012; Степанова С. Е. 2019 и др.]. Одновременно с названными проблемами лингвисты столкнулись с необходимостью изучения лингвистики эмоций. Особенно активно вопросы отражения в языке эмоционального состояния человека вербальными и невербальными средствами, а также вопросы формирования эмоциональной языковой картины мира человека начали изучаться в XXI веке. В 2019 году С. В. Ионова назвала лингвистику эмоций наукой будущего [Ионова С. В. 2019]. Однако уже сегодня имеются серьёзные исследования ЭКМ. На наших глазах складывается Волгоградская школа лингвистики эмоций. Так, Н. А. Красавский, считает ЭКМ составной частью ЯКМ, называя эмоциональной языковой картиной мира, и представляет довольно полную её характеристику как определённого «множества эмоционально “проработанных” человеком на базе сенсорных, тактильных, в целом – перцептивных образов, исходящих от окружающей среды, представлений, восприятий, ощущений оязыковлённых понятий, являющихся проекцией нашего внутреннего, психического мира» [Красавский Н. А. 2001: 29]. Имеются и другие дефиниции. Структура и пути формирования ЭКМ широко представлены в работах В. И. Шаховского [Шаховский В. И. 2008; 2019 и др.], Н. И. Коробкиной [Коробкина Н. И. 2011] и некоторых других исследователей.

Постановка задач исследования. Цель данного исследования – установить пути взаимовлияния эмоциональной и языковой картин мира главного героя, имеющего статус 23-летнего одинокого мужчины, окончившего на отличные оценки медицинский факультет университета и начинающего врачебную практику единственным доктором земской больницы в одном из сёл. Туда он был направлен по распределению. Объект изучения – фрагменты текста, описывающие эмоции главного героя; предмет – невербальные и вербальные реакции молодого врача на свои профессиональные успехи и неудачи. Материал исследования выбран из текстов двух рассказов М. А. Булгакова, входящих в цикл «Записки

юного врача» (1925–1926): «Пропавший глаз» и «Стальное горло» [Булгаков М. А. URL]. В исследовании используются методы определения и описания вербальных и невербальных стимулов, отражающих эмоциональное состояние человека. Кроме того, применён входящий в процедуру социолингвистического метода приём соотнесения социального статуса художественного персонажа и средств описания переживаемых им эмоций.

Изложение основного материала. Эмоции – это одна из главных составляющих формирования характера личности, а следовательно, и её ЯКМ. В зависимости от пережитых эмоций, у личности формируются определённые ассоциации, образ мыслей. Эмоции влияют на речь, поэтому важно изучать закономерности такого влияния, формы и средства его проявления. Цикл рассказов «Записки юного врача» включает в себя рассказы, которые, являясь художественными, содержат автобиографическую составную, так как сюжеты основаны на личном опыте автора, который сам после университета был распределён в одну из земских больниц Смоленской губернии, где несколько лет проработал врачом. Есть среди сюжетов и те, которые были созданы на основе опыта других сельских врачей.

По утверждению учёных, в конце XX в. в лингвистике доминирование системно-структурной научной парадигмы сменяется предпочтительным использованием антропоцентрической методики, где основным критерием изучения является человек со всеми его привычками, особенностями, противоречиями... [напр.: Степанов Е. Н. 2014]. В центре внимания находится языковая личность и её место в обществе. Языковая личность рассматривается не только как носитель языка, но прежде всего, как носитель определённой концептуальной системы, на основе которой познаётся мир и происходит коммуникация. ЯКМ как один из важнейших компонентов языковой личности и языкового сознания подвержена эволюции, она корректируется языковой личностью, прежде всего, в стилистическом и эмоционально-оценочном плане под влиянием социально-психологических факторов, действующих в языковом коллективе [Шаховский В.И. 2019: 35]. Формирование ЯКМ тесно связано с пережитыми эмоциями, поскольку чувства отражают субъективное оценочное отношение к существующим или возможным ситуациям и объективному миру. Эмоции как одна из главных составляющих человеческого существования, влияет на все сферы жизни, в том числе на язык и речь. Выразить свои чувства человек может вербально и/или невербально. Невербальные проявления, как и вербальные, описываются авторами произведений словами, так что при анализе средств отображения М. А. Булгаковым эмоционального поведения молодого врача мы авторские языковые средства относим к вербальным (если герой что-то произносит) или невербальным (если герой реагирует мысленно, кинетически (движениями частей тела), психически либо физиологически (изменениями желаний, настроений, состояния кожи, сердца, нервов и под.).

Выделяя ЭКМ наряду с ЯКМ, В. И. Шаховский указывает на то, что между коллективной и индивидуальной ЭКМ имеется ряд различий [Шаховский В. И. 2008: 77 и др.]. Это различия, обусловленные ситуацией, в которой происходит действие, социальным статусом коммуниканта и некоторыми другими факторами, учитывать которые необходимо при комплексном анализе средств, отражающих каждую эмоцию. С нашей точки зрения, эмоциональная картина мира представляет собой вербальное отражение определённых эмоций, пережитых и осмысленных языковой личностью, как с позитивной, так и с негативной коннотацией. Сами по себе слова не являются эмоциями. Они приобретают коннотацию путём осмысления и получения эмпирического опыта как целого народа (в коллективной ЭКМ), так и отдельного индивида (в индивидуальной ЭКМ).

Главный герой анализируемых рассказов эмоционально реагирует на успехи и неудачи в профессиональном деле. Проанализируем сначала рассказ «Пропавший глаз», в котором автор описывает негативные эмоции своего героя из-за профессиональных неудач.

Первый эпизод – трудные роды – заканчивается смертью младенца и вызывает ряд негативных эмоций: **чувство проигрыша, вины, апатии, обострённое ощущение одиночества**. Автор пишет: *Я чувствовал себя побеждённым, разбитым, задавленным жестокой судьбой. Она меня бросила в эту глушь и заставила бороться одного, без всякой поддержки и указаний.* Свою неудачу он воспринимает как преступление, за которым должно следовать наказание. Языковыми маркерами наказания для главного героя в тексте служит видовая пара глаголов *брать // взять* в императиве, в значении изъятия диплома: *Мне пришло в голову, что явится кто-то грозный, чёрный и огромный, ворвётся в избу, скажет каменным голосом: «Ага. **Взять** у него диплом!» **Берите** у меня диплом, недостойн я его.* Кульминация наказания – ссылка за тысячи километров от цивилизации: *Дорогие коллеги, посылайте меня на **Сахалин!*** Отметим, что в начале XX века топоним *Сахалин* был эмоционально-маркированным. Это был остров ссыльных преступников, получавших билет на «круиз в один конец», как иронизировали в начале XX века в Одессе, куда их свозили из разных мест и откуда на судне этапировали на Сахалин. Оттуда, как правило, ссыльные домой не возвращались.

Второй эпизод – неправильное, по неопытности, удаление зуба у солдата: *...Щипцы выскочили изо рта с зажатым окровавленным и белым предметом в них.* Удивление и страх сопровождаются болью в сердце: *Тут у меня **ёкнуло сердце**, потому что предмет этот превышал по объёму всякий зуб. Я сломал ему челюсть... – подумал я, – и **ноги мои подкосились**.* «Ноги подкосились» – невербальный маркер эмоции страха. Поскольку врачебная ошибка совершена, а помощи ждать неоткуда, доктор продолжает разговаривать с

пациентом, трудно сдерживая страх. Маркером наличия чувства страха у врача является его «дрожащий голос»: *Часа три не ешь ничего – дрожащим голосом сказал я.* Тревога не покидает доктора после ухода пациента, его волнует будущее солдата. Маркерами переживаний героя являются: 1) фразеологизм «жить как в тумане»; 2) глаголами физиологического состояния «исхудать» и «захиреть»: *...Неделю жил я как в тумане, исхудал и захирел.* Далее приходит чувство вины, которое выражается в вербальной гиперболизации мнимого будущего: *У солдата будет гангрена, заражение крови...* Маркер чувства вины героя выражается словосочетанием «причина смерти» и метафорами наказания по отлучению от профессии: *И вот я уже не врач, а несчастный, выброшенный за борт человек.* Кульминация наказания – потеря социального статуса: *...вернее, бывший человек.* Бывшими людьми во второй четверти XX века называли тех, кто потерял свой социальный статус после Октябрьской революции 1917 года: аристократы, офицеры, чиновники госаппарата, духовенство [Рос. гум. энцикл. словарь 2002]. О них говорили: *Он / она из бывших.*

Особенностью эмоций «юного врача» в рассказе «Пропавший глаз» является то, что они возникли, по нашему мнению, под влиянием осознания доктором ответственности за жизнь и здоровье людей, доверивших ему свою жизнь. В любом обществе врач имеет высокий социальный статус. Герой М. А. Булгакова готов оправдать этот статус. Из-за неудач он видит несоответствие между доверием к нему и неумением это доверие оправдать. В двух проанализированных эпизодах определяется общая структура реакции на негативную ситуацию: гиперболизация своего поступка, самобичевание на основе отождествления себя с преступником, убийцей. Также мы полагаем, что языковые и невербальные маркеры эмоционального состояния молодого врача имеют реальный, правдивый характер и были присущи самому автору, который прошел тот же путь, что и главный герой, и который, по рассказам современников, так же эмоционально и тяжело переживал болезнь и смерть пациентов, радовался за их выздоровление.

Позитивный врачебный опыт описан в рассказе «Стальное горло», где молодой доктор впервые сталкивается с диагнозом «дифтерийный круп» у девочки. Это заболевание, при котором из-за сужения гортани затрудняется дыхание. У детей первых лет жизни круп возникает довольно часто. Первый невербальный маркер эмоции проявляется у доктора при взгляде на пациентку: *Но только странная муть гнездилась на дне её глаз, и я понял, что это страх, – ей нечем было дышать «она умрёт через час», – подумал я совершенно уверенно, и сердце моё болезненно сжалось...* Осознание серьёзности и, возможно, необратимости заболевания, вызывает у доктора боль в сердце.

Узнав, что ребёнок в таком состоянии уже пятый день, врач видит выход только в операции: *Поздно. Девочка умирает. И ничто ей не поможет, кроме одного – операции.* В ответ он сталкивается с необразованностью матери и бабушки пациентки и отказом от операции: *Что ты! Не давай резать! Что ты? Горло-то?! – Не согласна! – резко сказала мать. – Нет нашего согласия! – добавила бабка.* Однако доктору всё-таки удалось переубедить родственников, и он проводит операцию. Специфика такой операции была известна ему только теоретически, по посещённым лекциям в университете. На практике предстояло делать трахеотомию впервые. И здесь эмоция **неуверенности** и **страха** сопровождается такой невербальной реакцией: ***Внутри у меня все окаменело...*** Однако молодой врач сохраняет внешнее спокойствие, которое выражается в вербальных действиях. Он вербально реагирует на ситуацию профессионально: *...но **выговорил я ясно:** – **Стерилизуйте немедленно нож, ножницы, крючки, зонд!*** Несмотря на негативную невербальную реакцию из-за страха и неуверенности в своих силах, доктор действует профессионально. Его профессионализм проявляется, прежде всего, в вербальных реакциях. **Чувство ответственности** заставляет действовать его решительно.

Следующую серию невербальных реакций мы наблюдаем во время операции трахеотомии, которую врач делает «на ощупь», вспоминая теорию: *Вспоминая всё, что я видел в университете, я пинцетом стал зажимать края раны, но ничего не выходило. **Мне стало холодно, и лоб мой намок.*** По этой реакции можно понять эмоции **непредсказуемости**, **напряжения** и **внимания**. Однако операция прошла успешно. Ассистировавшая на операции пожилая акушерка одобрительно заметила: *Ну и блестяще же вы сделали, доктор, операцию!* Эмоцию **одобрения**, граничащего с **восхищением** акушерка выразила эпитетом *блестяще*, а **уважение** отражает обращение на *Вы* со статусным словом *доктор* старшей по возрасту к младшему. Автор даёт понять читателю, что у доктора остаётся **сомнение** в правильности принятого решения и предпринятых действий, поэтому он ещё **не готов верить** искренности её слов. Его невербальная реакция такова: ***мрачно, исподлобья глянул на неё.***

Выводы. Независимо от окраски пережитых за операционным столом эмоций, у начинающего доктора они яркие, что свидетельствует о его равнодушии к делу, которым занимается. Анализируя его невербальные реакции на свои профессиональные действия, можно заключить, что основными невербальными эмоциями являются сомнение, неуверенность, страх, которые, тем не менее, слабее чувства ответственности и желания успеха, победы жизни над смертью. Результаты анализа рассказов свидетельствуют о разнообразии маркеров невербальной эмоциональности, указывающих на беспокойство,

переживания, неуверенность, сомнение, страх, чувство неудачи, вины, апатии, одиночества главного героя. Особенность этих эмоций в рассказе в том, что они связаны с ответственностью врача, имеющего в любом обществе высокий социальный статус, за жизнь и здоровье людей. Чувство профессиональной и человеческой ответственности за жизнь доверившегося доктору человека обычно проявляется вербальными маркерами. Это чувство помогает молодому специалисту вернуться к полноценной работе после негативных эмоций по поводу неудач. В проявлениях негативных эмоций по поводу неудач определяется общая структура реакции на ситуацию: гиперболизация своего поступка, самобичевание на основе отождествления себя с убийцей. Выбор наказания для себя: лишение статуса человека и ссылка на Сахалин – прецедентные феномены, символизировавшие в период написания рассказа наиболее суровые статусные наказания для общественно активного человека.

Литература

- Булгаков М. А. 1925–1926 – *Записки юного врача*. URL : [https://ws-export.wmcloud.org/?format=pdf&lang=ru&page=%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B8_%D1%8E%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%B2%D1%80%D0%B0%D1%87%D0%B0_\(%D0%91%D1%83%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2\)](https://ws-export.wmcloud.org/?format=pdf&lang=ru&page=%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B8_%D1%8E%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%B2%D1%80%D0%B0%D1%87%D0%B0_(%D0%91%D1%83%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2))
- Ионова С. В. 2019 – Лингвистика эмоций – наука будущего. *Известия ВГПУ. Филологические науки. Волгоград. № 1 (134)*. – С. 124–131.
- Карасик В. И. 2002 – *Язык социального статуса*. Москва: Гнозис.
- Караулов Ю. Н. 2007 – *Русский язык и языковая личность*. 6-е изд. Москва: Изд-во ЛКИ.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. – 2010. *Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы*. Москва : Языки славянских культур.
- Коробкина Н. И. Эмоциональная картина мира и её репрезентация (на примере понятий «добро» и «зло»). *Lingua mobilis*. Челябинск, 2011. № 4 (30).
- Красавский Н. А. 2001 – *Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах*. Волгоград: Перемена.
- Крысин Л. П. 1983 – Социальный компонент в семантике языковых единиц. *Русский язык в школе*. Москва: Просвещение. С. 78–84.
- Пауфошима Р. Ф. 1989 – Житель современной деревни как языковая личность. *Язык и личность*. Москва: Наука. – С. 41–48.
- Степанов Е. Н. 2012 – Город в контексте научной лингвистической парадигмы. *Мова*. Одеса: Астропринт. № 17. С. 14–23.
- Степанов Е. Н. 2014 – Взаимодействие научных лингвистических подходов в исследовании русской городской речи. *Мова*. Одеса: Астропринт, 2014. № 21. С. 27–35.
- Степанова С. Є. 2019 – Статусні мовленнєві характеристики художніх персонажів у російській літературі початку ХХ століття. *Мова*. Одеса: Астропринт. № 32. – С. 37–45.
- Шаховский В. И. 2019 – Эмоциональная картина мира в вербальной презентации. *Мир русского слова*. Москва. № 1. С. 35–43.
- Шаховский В. И. 2008 – *Лингвистическая теория эмоций*. Москва: Гнозис.
- Российский гуманитарный энциклопедический словарь* 2002 – Москва: ВЛАДОС; Санкт-Петербург: Филол. фак. СПбГУ.
- Weber M. 1978 – *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*: In 2 vol. / Eds. G. Roth, C. Wittich. Berkeley: Univ. of California Press.

Svitlana Ie. Stepanova, Halyna Ie. Fatekh
Odessa I. I. Mechnikov National University, Ukraine
kukusa1@i.ua; fudimka@i.ua

VERBAL AND NONVERBAL MARKERS OF THE MAIN HERO'S EMOTIONAL STATE IN THE STORIES
OF THE CYCLE "NOTES OF A YOUNG DOCTOR" BY M. A. BULGAKOV

Abstract: The purpose of the study is to show the ways of mutual influence of emotional and language pictures of the world of an artistic character. The object of study is text fragments describing the emotions of the protagonist; subject – non-verbal and verbal reactions of a young doctor to his successes and failures. The material is selected from the stories "The Lost Eye" and "The Steel Throat". The results of the analysis indicate a variety of non-verbal markers of anxiety, fear, feelings of failure, guilt, apathy, and loneliness. The sense of professional responsibility for human life is expressed by verbal markers.

Keywords: emotion, marker, social status, language picture of the world, emotional picture of the world, non-verbal, verbal, M. Bulgakov.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ КАК МИФООБРАЗЫ В ПРОЗЕ О. БОКЕЕВА

Мадина Тернавская

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан

ternavskayamadina@gmail.com

В статье раскрывается важное значение этнокультурных маркеров в повести О. Бокеева «Снежная девушка». Исследуются актуальные процессы национальной самоидентификации и их выражение в литературе. Особое внимание уделяется роли сознания и языка как ключевого символа, вокруг которого формируется понимание этнической отличительности. Проанализированы наиболее типичные образы в повести О. Бокеева как представителя казахского этноса.

Ключевые слова: этнокультура, мифообраз, символ, мифологизм, художественная деталь.

Оралхан Бокеев – один из ярких представителей казахской литературы XX века, но произведения автора остаются актуальными и сегодня, так как имеют большое воспитательное значение, они учат читателей размышлять. Неслучайно произведения именно О. Бокеева были выбраны для всеобщего прочтения в Казахстане в рамках акции «Одна страна – одна книга» в 2012 году. Причина неиссякаемого интереса к творчеству О. Бокеева кроется в способности автора привнести в повествование необыкновенную яркость, используя различные изобразительные средства (метафоры, аллегории, символы). Его произведения отличают художественное своеобразие, обилие философских мотивов, умение вложить в каждое свое творение частичку себя, своей души, своих переживаний.

Все его творчество пронизано этнокультурными маркерами. Этнокультура – это часть социально-культурного фона, имеющая исторически выраженное значение. Этнокультура — это совокупность традиционных ценностей, отношений и поведенческих особенностей, воплощенных в материальной, духовной, социальной жизнедеятельности этноса, сложившихся в прошлом, динамически развивающихся и постоянно обогащающих культуру этнической спецификой в многообразных формах самовыражения людей.

В данной статье мы проанализируем повесть О. Бокеева «Снежная девушка» с точки зрения этномаркеров как «проекции мифа» или мифологического образа, сюжета, мотива и т.д. По мнению В. Руднева, термин *миф* нужно понимать в широком смысле [Руднев В.П. 1997: 161-172]. Художественность объединяет мифологию и литературу, а художественное мышление близко к образно-ассоциативному мышлению своим символическим характером.

Многие исследователи приходят к выводу, что мифологизм – специфическое явление современной литературы и как способ творчества, и как связанное с ним мировосприятие.

В произведении «Снежная девушка» дано детальное описание жизни казахского села после Великой Отечественной войны. Одними из главных героев являются три друга – Нуржан, Бакытжан и Аманжан. Нуржан соглашается на опасную зимнюю поездку за сеном в горный район, обеспокоенный судьбой погибающего от голода скота. Значит, Нуржан – ответственный человек. Его друзья и он сам – образец заботы младшего поколения о старшем, что немаловажно во все времена.

Лейтмотивом произведения является трагическая судьба девушки, которая пострадала по вине злодея Конкая. С тех пор она бродит в горах и сетует на свою жизнь, судьбу. Единственная радость в ее жизни – любовь к Нуржану. Героиня обретает долгожданные любовь и счастье. Она предпочла Нуржана, так как он был более развитым как личность. О. Бокеев привносит лирический элемент в свое творение, связывая линии жизни Алмасжан и Нуржана. Этим парням присущи чувство национального самосознания, трудолюбие и активности. Писатель подробно изображает их волнения, духовный мир, показывая, что после испытаний герои обрели гармонию. Ощущение себя частью народа и истории, энергичность, добросовестность – вот качества, свойственные настоящему человеку.

Повесть «Снежная девушка» замечательна тем, что охватывает группу образов-символов на различных уровнях текста: персонажи, элементы композиции, аллегорические картины природы, художественные детали, имена. Для начала проанализируем имена героев. Имя Нуржана переводится как «светлая душа». Аманжан – «здоровый, невредимый». В переводе с арабского «аман» обозначает «безопасность», «покой», «мир». Мы полагаем, что это имя выбрано намеренно, ведь после нравственных метаний, переосмысления ценностей, Аманжан обрел духовный покой и гармонию. С другой стороны, после того, как герой искоренил отрицательные черты, унаследованные от отца, душа Аманжана осталась невредимой и здоровой. Бакытжан – переводится как «счастливый». Но стал ли он счастливым? Возможно, он нашел свое счастье после поездки. Алмасжан – «кристальная душа» (имя произошло от названия драгоценного камня). Значит, для автора его героиня – драгоценность, ведь она кротка, помыслы ее чисты. В переводе с арабского языка имя Алмас означает «твердейший». Так же, как и минерал твердеет от многочисленных ударов, так и душа Алмасжан «затвердела» от частых ударов судьбы. Также слово «алмас» переводится с казахского языка как «лезвие». Возможно, автор выбрал это имя, чтобы показать взаимосвязь имени девушки с ее трагической судьбой. У Алмасжан была кристальная, но холодная душа,

уоставшая от тягот судьбы. А светлая душа Нуржана («нур» – «свет») согрела «снежную девушку», и в ней воскресла любовь. Итак, во всех именах положительных героев есть слово «жан» – «душа». Следовательно, им присущи черты высоконравственных людей. Имена персонажей – показатель их морали. В переводе с персидского языка слово «жан» означает «душа», «жизнь». Писатель намеренно присоединяет этот корень к именам положительных героев, указывая на наличие в них несломленного тяготами духа. В каждом из них ощущается воля к жизни. Желание преобразаться самим, а также изменить окружающий мир.

Герои после страданий ощутили эволюцию души. Негативным персонажем повести является Конкай. Его имя всецело соответствует его нраву. Конкай – тот, кто отличается от других. Конкай выделялся ожесточением. Конкай – это воплощение эгоизма, анархизма, образ человека, сознательно изолировавшегося от цивилизации. Молодые люди видят в нем зверя: *«– Ата! — громко позвал он, и собственный голос показался ему чужим. – Скажите нам, кто вы? Толстяк Бакытжан, которому вновь удалось задремать, вздрогнул при звуках голоса и очнулся. Старик сидел на низких нарах, не отвечая. И Аманжан, с ненавистью глядя на него, повторил вопрос:*

– Ну?! Кто ты, спрашивают?

Бакытжан разобрался, что опасности нет никакой и промолвил, зевая:

– А-а..... Да никто, сказал же. Человек-икс.

Старик поднялся с нар, повесил на место ружье и, спокойно подойдя к печке, подбросил дров. Затем, словно вспомнив о чем-то, вышел из дома – все также босиком, в одной рубахе и кальсонах. Казалось, что ему совершенно безразлично, зима на дворе или лето, он словно не знал, что значит холод, слабость, болезнь» [Бокеев О. 2011: 290].

В представлениях жителей совхоза Конкай – мифическая личность, образ одинокого отшельника. В предании о Конкае явно проявляется отголосок мифа о «возвратившихся» – людях, всецело ушедших в натуральную природу иногда до звериного образа жизни. В фольклоре разных народов есть образы фантастических существ: человека-волка, человека-медведя, человека-зверя. Конкай проходит путь к подобной метаморфозе. Он живет в доме, но максимум времени проводит в норе, где прячется от людей, скрывает добычу, пьет пиво и кровь оленей. Мифологизированный образ Конкай наполнен сложными смысловыми ассоциациями и философскими обличениями.

На уровнях сюжета и композиции Снежная девушка четко противопоставлена Конкаю: она спасительница, пробуждает благородные эмоции. На уровне семантики архаического мифа она олицетворяет демиурга. Это полубожество имеет и земное

воплощение в образе девушки-жертвы, преследуемой Конкаем. С тех пор девушка живет в горах, приходя на помощь потерявшимся путникам. В зимовке с ней сблизился Нуржан. Две оппозиции, как и в мифе, изображены в образах-антиподах: Снежная девушка – избавительница, а Конкай – губитель.

На помощь джигитам приходит надежда на светлое будущее и Снежная девушка: *«В белую юрту, где лежал Нуржан, вошла Снежная девушка. Она подошла к нему, беспомощно распростертому на торе – кто-то связал ему веревкой руки и ноги... она склонилась к нему, приподняла его голову и зашептала, умоляюще глядя на него: «Вставай, вставай скорее, мой жигит! Солнце уже высоко». Но, как ни пытался, Нуржан не смог шевельнуть и пальцем. Все тело его превратилось в неподвижную, тяжелую глыбу. И тогда он произнес, едва, с невероятным усилием, шевеля губами:*

«Кто ты? Ангел или человек?»

«Ты же знаешь... Я – Снежная девушка», был ответ.

...Когда-то Конкай и меня отправил в снега, и я заблудилась и с тех пор хожу по этим белым увалам. Встань, Нуржан! Я не хочу, чтобы и ты вечно бродил, по снегам, оплакивая себя... Иди, Нуржан догони и приведи обратно своих товарищей!

...Вставай! не падай духом. Вставай, Нуржан и разбуди своих товарищей. Идите на землю – вы там нужны!» [Бокеев О. 2011: 342].

Истоки образа Снежной девушки – в алтайском фольклоре. Этот образ сопоставим с мифологическими образами Матери-Земли. Воплощение идеального женского духа является только к чистому, безгрешному человеку. в повести это Нуржан. Философский подтекст этого мифопоэтического слоя образов заключается в следующем – любовь и возвышенная мечта спасают от стужи, одиночества и нравственного упадка.

Примечательно, что образ Снежной девушки можно найти и в японском фольклоре. Там она изображается как Юки-онна совсем белой, практически прозрачной, будто изо льда, и очень красивой. Она нетороплива и изящна, часто является ночью во время снегопада или снежной бури. Она появляется там, где идёт снег.

У О. Бокеева Снежная девушка – потусторонний персонаж. Она неизменно предугадывает появление Нуржана, являясь для него музой: мысли о ней всегда спасают джигита. И в то же время она появляется и в образе обычной девушки Алмашжан: *«Нуржан: ...ты Алмашжан ... или – Снежная девушка? Кто из них?*

Девушка (шепотом): Я не хочу тебя обманывать. Нет. Слушай. Я на самом деле Снежная девушка. В пургу ночью я бежала по снегу босиком, раздетая, и меня нашел в горах

старик... хозяин этого дома. У них нет своих детей, и старики оставили меня у себя. Целый год никто не знал, что я прячусь здесь. За это время я узнала, что моя мать умерла в больнице. Кроме нее, у меня не было никого. И я тогда решила навсегда остаться здесь. Да и куда мне возвращаться, зачем? Где теперь мой аул?.. После того, что случилось, я боюсь людей, мой джигит. Я не верю им! Я умираю здесь от тоски и обиды, и пусть будет так. Когда на меня нападает тоска, я надеваю белое платье и убегаю ночью в горы, брожу одна по снегам... пою, плачу. Ата, старик мой, приводит меня обратно... он нарочно всем рассказывает небылицы о Снежной девушке, чтобы никто не догадался, что это я... Когда ночью по колени в снегу брожу я одна по горам, то жар души немного остывает – и я успокаиваюсь...» [Бокеев О. 2011: 372].

Айыртау – горы, куда отправили Нуржана. «Ауыр» – «тяжелый», «тау» – «гора» (т.е., гора, которую трудно покорить. Именно здесь парням открывается смысл жизни. Только погрузившись в глубину своей души, человек переосмысливает жизненные приоритеты, ценностные ориентиры.

Так же в повести нами выделены и другие этномаркерные детали: сундук, заполненный шкурами животных, в доме злодея Конкая – деталь, помогающая понять, что этот персонаж способен содрать шкуру не только с животных, но и с людей. Парни потеряли дорогу, голодали, встречались с волками. Все эти ситуации могли привести к смерти. Но то, что они были вместе, поддерживали друг друга, помогло им выжить. Этномаркером можно считать и курт – продукт, получаемый из творога, связан с судьбой героев. Если бы друзья действовали порознь, то они затерялись бы в горах. Так же, как белый курт теряется из виду, если уронить его в белый снег.

Природа – главный действующий персонаж произведения. Она посылает героям испытания, которые в конечном итоге объединяют и укрепляют их дружбу. Джут и гололед заставили парней поехать за сеном. Снежная буря привела к потере дороги. Приход ночи и сильный мороз – прямая угроза смерти. Также в произведении встречаются сравнения, которые помогают понять сущность человека. Нуржана с животным автор не сравнивает. Во всех ситуациях он ведет себя по-человечески. Аманжана и Конкая автор сравнивает с волком. Они способны в любой момент нанести удар ближнему: «Он вскочил и кинулся на хозяина, словно волк» [Бокеев О. 2011]. Трактор сравнивается с верблюдом: «Трактор шел по белому снегу, как верблюд по пустыне». Алмасжан – лебедь, голубь. Она олицетворение чистоты помыслов.

Несомненно, повесть О. Бокеева «Снежная девушка» можно считать философской, так как в ней есть анализ главных общечеловеческих проблем: формирования личности,

взаимоотношений родителей и детей, ответственности и любви, вопросы жизни и смерти. На укоры директора совхоза в ветренности и безответственности молодых Нуржан отвечает так: «Нынче молодежь не та, потому что семя не то». О. Бокеев обозначает проблему ответственности взрослых перед потомками, преемственности поколений. Верно ли, что мораль человека формируется его предками? Возможно ли человеку изменить себя, несмотря на плохое семя? Ответ положительный. Аманжан – тому подтверждение. Характер человека формируется постепенно из любви родителей, из отношения окружающих. Аманжана окружали добрые, сердечные люди, благодаря которым он смог стать лучше отца. Аманжан и сам стремился стать добрее. Следовательно, человек способен изменить себя. К тому же эта повесть поднимает проблему формирования человеческой духовности. Каждый из джигитов погрузился в глубину своей души. Вынужденное путешествие помогло молодым людям осмыслить важность и ценность отношений с близкими: «Сколько пришлось им мучиться, чтобы понять, как дорог им вид человеческий и сам незнакомый человек».

Ключевое слово произведения – душа. Таким образом, мы пришли к выводу, что повесть «Снежная девушка» знакомит читателя с множеством символов, мифологем и этномаркеров, заключающих в себе глубокий смысл. Идеино-художественный анализ повести показывает, что этномаркеры играют роль структурообразующей и функциональной составляющей произведения. Мифообразы — важнейшее средство трансляции общечеловеческих ценностей и философских знаний.

Изучение мифологем, символов и этномаркеров произведения – универсальный ключ к осмыслению текста. О. Бокеева можно назвать настоящим художником, ведь он относится к слову как к конструктивной материи, на которой рисует глубинный смысл произведения.

Литература

- Бокеев О. 2011 — *Человек-олень. Повести; рассказы*. Перевод с казахского. – Астана: Аударма. – 568 с.
- Руднев В.П. 1997 — *Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты*. – Москва: Аграф.– 384 с.

M. Ternavskaya

*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
ternavskayamadina@gmail.com*

ETHNOCULTURAL MARKERS AS MYTHOLOGICAL IMAGES IN O. BOKEEV'S PROSE

Abstract: The article discloses significant importance of ethnocultural markers in O. Bokeev's novel "Snow girl". Existing processes of the national self-identity and its expression in the literature are studied. Special focus has been given to a character of perception and language as a key symbol, around of which understanding of ethnical distinguishing is being created. The most typical images have been analyzed in the novel of O. Bokeev as a representative of the Kazakh ethnoses.

Keywords: ethnoculture, mythical image, symbol, mythologism, artistic detail.

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА
(К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК)

Филип Толкачевски

Университет Казимира Великого в Быдгоще, Польша
atron100@gmail.com

В статье рассматриваются техники перевода на польский язык шукшинских окказиональных фразеологизмов, которые являются важным художественным средством писателя. Эти окказиональные единицы выступают один раз и понятны только в рамках окружающего контекста. Их индивидуально-авторский характер является настоящим «вызовом» для переводчиков, поскольку они не имеют «готовых» эквивалентов в польском языке. Передача окказиональных ФЕ требует креативного подхода и немалых интеллектуальных усилий.

Ключевые слова: язык В. М. Шукшина, окказионализм, методы перевода, русский язык, польский язык.

Василий Макарович Шукшин (1929-1974) – человек многих талантов – писатель, сценарист, режиссер и актер [Pawlak E.1981:16-17]. Известный не только в России, но также за ее пределами. Произведения писателя были переведены на близко 50 языков мира [Чеснокова В.А. 2004: 47].

Начальный этап ознакомления польскоязычных читателей с рассказами Шукшина пришелся на 60-е годы XX столетия. Ранние переводы рассказов на польский язык появились прежде всего в периодической печати (журнальные публикации³⁰), коллективных сборниках произведений современных советских писателей и сборниках рассказов Шукшина. Первый такой сборник был опубликован в 1966 году под названием *Jest taki chłopiec*³¹. В последующее время популяризации творчества писателя в Польше способствовало издание трех очередных сборников: *Rozmowy przy jasnym księżycu*³², *Nocne dumania i inne utwory*³³ и *Rozhasały się konie na polu*³⁴. В целом в распоряжении современной польской аудитории имеются переводы 92 произведений (82 рассказа, 5 повестей, 2 романа, 1 сказка, 1 пьеса и 1 сценарий).

³⁰ В 1964 году на страницах ежемесячника «Literatura Radziecka» появились первые переводы 4 рассказов Шукшина *Siostrzeniec szefa rachuby* (Племянник главбуха), *Kierowca* (Классный водитель), *Egzamin* (Экзамен), *Miłość Stiepana* (Степкина любовь), которые выполнил М. Рачкевич.

³¹ Warszawa: Iskry. В 1981 году этот сборник был переиздан под заглавием *Jest taki chłopak*.

³² Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1974.

³³ Warszawa: Czytelnik, Moskwa: Progress, 1980.

³⁴ Warszawa: Książka i Wiedza, Moskwa: Raduga, 1988.

Важнейшей особенностью языка шукшинской прозы лингвисты считают гетерогенность лексики, которая проявляется в наличии большого корпуса разнообразных словесных пластов – разговорных слов, просторечных экспрессивов, интеллигентски-просторечных, вульгарных и диалектных единиц, жаргонизмов и новообразований самого автора [Козынкина О.О. 2014].

В настоящей статье мы рассмотрим технику (способы) перевода на польский язык шукшинских окказиональных фразеологизмов – важного стилеобразующего средства в системе языка рассказов писателя. Эти авторские единицы можно разделить на три типа: 1) фразеологические единицы, характеризующиеся новизной формы и значения, напр.: *кто-н. шлык скатал кому-н.*; 2) ФЕ, которые являются структурными модификациями зафиксированных в словарях фразеологизмов, напр.: *кто-н. знает что-н. как свои восемь пальцев*; 3) авторские по значению ФЕ, в том числе: новые значения ФЕ современного русского литературного языка и новые значения диалектных фразеологизмов, напр.: *коней ковать, кто-н. вершит стог*.

Принадлежность окказионализмов к речи, а не к языку, их творимость, одноразовость, а также то, что окказионализмы создаются и существуют только лишь в определенном контексте [Лыков А.Г. 1976: 11-14, 18-21], вызывает наибольшие затруднения при их переводе. Причина этого кроется, во-первых, в незафиксированности окказионализмов толковыми словарями исходного языка, во-вторых, в отсутствии для них словарных соответствий и, в-третьих, в их контекстуальном характере.

Контекст играет значительную роль в понимании окказионализмов – «ограничивает (минимизирует) количество вероятных интерпретаций». Помогает переводчику выбрать один вариант значения авторской единицы [Нестерова Н.М., Наугольных Е.А., Поздеева Е.В. 2016: 48].

Материалом для анализа послужили 22 рассказа В.М. Шукшина и их переводы на польский язык, которые выполнили: И. Байковская, Х. Бронятовская, З. Гадзинянка, Р. Гожельский, П. Дарчевский, Э. Дембский, М. Долинская, В. Кивильшо, И. Ландесберг, Т.Г. Липшиц, Р. Лясотова, И. Пиотровская, М. Рачкевич, Б. Решко, А. Тышковская, А. Шиманский и А. Яблоновский.

Сопоставление индивидуально-авторских образований и их переводческих соответствий учитывает четыре параметра: предметно-логическое значение, воссоздание которого является необходимым условием общей адекватности перевода [Андреева Е.А. 2002: 19], степень сохранения образности и эмоциональной окрашенности индивидуально-авторского выражения, а также «свежесть», т.е. неповторимость и оригинальность связаны с тем, что окказионализм выступает всего лишь один раз и каждый раз создается говорящим или пишущим заново.

Смысловое содержание окказионализмов устанавливается на основе словарей языка писателя: *Словарь диалектизмов в произведениях В.М. Шукшина* (далее СДПШ³⁵), *Словарь фразеологизмов в произведениях В.М. Шукшина* (СФПШ), *Словарь языка Василия Шукшина* (СЯВШ), *Словарь языка рассказов В.М. Шукшина* (СЯРШ).

Если окказионализмы не были зафиксированы в словарях языка Шукшина, их значения определялись на основании контекста, напр.: *ягодки заочного обучения* ‘результаты заочного обучения’.

Семантика и стилистические особенности соответствий устанавливаются на основании данных толковых и специальных словарей польского языка.

Как показал анализ переводов, возможности передачи шукшинских фразеологических окказионализмов средствами польского языка сводятся к 4 переводческим техникам: к подстановочному переводу, приему структурного и семантического калькирования, переводу с помощью переводческих окказиональных образований, а также воссозданию окказионализмов дескриптивным методом.

I. Подстановочный перевод

«При подстановочном переводе в качестве эквивалентов используются узуальные слова (или словосочетания), обладающие достаточной общностью значения с исходными окказионализмами» [Маршалек М., Завойски К. 2016: 338]. Этот метод не всегда обеспечивает достижение семантической конгруэнтности. Нередко при подстановке имеет место семантическая трансформация, т.е. неполное совпадение значений коррелирующих пар [ср.: Tołkaczewski F. 2019: 383-385].

В случае замены окказионализма узуальной единицей, в переводе последняя легко воспринимается читателем текста перевода, однако замысел автора остается при этом не полностью раскрытым. Исчезает «свежесть», но иногда переводчику удается сохранить эмоциональную окраску и / или оригинальную образность, т.е. «наглядно-зрительное представление ситуации» [Чуньли Л. 2014: 96], особенно когда в роли соответствия выступает стилистически или эмоционально окрашенный фразеологизм.

Смысловое тождество представляют следующие примеры:

кто-н. вершит стог ‘кто-н. перестает, прекращает делать что-н.’ (СДПШ) → *ktoś skończy z czymś* (USJP) ∇ *Колька ставит гармонь на скамейку... Хватит! Надо вершить стог. Эта добровольная каторга сделает его идиотом и пьяницей. Какой-то конец должен быть* (ЖМП³⁶, 475); *Kolka kładzie harmonię na ławkę... Dosyć! Trzeba z tym skończyć. Ta dobrowolna katorga zrobi z niego idiotę i pijaka. Są granice ludzkich możliwości* (ŻMP, 27);

³⁵ Список использованных словарей прилагается в конце статьи.

³⁶ Список условных сокращений рассказов и их переводов помещен в конце статьи.

кто-н. проветрил мозги от чего-н. 'кто-н. перестал заниматься чем-н.' (СЯВШ) → *ktos oderwał się od czegoś* (WSFJP) ∇ *Никитич достаёт ружья, водит их в тайгу и ждет, что они просветлеют, отдохнут душой и проветрят мозги от ученья* (ОЖ, 167); *Nikitycz bierze strzelby, prowadzi ich do tajgi i myśli, że się rozpogodzą, odetchną, oderwą się od swojej nauki* (ŽС, 56).

Неполное совпадение коррелирующих пар наблюдается в следующих случаях:

чье-н. дело к вечеру 'чей-н. конец жизни приближается' (СЯВШ) → *wieczór życia 'старость'* (SFJP) ∇ *Старичок вежливо улыбнулся. – Я, знаете, не пью. – Чего так? – Годы... Мое дело к вечеру, сынок* (СР, 216); *Staruszek uśmiechnął się grzecznie. – Wiecie nie piję. – Niby dlaczego? – Wiek... Wieczór życia, synku* (SR, 20–27);

кто-н. оттянул кого-н. 'кто-н. поставил кого-н. в неловкое положение' (СДПШ) → *ktos przerobił kogoś 'кто-н. высмеял кого-н., поиздевался над кем-н.'* (USJP разг.) ∇ *Он не слышал, как потом мужики, расходясь от кандидатов, говорили: – Оттянул он его!... (Сре, 412); Nie słyszał już, jak później mężczyźni, rozchodząc się do swoich domów, rozmawiali między sobą: – Ale go przerobił!... (ZS, 147); Nie słyszał, jak potem chłopci, rozchodząc się, mówili: – Ale go przerobił!... (ZP, 15).*

Некоторые неполно совпадающие переводные эквиваленты характеризуются расширением значения по сравнению с единицами ИЯ, не нарушая при этом коммуникативной функции текста оригинала, ср.:

барыня кособокая 'женщина, которая ведет себя претенциозно, избегает всяких усилий' (СЯВШ) → *paniusia 'не очень умная женщина, которая ведет себя претенциозным образом'* (USJP разг. пренебр. ирон.) ∇ – *Что же мамочка-то твоя?.. Приехала и сидит, как... эта... Ни обед ни разу не сготовила, ни с внучкой не погуляла... Барыня кособокая* (ЖМП, 474); – *Cóż to twoja matuśka? Przyjechała i sie-e-dzi, jak ta... Ani obiadu nie ugotowała, ani z wnuczką na spacer... Paniusia...* (ŽMP, 26);

башка лопаётся по швам 'о сильной головной боли после употребления алкогольных напитков в больших количествах' (СЯВШ) → *głowa komuś pęka 'у кого-н. очень мучительная головная боль'* (PSWP) ∇ – *Это не гульба, дед, – не сразу сказал Иван. – Собачьи слезы. У тебя нет полтора рубля? – Откуда? – Башка лопаётся по швам* (ВПА, 232); – *To nie zabawa, dziadku – po chwili odparł Iwan. – Pieska dola. Nie macie przypadkiem półtora rubla? – Gdzie tam! – Głowa mi pęka* (ZPA, 156).

Образность окказионализмов, которой главным элементом являются – с переводческой точки зрения – визуальные элементы, которые удается сохранить, когда в роли переводных эквивалентов выступают языковые единицы (стилистически окрашены), воссоздающие исходный образ или заменяющие его другим, тождественные или близкие по значению, одновременно передающие эмоционально-экспрессивную окраску, ср.:

глаза разбегаются у кого-н. ‘кто-н. реагирует на что-н. с удивлением’ → *oczy wylażą komuś na wierzch* (USJP разг.) ∇ *Он мог такой шкаф изладить, что у людей глаза разбегались. Приезжали издалека, просили сделать, платили большие деньги* (М, 376); *Potrafił taką szafę „zmaistrować”, że ludziom oczy wylażyły na wierzch. Przyjeżdżali do niego z daleka, prosili, płacili duże sumy* (Mi, 163);

у кого-н. в голове дымовая завеса ‘у кого-н. плохое самочувствие, неспособность думать, соображать после употребления алкогольных напитков в больших количествах’ (СЯВШ) → *ktoś ma mętlik w głowie* ‘кто-н. ощущает чувство суматохи и имеет проблемы с упорядочением мыслей’ (SPP разг.) ∇ *Я ведь пил, крепко пил... [...] – Бывало, утром: на работу идти, а от тебя, как от циклона, на версту разит. [...] Мучился. Хочешь на счетах три положить, кладешь – пять. [...] В голове – дымовая завеса, – обстоятельно рассказывал дядя Володя* (ВП, 201); – *A piłem przecież, niewąsko piłem... [...] – Bo był czas, że zbieram się z rana do pracy, a jedzie ode mnie tą wódką na kilometr. [...] Co to była za męka. Chcę na liczydło przesunąć trzy, a przesuwam pięć. [...] – A w głowie mętlik – dorzucił szczegół po szczególe wuj Włodek* (WP, 47);

кто-н. задирается выше ватерлинии ‘кто-н. возвышается, переоценивает свои возможности’ (СЯВШ) → *ktoś zadziera nosa* (SPP разг.) ∇ – *Люблю по носу щелкнуть – не задирайся выше ватерлинии! Скромней, дорогие товарищи...* (Сре, 412); – *Lubię niektórym ludziom nosa utrzyć, żeby go zanadto nie zadzierali! Więcej skromności, drogi panie...* (ZS, 146); – *Lubię czasem utrzyć komuś nosa, jeżeli za bardzo go zadziera! Więcej skromności, drodzy towarzysze...* (AZ, 567);

кто-н. подпоясался потуже ‘кто-н. приготовился к трудностям’ (СФПШ) → *ktoś wziął się w garść* ‘кто-н. набрал сил, приготовился к какому-н. действию’ (SPP разг.) ∇ *Думал, никакая меня беда не согнет, а вот... Ну, ничего. Ничего вообще-то не жаль! – встряхнулся он и сверкнул из-под нависших бровей своим неломким прямым взглядом. – Жалко дочь малую. Но... подпояшемся потуже и будем жить. Так? – спросил брата [...]* (КЗЛ, 541); *Myślałem, że przed żadnym nieszczęściem się nie ugnę, a proszę... Ale to nic. Tak w ogóle to niczego nie żałuję! – otrząsnął się i rzucił spod nawisłych brwi twarde, proste spojrzenie. – Szkoda mi córeczki. Ale... weźmiemy się w garść i będziemy żyć. Так? – zapytał brata* (JZL, 218);

кто-н. фотографирует кого-н. ‘кто-н. бьет кого-н. несколько раз рукой или каким-л. предметом, причиняя боль’ (СЯРШ) → *ktoś daje komuś wycisk* (WSFJP прост.) ∇ *Паука приготовился к самому худшему: сейчас она закричит, прибежит ее отец и будет его фотографировать* (КВ, 107); *Paszka przygotował się na najgorsze – teraz zacznie krzyczeć, przybiegnie jej ojciec i da mu wycisk, aż drzazgi polecą* (КМ, 31); *Paszka był przygotowany na najgorsze: ona zaraz zacznie krzyczeć, przyleci ojciec i da mu wycisk* (DK, 7);

кто-н. шлык скатал кому-н. ‘кто-н. применил насилие по отношению к кому-н., с целью наказать его’ (СЯВШ) → *ktoś nauczył kogoś rozumu* ‘кто-н. наказал кого-н. таким образом, чтобы кто-н. долго об этом помнил и поменял свое поведение’ (USJP разг., PSWP) ∇ *Только на улице сообразил Ефим, что ему теперь делать. «Пойду Маньке шлык скатаю. Зараза»* (С, 349); *Dopiero na ulicy przyszło mi do głowy, co powinien teraz zrobić. „Pójdę i nauczę Mańkę rozumu. Ale mi doradziła! Zараза! ...”* (S, 330);

кто-н. в штаны наворотил ‘кто-н. сильно испугался, наклал в штаны’ (СЯВШ) → *ktoś w portki narobił* (WSFJP прост.) ∇ *Утром Егор открыл дверь-то – на улицу выходит, – а ему прям в лицо харя-то эта глянула... Мужик чуть в штаны не наворотил* (З, 264); *Rano Jegor otworzył drzwi, wychodzi na dwór – a tu masz kara prosto w gębę spojrzęła... Chłop o mało w portki nie narobił* (Swo, 107).

II. Калькирование

Другим часто используемым приемом перевода фразеологических окказионализмов в нашем материале является калькирование. Оно осуществляется на структурном или семантическом уровне. Эквиваленты-кальки, функционирующие исключительно в рамках одного перевода, обладают семей «новшества», которая характеризует оригинальные единицы. Кроме того, они сохраняют образность авторских инноваций или только в небольшой степени ее модифицируют. Передают также экспрессивность окказиональных ФЕ. Контекстуальное окружение позволяет преодолевать трудности семантической интерпретации такого типа соответствий.

2.1 Структурное калькирование

Переводчик, применяя структурное калькирование, переводит слово за словом, таким образом, примененные соответствия-кальки передают денотативное значение индивидуально-авторских новообразований, ср.:

кто-н. горит от стыда и радости ‘кто-н. одновременно ощущает стыд и радость’ (СФПШ) → *ktoś płonie z zażenowania i radości* ∇ *Она не смотрела на Степана, но Степан... Степану неважно было, смотрит она на него или нет. Степан весь горел от стыда и радости. Никакие силы не подняли бы его сейчас с места и не заставили уйти* (СЛ, 44); *Nie patrzyła na Stiepana, lecz Stiepan... Stiepana nie obchodziło, czy ona patrzy na niego czy nie. Płonął cały z zażenowania i radości. Żadna siła nie dźwignęłaby go teraz z miejsca i nie zmusiła do odejścia* (MS,121);

кто-н. задирается выше ватерлинии ‘кто-н. возвышается, переоценивает свои возможности’ (СЯВШ) → *ktoś zadziera wyżej waterlinii* ∇ – *Люблю по носу целкнуть – не задирайся выше ватерлинии! Скромней, дорогие товарищи...* (Сре, 412); – *Lubię nosa utrzeć, nie zadzierajcie wyżej waterlinii! Skromniej drodzy towarzysze!* (Ob, 23).

Эквиваленты-кальки, которые точно воссоздают структуру единиц оригинала, передают также их образность:

у кого-н. в голове дымовая завеса ‘у кого-н. плохое самочувствие, неспособность думать, соображать после употребления алкогольных напитков в больших количествах’ (СЯВШ) → *ktoś ma w głowie zasłonę dymną* ∇ В голове – дымовая завеса, – обстоятельно рассказывал дядя Володя (ВП, 201); – *W głowie – zasłona dymna – dokładnie opisywał wujek Wołodia* (OWG, 151);

кто-н. знает что-н. как свои восемь пальцев ‘кто-н. знает что-н. очень хорошо, верно’ → *ktoś zna coś jak swoich osiem palców* ∇ Бронька ждал городских охотников как праздника. [...] Места здешние он знал как свои восемь пальцев, охотник был умный и удачливый (МПИМ, 255); *Brońka czekał na myśliwych z miasta, jak na święto. [...] Tutejsze okolice znał jak swoich osiem palców, do polowania miał łeb, no i lekką rękę* (МРМ, 131–132);

кто-н. лежит как удав на перине ‘кто-н. зря тратит время, не делая того, что мог бы сделать’ (СЯВШ) → *ktoś leży jak wąż boa na pierzynie* ∇ Это, собственно, не характеристика, а правдивое изложение случившегося. Пришел я, бритый, она лежит, как удав на перине (СМВ, 518); *A właściwie żaden dokument, tylko prawdziwy opis wypadków. Wracam ja z ogoloną głową, a ona leży jak ten wąż boa na pierzynie* (СМВ, 189);

летающий барак ‘шутливое определение воздушного судна’ (СЯВШ) → *latający barak* ∇ – А я летел вот сюда первый раз. Грандиозно! Когда я садился в него, я думал: если этот летающий барак навернется, значит, так надо (В, 406); – *A ja tu przyleciałem po raz pierwszy. Coś wspaniałego! Kiedy wsadalem do samolotu, myślałem: jak ten latający barak fiknie kozła, to znaczy, że tak trzeba* (W, 8);

ягодки заочного обучения ‘результаты заочного обучения’ → *owoce zaocznych studiów* ∇ «Не читал, – профессор внимательно и сердито посмотрел в глаза студенту. – Да, не читал. Одно предисловие дурацкое прочитал. Черти полосатые! Вот вам – ягодки заочного обучения!» Профессор был противником заочного обучения (Э, 36); „*Nie czytał. – Profesor przenikliwie, z hamowaną irytacją popatrzył studentowi w oczy – Oczywiście, że nie. Przeczytał tylko idiotyczną przedmowę. Tam do diabła! Proszę, to są owoce zaocznych studiów!*” *Profesor był ich zawziętym przeciwnikiem* (E2, 114).

Неточные кальки, особенно те, в которых наблюдается замена единичного компонента на семантически неэквивалентный, придают переводу другую образность, которая лишь немного отличается от оригинальной, ср.:

воробыиное колено ‘узкая, немускулистая грудь коня’ (СЯВШ) → *kurze kolano* ∇ Гляди сюда – это грудь? Это воробыиное колено, а не грудь (ИРК, 138); – *Zobacz – to jest pierś? Kurze kolano, a nie pierś* (РКР, 19);

кто-н. злобой харкает ‘кто-н. злится, изливает злобу на окружающих’ (СЯВШ) → *ktos złość wywrzaskuje* ∇ – М-м. – *Парень скрипнул зубами. Промолчал. – Я не поп, и здесь тебе не церква, чтобы злобой своей харкать* (ОЖ, 166); – М-м. – *Chłopak zgrzytnął zębami. Ale nic nie powiedział. – Ja nie jestem pop, i tu nie cerkiew, żeby złość swoją wywrzaskiwać* (ЖС, 54);

козлиным потом пахнет от кого-н. ‘кто-н. молодой, который ведет себя как старый надоедающий человек’ (СЯВШ) → *kozim potem śmierdzi od kogoś* ∇ – *Ох, молодой!.. – воскликнула она. – Да тебе двадцать восемь, а от тебя уж козлиным потом пахнет* (МЗУ, 482); – *Och, młody!... wykrzyknęła. – Masz 28, ale już od ciebie kozim potem śmierdzi* (МЗУ, 20);

ягодки заочного обучения ‘результаты заочного обучения’ → *kwiatki zaocznego nauczania* ∇ «*Не читал, – профессор внимательно и сердито посмотрел в глаза студенту. – Да, не читал. Одно предисловие дурацкое прочитал. Черти полосатые! Вот вам – ягодки заочного обучения!*» *Профессор был противником заочного обучения* (Э, 36); „*Nie czytał. – Profesor uważnie i z gniewem popatrzył w oczy studentowi. – Tak, nie czytał. Przeczytał tylko głupią przedmowę. A szelmy! oto macie kwiatki zaocznego nauczania!*” *Profesor był przeciwnikiem studiów zaocznych* (Е1, 112).

2.2. Семантическое калькирование

Суть семантического калькирования «[...] заключается в передаче авторского образования с помощью соответствия-кальки, созданного переводчиком путем копирования референциального значения оригинальной единицы, в результате которого соответствующая [...] узуальная лексема, кроме присущего ей содержания, приобретает иное, «окказиональное» значение, актуализирующееся исключительно в данном контексте, выходящем, как правило, за рамки предложения» [Marszałek M. 2019: 555].

Такой тип калькирования применяется польскими переводчиками редко. В нашем материале наблюдается только дважды, ср.:

коней ковать ‘делать какую-л. тонкую работу неуклюже и неумело’ (СЯВШ) → *podkiwać konie*³⁷ ∇ *Эта-то усмешечка и взбесила вконец Психопата. – Да у вас тут, знаете, коней куют, а я укол пришел...* (П, 656); *I właśnie ten pobłażliwy uśmiezek wywołał wściekłość Psychopaty. – Przecież tu i was podkiwają konie, a ja przyszedłem na zastrzyk...* (Psy, 241);

кто-н. фотографирует кого-н. ‘кто-н. бьет кого-н. несколько раз рукой или каким-л. предметом, причиняя боль’ (СЯРШ) → *ktos fotografuje kogoś*³⁸ ∇ «*Не узнала. Иначе не разгуливала бы в одной рубахе*. [...] *Пашка начал ее целовать. И тут что-то случилось с Настей: она вдруг вывернулась из его объятий, отскочила, судорожно зашарила рукой по стене, отыскивая выключатель. «Все. Конец». Пашка приготовился к самому худшему:*

³⁷ В лит. поль. ‘набивать подковы на копыта лошади’ (ISJP).

³⁸ В лит. поль. ‘кто-н. делает снимок кого-н.’ (SWJP).

сейчас она закричит, прибежит ее отец и будет его фотографировать. Он отошел на всякий случай к окну. Вспыхнул свет. Настя настолько была поражена, что поначалу не сообразила, что стоит перед посторонним человеком почти нагая (КВ, 107); „Nie poznała. Inaczej nie chodziłaby w samej koszuli”. [...] Paweł zaczął ją całować. I wtedy właśnie coś się Nastce stało: wyrwała się z jego objęć, odskoczyła, przesunęła drżącą ręką po ścianie, szukając wyłącznika. „No, to już koniec”. Paweł przygotował się na najgorsze: zaraz zacznie krzyczeć, wpadnie jej ojciec i będzie go fotografować. Na wszelki wypadek odszedł pod okno. Zabłyśło światło. Nastka była tak zaskoczona, że w pierwszej chwili zapomniała, że przed obcym mężczyzną stoi prawie naga (Ки, 107).

III. Перевод с помощью переводческих окказиональных образований

Техника перевода с помощью переводческих окказиональных образований заключается в том, что переводчик в качестве соответствий использует придуманные собой эквиваленты, т.е. так называемые индивидуальные эквиваленты [Симонова М.В. 2010:152].

Эти эквиваленты могут обладать окказиональной формой, напоминающей в некоторой степени форму оригинальных единиц, напр.: *doktor od gotowania na gazie* (доктор кислых щей). Они могут быть окказиональными модификациями зафиксированных словарями фразеологизмов, напр.: *coś komuś kasztanem zwisa* (*coś komuś kalafiolem zwisa*) или авторскими фразеологическими гибридами, т.е. такими переводными соответствиями, которые возникли в следствие соединения фразеологизма ПЯ (или его компонентов) с частью оригинальной единицы, напр.: *ktoś pokazał komuś, czym wolność pachnie* (*coś pachnie komuś czymś + кто-н. показал кому-н., где волю искать*).

Авторские переводные соответствия дают возможность не только воссоздать денотативное значение окказионализмов, но также такие их черты, как экспрессивность или новшество.

При переводе с помощью окказиональных фразеологических модификаций в качестве переводческих соответствий используются «окказионально преобразованные в речи узуальные фразеологизмы, сохраняющие семантические связи с исходной фразеологической единицей» [ср.: Батурова Н.И. 2013: 307]. В нашем материале такой способ перевода встретился при воссоздании окказионализма:

что-н. остолбенело кому-н. ‘что-н. надоело кому-н., стало неинтересным для кого-н.’ (СЯВШ) → *coś zwisa komuś kasztanem*³⁹ ∇ *Семка не злой человек. Но ему, как он говорит, «остолбенело все на свете» [...] (М, 376); Siotka to niezły chłop. Tylko mi, jak powiada, «wszystko na świecie kasztanem zwisa» [...] (Mi, 163).*

³⁹ В лит. поль.: *coś wisi <zwisa> komuś kalafiolem* ‘кому-н. все равно, безразлично, кто-н. не интересуется чем-н.’, ‘кто-н. равнодушный к чему-н.’ (WSFJP вульг.).

Следующую группу окказиональных соответствий составляют фразеологические гибриды. Их специфический характер не позволяет полностью воспроизвести образность окказионализмов, ср.:

башка как бочонок из-под самогона ‘о очень неприятном ощущении в голове после употребления алкогольных напитков в больших количествах’ (СЯВШ) → *komuś we łbie dudni jak w kadzi od samogonu*⁴⁰ ∇ – «Средство»... *Открыли бы с похмелья какое-нибудь средство – и то ладно. А то башка, как этот... как бочонок из-под самогона* (КНС, 152); *Lepiej by co wynaleźli na kaca. We łbie mi dudni, jak w kadzi od samogonu* (KUN, 40);

кто-н. показал кому-н., где волю искать ‘кто-н. жестоко наказал кого-н. таким образом, чтобы наказание заставило кого-н. подумать о своем поведении’ → *ktoś pokazał komuś, czym wolność pachnie*⁴¹ ∇ *Найдется и на тебя лихой человек. Обидишь вот так вот – ни за што ни про што, он тебе покажет, где волю искать* (ОЖ, 166); *Znajdzie się i na siebie odważny człowiek. Ukrzywdzisz go ot tak sobie, za nic, on ci wtedy pokaże, czym wolność pachnie* (ŽС, 54).

К третьей группе индивидуальных эквивалентов принадлежат окказионализмы напоминающие единицы оригинала, главным образом потому, что один компонент повторяется:

доктор кислых щей ‘кто-н. считает себя умным и образованным’ (СЯВШ) → *doktor od gotowania na gazie* ∇ *Старший сынишка-пятиклассник засмеялся. Мать дала ему подзатыльник. Потом подвела к микроскопу младших. – Ну-ка, ты, доктор кислых щей!.. Дай детям посмотреть. Уставился...* (Ми, 307); *Starszy synek – ten z piątej klasy – zaczął się śmiać. Matka trzepnęła go po karku. Potem podprowadziła do mikroskopu młodszych. – No, ty doktor od gotowania na gazie!... Posuń się, daj dzieciakom popatrzeć...* (Mik, 124);

упрям как напильник ‘такой, который настойчиво стремится к цели или настаивает на чем-н. независимо от обстоятельств’ (СЯВШ) → *uparty, istna piła drewniana* ∇ *В-третьих, – это главное – он упрям, как напильник. Он полагает, что он очень практичный человек, и называет себя не иначе – реалистом* (ВТо, 65); *Po trzecie – i najważniejsze – jest uparty, istna piła drewniana. Uważa, że jest człowiekiem praktycznym i nazywa siebie realistą* (NN, 79); → *uparciuch i piła* ∇ *Po trzecie – co najważniejsze – uparciuch z niego i piła. Uważa się za bardzo praktycznego człowieka i mianuje się realistą – nie inaczej* (NS, 36).

⁴⁰ Соответствие является контаминацией окказионального фразеологизма и единицы *coś komuś dudni we łbie* (ФЕ не фиксируется словарями, но находится в других источниках, ср. напр.: *Trochę szczęścia by nam się przydało w nowym roku, ale kiedy popatrzę na ten mijający, to we łbie natrętnie mi dudni przysłowie – nieszczęścia chodzą parami*. Ср.: Тум S. 2018 – *Wanna bez odpływu. Polityka* № 1. – С. 137).

⁴¹ Соответствие является контаминацией окказионального фразеологизма и единицы *coś pachnie komuś czymś* (WSFJP).

IV. Дескриптивный метод

Дескриптивный перевод, который состоит в том, что значение авторской единицы объясняется с помощью ряда нескольких слов вставленных в текст, не представляющих собой выделенной композиционной части [Lewicki R. 2017: 252-253]. В случае окказионализмов этот метод перевода не применяется часто.

Описательный перевод способствует воссозданию значения окказионализмов, но нивелирует их другие признаки.

Дескриптивный перевод был использован в нашем материале только раз при переводе окказионализма *кто-н. задирается выше ватерлинии* ‘кто-н. возвышается, переоценивает свои возможности’ (СЯВШ). Переводчик, употребив свободное словосочетание *ktoś uważa się za mądrzejszego od innych*, сосредоточил свое внимание только на транспонировании денотативного значения фразеологизма, а не пытался передать наглядно-зрительный компонент, который является следствием метафорического характера исходной единицы⁴², ср.: ▽ – Люблю по носу щелкнуть – не задирайся выше ватерлинии! Скромней, дорогие товарищи... (Сре, 412); – *Lubię komuś nosa utrzeć. Nie uważaj się za mądrzejszego od innych! Skromniej, skromniej trzeba, drodzy państwo...* (ZP, 15).

Наблюдения над способами перевода фразеологических окказионализмов В.М. Шукшина на польский язык, отнюдь не претендующие на какую-либо полноту, позволяют отметить следующее.

1. Сопоставление фразеологических окказиональных единиц и их польских соответствий по таким параметрам, как предметно-логическое значение, экспрессивно-эмоциональная коннотация, образность и новизна показывают, что все 4 аспекта сопоставимости совпадают лишь при передаче посредством калькирования (напр.: *кто-н. задирается выше ватерлинии* – *ktoś zadziera wyżej waterlinii*; *летающий барак* – *latający barak*). В связи с этим можно полагать, что с помощью этого метода достигается полная адекватность воссоздания шукшинских новообразований. Здесь исключением являются неточные кальки, в которых замена компонента приводит к незначительной модификации исходного образа (напр.: *воробьиное колено* – *kurze kolano*; *ягодки заочного обучения* – *kwiatki zaocznego nauczania*).

2. Применение переводческих окказиональных образований не способствовало полному воспроизведению авторских единиц только в плане образности (напр.: *доктор кислых щей* – *doktor od gotowania na gazie*; *кто-н. показал кому-н., где волю искать* – *ktoś pokazał komuś, czym wolność pachnie*).

⁴² Ср. замечание Л. Заренбы: «Понятие образности тесно связано с переносным, метафорическим характером. Все образные единицы переносные, но не наоборот» [Zaręba L. 1988: 115].

3. В случае подстановочного перевода некоторые соответствия отражают полностью (или в достаточной степени) предметно-логическое содержание фразеологических окказионализмов, однако не всегда воссоздают, как правило, их экспрессивно-эмоциональную окраску. Частично воспроизводят ее только те соответствия, которые эмоционально окрашены (*барыня кособокая – paniusia*), либо относятся к разговорной разновидности языка (*кто-н. задирается выше ватерлинии – ktoś zadziera nosa*), только в нескольких случаях точно воспроизводят образность (*кто-н. в штаны наворотил – ktoś w portki narobil*), но никогда не обладают семей «новшества». В этом случае можно говорить лишь о частичной (или низкой) адекватности воссоздания шукшинских окказионализмов.

4. Самый низкий уровень адекватности перевода наблюдается в случае применения дескриптивного метода, с помощью которого удалось передать только денотативное значение окказионализма.

Литература

- Андреева Е.А. 2002 – *Проблема перевода окказионализмов русских поэтов XX века на немецкий язык*. Казань: Новое знание.
- Батунова Н.И. 2013 – Окказиональный фразеологизм как языковое явление. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки* № 2. – С. 306-313.
- Козынкина О.О. 2014 – *Разговорная лексика как особая черта поэтики В.М. Шукшина*. Режим доступа: http://www.pglu.ru/upload/iblock/4fd/uch_2014_vi_08.pdf (31.08.2021).
- Лыков А.Г. 1976 – *Современная русская лексикология (русское окказиональное слово)*. Москва: Высшая школа.
- Маршалек М., Завойски К. 2016 – Окказионализмы Михаила Шолохова: к проблеме адекватности перевода на польский язык. *Русистика и современность. 18 Международная научная конференция: сборник научных статей*. Рига: Издательство БМА. – С. 335-343.
- Нестерова Н.М., Наугольных Е.А., Поздеева Е.В. 2016 – Окказиональное слово как результат авторского словотворчества: границы переводимости. *Вестник Томского государственного университета. Филология* № 4(42). – С. 44-58.
- Симонова М. В. 2010 – *Лингвостилистический анализ переводов романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» на испанский язык*: дисс. ... канд. филол. наук. Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/lingvostilisticheskii-analiz-perevodov-romana-ma-sholokhova-tikhii-don-na-ispanskii-yazyk> (01.09.2021).
- Чеснокова В.А. 2004 – Переводы произведений Шукшина. *Творчество В. М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник*. Т. 1, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. – С. 47-50.
- Чуньли Л. 2014 – Образность фразеологизмов, описывающих лень человека, в русском и китайском языках. *Наука и школа* № 1. – С. 95-98.
- Marszałek M. 2019 – Индивидуальность Шолохова по-немецки (к вопросу о переводе авторских новообразований). *Slavia Orientalis* № 3. – С. 547-560.
- Pawlak E. 1981 – *Wasilij Szukszyn*. Warszawa: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe.
- Tołkaczewski F. 2019 – Самобытность Шукшина по-английски (к вопросу о переводе окказионализмов). *Slavia Orientalis* № 2. – С. 379-400.
- Zaręba L. 1988 – *Polskie i francuskie frazeologizmy w ujęciu leksykograficznym*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Список условных обозначений источников материала

- В – *Верую!*, [в:] Шукшин В. М. 2012 – *Полное собрание рассказов в одном томе*. Москва: «Эксмо». – С. 402-407.
- ВП – *Вянет, пропадает*, [в:] *Полное...* – С. 200-203.
- ВПА – *В профиль и анфас*, [в:] *Полное...* – С. 232-237.
- Вто – *Воскресная тоска*, [в:] *Полное...* – С. 65-69.
- ЖМП – *Жена мужа в Париж провожала*, [в:] *Полное...* – С. 472-476.
- З – *Земляки*, [в:] *Полное...* – С. 260-265.
- ИРК – *И разыгрались же кони в поле*, [в:] *Полное...* – С. 135-140.
- КВ – *Классный водитель*, [в:] *Полное...* – С. 99-110.
- КЗЛ – *Как заяка летал на воздушных шариках*, [в:] *Полное...* – С. 534-542.
- КНС – *Космос, нервная система и шмат сала*, [в:] *Полное...* – С. 149-155.
- М – *Мастер*, [в:] *Полное...* – С. 376-382.
- МЗУ – *Мой зять украл машину дров!* [в:] *Полное...* – С. 482-489.
- Ми – *Микроскоп*, [в:] *Полное...* – С. 305-310.
- МПМ – *Миль пардон, мадам!* [в:] *Полное...* – С. 255-259.
- ОЖ – *Охота жить*, [в:] *Полное...* – С. 161-173.
- П – *Психопат*, [в:] *Полное...* – С. 655-660.
- С – *Суд*, [в:] *Полное...* – С. 346-349.
- СЛ – *Степкина любовь*, [в:] *Полное...* – С. 41-45.
- СМВ – *Страдания молодого Ваганова*, [в:] *Полное...* – С. 515-523.
- СР – *Случай в ресторане*, [в:] *Полное...* – С. 216-221.
- Сре – *Срезал*, [в:] *Полное...* – С. 408-412.
- Э – *Экзамен*, [в:] *Полное...* – С. 36-40.
- AZ – *Ale go załatwił*, перевод А. Szymański, [в:] Borisow W. 1980 – *Wielobarwie. Antologia współczesnego opowiadania rosyjskiego*. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie. – С. 557-568 .
- СМВ – *Cierpienia młodego Waganowa*, перевод I. Bajkowska, [в:] Szukszyn W. 1980 – *Nocne dumania i inne utwory*. Warszawa: Czytelnik, Moskwa: Progress. – С. 184-199 .
- DK – *Doskonały kierowca*, перевод R. Gorzelski, „*Życie Literackie*” 1980, № 45. – С. 10-12.
- E1 – *Egzamin*, перевод М. Raczkiwicz, „*Literatura Radziecka*” 1964, № 5. – С. 111-117 .
- E2 – *Egzamin*, перевод I. Piotrowska, [в:] Szukszyn W. 1981 – *Jest taki chłopak*. Warszawa: Iskry. – С. 113–122 .
- JZL – *Jak zajączek latał na balonikach*, перевод Т. G. Lipszyc, [в:] Szukszyn W. 1988 – *Rozhasały się konie na polu*. Warszawa: Książka i Wiedza, Moskwa: Raduga. – С. 196-220.
- Ki – *Kierowca*, перевод М. Raczkiwicz, „*Literatura Radziecka*” 1964, № 5. – С. 97-111.
- KM – *Kierowca na medal*, перевод I. Piotrowska, [в:] *Jest taki...* – С. 15-37.
- KUN – *Kosmos, układ nerwowy i kawał słoniny*, перевод I. Piotrowska, [в:] *Nocne...* – С. 35-44 .
- Mi – *Mistrz*, перевод I. Piotrowska, [в:] *Nocne...* – С. 163-174 .
- Mik – *Mikroskop*, перевод А. Tyszkowska, [в:] *Rozhasały...* – С. 117-131 .
- MPM – „*Mil pardon, Madam!*”, перевод В. Reszko, [в:] Szukszyn W. 1974 – *Rozmowy przy jasnym księżycu*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. – С. 131-139.
- MS – *Miłość Stiepana*, перевод М. Raczkiwicz, „*Literatura Radziecka*” 1964, № 5. – С. 117-122.
- MZU – *Mój zięć ukradł ciężarówkę drewna!*, перевод P. Darczewski, „*Walka Młodych*” 1977, № 12. – С. 20-21.
- NN – *Niedzielna nuda*, перевод I. Piotrowska, [в:] *Jest taki...* – С. 78-87 .
- NS – *Niedzielny smutek*, перевод М. Dolińska, „*Literatura Radziecka*” 1975, № 9. – С. 35-40.
- Ob – *Obciął*, перевод W. Kiwilczo, „*Kraj Rad*” 1970, № 44. – С. 22-23.
- OWG – „*Ona więdnie, ona ginie*”, перевод В. Reszko, [в:] *Rozmowy...* – С. 149-155.
- Psy – *Psychopata*, перевод I. Bajkowska, [в:] *Nocne...* – С. 238-247 .
- RKP – *Rozhasały się konie na polu*, перевод I. Piotrowska, [в:] *Nocne...* – С. 14-22.
- S – *Sąd*, перевод Н. Broniatowska, [в:] 1971. – *Zielona czapla. Opowiadania 1969*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. – С. 323-330.

- SR – *Staruszek z restauracji*, перевод J. Landesberg, „Literatura Radziecka” 1975, № 9. – С. 20-27.
 Swo – *Swojacy*, перевод Z. Gadzinianka, [в:] *Nocne...* – С. 100-109 .
 W – *Wierzę!*, перевод R. Lasotowa, „Życie Literackie” 1972, № 11(1050). – С. 8.
 WP – *Więdnie, przepada*, перевод M. Dolińska, „Literatura Radziecka” 1975, № 9. – С. 45-50 .
 ZP – *Zbity z pantalyku*, перевод A. Jabłonowski, „Przyjaźń” 1984, № 26. – С. 15.
 ZPA – „*Z profilu i anfas*”, перевод В. Reszko, [в:] *Rozmowy...* – С. 156-166.
 ZS – *Zrobił na szaro*, перевод В. Reszko, [в:] *Nocne...* – С. 140-147 .
 ŻC – *Życ się chce*, перевод Z. Gadzinianka, [в:] *Nocne...* – С. 45-66.
 ŻMP – *Żona męża do Paryża wysłała*, перевод E. Dębski, „itd” 1978, № 2. – С. 26-27 .

Список условных обозначений словарей

- СДПШ – Воробьева И. А. 2002 – *Словарь диалектизмов в произведениях В. М. Шукшина*. Барнаул: Изд.-во АГУ.
 СФПШ – Соловьева А. Д. 2004 – *Словарь фразеологизмов в произведениях В. М. Шукшина*, [в:] А. А. Чувакин (ред.). *Творчество В. М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник*. Т. 1. Барнаул: Изд.-во Алт. ун-та. – С. 208-331.
 СЯВШ – Елистратов В. С. 2001 – *Словарь языка Василия Шукшина*. Москва: «Азбуковник», «Русские словари».
 СЯРШ – Байрамова Т. Ф., Никишаева В. П. 2002–2005 – *Словарь языка рассказов языка В. М. Шукшина*. Вып. I–III. Бийск: НИЦ БПГУ им. В. М. Шукшина.
 ISJP – Bańko M. (red.). 2000 – *Inny słownik języka polskiego PWN*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA.
 PSWP – Zgólkowa H. (red.). 1994–2005 – *Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny*. Т. 1–50. Poznań: Wydawnictwo „Kurpisz”.
 SFJP – Skorupka S. 1985–1987 – *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Т. 1–2. Warszawa: Wiedza Powszechna.
 SWJP – Dunaj B. (red.). 1998 – *Słownik współczesnego języka polskiego*. Т. 1–2. Warszawa: Przegląd Reader’s Digest.
 SPP – Anusiewicz J., Skawiński J. 1996 – *Słownik polszczyzny potocznej*. Warszawa–Wrocław: Wydawnictwo Naukowe PWN.
 USJP – Dubisz S. (red.). 2008 – *Uniwersalny słownik języka polskiego*. Warszawa: PWN.
 WSFJP – Müldner-Nieckowski P. 2003 – *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa: Świat Książki.

Filip Tolkaczewski

Kazimierz Wielki University, Poland

OCCASIONAL IDIOMATIC EXPRESSIONS OF VASILY SHUKSHIN (THE QUESTION OF TRANSLATING INTO POLISH)

Abstract: The article analyses the translation techniques of Shukshinian occasional idiomatic expressions into Polish. They are significant means of the writer’s artistic expression. These occasional units appear only once and can be understood only in the surrounding context. Since by their very nature they are individual and author-made, they pose a real challenge for translators, especially because they do not have readily available equivalents in the Polish language. Translating occasional idiomatic expressions requires a creative approach and a great deal of intellectual effort.

Keywords: Shukshin’s language, occasionalism, translation techniques, the Russian language, the Polish language.

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ В ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ

Мария Фокина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия

mfokina@list.ru

В статье рассматриваются трудности и преимущества дистанционного формата при обучении практической фонетике РКИ. Несмотря на очевидные технические сложности такой формат позволяет найти и удачные решения, например, широкое использование наглядных средств обучения и игровых форм работы. Онлайн занятия позволяют также успешно использовать коммуникативно ориентированные задания по русской практической фонетике.

Ключевые слова русский как иностранный, русское произношение, дистанционное обучение, иностранный акцент, мотивация учащихся, фонетические игры.

Обучение практической фонетике неродного языка считается в современной методике неотъемлемым компонентом формирования иноязычной коммуникативной компетенции, ведь «без произносительных навыков невозможны никакие коммуникативные умения, т.е. невозможно общение на русском языке» [Методика 1990: 50]. Однако содержание курса звучащей речи и организация урока могут заметно различаться в зависимости от целого ряда факторов, одним из которых является формат проведения занятий. С началом пандемии многие преподаватели были вынуждены по объективным причинам перейти на дистанционный формат работы, что повлекло за собой определенные трудности, преодоление которых стало актуальной методической задачей. Рассмотрим основные сложности.

Во-первых, общей проблемой на всех занятиях в дистанционном формате является быстрая утомляемость и потеря концентрации внимания учащимися. При этом на занятиях по практической фонетике эти проблемы стоят еще острее, так как работа над произношением часто предполагает обилие языковых, «дрилловых» упражнений (от англ. *drill* – тренировка, заучивание). Это неизбежная часть работы по постановке произношения даже в офлайн формате дается учащимся с трудом, так как не связана непосредственно с обучением речи, в связи с чем мотивация учащихся снижается. При проведении занятий по фонетике дистанционно удерживать внимание и мотивацию учащихся становится еще сложнее.

Во-вторых, очевидными становятся технические сложности, с которыми могут столкнуться все участники учебного процесса. Даже если преподаватель оснащен хорошо

работающей техникой и стабильным интернетом, то ученики могут не иметь таких возможностей. Из-за низкого качества звука и изображения на видео-конференции контроль со стороны преподавателя как самой артикуляции учащихся, так и получившегося результата может быть значительно осложнен. Разумеется, схожие трудности могут испытывать и учащиеся, не имея возможности детально рассмотреть демонстрируемые артикуляционные жесты.

В-третьих, при удаленном формате сложно использовать интерактивные формы работы (групповые и парные, при которых осуществляется взаимодействие учащихся друг с другом, а преподаватель играет роль скорее модератора). Очевидно, что такие формы работы значительно повышают мотивацию учащихся, расширяют возможности коммуникации, однако преподавателю технически трудно в режиме онлайн одновременно или хотя бы с минимальным временным интервалом контролировать учащихся, разбитых на группы, что необходимо при оценке речевого продукта с точки зрения сформированности слухо-произносительных навыков.

Тем не менее дистанционный формат обучения предоставляет определенные преимущества, позволяющие проводить занятия по звучащей речи эффективно. В первую очередь, это возможность в полной мере использовать наглядные средства обучения, способствующие повышению мотивации учащихся даже при выполнении языковых упражнений. Наглядность понимается нами весьма широко. Этот методический прием предполагает, во-первых, традиционную для фонетического курса демонстрацию артикуляционных схем и схематического изображения типов интонационных конструкций. Все большей популярностью стали пользоваться анимированные артикуляционные схемы, которые при условии их качественного выполнения очень удобно применять на дистанционных занятиях. Во-вторых, в дистанционном формате очевидным является представление материала не в обычном текстовом, а в графическом формате, например, демонстрация презентаций с комментарием, правилами, предлагаемыми для чтения изолированными звуками, слогами, минимальными парами слов. Более того, сопровождение иллюстрациями артикуляционной гимнастики, чтения мини-текстов, скороговорок, стихотворений также значительно повышает мотивацию учащихся.

Рассмотрим подробнее работу с минимальными парами на занятиях по практической фонетике. Под минимальными парами мы понимаем пары слов, которые различаются только одним звуком. Противопоставление звуков, лежащее в основе противопоставления таких слов и составляет обрабатываемое в данный момент фонетическое явление, например, противопоставление глухих и звонких согласных иллюстрируется такими парами, как *пар-бар*, *точка-дочка*. Прослушивание и чтение минимальных пар является неизбежным при

постановке произношения, однако часто может быть оценено учащимися негативно. Подобные минимальные пары представлены в большом, иногда даже избыточном количестве в пособиях по русской практической фонетике, и, следовательно, работа с ними занимает много времени на уроке. При этом подобная работа быстро утомляет учащихся своей монотонностью и однообразием, учащимся нередко незнакомо значение многих слов, включенных в подобные упражнения, и они воспринимают чтение таких слов, как исключительно «механическую» работу, не имеющую связь с коммуникацией.

Выходом из такого положения нам видится регулярная контекстуализация минимальных пар, то есть вписывание слов из минимальной пары в контекст, акцентирование внимания учащихся на значении слова, которое меняется, если произносится неправильный звук. Обращение к лексическому значению, связь со смыслом высказывания, а следовательно, и с коммуникацией, с нашей точки зрения, является очень важным компонентом занятий по практической фонетике вообще и в дистанционном формате в частности, так как именно такая связь способна удерживать внимание учащихся, помогать им с энтузиазмом и осмысленно осваивать новый материал.

Контекстуализация минимальных пар может быть реализована уже на этапе начальных языковых рецептивных упражнений, нацеленных на постановку фонологического слуха и отработку дифференциации двух звуков на слух (подробнее о типологии фонетических упражнений см. [Фокина 2017]). Учащемуся надо прослушать пары слов и нажать на картинку в соответствии с услышанным словом. Например, если звучит пара *суп-зуб*, надо нажать сначала на картинку с изображением супа, а затем с изображением зуба. На следующем этапе учащемуся необходимо понять, какое именно слово из минимальной пары было произнесено изолированно и сделать выбор картинки. На занятиях по звучащей речи нередко не уделяется должного внимания контролю сформированности слуховых навыков, так как с самого начала все внимание при отработке нового фонетического явления сосредоточено сразу на постановке произношения. Между тем проверка сформированности слуховых навыков в самом начале освоения фонетического явления представляется очень важной, а наглядную форму подачи материала, использование которой упрощается при дистанционном формате работы, нельзя не признать очень эффективной для таких упражнений.

На этапе постановки артикуляции работа с минимальными парами традиционно заключается в повторении вслед за диктором (или преподавателем), а затем самостоятельном чтении пар слов. Таким формам работы соответствуют рецептивно-репродуктивные упражнения с инструкцией «Слушайте и повторяйте», репродуктивные упражнения с инструкцией повторить услышанное и продуктивные упражнения с установкой «Читайте

самостоятельно». Сопровождение выполнения всех этих видов упражнений средствами наглядности является, с нашей точки зрения, верным методическим решением.

Пример возможного применения средств наглядности при освоении фонетического противопоставления в минимальных парах представлен далее на рисунке 1. Такое упражнение уместно уже после знакомства учащихся с данными минимальными парами на уровне восприятия и повторения их за диктором, в таком случае называние предметов на картинках будет для учащихся продуктивным фонетическим упражнением, в котором они самостоятельно без текстовой поддержки произнесут слова с отрабатываемым противопоставлением. При этом в корректировочных фонетических курсах, предназначенных для среднего и продвинутого этапа обучения, нам представляется возможным сразу начинать с такого представления материала в минимальных парах, так как вспомнить слова для предлагаемых картинок для учащихся не составит труда.

Рисунок 1

Приведем еще один пример контекстуализации минимальных пар, успешно осуществляемой на дистанционных занятиях. Данное задание направлено на постановку противопоставления звуков [ш]-[щ]. При проведении занятий онлайн удобно делать такие задания на платформе *kahoot.com*. Помимо демонстрации экрана преподавателем учащиеся должны использовать свои смартфоны. Учащиеся видят на экранах телефонов карточки со словами минимальной пары – *украшает/укрощает, плюш/плющ, гаши/гощу* (здесь приведен пример упражнения с усложненной лексикой, подходящей для корректировочного курса фонетики на продвинутом этапе обучения). Каждому слову соответствует отдельная карточка. Преподаватель озвучивает предложения с паузами, в которые учащиеся по смыслу добавляют недостающие слова минимальной пары, нажимая на соответствующие карточки на своих экранах: *Дрессировщик на арене ... зверей/Мама ... елку; Весной крыльцо обвил .../Для обивки дивана я купил... ; Я часто ... у друзей/Я ... свечу*. При этом на карточках может быть размещено не само слово, а изображение, его обозначающее. В таком случае

упражнение усложняется, превращается в комплексное: внимание учащихся переключается с правильного произношения на работу с лексикой. В любом случае полученное в результате подстановки предложение учащиеся должны обязательно прочитать вслух. Вопрос, озвучиваемый преподавателем, может быть вместе с вариантами ответов выведен на экран компьютера.

Контекстуализация минимальных пар позволяет решить еще одну проблему – дефицит коммуникативных заданий на уроках по практической фонетики и ограниченность возможности «выхода в речь». При отсутствии осязаемой связи с коммуникацией обучающиеся также быстро теряют мотивацию. Особенно остро нехватка таких заданий ощущается при дистанционном формате работы, когда даже на аспектных занятиях по развитию речи коммуникация на уроке нередко оценивается учащимися как дискомфортная, неестественная (по результатам опроса трех групп студентов автором статьи). Исследование причин такой оценки не является предметом нашей статьи, однако можно высказать несколько предположений. Во-первых, сама онлайн коммуникация не эквивалентна живому общению, мы можем пользоваться только зрительным и слуховым каналами, что заметно перегружает мозг, который вынужден «достраивать» трехмерную картину общения (см. подробнее об этом, например, работы Т.В. Черниговской). В случае «вынужденной» коммуникации на уроках подобная неполноценность становится еще более очевидным препятствием. Во-вторых, общение учащихся друг с другом, что является неотъемлемым условием диалога, интерактивных форм работы, по техническим причинам в онлайн формате затруднительно. Все эти сложности особенно критичны на занятиях по звучащей речи, потому что и при офлайн уроках по фонетике в любом случае возможности и объем коммуникативных заданий ограничены, а онлайн формат еще больше сужает их.

Введение речевых заданий представляется нам уместным в первую очередь на этапе закрепления каждой фонетической темы. Приведем пример такого задания для начального этапа обучения. Распространённой ошибкой на начальном уровне является смешение двух широко используемых слов *кафе* и *кофе*, что вызвано смешением в иностранном акценте твердых и мягких согласных и выделением неверного ударного слога. После работы над противопоставлением соответствующей категории согласных и освоением верных ритмических моделей эффективным может стать закрепление правильного произношения этой пары слов в контексте. При этом еще на этапе освоения противопоставления эффективным является применение приема наглядности – рядом с выведенными на экраны предложениями с двумя словами, например, *я люблю горячий кофе/ утром я хожу в кафе* и их транскрипцией показываются изображения кафе и кофе. При закреплении материала появляется возможность организовать на занятии по фонетике речевую практику. Сначала

учащимся можно предложить продолжить фразы подходящим словом, например, *я люблю ходить в (кафе)*, но *я люблю пить (кофе)*. После этого учащихся можно поделить на пары и перевести в сессионные залы (при проведении урока на платформе zoom). Каждый участник получает в чате индивидуальный вопрос, которые он задает партнеру в паре.

Примерный список вопросов для первого участника в паре: А вы любите кофе? // Где вы покупаете кофе? // Вы готовите кофе дома? // Что лучше пить утром – чай или кофе? А вечером? // С чем вы обычно пьёте кофе?

Примерный список вопросов для второго участника в паре: Вы часто ходите в кафе? // Это дорогое кафе? // Что вы обычно заказываете в кафе? // Где ваше любимое кафе? // Вы ходите в кафе с друзьями?

Еще один пример коммуникативного задания, предлагаемого на дистанционных занятиях по звучащей речи для закрепления традиционно сложного для инофонов произношения шипящих согласных, представлен на рисунке 2. Этот слайд презентации появляется на экране, учащимся предлагается описать картинку и порассуждать о дружбе кошки и мышки.

Рисунок 2

Отметим, что подобные неподготовленные беседы возможно проводить и на этапе знакомства с материалом, когда учащиеся после чтения слогов и слов с отрабатываемыми звуками читают подписи под картинками (*шапка, шуба, картошка, жук* и т.д.) или самостоятельно называют картинки. Здесь возможно отвлечься от работы с фонетическим материалом и спросить учащихся, например, носят ли они шубы, почему, едят ли в их странах картошку и т.д. При ответе на такие вопросы учащиеся переключают внимание с отработки фонетического материала, что способствует как автоматизации слухо-произносительных навыков, так и повышению их мотивации.

Исключительные возможности предоставляет дистанционный формат, когда речь идет об игровой форме заданий. Эффективность игровой формы работы «объясняется

универсальностью игровой деятельности, обеспечивающей овладение языком в системе взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности, и аспектным изучением языка» [Милованова 2008: 3], а на занятиях по фонетике еще и решает насущную задачу повышения мотивации учащихся. Так, еще на этапе языковых упражнений, когда учащиеся отрабатывают произношение звука в слогах и словах, можно предложить им сыграть в электронный «тетрис», распределив слова по группам в зависимости, например, от позиции отрабатываемого звука в слове. Инструкция к такому упражнению может быть такой: *«Положите на полки шкафа подарки для Маши: на верхнюю полку – те, которые начинаются со звука [ш], на вторую – где [ш] в середине слова, на нижнюю – где [ш] в конце слова»*. В этом упражнении учащиеся в ручную перетаскивают курсором слова на экране на полки. Наконец, при закреплении материала, когда учащиеся продуцируют высказывание со знакомыми (и отработанными до этого) словами, содержащими фонетическую трудность, вместо текстового подкрепления полезно предложить картинки. Изображения в отличие от текстовых подсказок допускают разные варианты построения предложения и стимулируют фантазию. В таком случае при озвучивании предложения оно может появляться на экране, заменяя собой исчезающие картинки. Например, для изображения девочки Маши и каши / шубы / мышки / кошки возможны такие варианты – *Маша любит/ест/купила кашу* и т.д.

Введение игр в обучение актуально на любом этапе освоения материала и для любого уровня сформированности навыков. Игровые формы работы помогают повышать мотивацию учащихся, удерживать их внимание, дают возможность объединять работу над произношением с отработкой лексико-грамматического материала, тем самым вписывая фонетический тренинг в общий курс русского языка. Приведем пример такого комплексного упражнения, нацеленного на отработку противопоставления гласных [и]-[ы]. Несмотря на трудности, которые испытывают учащиеся-носители разных языков при освоении этих гласных и кропотливую и долгую работу по исправлению ошибок на этом участке, уже на начальном этапе можно включить это противопоставление в разговорную тему «Еда» и предложить следующее игровое упражнение. Учащиеся делятся на две группы; желательно отделить эти две группы, например, развести по сессионным залам в zoom. Каждая из команд придумывает и записывает как можно больше слов, относящихся к теме «Еда» и содержащих указанные гласные. Для записи можно использовать различные варианты электронных карточек. При необходимости преподаватель может помогать группам подсказками в виде появляющихся картинок с изображением продуктов (например, *укра, рис, лимон, сосиски, сыр, рыба, макароны*). Затем группы учащихся обмениваются «карточками» и начинают работать в паре, спрашивая друг у друга, кто что купил в магазине.

Таким образом, дистанционный формат обучения русской звучащей речи, несмотря на очевидные сложности, позволяет успешно добиваться поставленной учебной цели. Этому способствует в том числе использование наглядных средств обучения, игровых форм работы, введение заданий, подразумевающих коммуникативную ориентацию и обеспечивающих возможность связи фонетического материала с работой по развитию речи.

Литература

- Методика 1990 – *Методика преподавания русского языка как иностранного* (для зарубежных филологов-русистов) / Под ред. А.Н. Щукина. Москва.
- Милованова И.С. 2008 – *Фонетические игры и упражнения*. Начальный этап обучения: учебн. пособие. 4-е изд. Москва: Флинта: Наука.
- Фокина М.В. 2017 – *Лингвометодические основы изучения русского консонантизма в немецкой аудитории*: дисс. ... канд. пед. наук. Москва.

M.V. Fokina

Lomonosov Moscow State University, Russia
mfokina@list.ru

SOME ASPECTS OF ONLINE TEACHING OF RUSSIAN PHONETICS FOR FOREIGNERS

Abstract: The article describes benefits and hindrances of distance learning when we speak about course of Russian phonetics for foreigners. The author suggests some ways to get over obvious technical difficulty. These solutions concern wider use of visual aids and game training during e-lessons. Distance learning allows running this course in communicative framework that supports the learning motivation of foreign students on Russian phonetic lessons.

Keywords: Russian as a foreign language, Russian pronunciation, online language teaching, foreign accent, learning motivation, phonetic games.

ПРИЁМЫ ПЕРЕДАЧИ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКИХ ВО ВЬЕТНАМСКИХ ПЕРЕВОДАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ В. М. ШУКШИНА «КАЛИНА КРАСНАЯ»)

Чан Тхи Суен

*Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, Украина
tranhixuyen12sls@gmail.com*

В статье описаны результаты сопоставительного исследования приёмов передачи невербальных средств коммуникации в русском и вьетнамском языках. Материал отобран из оригинального текста повести Василия Шукшина «Калина красная» и её перевода на вьетнамский язык. В повести невербальное поведение персонажей чаще всего является эквивалентным для русской и вьетнамской коммуникативных традиций, поэтому и автор, и переводчик избирают, как правило, одинаковые рече-поведенческие тактики.

Ключевые слова: невербальная коммуникация; перевод; жест; мимика; эквивалентный; безэквивалентный; фоновый.

Художественная литература является богатым, надёжным и достоверным источником для исследования проявлений невербального поведения человека. М. А. Маякина отмечала: «Описание невербальной коммуникации в художественном тексте непосредственно связано с коммуникативным процессом. Анализ структуры художественного текста не может не учитывать подобных явлений, прежде всего при выражении психологического состояния и чувств персонажей произведения. Трансляция переживаний и эмоций персонажей осуществляется не только вербально, но и при помощи средств невербальной коммуникации» [Маякина М. А. 2011: 249].

Невербальные источники информации реализуются на письме вербальными маркерами – компонентами ценностно-смыслового пространства языка, что в процессе косвенной коммуникации, в частности при прочтении художественного текста, делает сюжет более реалистичным. Необходимость установления закономерностей перекодировки вербальных маркеров невербального коммуникативного кода при межкультурной адаптации произведений обусловлена тем, что невербальные источники информации имеют социальное происхождение, поэтому межкультурные различия номинативного поля культурологически маркированных концептов проявляются в них особенно ярко, что приводит ко многим проблемам межкультурной прямой коммуникации и, в особенности, при создании условий для межкультурной косвенной коммуникации, т.е. в процессе перевода [Огнева Е. А. 2010: 116].

В ходе нашего исследования было установлено, что в повести «Калина красная» основным способом передачи невербального поведения персонажей является **приём**

описания. Описывающие средства невербальной коммуникации (телодвижения, жесты), которые преобладают, В. М. Шукшин вербализует в тексте при помощи глаголов или глагольно-наречных словосочетаний.

Жесты «объятие» и «глубокий вздох» представлены в анализируемом тексте моделью вербального выражения невербального поведения «словосочетание **глагол + наречие**».

1. Жест **объятие** присутствует в описаниях отношений Егора и Губошлёпа. Обычно объятие используется для передачи чувства любви, радости, отношений близости людей. Однако в повести «Калина красная» Губошлёп использует объятие по отношению к Егору как ложный жест. Эту ложь в невербальном поведении В. М. Шукшин передаёт качественным наречием *сдержанно* в сочетании с глаголом *обняться*, закрепляя подозрения читателя в лживости объятия указанием на отказ Губошлёпа даже подняться, чтобы обнять Егора: – *А ну, повернись-ка, сынку!* – сказал Губошлёп. – *Экий ты какой стал! Егор подошёл к Губошлёпу, они сдержанно обнялись. Губошлёп так и не встал* [Шукшин В. М.: 11]. – *Quay sang đây cho ta xem mặt chú mày nào, gã Thô lỗ nói. – Chà chú em đã trở thành như thế này đây! Êgôr bước đéng ân gã, hai người ôm nhau một cách khá dè dặt. Gã Thô lỗ không đứng dậy, vẫn ngồi trong ghế bành* [Lại Nguyên Ân, Thái Hà 1987: 18].

Жест **объятий** используется также для передачи утешения, сочувствия, как при объятиях Любы Байкаловой с матерью Егора Прокудина и с самим Егором: (1) *Ладно, бабушка... – Она вдруг забылась, что она из «райсобеса», подошла к старушке, села рядом, умело как-то – естественно, просто – обняла её и приголубила. – Погоди-ка, милая, погоди – не плачь, не надо: глядишь, ещё и найдутся. Надо же и поискать!* [Шукшин В. М.: 68]. – *Thôi được, thưa cụ, – đột nhiên chị quên bẵng mình là «nhân viên phòng thư ơng binh xã hội», chị bước đến cạnh bà cụ, ngồi xuống, ôm lấy bà cụ một cách giản dị, chân thành. Và chĩa mũi. Đừng khóc nữa bà. Các an hãy sết rõ về. Đừng buồn bà ạ* [Lại Nguyên Ân, Thái Hà 1987: 85]. (2) *Люба обняла его, как обняла давеча старуху, – ласково, умело* [Шукшин В. М.: 70]. – *Luba ghì chặt lấy anh giống như lúc nãy chị đã ôm bà cụ* [Lại Nguyên Ân, Thái Hà 1987: 86]. Перевод буквально соответствует оригиналу по семантике невербальных средств, передаче эмоционального состояния и по способу косвенного описания невербального поведения персонажа.

2. Эквивалентным является для русской и вьетнамской коммуникации поведение, описанное с помощью нескольких невербальных маркеров в ситуации, когда Егор после многих лет отсутствия (отбывал наказание в колонии) побывал с Любашей в доме своей матери, видел её, но боялся, чувствуя свою вину, чтобы она его не узнала. Здесь перевод полностью совпадает с русским оригиналом. Сравните: (1) *Егор встал и вышел из избы. Медленно прошел по сеням. Остановился около уличной двери, погладил косяк – гладкий, холодный. И прислонился лбом к этому косяку, и замер. Долго стоял так, сжимая рукой*

косяк, так что рука побелела. Господи, хоть бы ещё уметь плакать в этой жизни – всё немного легче было бы. Но ни слезинки же ни разу не выкатилось из его глаз, только каменели скулы и пальцы до отёка сжимали что-нибудь, что оказывалось под рукой [Шукшин В. М.: 69]. – Anh đi chậm rãi ở phòng ngoài rồi, rồi đứng lại ở cánh cửa thông ran ngoài đư ờng. Vuốt vet ả m gổ ở khung cửa – mặt gổ lạnh và nhả bóng. Rồi gục đầu, áp trán lên đó, bất động. Anh ở tư thế ấy khá lâu. Bàn tay bóp mạnh khung cửa đến nỗi dat ay trắng to ắt lên. Lay Chúa, giá như chúng ta có thể khóc được, thì sẽ họ đi biết ba on hiêu. Nhưng chưa bao giờ nước mắt rơi ra khỏi mắt anh. Chỉ đôi gò mà cứng lại và bàn tay nắm được vật gì đó thì bóp mạnh, đến nỗi té đại đi [Lại Nguyên Ân, Thái Hà 1987: 85]. Здесь невербальное поведение Егора указывает на то, что он дорожит памятью о родном доме, испытывая при этом сложное чувство вины перед матерью и обиды на судьбу. (2) *Развернулись... Егор последний раз глянул на избу и погнал машину. Молчали. Люба думала о старухе, тоже взгрустнула. Выехали за деревню. Егор остановил машину, лёг головой на руль и крепко зажмурил глаза. – Чего, Егор? – испугалась Люба. – погоди... постоим... – осевшим голосом сказал Егор. – Тоже, знаешь... сердце заломило. Мать это, Люба. Моя мать [Шукшин В. М.: 69]. – Trên đường về, Ego nhìn lại lần cuối ngôi nhà rồi lao xe đi. Họ im lặng. Luba nghĩ đến bà cụ, cũng buồn bã. Ego dừng xe lại, gục đầu lên tay lái, nhắm chặt mắt lại. – Sao thế anh? – Luba hoảng hốt. – Nghỉ một chút! Ego nói giọng thảm thương. Em biết không. – Em biết không, ti manh cũng thất lại. Mẹ đấy, Luba ạ, mẹ anh đấy [Lại Nguyên Ân, Thái Hà 1987: 80].* В этом отрывке вина и обида смешались и вызвали душевные муки Егора. У него было желание рыдать, но он постарался опустить голову и зажмурить глаза, чтобы сдержать слёзы и затушить горе, в котором он винит только себя. Главным приёмом передачи эмоций Егора является косвенное описание его невербального поведения.

3. *Глубокий вздох* нередко является жестом безысходности, что позволяет использовать его как средство невербального поведения, способствующего снятию беспокойства и бремени ответственности, позволяя вздохнувшему наслаждаться настоящим моментом жизни. Например: *Егор ещё раз оглядел степь. Вот этого и будет жаль. «Да что же я за урод такой! – невольно подумал он. – Что я жить-то не умею? К чертям собачьим! Надо жить. Хорошо же? Хорошо. Ну и радуйся». Егор глубоко вздохнул [Шукшин В. М.: 74]. – Anh lại ngắm cánh đồng, ta sẽ lại tiếc quang cảnh này, nhưng sao mình lại dốt thế nhỉ? – Anh bất giác nghĩ – mình chẳng biết cách tận hưởng cuộc sống. Mọi chuyện khác kệc húng. Hầy biết ta đang sống, và sống để họ nĩac hứ. Tội gì không hưởng? Égô hít một hơi thật sâu [Lại Nguyên Ân, Thái Hà 1987: 91].*

Экспрессивные невербальные действия, выраженные во взгляде, телодвижениях, интонировании, мимике реализуются в анализируемой повести В. М. Шукшина с помощью

глаголов, прилагательных, атрибутивных сочетаний. Посмотрим на примерах жестов «сунуть руки в карманы» и «стиснуть зубы», которые являются эквивалентными средствами невербального поведения для русской и вьетнамской коммуникации.

4. **Сунуть руки в карманы** – во-первых, жест превосходства над теми, перед кем этот жест используется, во-вторых, может быть интерпретирован как жест отсутствия страха и беспокойства перед соперником. Сравните: *Егор стоял, сунув руки в карманы брюк, смотрел на Колю. Коля наткнулся на его спокойный – как-то по-особому спокойный, злоеюще спокойный взгляд. – Не успеешь махнуть, – сказал Егор. Помолчал и добавил участливо: – Коля. – А чего ты тут угрожаешь-то?! [Шукшин В. М.: 72]. – Ego đứng, hai tay thọc túi quần nhìn Kolia. Mắt Kolia chạm phải cái nhìn bình thản, thậm chí hết sức bình thản của đối phương. – mày sẽ không kịp vung thanh gươm lên đâu, – Ego nói. Anh im lặng rồi nói thêm: – Kolia. – mày dọa tao hả?* [Lại Nguyên Ân, Thái Hà 1987: 83].

5. **Стиснуть зубы** – мимический жест, который показывает решительность и бесстрашие персонажа перед угрозой. Сравните: *Оглянулся. Ему навстречу шагает один только Губошлён. Идёт и улыбается. И держит руку в кармане. Егор стиснул крепче зубы и тоже сунул руки в карманы... И Губошлён пропал [Шукшин В. М.: 41]. – Anh ngoái đầu lại, chỉ có một tên đối mặt với anh, đó là tên Thô Lỗ. Hắn bước đi, miệng mỉm cười và để tay trong túi. Ego nghiêng răng mạnh hơn và cũng để tay trong túi. Thế rồi tên Thô Lỗ ã gục [Lại Nguyên Ân, Thái Hà 1987: 54].* Представленные во всех предыдущих случаях переводы полностью адаптированы к оригиналу формально и семантически.

6. В целом ряде случаев, когда в русских текстах для описания невербального поведения персонажа использованы специализированные глаголы с семантическими оттенками, при переводе на вьетнамский язык переводчик нивелирует оттенки значений, унифицируя эти средства выражения. Так, русские глаголы *усмехаться, смеяться, рассмеяться, улыбаться, хихикать, ухмыляться* на вьетнамский язык переведены одним словом: *cười*. Полные вьетнамские аналоги отсутствуют. В зависимости от позиции и контекста, это коннотативно нейтральное слово может быть глаголом или существительным. Для передачи коннотативных оттенков переводчик использует аналитический способ выражения, включая дополнительные слова в словосочетания с главным словом *cười*: *cười + mỉa mai* – «улыбаться с иронией»; *cười + độc địa / lạ lùng* – «улыбнуться искренне»; *cười + nhếch mép* – улыбаться неискренне, с иронией, насмешкой или презрением к собеседнику (это улыбка с небольшим подъёмом только одной верхней губы; саркастическая, порочная улыбка во вьетнамской традиции). Сравним: *Егор мельком оглядел себя, усмехнулся. – Так надо было по роли. А потом уже не успел переодеться. – Артисты... – только и сказал начальник и засмеялся. Он был не злой человек, и его так и не перестали изумлять люди,*

изобретательность которых не знает пределов [Шукшин В. М.: 4]. *Êgô liếc nhìn quần áo đang mặc, nhếch mép cười* – Đây là quần áo điển kịch tôi chưa kịp cởi ra – Chà, nghệ sĩ... người ăn bộ chỉ nói thế rồi ông **phá lên cười** [начал громко (phá) + cười]. Ông không ác nghiệt nhưng không bao giờ ông hết ngạc nhiên khi đứng trước con người mà khả năng sáng tạo không bao giờ cạn [Lại Nguyên Ân, Thái Hà 1987: 9]. Это эффективный способ описания в процессе перевода невербального поведения представителей в разных лингвокультурных пространствах.

7. Рассмотрим примеры, в которых жест – **пожатие плечами (nhún vai)**. Это универсальный жест, характерный для рече-поведенческих тактик разных культур. Обычно пожатие плечами выражает недоумение, раздумье, незнание, пренебрежение, удивление. Сравните: *Чего же, сынок, глаза-то прикрыл? – спросила она. – Рази через их видать? Егор на это неопределённо пожал плечами. Ничего не сказал* [Шукшин В. М.: 67]. – *Sao cậu lại che mắt đi thế kia? – bà cụ hỏi. – Vậy còn nhìn sao được? Ego không trả lời, chỉ nhún vai một cách mập mờ. Không nói gì* [Lại Nguyên Ân, Thái Hà 1987: 83–84]. В приведённом примере автор сам описывает невербальное поведение Егора, другими словами, читатель узнаёт реакцию Егора от третьего лица (из речи автора). Это приём косвенной речи для передачи невербального поведения персонажа.

8. **Пожатие плечами** в русской невербальной коммуникации может выражать беззаботность либо отсутствие у адресата интереса к предмету вопроса. Сравните: (1) *А ты умеешь радоваться? – Егор от полноты чувства мог иногда взбежать повыше – где обитают слова красивые и пустые. – Умеешь, нет? Шофёр пожал плечами, ничего не ответил* [Шукшин В. М.: 8]. – *Ego đôi khi có thể bay bổng lên rất cao, nơ trú ngụ giữa từ hoa mỹ. – Cậu có biết tận hưởng không hả? Lái xen hún vai không đáp* [Lại Nguyên Ân, Thái Hà 1987: 13]. (2) – *Ну, это я, брат, не знаю – чего радоваться, – заговорил Егор, с неохотой возвращаясь из своего далекого далека. – Умеешь – радуйся, не умеешь – сиди так. Тут не спрашивают. Стихи, например, любишь? Парень опять неопределённо пожал плечами. – Вот видишь, – с сожалением сказал Егор, – а ты радоваться собрался. – Я и не собирался радоваться* [Шукшин В. М.: 85]. – *Tớ chẳng biết vui vì cái gì. – Ego nói. Anh không muốn rời khỏi cái nơi xa lắc mà anh đang vẫn vợ ở đó. Cậu biết cái vui thì hưởng, không biết cách thì thôi. Đấy không phải là chuyện để hỏi. À mà cậu có thích đọc thơ không? – lái xe lại nhún vai một cách mơ hồ. Chú em thấy chưa? – Ego thơn ghại. – Vậy mà cậu định tận hưởng niềm vui thế nào được. – Tôi có định vui đâu?* [Lại Nguyên Ân, Thái Hà 1987: 13].

9. Для передачи невербального поведения персонажа в переводе повести «Калина красная» используется также приём интерпретации. Сравните: *Люба тихо ахнула: – Да что же ты, Егор? Как же ты?...* [Шукшин В. М.: 69]. – *Luba há miệng kinh ngạc [= Люба разинула рот от удивления]. – Sao anh lại thế? Sao anh lại làm thế?* [Lại Nguyên Ân, Thái Hà

1987: 80]. Обычно же средством выражения удивления в русском и вьетнамском коммуникативном поведении является изменение тона и громкости речи.

10. В процессе анализа текста мы обнаружили случай неточного перевода невербального поведения коммуникантов. Мы считаем, что причиной этого могут быть разные предпочтения в использовании средств выражения у представителей разных культур либо стремление избежать неоднозначности в переводном тексте, когда жест в переводе может привести в заблуждение читателей. Так, и русские, и вьетнамцы обычно *подмигивают друг другу*, чтобы достичь определённого взаимопонимания в обмане других участников коммуникации. Однако в русском тексте в подобной ситуации, когда Егор по телефону говорит Любаше неправду, он, глядя на присутствующего при этом Михайлыча, кивает, а не подмигивает ему. *Кивок* – многозначный жест, однако чаще всего он обозначает согласие, одобрение. В. М. Шукшин имеет в виду как раз одобрение того, как Михайлыч подыграл Егору, чтобы враньё казалось более убедительным. Переводчик же упростил ситуацию, используя во вьетнамском переводе лишь *подмигивание* как знак взаимопонимания. Сравните: – *Алё-ё! Любаша!.. – кричал Егор. – Я говорю: я в военкомате! Никак не могу на учёт стать! Поздно?.. А здесь допоздна. Да, да. – Егор кивнул Михайлычу. – Да, Любаша! Михайлыч приоткрыл дверь комнаты, громко хлопнул и громко пошёл мимо Егора. И когда был рядом, громко крикнул: – Товарищ капитан! Можно вас на минуточку?! Егор кивнул ему головой, мол, хорошо, и продолжал разговаривать. А Михайлыч в это время беззвучно показушно хохотал* [Шукшин В. М.: 81]. – *A-lô! Luba! Ego gào lên. – Anh nói rồi, anh đã ngờ huyện đội. Chưa đến lượt kiểm tra, còn phải đợi rất lâu! Khuya quá áy à, ở đây người ta làm việc rất khuya. Đúng, đúng. – Ego nháy mắt với Mikhailôvich [= Егор подмигнул Михайловичу]. – Phải đấy, Luba ạ. Mikhailôvich hé mở cánh cửa rồi đóng sập thật mạnh! Rồi điâm âm ngang qua Ego. Khi đến bên cạnh, cậu ta hét thật lớn – báo cáo đại úy, xin đại úy cho gặp một chút. Ego gật đầu, ý nói đóng rất tốt [= Егор кивнул Михайловичу, что он хорошо разыграл], rồi lại tiếp tục nói vào máy điện tho ại. Trong lúc ấy, Mikhailôvich cười khoái trá nhưng cố giữ không ra tiếng* [Lại Nguyên Ân, Thái Hà 1987: 59].

11. В ходе анализа мы обнаружили, что в русском письменном тексте передача невербального поведения персонажей конструкциями косвенной или прямой речи сопровождается пунктуационными знаками, функционирующими как заполнители пауз: **тире** и **многоточием**. Во вьетнамском переводе для передачи невербального поведения персонажа переводчик использует только приём косвенной речи, в котором жесты и мимика вербализуются при помощи глаголов речи автора. Приведём пример, в котором *молчание* и *вздых* выражают грусть и отчаяние персонажа. Сравните: *Старуха замолчала, отёрла рот краешком передника, покивала маленькой птичьей головой, вздохнула. Она тоже умела*

уходить в мыслях далеко – и ушла, перестала замечать гостей. Потом очнулась, посмотрела на Любу, сказала – так, чтоб не **молчать, а то неловко молчать**, о ней же и заботятся: – **Вот... Живут. – И опять замолчала** [Шукшин В. М.: 68]. – *Bà cụ ngừng nói, kéo tạp dề lên lau hai bên mép, lắc lắc chiếc đầu nhỏ thờ dãi. Rồi là bà cụ cũng có tài đưa ý nghĩ đi rất xa, và lúc này đây, cụ đã ở tận đâu, không còn nhìn tha khách nữa. rồi cụ sực tỉnh nhìn Luba, bởi vì chẳng lẽ gọi yên, trong khi cơ quan cứ người đến thăm hỏi mà lại không nói năng gì cho niềm nở hay sao. – như thế đấy. Nghĩa là chúng nó đều ổn cả. – Rồi cụ lại im lặng* [Lại Nguyên Ân, Thái Hà 1987: 84].

– Егор, я **боюсь**, – призналась Люба. – Чего? – удивился Егор. – Я слышала, у вас... когда уходят от них, то... – Брось! – резко сказал Егор. И еще раз сказал: – Брось. Садись. И никогда больше не говори об этом. Садись... – Егор потянул ее за руку вниз. – **Что ты стоишь за спиной, как... Это нехорошо – за спиной стоять, невежливо** [Шукшин В. М.: 72]. – *Ego, em sợ lắm, - Luba thú nhận. – sợ gì? – Ego ngạc nhiên. – Em nghe đồn..., giới cá canh, mỗi khi có ai bỏ cuộc thì... – làm gì có. – Ego gắt. Anh nói thêm lần nữa. – làm gì có! Em ngồi xuống đây. Và đừng bao giờ ờn hắc lại chuyện này nữa. Ngồi xuống... Ego kéo tay chị xuống. – Sao em đứng sau lưng anh thế, cứ như là... Đứng sau lưng người khác là không nên, là không lịch sự* [Lại Nguyên Ân, Thái Hà 1987: 95]. Речь Любы прерывиста от страха. Она боится, поэтому не хочет высказать словами и не может поверить в то, что может случиться с Егором.

12. Суть и предназначение указанного в авторской речи жеста одного из собеседников в ряде случаев автор объясняет в последующей прямой речи другого участника коммуникации. Например: (1) Егор, – взмолилась Люба, – *Христом Богом прошу, скажи, они ничего с тобой не сделают? Егор стиснул зубы и молчал. – Не злись, Егорушка. Ну что ты? – И Люба заплакала. — Как же ты меня-то не можешь понять: ждала я, ждала своё счастье, а возьмут да... Да что уж я — проклятая...* [Шукшин В. М.: 78]. – *Êgô – Luba năn nĩ. – Anh nói thật đi, họ sẽ không làm gì anh chứ? Ego nghiêng rằng lại không trả lời. – Đừng bực anh Ego. Anh làm sao thế? – Rồi Luba òak hóc. – Tại sao anh lại không hiểu em nhỉ? Em đã chờ, chờ trong trong bao lâu cái anh phúc này, ấy thế mà họ sẽ đến và... Em có tội tình gì? Em không đáng được hưởng niềm vui trong cuộc sống hay sao?* [Lại Nguyên Ân, Thái Hà 1987: 95]. Мимический жест **стиснуть зубы** в сочетании с **молчанием** передают сложное чувство Егора, в котором сочетается злость на Любу за то, что ему приходится смириться и поступать не так, как он привык за годы преступной жизни, с пониманием её правоты и нежеланием причинять ей боль. В этом же эпизоде от беспокойства, волнения и предчувствия чего-то страшного Люба **заплакала**, её **речь** стала **прерывистой**. Пауза графически реализуется с помощью многоточия. Во вьетнамском тексте переводчик для передачи внутреннего состояния Любы сохраняет эти же средства: мимика, паузы с

многоточием, вопросительная интонация. (2) Предчувствие чего-то страшного у Любы в другой ситуации отражается в её жесте *стоять за спиной* в авторской речи и объяснении своего состояния в прямой речи. Переводчик сохраняет этот же

13. В повести «Калина красная» невербальные средства передачи внутреннего состояния персонажей наблюдаются и в конструкциях несобственно-прямой речи. Например, радость освобождения от плохого и нездорового, предчувствие счастья и спокойствия Егора В. М. Шукшин выражает в такой конструкции несобственно-прямой речи: – *Ну и ну... Жоржик. Это ж надо! Ты же так ударником будешь! Он оглянулся по степи, вдохнул весенний земляной дух и на минуту прикрыл глаза. Постоял так* [Шукшин В. М.: 4]. – *Chà..., Gioóc! Phải thế chứ! Rồi mày sẽ rớt hành lao động xiết sức cho mà xem. – Anh nhìn rac ánh đồng, hít mạnh. Không hí mùa xu ân đậm mùi đất và nhắm mắt lại trong một phút. Anh cứ đứng như thế* [Lại Nguyên Ân, Thái Hà 1987: 90]. Жесты такие: *оглянуться (вокруг), вдохнуть (воздух полной грудью), прикрыть глаза, постоять (без движения)*. От возвращения к крестьянской жизни, к труду Егор ощущает наслаждение. Такое поведение в данной ситуации является эквивалентным для русской и вьетнамской коммуникативной традиции. Следовательно, перевод соответствует оригиналу и по семантике, и по средствам выражения.

14. Портретная деталь в сочетании с жестом и/или мимикой также является важным средством выражения характера персонажа. Так злоба и опасность в поведении Губошлёпа выражает В. М. Шукшин: (1) *Из голубей похлёбка хорошая, – сказал ехидный Губошлёп. Весь он, худой как нож, собранный, страшный своей молодой ненужностью, весь он ушёл в свои глаза. Глаза горели злобой* [Шукшин В. М.: 14]. (2) *Цыть! – сказал Губошлёп. И улыбку его как ветром сдуло. И видно стало – проглянуло в глазах, – что мстительная немощность его взбесилась: Этот человек оглох навсегда для всякого справедливого слова. Если ему некого будет кусать, он, как змея, будет кусать свой хвост* [Шукшин В. М.: 81]. В этих сложных описаниях образа Губошлёпа к невербальным средствам описания можно отнести эпитет, метафору взгляда, художественное сравнение, идиоматический оборот.

Таким образом, и в оригинальном русском, и в переводном вьетнамском текстах повести «Калина красная» В. М. Шукшина для передачи невербального поведения персонажей, их эмоций, внутреннего состояния используются разные средства: глаголы, глагольные словосочетания, идиоматические обороты, эпитеты, метафоры, сравнения, а также выразители пауз: многоточия и тире. В повести невербальное поведение персонажей чаще всего является эквивалентным для русской и вьетнамской коммуникативных традиций, поэтому и автор, и переводчик избирают одинаковые рече-поведенческие тактики. Однако имеется ряд ситуаций, в которых коммуникативная традиция русских и вьетнамцев не совпадает. В этих случаях переводчик избирает при описании ситуации ту тактику, которая

лучше всего соответствует аналогичной вьетнамской рече-поведенческой ситуации. Эти различия могут проявляться в выборе неэквивалентного жеста или мимики персонажа, лексической либо фразеологической единицы, синтаксической конструкции, знака препинания.

Литература

- Маякина М. А. Фразеологические единицы, описывающие невербальное поведение человека, как компонент развития языковой и общекультурной компетенций. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. 2011. № 33 (248). Вып. 60. С. 248–250.
- Огнева Е. А. Вербальные маркеры невербального кода в тексте оригинала и перевода. *Альманах современной науки и образования*. 2010. № 2. Ч. 2. С. 116–118.
- Степанов Е. Н., Чан Тхи Суэн. Жесты и мимика в коммуникативной характеристике чиновника Лебедева (на материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот»). *Язык. Коммуникация. Культура: сб. материалов Первой международной заочной научно-практической конференции молодых учёных, Москва, ГИРЯП, 20.04.2017 г. Москва: ГИРЯП, 2017. С. 521–525.*
- Шукшин В. М. Калина красная. *Бесплатная электронная библиотека Royallib.ru*. URL: https://royallib.com/book/shukshin_vasily/kalina_krasnaya.html (дата обращения: 06.02.2019 и др.).
- Lại Nguyên Ân, Thái Hà. *Kalina đỏ*. Sách chuyên đề. Vassili Shukshin. Thành phố Hồ Chí Minh: Nhà xuất bản Tác Phẩm Mới, nhà xuất bản Đà Nẵng, 1987. 231 с.

Trần Thị Xuyên

*Odessa I. I. Mechnikov National University, Ukraine
tranthixuyen12sls@gmail.com*

METHODS OF CONVEY OF NON-VERBAL BEHAVIOR OF RUSSIANS IN VIETNAM TRANSLATIONS (ON THE MATERIAL OF V. M. SHUKSHIN'S STORY "KALINA KRASNAYA")

Abstract. The article describes the results of a comparative study of the methods of transmitting non-verbal means of communication in Russian and Vietnamese. The material was selected from the original text of the story "Kalina Krasnaya" by Vasily Shukshin and its translation into Vietnamese. In the story, the non-verbal behavior of the characters is most often equivalent for the Russian and Vietnamese communicative traditions, therefore, both the author and the translator, as a rule, choose the same speech-behavioral tactics.

Keywords: non-verbal communication; translation; gesture; facial expressions; equivalent; non-equivalent; background.

*Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 289-294. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.*

ФУНКЦИИ КОСВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ В СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОГО ТЕКСТА

Чень Шаосюн

*Хучжоуский университет, Китай
aljosh@126.com*

В данной статье предпринята попытка показать роль косвенных падежей в структурной организации текста путём анализа абзацных зачинов, в которых используются словоформы косвенных падежей. Цель исследования – попытаться установить некоторые закономерности структурной функции косвенных падежей в тексте. Работа выполнена на материале повести К. Г. Паустовского «Чёрное море». Использован описательный метод в сочетании с методом структурно-семантического анализа текста. В результате проведённой работы установлено, что чаще всего в абзацном зачине используется форма именительного падежа. Однако 6 % абзацных зачинов – это конструкции, сформированные косвенными падежами. Выводы заключаются в том, что, с точки зрения моделирования, абзацные зачины с ключевым словом в форме косвенных падежей как средство текстовой связи более однообразны при выражении временных отношений синтаксемами винительного падежа без предлога и с некоторыми предлогами и пространственных отношений локативной синтаксемой предложного падежа. Выражение абзацными зачинами в формах косвенных падежей субъектных, объектных, причинно-следственных отношений, а также отношений образа и/или способа действия имеет большее разнообразие моделей.

Ключевые слова: текст, текстовая (межфразовая) связь, структурная организация, абзацный зачин, косвенные падежи, семантика отношений, К. Г. Паустовский.

Текст как синтаксическая единица языка стал предметом исследования лингвистов во второй половине XX века. О тексте, его природе и границах много написано. За последние полвека в языкознании велись разнообразные дискуссии, направленные на изучение сущности текста, правил его построения и трансформации, разных аспектов текста, универсального и индивидуально-авторского в тексте [Чень 2013]. Текст изучают и литературоведы, и эксперты-криминалисты, и методисты, и учащиеся. На основе текста происходит воспитание человека и манипуляция его сознанием, аккумуляция знаний и их реализация. Уже много десятилетий актуальным остаётся вопрос структурной организации текста. Цель данного исследования – попытаться установить некоторые закономерности структурной функции косвенных падежей в тексте. Основное внимание будем уделять конструкциям абзацного зачина, в которых структурирование текста происходит с помощью косвенных падежей. Материал исследования взят из текста повести К. Г. Паустовского «Чёрное море».

Наиболее приемлемым нам представляется определение текста, данное несколько десятилетий назад И. Р. Гальпериним: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющей определённую целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18]. В этой дефиниции вместо сверхфразовых единиц (СФЕ) сегодня речь может идти о сложных синтаксических целых (ССЦ), каждое из которых является микротекстом, возникшим и функционирующим на основе определённой микротемы. Однако разные типы лексической, грамматической, логической, стилистической связи и, разумеется, разнообразные специфические средства формирования таких связей, имеющие определённую целенаправленность и прагматическую установку, являются неотъемлемым условием существования как ССЦ, так и целых текстов, в составе которых эти ССЦ представлены.

Одним из грамматических средств связи текста является категория падежа. В. А. Плотникова в «Русской грамматике» так определяет падеж: «Категория падежа – это словоизменяемая категория имени, выражающаяся в системе противопоставленных друг другу рядов форм и обозначающая отношение имени к другому слову (словоформе) в составе словосочетания или предложения» [Русская грамматика 1980, 2: 475]. Более точно там же определяет падеж Н. Ю. Шведова, которая квалифицирует значение каждого из шести падежей как отношение имени в определённой его форме к слову во всей системе его форм, к словоформе в составе предложения либо к целой синтаксической конструкции. По её мнению, это самое общее, максимально абстрагированное значение, присущее как беспредложным падежам, так и падежам с предлогами [Русская грамматика 1980, 2: 476]. Основных падежей в русском языке шесть: именительный – прямой падеж – и пять косвенных падежей: родительный, дательный, винительный, творительный, предложный.

Наш опыт обучения китайских учащихся русскому языку свидетельствует о значительной структурной и функциональной разнице между прямыми и косвенными падежами. Так, именительный падеж используют как начальную форму именных частей речи, в то время как косвенные падежи указывают на зависимые отношения между словами в составе фразы и всего текста. Именно косвенные падежи выражают семантические связи между словами и их комплексами.

Всего в тексте повести К. Г. Паустовского «Чёрное море» [Паустовский 1986] мы насчитали 1546 абзацев. 93 (6 %) из них имеют зачины, организованные формами разных косвенных падежей. Приведём несколько примеров:

(1) *Но всё-таки о бутылках я вспомнил недаром.* В соответствии с классификацией Г. А. Золотовой, это свободная субстантивная синтаксема предложного падежа с предлогом «О» – делибератив [Золотова 2011: 336–337].

(2) *У лоции – большие поля.* – Обусловленная субстантивная синтаксема родительного падежа с предлогом «У» – квалитативный субъект [Золотова 2011: 110–111].

(3) *Его радовала изорванность утёсистых берегов, путаница глубоких бухт и повороты выветренных лестниц.* Абзацный зачин здесь имеет двойное значение: объекта каузирующего воздействия и субъекта каузируемого состояния [Золотова 2011: 157]. Выражен зачин субстантивной обусловленной синтаксемой винительного падежа без предлога.

(4) *Ко мне адмиральша благоволила.* Первый компонент абзацного зачина – связанная субстантивная синтаксема дательного падежа с предлогом «К (КО)» объектного распространителя глаголов, обозначающих эмоциональное отношение к лицу и др. [Золотова 2011: 138–139].

(5) *Ударом головы в живот я сбил его с ног.* Данное значение способа действия обеспечивается медиативом [Золотова 2011: 233] – одной из свободных субстантивных синтаксем творительного падежа без предлога.

Здесь представлены примеры всех пяти косвенных падежей, которые формируют абзацный зачин. Они выражают разные отношения, о чём свидетельствует их отношение к системе русских синтаксем [Степанов 2006]. Кроме того, каждый из падежей в разных зачинах, как правило, выражает разные отношения. Так, в примере (2) абзацный зачин, имеющий форму родительного падежа с предлогом «У», представляет квалитативный субъект. Среди зачинов есть ещё один зачин, совпадающий с указанным по форме:

(6) *У Юнге была дочь Зоя, – комсомолка и планеристка.* Здесь имя существительное в позиции родительного падежа с предлогом «У» представляет синтаксему иного субъекта – посессивного [Золотова 2011: 109–110].

(7) *Пассажиров высадили, а «Дмитрий» тихо побрёл в Южную бухту.* Субстантивная синтаксема винительного падежа без предлогов в данном абзацном зачине не тождественна той, которая приведена в примере (3). Здесь – синтаксема объекта действия [Золотова 2011: 158–159].

Употребление автором в качестве абзацного зачина имён существительных и местоимений в формах косвенных падежей имеет определённое коммуникативное задание: обратить внимание читателей, главным образом, на объект, субъект, причину, следствие, образ, способ действия. Например:

(8) *Мне посчастливилось, если можно так выразиться, быть в то время на острове Барбадос.* Здесь автор на первое место выдвигает субъектный детерминант.

(9) **В связи с пережитым ураганом** я имею сделать вам несколько замечаний. На первый план выдвинута причина речевого поведения говорящего.

(10) **Без людей** нашего времени, полного побед и человеческой теплоты, нет прекрасного ни в цвете морей, ни в ветрах, ни в облаках, ни в полёте птиц, ни во всём, что называется жизнью. Главным автор считает указание на объектный признак, отсутствие которого не должно характеризовать ситуацию.

Обращает на себя внимание тот факт, что для абзацных зачинов, выраженных субстантивами в формах косвенных падежей, нет какой-то преобладающей структуры. Разнообразие структур подобных абзацных фраз указывает на возможность широкого использования таких предложений в стилистической ткани текста.

Однако субстантивная словоформа в косвенном падеже в некоторых случаях может выступать в роли ядра единиц, выражающих темпоральные и локальные отношения. Обычно пространственные и временные отношения являются сильнейшим средством организации текста на контактном и дистантном уровнях межфразовой связи, поскольку хронотоп ведёт себя в тексте как своеобразная сетка, пронизывающая событийную сторону повествования, которое не может происходить вне времени и пространства.

Анализ главы «Мёртвый город» из текста повести «Чёрное море» показал следующие результаты. Всего в главе 74 абзаца, 17 из которых имеют зачин в форме одного из косвенных падежей и выражают значение времени или пространства. Не все косвенные падежи представлены в зачинах, а только (по мере частотности) винительный, предложный и родительный. Например:

(11) **Весь день** я искал себе пристанища в мёртвом городе. Здесь беспредложный винительный падеж реализует синтаксему *Дименсив I*.

(12) **На третий день** в носу парохода открылась течь. Зачин представлен синтаксемой *Темпоратив I*.

(13) **В бухтах** ревел ураганный ружейный огонь, – рыбаки били из винтовок чаек. Локальный детерминант в *бухтах* выражен формой предложного падежа с предлогом «В» (свободная субстантивная синтаксема предложного падежа с предлогом «В» *Локатив*).

(14) **До тех пор** я был уверен, что такие бухты отошли в область преданий с исчезновением парусного флота. Зачин этого предложения – свободная субстантивная синтаксема родительного падежа с предлогом «ДО» *Темпоратив*.

В позиции винительного падежа представлены определительные словосочетания, в которых имя существительное без предлога либо с предлогами «НА» или «В» формально подчиняет себе адъектив: имя прилагательное либо местоимение со значением меры (целый, долгий, нескончаемый; весь, каждый и под.), а также количественно-именные словосочетания, в которых количественное слово – главное – имеет форму винительного падежа, а зависимое

от него имя существительное – форму родительного, как этого требует общее правило употребления родительного падежа после количественных слов. Сравните:

(15) Винительный без предлога – *Дименсив 1*: **Долгие часы** я просиживал на графской пристани, греясь под неопределённым солнцем января.

(16) Винительный с предлогом «НА» – *Темпоратив 1*: **На пятые сутки** среди ночи заревел охрипший гудок.

(17) Винительный с предлогом «В» – *Темпоратив 1*: **В одно туманное утро**, после шумной ссоры между мичманом и адмиральшей, происходившей на чистейшем французском языке, мичман вышел из ворот и потащил козу на Исторический бульвар.

(18) Винительный имени числительного (количественного слова) с предлогом «ЧЕРЕЗ» – *Темпоратив 1* – в сочетании с беспредложным родительным количественным считаемого существительного: **Через пять минут** в трюме забухали выстрелы.

Как мы видим, синтаксемы винительного падежа выступают в роли зачина, как правило, при выражении темпоральных отношений, а синтаксемы предложного падежа – при выражении локальных отношений. Например:

(19) Предложный с предлогом «В» – *Локатив*: **В комнате** Денисова мы не застали.

Выводы. Структурно-семантический анализ текста повести К. Г. Паустовского «Чёрное море» свидетельствует о том, что абзацные зачины с ключевым словом в формах косвенных падежей как средство текстовой связи имеют определённую специфику. Выражая временные и пространственные отношения, такие структурообразующие средства текстовой связи имеют ограниченное количество моделей. Винительный беспредложный и с предлогами «НА» и «В» обычно используется при темпоральных связующих отношениях в синтаксемах *Темпоратив 1*, реже – *Дименсив 1*; предложный падеж с предлогами «НА» и «В» – при локальных связующих отношениях в синтаксеме *Локатив*. Винительный падеж имени числительного (в том числе абстрактного) с приставкой «ЧЕРЕЗ» обычно формирует абзацный зачин темпорального или локального значения в сочетании с родительным падежом количественным считаемого существительного. Выражение абзацными зачинами в формах косвенных падежей субъектных, объектных, причинно-следственных отношений, а также отношений образа и / или способа действия имеет большее разнообразие моделей. На материале одной повести их синтез невозможен, поскольку многие из них в её тексте единичны.

Литература

- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва: Наука, 1981. 138 с.
- Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 4-е изд. Москва: Едиториал УРСС, 2011. 440 с.

Паустовский К. Г. Чёрное море.

URL: <https://ru.bookmate.com/reader/h4n9AuB4?resource=book/>

Степанов Е. Н. Некоторые синтаксемы в русской речи одесситов. *Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету*. Ізмаїл, 2006. Вип. 21. С. 159–165.

Чень Ш. Конструкции с противительными союзами в рассказах К. Г. Паустовского. *Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства*. Одеса : Астропринт, 2013. № 19. С. 153–157.

Chen Shaoxiong

Huzhou University, China

aljosh@126.com

FUNCTIONS OF INDIRECT CASES IN THE STRUCTURAL ORGANIZATION OF THE RUSSIAN TEXT

Abstract. This article attempts to show the role of indirect cases in the structural organization of the text by analyzing the paragraphs in which the word forms of indirect cases are used. The purpose of the research is to try to establish some patterns of the structural function of indirect cases in the text. The work is based on the story of K. G. Paustovsky “The Black Sea”. The descriptive method was used in combination with the method of structural and semantic analysis of the text. As a result of the work carried out, it has been established that the nominative form is most often used in the paragraph opening. However, 6 % of paragraphs are constructions formed by indirect cases. The conclusions are that, from the point of view of modeling, paragraph beginnings with a keyword in the form of indirect cases as a means of textual communication are more monotonous when expressing temporal relations with accusative syntaxemes without a preposition and with some prepositions and spatial relations of the locative syntaxeme of the prepositional case. The expression in paragraphs in the forms of indirect cases of subjective, object, cause-and-effect relations, as well as relations of the image and / or mode of action has a greater variety of models.

Keywords: text, textual (interphrasal) connection, structural organization, paragraph opening, indirect cases, semantics of relations, K. G. Paustovsky.

Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 295-312. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОКОЛЕНИЯ Z НА ОСНОВЕ КОНЦЕПТОВ

Ирина Анатольевна Шерстобитова

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, Россия
irina-sherstobitova@yandex.ru

В статье представлена петербургская концепция развития этнического самосознания (самоидентификации) как перспективное направление реализации лингвоконцептологии в образовании. Методологической базой исследования являются три научных подхода: этнопсихолингвистическая теория (А.А. Леонтьев, В.В. Красных), лингвоконцептоцентрическая теория (Н.Л. Мишатина) и классическая теория герменевтики (Ф. Шлейермахер). Герменевтическое исследование процесса понимания и интерпретации этноконцепта (национально-культурного концепта) «обида» в одноимённом рассказе В.В. Набокова построено на основе авторской модели концептного анализа (И.А. Шерстобитова). В рамках штудий-лабораторий разработана система заданий, формирующих и развивающих этническое самосознание обучающихся; критериями развития этнической компетентности определено создание эссеистических текстов-этноконцептов. Модель развития этнического сознания на основе герменевтического исследования концептов позволяет решить задачи «языкового воспитания» (В.А. Сухомлинский): интериоризовать и переосмыслить тексты культуры, преодолеть культурный разрыв поколений, встроить поколение Z в «ось мировой истории» (К. Ясперс).

Ключевые слова: концепт, концептный анализ, герменевтическая штудия, лингвоконцептология, этнопсихолингвистика

Этнопсихолингвистика (А.А. Леонтьев, В.В. Красных и др.) – трансдисциплинарная область, органически связанная с постижением культуры через метаязык, отражающий сведения о рефлексивном самопознании человека как представителя этноса в процессе его жизнедеятельности. Этнос сегодня – не только локальная культура, ментальная картина мира, отражённая в языке, национально-культурная индивидуальность, но и область лакунарной напряжённости [Сорокин 1985: 32], понимаемая как формирование языковой личности школьника вне связи с национальной культурой. (В нашей работе мы будем использовать, несмотря на его спорность, термин «поколение Z» как общепринятый для характеристики современных подростков. Также будем учитывать, что ценностные ориентации подростков в восприятии себя как языковой личности, принадлежащей к определенной культуре, имеют ярко выраженную возрастную динамику).

Образовательной моделью, позволяющей снизить лакунарную напряжённость и воспитать в XXI веке языковую личность как национально-культурную индивидуальность, может стать лингвоконцептоцентрический подход, в рамках которого через концепты

актуализируется родная языковая картина мира. (Дискуссия между А. Вежбицкой и П. Серю: «Имеет ли смысл говорить о «русской языковой картине мира?») [Аникин Е. Е., Чудинов А. П. 2011: 268].

В статье предлагается перспективное направление реализации лингвоконцептологии [Мишати́на Н.Л. 2020:8] в образовании: развитие этнического самосознания подростка посредством герменевтического исследования концептов. Методологической базой исследования являются три научных подхода: этнопсихолингвистическая теория [Леонтьев А.А. 1999; Красных В.В. 2002], лингвоконцептоцентрическая теория [Мишати́на Н.Л. 2017: 5] и классическая теория герменевтики [Шлейермахер Ф. 2004]. Герменевтическое исследование процесса понимания и интерпретации этноконцепта (национально-культурного концепта) «обида» в одноимённом рассказе В.В. Набокова построено на основе авторской модели концептного анализа [Шерстобитова И.А. 2017: 5], методической интерпретации технологии освоения концептов русской культуры профессора Н.Л. Мишатиной [Мишати́на Н.Л. 2016: 34-37] и представляет собой движение по герменевтическому кругу [Шлейермахер Ф. 2004] от моделирования концепта «обида» в разных текстах к формированию этнического самосознания на основе интериоризации концепта. Предполагается, что эмоциональная концептосфера (Д.С. Лихачёв) различна в разных языках, в основе чего лежат многие культурные различия [Шаховский 1996: 5]. Данное исследование посвящено лингвокультурологическому анализу концепта «обида» как актуальному в жизни русской языковой личности, «подсказывающему» (А. Вежбицкая) картину мира, что нашло отражение в широкой языковой представленности его в художественных произведениях (А.И. Куприн «Обида», В.В. Набоков «Обида», В.М. Шукшин «Обида» и др.).

Герменевтический аспект концептного анализа реализуется в рамках четырех технологических этапов – герменевтических штудий, в основе которых – диалектика части и целого [Шерстобитова И.А. 2017:10].

Проектные лаборатории – герменевтические штудии – в рамках прохождения этапов концептного анализа представляют собой мыслительные и эмоциогенные очерки по семантике, семиотике, культуре – в соответствии с утверждением Ю.С. Степанова: «В структуру концепта входит и то, что принадлежит строению понятия, и то, что делает концепт фактом культуры (исходная форма, сжатая до основных признаков содержания история, современные ассоциации, оценки и т.д.)» [Степанов 2004: 25].

Первый, ассоциативно-образный, этап работы (**герменевтическая штудия № 1 «Мир ассоциаций»**) учитывает теоретический конструкт «зона ближайшего развития» [Выготский 1934]: знания о человеке, обществе, природе, технике, культуре. Понимание концепта «обида» как акцентуатора (термин впервые ввёл в лингвистику И.И. Сущинский)–

текстового средства, используемого автором для выражения своей позиции, достигается через ассоциативный эксперимент (приём свободных ассоциаций), который в современной психолингвистике служит средством изучения ассоциативного значения слова; измерения семантической близости между словами и степени вхождения этих слов в единое семантическое поле; исследования ассоциативной памяти и организации внутреннего лексикона человека [Сущинский И.И. 1984: 71]. Задания штудии, реализующие ассоциативный эксперимент, становятся базой для актуализации исследования ассоциативной лексикографии и исследования овнешнения образов языкового сознания в рамках теории межкультурного общения, понимаемой нами как интериоризация современным поколением текстов культуры. Методика исследования – поэтапное концептное моделирование содержания и структуры этноконцепта «обида» как этнонима.

В психолингвистике языковое сознание понимается как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов Е.Ф. 2000: 26]. Главной проблемой современного поколения при коммуникации с текстами культуры с точки зрения этнопсихолингвистики можно выделить несхожесть образов сознания, которые с помощью овнешнителей должны передаваться из поколения в поколение, так как в ходе диалога культур происходит диалог образов сознаний. Но поколение Z не готово к коммуникации с этнокультурой и прошлого, и настоящего: оно творит свою культуру. Это противоречие отражает как следствие технологического прогресса, за которым не успевает культура, выдавая «сниженные образцы» за новую культурность, так и переходность переживаемого этапа становления «новой культуры». Если социальная аномия (переходный тип культуры) сметает периферию ценностного мира, то это хотя и потрясает общество, но не разваливает его. Если же она покушается на ядро тезауруса – картину мира, социализационный процесс подвергается очень серьезным испытаниям [Луков В. А. 2012: 5]. Поэтому необходим поиск моделей овнешнения идеального, распремечивания, которые позволят освоить предметные формы культуры (тексты), в нашем случае тексты В.В. Набокова.

Сложный мир филологической мысли писателя-билингва В.В. Набокова интересен, прежде всего, способом моделирования менталитета, самоидентификации в контексте мировой глобализации и актуальности вопросов диалога культур, толерантности [Мазанаев Ш.А. 1997: 3]. Они связаны прежде всего с индивидуальным опытом писателя, свободно владевшего не только русским и английским языками, но также французским и немецким («Моя голова говорит – английский, мое сердце – русский, мое ухо предпочитает французский», – отвечал Набоков на вопрос, какие из языков представляются ему самыми

красивыми [Мельников Н.Г. 2002: 123]. Таким образом, личность и творчество В.В. Набокова реализуют модель языковой личности, сформированной на основе диалога культур, что коррелирует с моделью личности поколения Z, границы мира которого всеохватны благодаря интернету и глобализации мирового пространства. Но в то же самое время, по мнению В.Г. Костомарова, «у человека не бывает двух материнских языков, подобно тому, как не бывает двух родных матерей. Вполне возможно, что «выученный язык... может стать в жизни человека важнее родного, который, однако, и при забвении остается матерью, пусть и менее любимой, чем мачеха» [Костомаров В.Г. 1991: 11]. Рассмотрим концепт «обида» как концепт «языка сердца» языковой личности В.В. Набокова.

Известно, что эстетика В.В. Набокова киномедиальна. Под киномедиальностью литературного текста в статье понимается внедрение семиотической системы кинематографа в семиотическую систему литературного текста в виде мотивов, приёмов и др. и последующее перекодирование литературного произведения [Мартьянова И.А. 2017: 137]. Предлагаем обучающимся «перекодировать» рассказ В.В. Набокова, составив киносценарий эволюции чувства обиды в рассказе. Приводим пример методического киносценария, составленного обучающимися.

Кадр 1. Экспозиция «Дорога к Козловым». «Сейчас будет село Воскресенское, а ещё через несколько минут – конец».

Предлагаемая далее система вопросов позволяет визуализировать текст, то есть сформировать его сознательный образ в разуме человека, способствует «проживанию» текста. Какой план надо взять и почему, чтобы показать, что через несколько минут – «конец»? (Сверхкрупный. Обида в глазах. Пути угнетает «выход на многие глаза», страх быть непринятым.) Камера объективная или субъективная*? (Субъективная. Всё видим глазами Пути.) Цветопись чувства обиды? (Серый, темно-коричневый, с проблесками красного как предощущения беды, тревоги.) Камера отъезжает (план средний), и что мы видим на дальнем плане? («Уже ехали селом, и откуда-то из-за изб и заборов отзывалось деревянное эхо на согласный копытный плеск»). В.В. Набоков использует персонификацию, одушевление, получившее в набоковедении определение «презумпции всеодушевленности».) Камера объективная или субъективная? Объективная: реальный мир, взгляд на него автора. Цветопись мира природы и её звуки? (Спокойные, пастельные тона: желто-зеленый, золотой, изумрудный. Звуковое сопровождение кинокадров – это пение птиц, звон кузнечиков, цокот копыт, скрип колес, гудение телеграфных столбов. Вокруг покой и умиротворение.)

*(Объективная точка съемки (в кинематографическом обиходе – «объективная камера») – это рассматривание действия с точки зрения автора фильма. Субъективная камера – это взгляд на происходящее с точки зрения одного из персонажей картины.) [Нехорошев Л.Н. 2009: 45].

Кадр 2. Завязка. «Потому что вы ломака». Какое чувство главное в эпизоде? (Обида на Таню.) Значит, план сверхкрупный, камера субъективная, цветопись та же? Камера отъезжает, и на среднем плане во время игры в «палочку-стукалочку» Путя оказался перед витражным окном. Через разноцветные стекла он видит Якова Семеновича то розовым, то голубым, то ярко-желтым, то изумрудным. Обиженный Путя выбирает белое стекло, не догадываясь о смысле авторского послания о многоцветье мира.

Кадр 3. Кульминация. «Вдруг понял, что его забыли». Какое чувство главное? (Обида.) Камера субъективная, план сверхкрупный, цветопись (преобладание белого цвета). Камера отъезжает и наезжает на божью коровку. Почему? (Авторское послание о гармонии мира природы.)

Кадр 4. Развязка. «А вот идёт ломака». Путя видит, что о нём не забыли. «Все тут были, – Яков Семенович, Вася, Таня, все остальные; они окружали мужика, который принёс показать только что пойманного совёнка» [Набоков В.В. 1990: 245]. Отъезд камеры с глаз Пути и наезд камеры на глаза совёнка. Почему? (Автор даёт неожиданно обнадёживающий финал душевной драмы подростка: мир оказывается всё-таки не столь равнодушным и холодным, как представлялось Путе.) Камера объективная, план средний, цвет обиды, как цвет мира природы, окрашивается в спокойные, пастельные тона: он теперь зелёного (умиротворяющий), желтого (контактирующий). Какой камерой и каким планом представлена обида в рассказе и почему? (Субъективная камера, крупный план.) Обида застилает гармонию окружающего мира и только в конце рассказа «просветляется», но ненадолго. Можно ли сказать, что градация глагольных метафор отражает авторский замысел: обида – не отпускает, *просветляется*, не отпускает?.. (Да, рассказ заканчивается словами Васи Тучкова, произнесённые «со смешком»: «А вот идёт ломака».)

Киносценарий даёт возможность понять, что Набоков – синестет (синестесией называется особый способ восприятия, при котором явления наделяются цветом, запахом, текстурой, вкусом, геометрической формой, звуковой тональностью или положением в пространстве) [Карпенко А.В. 2017: 166]. Обратимся за доказательством к фрагменту автобиографического романа В.В. Набокова «Другие берега» (подзаголовок представленного фрагмента: «Исповедь синестета»): «Кроме всего я наделён в редкой мере так называемой *audition colorée** – цветным слухом... Черно-бурую группу составляют: густое, без галльского глянца, А; довольно ровное (по сравнению с рваным R) P; крепкое каучуковое Г; Ж, отличающееся от французского J, как горький шоколад от молочного; темно-коричневое, отполированное Я, В белесой группе буквы Л, Н, О, Х, Э представляют, в этом порядке, довольно бледную диету из вермишели, смоленской каши, миндального молока, сухой булки и шведского хлеба. Группу мутных промежуточных оттенков образуют клистирное Ч, пушисто-сизое Ш и такое же, но с прожелтью, Щ» [Набоков В.В. 2004: 34].

Просим обучающихся составить покадровый синестетический портрет концепта «обида»: взаимосвязь мыслей и чувств героя, выраженных в цвете, (см. таблицу 1) и сделать выводы об этой взаимосвязи. (Обучающиеся говорят, что мысли вторичны по отношению к чувствам: на основе «окрашенного» чувства рождается мысль.)

Таблица 1. Взаимосвязь чувства обиды и мыслей героя

Раскадровка рассказа	Цветопись обиды (чувства героя)	Мысли, вызванные обидой
Кадр 1	Серая, темно-коричневая, с проблесками красного как предощущения беды, тревоги обида (Ахроматический и хроматический цвета.)	Нервозность, недовольство. Паника: «Сказаться больным? Свалиться с козел?» — уныло подумал Путя, когда показались первые избы» [Набоков В.В. 1990: 245]
Кадр 2	Белая (бесцветная) обида (Ахроматический (бесцветный) цвет.)	Огорчение: «Мой» пал на Путю. Но тут все остальные еще теснее обступили Якова Семеновича, умоляя, чтобы искал он». Непонимание действий и мыслей окружающих: «За что? Что я такого сделал?» [Набоков В.В. 1990: 247]
Кадр 3	Белая (бесцветная) обида (Ахроматический (бесцветный) цвет.)	Вредность, желание заставить других страдать: «Он обошел дом с другой стороны, смутно думая, что там где-то должен быть пруд, и можно оставить на берегу платок с меткой и свисток на белом шнурке, а самому незаметно отправиться домой» [Набоков В.В. 1990: 248]
Кадр 4	Желто-зеленая обида – серая обида (Ахроматический и хроматический цвета.)	Облечение: «Все тут были, – Яков Семенович, Вася, Таня, все остальные; они окружали мужика». Тупик, одиночество: «Вася Тучков оглянулся и, обратившись к Тане, сказал со смешком: «А вот идет ломака»» [Набоков В.В. 1990: 249]

Известно, что цветовая картина мира этнически обусловлена, способствует обретению исторически накопленного лексического богатства. Далее задаём обучающимся вопрос, связанный с восприятием цвета разными народами: «Изменится ли ваш синестетический портрет концепта, если его будут переводить на другие языки?» Обучающиеся говорят о том, что цвет у многих народов – это средство осмысления мира в лингвоцветовой картине мира различных языков. Здесь важно учитывать тот факт, что «цвет разлит в природе, но в первую очередь он – принадлежность нашего сознания, в том числе этнического, этнолингвистического сознания, и он – часть мира наших эмоций» [Кульпина В.Г. 2008: 79]. Внутренняя форма лексемы «обида», её национальная маркированность видна в смене хроматических и ахроматических оттенков обиды. Но понятие объективного фактора исключается, если говорить о том, что В.В. Набоков обладает русской лингвоцветовой картиной мира (национально-культурной спецификой языкового сознания), в силу универсальности

детонатов цвета в широком смысле. Можно говорить об элементах архетипического в восприятии В.В. Набоковым национальной цветовой картины мира (эту мысль подтвердили обучающиеся-инофоны).

Следующее задание – исследовательский взгляд на композицию. Учитель обращает внимание обучающихся на то, что у рассказа нет концовки (кадра 5), он будто оборван на полуслове. Ученикам необходимо закончить рассказ советом автора (приём моделирования на основе «цветового слуха»), как Пугачёв сделать свой мир ближе миру окружающих: взрослых и детей (используем «советы» автора из текста рассказа, уже маркированные цветом в киносценарии). Чтобы понять, как мыслит синестетик, можно предложить обучающимся выполнить тест на синестезию – отыскать на цифровом поле, состоящем из пятерок, двойки. Синестетик сделает это задание мгновенно: двойки в его восприятии другие по цвету.

Цель работы над киносценарием – создание жизненной ситуации проживания эмоции «обида» вместе с героем, её присвоение, ощущение себя одним целым с героем как носителем этнической (национальной) культуры – манифестирование текста рассказа как текста своей этнокультуры; преодоление лакунарной напряжённости в восприятии текста рассказа с помощью «синестетического» (основанного на лингвоцветовой картине мира) погружения в мир автора. Степень межкультурной близости этноса выявляется в анализе содержания этнически значимого концепта «обида» (непонимание взрослыми чувств ребёнка, непонимание сверстниками, общее равнодушие окружающих, терпение подростка, уважение старшего поколения), смоделированного на базе результатов лексикографического ассоциативного эксперимента (киносценария и синестетического портрета чувства) как овнешнения идеального, моделей распрямления.

Второй, словарный, этап работы (**герменевтическая студия № 2 «В начале было Слово...»**) предполагает герменевтический *анализ* и *синтез* этнокультурного концепта «обида» на основе моделирования тезауруса этноса и его интериоризации.

Цель анализа и синтеза концепта «обида» – смоделировать на его примере этнопсихолингвистическую категорию «этническое самосознание» (этническая самоидентификация) как необходимую для выявления моделей межкультурного взаимодействия этноса. Этническая картина мира меняется с течением времени, но существуют коммуникативные и поведенческие модели, стереотипы, которые являются обязательным атрибутом любого этноса и составляют менталитет народа. В связи с глобализационными тенденциями в современных культурах, миграционными процессами возникает такая реальность, когда стираются границы этнических, национальных признаков. Задача этапа – несмотря на спорность вопроса о сущности национального (этнического) сознания – запустить

процесс его формирования у поколения Z на основе актуализации опредмеченных идеальных форм (словарей).

Анализ начинается с выявления значения (семантики) слов, репрезентирующих концепт «обида». Обучающиеся работают со словарными статьями концепта «обида» в толковых и этимологических словарях: подчёркивает ключевые слова в статьях, раскрывающие понятие «обида», и с кульминацией рассказа: выписывают из кульминационного эпизода слова, раскрывающие концепт «обида» в интерпретации В.В. Набокова (результат работы представлен в таблице 2); делают вывод о том, что отмеченные слова – контекстные синонимы.

Таблица 2. Взаимосвязь ментального языка В.В. Набокова и культурологического тезауруса

Ментальный язык В.В. Набокова	
<p>«Неотзывчивость, забыли, не спохватился, кругом, впустую, ненайденный, таящийся». Выписанные лексемы говорят о смене дейктических номинаций одного и того же персонажа. Это текстовое явление может быть описано с помощью понятия «нарративная парадигма имен лица» автора и персонажа. Происходит смена точек зрения, то есть когда сначала передаются мысли и чувства персонажа, затем автора (либо интерпретация событий с точки зрения одного, затем другого). Синонимами к выписанным словам будут «бездушие, нечуткость, черствость, холодность». Это образец научной этимологии слова, поиск его «внутренней формы» («зародыша смысла»), таким образом, проявляется личное начало в слове писателя (обида – неотзывчивость – отсутствие ответного зова, отклика). Слово «неотзывчивость» – это пример использования стилевой компрессии, слово-стилистическая фигура, которое является действенным средством эмоционально-психологического воздействия на читателя.</p>	
Словарные статьи	
Толковые словари	Этимологические словари
<p>Обида – несправедливо причинённое огорчение, оскорбление, а также вызванное им чувство. <i>Терпеть обиды, быть в обиде на кого-н. В тесноте, да не в обиде. Не дать в обиду кого-н.</i> 2. в знач. сказ. О досадном, обидном случае (разг.) <i>Опоздал, такая (какая, вот) обида!</i>» [Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 1999: 428].</p> <p>Обида – всякая неправда, тому, кто должен переносить её; всё, что оскорбляет, бесчестит и порицает, причиняет боль, убыток или поношение [Даль В.И. 1995: 683].</p>	<p>Обида – общеслав, производное от «видеть» об+видеть. <i>Обида</i> буквально – «наказание, бесчестие» (путем выставления на обозрение: ср. <i>обизор</i> «поношение, бесчестие»). См. <i>позор</i>» [Шанский Н.М., Боброва Т.А 1994: 206].</p> <p>Обида – вероятнее всего из об+видеть. Об – «вокруг, огибая, минуя», т.е. «обделить взглядом, не посмотреть» [Фасмер М. 1971: 100]. Сравните обнести (кого-то угощением), пронести мимо, не дать, обделить, обвесить. Русская обида, тем самым, выросла из идеи обделить взглядом, не посмотреть, т.е. обойти вниманием [Фасмер М. 1971: 100].</p>
Психологический словарь	
<p>Обида – чувство обиды возникает у человека, когда он полагает, что по отношению к нему совершена какая-то несправедливость, неприятность, нанесено оскорбление, совершен обман, неблагодарность и т. д. [Авдеева Н. Н. и др. 2009: 456]</p>	

Культурологический словарь
Обида (ст. слав. – о-беда) – форма эмоциональной оценки и переживания человека по поводу зла, несправедливости, оскорбления, бесчестия, порицания, причиненного ему [Безрукова В.В. 2000: 567]
Словарь религиозной направленности
Обида (злопамятность) – признак гордости и духовной слабости – печаль и горечь в сердце от нанесенного зла. Обида происходит не от злобы обижающих, но от слабости духа обижаемого [Православная энциклопедия 2000: 349]

Стилевая компрессия слова – излюбленный приём В.В. Набокова. Просим обучающихся применить приём декомпрессии и раскрыть значение концепта «обида» у В. Набокова, пользуясь таблицей. Писатель чувствует слово как представитель этноса (слова–маркеры обиды: обида – неотзывчивость – огорчение – оскорбление – досада – несправедливость – боль – культурологическое «беда»), а как учёный познаёт его внутреннюю форму (например, об-видеть).

Рассмотрим определения в словарях с точки зрения их этноязыкового своеобразия. Словарь В.И. Даля отражает самобытную русскую культурную традицию («всё, что оскорбляет, бесчестит и порицает»), а словарь С.И. Ожегова точнее квалифицирует понятие «обида» с точки зрения русской ментальности («оскорбление, а также вызванное им чувство»).

Продолжим для анализа концепта использовать приёмы В. Набокова. Известно, что слова любого языка очень часто мотивированы другими. На наш взгляд, в этимологических словарях обида связана со взглядом, но если в словаре Н.М. Шанского обида трактуется как выставление на всеобщее обозрение (позор), то в словаре М. Фасмера обида – невнимание (отсутствие взгляда): оба контекста отражают смысловое поле рассказа В.В. Набокова «Обида». Маркер «русской обиды» в православной энциклопедии – «признак гордости и духовной слабости – печаль и горечь в сердце от нанесённого зла. Обида происходит не от злобы обижающих, но от слабости духа обижаемого» [Православная энциклопедия 2000: 349]. Таким образом, на основе анализа тезауруса (семантического поля) как способа презентации национальной языковой картины мира в концепте «обида» представлена ментальная картина мира автора как представителя этноса, русской языковой личности.

Тезаурусный анализ концепта «обида» позволяет говорить об этническом сознании как особом виде сознания, присущем нации. Описывая этнопсихолингвистические особенности отдельного члена общества (В.В. Набокова и авторов словарных статей), мы оперируем понятием индивидуальное сознание (национально-культурная индивидуальность) или концептуальная система (концептная картина мира и под.), описывая те же особенности общности (части общности), мы говорим о менталитете (ментальности) как системе

стереотипов, специфичных для каждой общности [Голикова Т.А. 1995: 97]. Эта модель присвоения (стилевая декомпрессия этноконцепта) должна быть доступна современному поколению Z как представителю этноса.

В разных языках слово может быть мотивировано по-разному. Предлагаем обучающимся рассмотреть таблицу и предположить, почему обида именно так трактуется в каждом из языков.

Таблица 3. Значения концепта «обида» в разных языках

Язык	Перевод слова «обида»	Родственные слова
английский	1. resentment, grudge, bitterness 2. insult, affront 3. offence, offense	1. Негодование, злоба, горечь 2. Оскорбление 3. Преступление
испанский	1. resentimientom 2. ofensaf, insultom 3. agraviom	1. Досада 2. Оскорбление 3. Оскорбление
немецкий	1. Ressentimentn Kränkungf 2. Beleidigungf	1. Оскорбление 2. Оскорбление
болгарский	Обида	Обида, негодование, възмущение, яд, недовольство
латышский	1. aizvainojums 2. apvainojums nodarījums ievainots pārkāpums	1. Недовольство 2. Оскорбление

Лексикографический эксперимент показал, что концептное пространство русской лексемы «обида» расширяется в случае, когда заимствуются концептуальные признаки иноязычных лексем без соответствующей фонетической оболочки. Причинами того, что все разнообразие пространства русского концепта «обида» (оскорбление, негодование и др.) коррелирует с концептом «обида» в европейских языках, являются следующие:

- исконность соответствующей лексемы в языке,
- базовый уровень самой эмоции обида,
- неактуальность признаков интенсивности и модальности эмоции в этнической (русской) картине мира. Этот вывод позволяет говорить об интернациональности восприятия концепта «обида».

Гипотезу интернациональности концепта «обида» проверяем с помощью эксперимента. Предлагаем обучающимся сопоставить представление обиды носителями разных языков (включая русский) в ситуации Пути Шишкова, найти логическое обоснование. Обучающиеся говорят о том, что в рассказе Набокова изображается и исследуется обида как боль

адаптации ребенка к «взрослой» жизни и реакция на одиночество среди сверстников (её интернациональный аспект), но семантическое ядро концепта – национально-ментальное («неотзывчивость»).

На этапе диалога культур (**штудия № 3 «Слово в диалоге культур» – исследование опыта культуры и эксперименты**) обратимся к этнопсихолингвистике. По мнению представителей этой отрасли лингвистической науки, главным фактором формирования психики этноса является язык, накапливающий и отражающий его исторический опыт. Структура языка детерминирует структуру мышления [Леонтьев А. А. 1999: 10]. Попробуем доказать, что «структура концепта «обида» у В.В. Набокова детерминирует структуру его мышления как представителя этноса, формирует этноним, этническое сознание как национальный ментально-лингвальный дискурс.

Таксономия – учение о принципах классификации и систематизации сложноорганизованных иерархически соотносящихся сущностей. Некоторое множество делится на группы (таксоны), внутри каждой группы выделяются подгруппы более низкого ранга. Предлагаем обучающимся проанализировать метафорический портрет «обиды» (группы-таксоны концепта):

- атрибутивные метафоры: острая, кипящая, проснувшаяся обида;
- предметная метафора: горечь обиды;
- глагольные метафоры: обида наваливается, раздувается, мучает, жжёт, не отпускает; обида проходит, растёт, глотаётся, жжёт, заглушается, просветляется; обида просыпается, кипит, остывает, улетучивается, умолкает, шевелится, нанести, подавить обиду, обида проходит;
- акустические метафоры: тихая обида, заглушать обиду, обида затихает;
- вкусовые метафоры: горькая обида, ядовитая обида;
- осязательные метафоры: горячая, жгучая, неостывшая обида, обида жжет;
- обонятельная метафора: свежая обида;
- зрительные метафоры: след от обиды, раздуть обиду, проглатывать обиду

[Мишати́на Н.Л. 2003: 66]

и оценить истинность высказываний (маркировка), опираясь на «метафорический портрет» обиды как этнически обусловленный таксон:

+	Высказывание соответствует истине (моё субъективное мнение)
–	Высказывание не соответствует истине (моё субъективное мнение)
?	Представленной информации недостаточно для того, чтобы оценить истинность высказывания (я считаю, что субъективные высказывания нельзя соотносить с общекультурным знанием)

Величайшая обида, какую можно причинить честному человеку, – это заподозрить его в нечестном (У. Шекспир).

Природа устроила так, что обиды помнятся дольше, чем добрые поступки. Добро забывается, а обиды упорно держатся в памяти (Сенека).

Никто нас не обижает, кроме нас самих (Диоген).

Не слова вызывают боль, но нас оскорбившая наглость и надменность (Василий Великий).

От всех обид спасение – в забвении (Публилий Сир).

Из-за каждой обиды нельзя отречься от друга (Ас-Самарканди).

Обиды... происходят не от злобы обижающих, но от слабости обижаемых (Иоанн Златоуст).

Разумного человека невозможно обидеть; обижаешься ровно настолько, насколько чувства превосходят разум (Франтишек Крышка).

Приводим пример созданного обучающимися таксона-концепта, отражающего этническое самосознание как национальный ментально-лингвальный дискурс писателя: обида – память сердца – попытка забвения – чувства превосходят разум – «Никто нас не обижает, кроме нас самих» – обида на самого себя за слабость.

Предметом исследования на уроке ментально-лингвальный дискурса писателя может стать интертекстуальность как художественный приём поэтики В.В. Набокова (омонимия интертекстуального сигнала; приём реминисцентной организации текста; реминисцентный код – система приёмов В.В. Набокова). Особенностью интертекстуальных сигналов В.В. Набокова является их построение по типу ризомного разветвления: читатель должен создать в своём сознании гипертекст писателя.

Мы уже обратили внимание, что рассказ не закончен. Это особенность стиля В.В. Набокова: почти его каждое произведение взаимодействует с другими романами, рассказами, стихотворениями. Сюжеты произведений переплетаются, придавая творчеству писателя свойство метаконструкции, метаромана. Попробуем сложить пазл (целое) или «тексты-матрёшки» из произведений В.В. Набокова. Построим композиционную метаконструкцию автобиографического характера концепта «обида» в творчестве В.В. Набокова.

Таблица 4. Метаконструкция творчества В.В. Набокова

Композиция	Цитатник
Экспозиция	Детство, о котором он никогда прежде не думал, отстраняя его с лёгким содроганием, чтобы не найти в нём дремлющих ужасов, унижительных обид, оказывалось ныне удивительно безопасным местом, где можно было совершить приятные, не лишённые пронзительной прелести экскурсии... [Набоков В.В. 1991: 156]

Завязка	Путя, улыбаясь и волнуясь, спрыгнул в сад и опрометью бросился к скамейке. Он еще бежал, когда заметил какую-то странную кругом неотзывчивость. Все же, не уменьшая скорости, он достиг скамейки и трижды стукнул палочкой. Впустую. Никого кругом не было [Набоков В.В. 1990: 247]
Кульминация	«Вечер на пустыре» «Молодое мое одиночество среди ночных, неподвижных ветвей» [Набоков В.В. 1991: 86]
Развязка	С ранних лет. чудом смекнув опасность, Цинциннат бдительно изощрялся в том, чтобы скрыть некоторую свою особость. Чужих лучей не пропуская, а потому, в состоянии покоя, производя диковинное впечатление одинокого темного препятствия в этом мире прозрачных друг для дружки душ, он научился все-таки притворяться сквозистым, для чего прибегал к сложной системе как бы оптических обманов... [Набоков В.В. 1991:234]
Концовка	Меня обвиняли в нежелании «приобщиться к среде», в надменном шегольстве французскими и английскими выражениями (которые попадали в мои русские сочинения только потому, что я валял первое, что приходило на язык), в категорическом отказе пользоваться отвратительно мокрым полотенцем и общим розовым мылом в умывальной, в том, что я брезговал захватанным серым хлебом и чуждым мне чаем... Наибольшее негодование возбуждало то, что уже тогда я испытывал непреодолимое отвращение ко всяким группировкам, союзам, объединениям, обществам. Другие берега (1953)

Композиция творческого бытия В.В. Набокова иллюстрирует приём «космической синхронизации» (ощущения параллельного существования реального и идеального миров), момент «эпифаний», т. е. сверхчувственного прозрения бытия.

Общий «смысловой стержень» обиды в построенной композиции творчества В.В. Набокова – идея несправедливости. Источники ощущения несправедливости могут быть различными. В рассказе В.В. Набокова «Обида» – это связано с биспациальной (Ю. Левин) позицией автора, нежеланием героя покинуть свою реальность («семантические качели»). Проведённый выше таксономический анализ показал, что обида особенно остро переживается в детстве как реакция на недостаток любви; обида – опасное чувство, которое может навсегда завладеть душой человека, как у В.В. Набокова. На уровне интертекста, реминисцентного кода автор «играет» с обидой, стараясь сделать это чувство несерьёзным. Вовлечённый в интертекстуальную игру художественный текст лишается серьёзности и превращается в артефакт. Интертекстуальность переводит рассказ в статус пародии – мениппеи с целью унижения и искажения классического канона. Приём интертекстуальности позволяет В.В. Набокову создавать тексты-мозаики, в которых парадоксальным образом сосуществуют реминисцентные коды разных произведений как способы борьбы с приёмами реализма. Так невыносимо сложно борется герой автобиографических произведений Набокова со своей русской (детской!) («выставление на всеобщее обозрение (позор)» –

«обделить взглядом, не посмотреть», – «признак гордости и духовной слабости» – «печаль и горечь в сердце от нанесённого зла») обидой на мир, феноменом русской восприимчивости, впечатлительности, который выработал внутреннюю готовность к страданию, феноменом, предопределившим специфику эмоциональной национальной картины мира автора.

На этапе формирования ценностей и смыслов (**Штудия № 4 «Ценности и смыслы»** - сформированное ценностно-смысловое отношение к русской культуре, духовные ценности и национальные идеалы) проанализируем тетраду «язык-сознание-этнос-культура» как рефлексию человека о трансляции этнокультурной информации в языке. Формирование этнического самосознания, как указывает Е.Ф. Тарасов, предполагает наличие способности к рефлексии над собственной национальной культурой, существующей в ментальной, деятельностной и предметной формах [Тарасов, 1995: 146]. Для этого в авторской методической модели формирования этнического самосознания выделяем два инструмента. Это «этнопсихолингвистический портрет концепта» (И.А. Шерстобитова) и «метафорический портрет» (Н.Л. Мишати́на, Ю.В. Малкова, В. А. Маслова) [Мишати́на Н.Л. 2017].

По мнению представителей этнопсихолингвистики (А.А. Леонтьев, Г.Д. Гачев, В.В. Красных), любой язык тесно связан с этническими формами общественного сознания, которые несут в себе значительную этническую нагрузку. Докажем это утверждение. Для этого проведём исследование специфики связи этнического (речевого) и психологического поведения в ситуации обиды на мир. Обучающиеся должны ответить на ряд вопросов: «Где обида живет (в груди, в голове, в сердце)? Как её пребывание в вашем теле отражается на вашем самочувствии? Для актуализации причинно-следственных связей влияния чувства обиды на физическое самочувствие приводим (для обучающихся) неполный список заболеваний, которые могут возникнуть у человека, носящего обиду в себе. Например, заболевания сердца. Народная мудрость говорит, что обиженные люди «носят обиду в сердце». Болезни верхних дыхательных путей. Эти заболевания чаще всего возникают у людей, которые «проглатывают» обиду молча, не выпускают ее наружу. Лишний вес. Обида – это мощный стресс для организма, и, если человек переживает длительное время («быть в обиде»), он старается найти способ восполнить положительные эмоции [Апуневич О. А. 2001: 20].

Составление личностного этнопсихолингвистического портрета концепта «обида» – это развитие этнического самосознания. Сначала создаем метафорический портрет своей обиды: «Какого обиды размера? Какое у неё состояние? Какого она цвета?»

Далее предлагаем обучающимся психологическую (постмодернистскую) игру «Разговор по душам с обидой», которая помогает избавиться от этого чувства: «Для чего ты существуешь? В какие моменты проявляешься? Что нужно сделать, чтобы ты ушла? Если ты уйдешь, как я буду дальше жить?»

Для итогового эксперимента пятидесяти респондентам, обучающимся 6 класса ГБОУ СОШ №184, было предложено написать концептное эссе «Обида». Предмет рассуждения становится проблемным вопросом и приобретает национальную специфичность в контексте межкультурной коммуникации, а также диалога культур, так как для нашего исследования характерна языковая мимикрия, связанная с нациокритерием (в классе обучаются дети разных национальностей). Обучающиеся-инофоны в рамках этого задания должны были приблизиться к пониманию «русской души», а русскоязычные обучающиеся – интериоризировать ценностный тезаурус русской культуры.

Приведём примеры работ обучающихся и учительское эссе.

1. Обида начинается с чего-то незначительного, растёт, подавляет, унижает человека, держит, не даёт жить (Маша М.).

2. Обида – это оскорбление непониманием. Обиду наносит человек, и она разрастается в обиду на мир (Мехрона С.).

3. Обида – чёрная бездна. Ты падаешь в неё или тебя туда толкают. Края бездны тебя обжигают, съедают. Упав, стоишь и ничего не видишь (Нина У.).

4. Обида включает в себя злость, гнев или даже ненависть к обидчику, с одной стороны, и жалость к себе, с другой стороны. В основе обиды лежит несоответствие мнения человека о себе и представления, как к нему должны относиться (Влад А.).

5. Везде темно –

Обида поглотила сердце...

Оставила лишь в памяти воспоминанья о былом, о светлом

И обрекла на вечные страданья... (Лиза Е.)

6. Обида – это неоправданные ожидания, когда человек ждет от другого, чаще всего неосознанно, чего-то для себя (Парвиз А.).

7. Я погрузилась в обиду. Тёмная, кипящая, горячая, она проснулась в моей душе и раздулась до гигантских размеров. Свежая и острая, она занозой пронзила моё сердце. Ядовитая, она отравила мир вокруг меня. Стало казаться, что и мир переполнен обидой. Переглотив обиду, я из последних сил выплеснула её из себя. И над миром зазвучал последний предсмертный всплеск обиды как последний крик моей боли: «За что? Что я такого сделала?» Я смыла обиду с сердца, но след от неё долго жил в моей душе (эссе учителя).

Герменевтика культуры выступает в работах обучающихся как межкультурный диалог. В результате языковой герменевтической рефлексии концепт «обида» как объект культуры артефактов присвоен обучающимися как национальный концепт (Н.Л. Мишатина, Л.Г. Саяхова), как «живая культура» (С.С. Аверинцев, В.П. Зинченко). Это исследование

подтверждает точку зрения о том, что фактором идентичности является своеобразие восприятия, оценки концептов культуры как моделей оценки мира этносом. В приведённых примерах эссеистических работ обучающихся и в учительском эссе видны стереотипы самооценки этноса (автостереотипы) и гетеростереотипы в работах обучающихся-инофонов. Но в целом видно, что русскоязычные шестиклассники преодолели лакунарную напряжённость: ощутили свою национально-культурную индивидуальность, поняли связь своей языковой личности с национальной культурой, а обучающиеся-инофоны смогли понять другую культуру, ощутить её «другодоминантность» (А.А. Ухтомский, С.Г. Батищев).

Целенаправленная работа по развитию у учеников этнического самосознания позволяет решить задачи «языкового воспитания» (В.А. Сухомлинский): интериоризовать и переосмыслить тексты культуры, преодолеть культурный разрыв поколений, встроить поколение Z в «ось мировой истории» [Ясперс 1991: 32].

Литература

- Аникин Е. Е., Чудинов А. П. 2011 – Дискуссия о русской языковой картине мира: абсолютный универсализм и крайний релятивизм (неогумбольдтианство). *Политическая лингвистика*. Екатеринбург. Вып. 1 (35).
- Апуневич О. А. 2001 – *Психологические особенности преодоления обиды и обидчивости в подростковом возрасте: дис. ... канд. психол. наук*. Череповец. – 210 с.
- Безрукова В.С. 2000 – *Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога)*. Екатеринбург. – 937 с.
- Большой психологический словарь* 2009 – [Авдеева Н. Н. и др.]; под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Выготский Л.С. *Мышление и речь: психологические исследования*. – Москва, 1934. – 319 с.
- Даль В.И. 1995 – *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва: ТЕРРА, Т. 4.
- Голикова Т.А. 1995 – К проблеме изучения национальной культуры в школе: понятие менталитета. *Социально-экономические проблемы образования в Западно-Сибирском регионе России. Материалы международной конференции по программе ЮНЕСКО «Образование в поликультурном обществе»*. Т.2. Барнаул: Изд-во БГПУ. С. 96-98.
- Зинченко. 4-е изд., расш. Москва: АСТ; Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак. – 811 с.
- Карпенко А.В. 2017 – Синестезия как средство выражения символистского мироощущения *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации»*. Том 27 (66). № 1. Ч.2 – С. 164-170.
- Костомаров В.Г. 1991 – Ещё раз о понятии «родной язык». *Русский язык в СССР*. Москва. № 9.
- Красных В. В. 2002 – *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций*. – Москва: ИТДГК «Гнозис». 284 с.
- Кубрякова Е.С. 1999 – Языковое сознание и языковая картина мира. *Филология и культура. Материалы международной конференции*. Часть 1. Тамбов.
- Кульпина В.Г. 2008. – Программа спецкурса «Актуальные проблемы лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания». *Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. № 2. с. 79.
- Леонтьев А. А. 1999 – *Основы психоллингвистики*. Москва.
- Луков В. А. 2012. – Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы. *Социологические исследования*. № 1. С. 5
- Мазанаев Ш.А. 1997 – *Двуязычное художественное творчество в системе национальных литератур*. Махачкала: Юпитер.

- Мартьянова И.А. 2017 – Кинематографичность литературного текста (на материале современной русской прозы. *Вестник Челябинского государственного университета*. № 1. С. 136–141. URL: <https://elibrary.ru/titles.asp>.
- Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития*: монография 2017 – [Н. Л. Шубина, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик и др.; редакционная коллегия: Н.Л. Мишати́на (научный редактор) и др.]. – Санкт-Петербург: Книжный дом. – 448 с.
- Мишати́на, Н. Л., Цыбулько, И. П. 2016 – *Антропологическая лингвометодика: в поисках смысла, содержания и оценивания [Текст]*/ Н.Л. Мишати́на. Москва. – 232 с.
- Набоков В.В. 1990 – Обида. *Собрание сочинений в 4-х т.*, т. 3. Москва: Правда.
- Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / сост. Н.Г. Мельников. – Москва: *Независимая газета*, 2002, с. 123.
- Набоков В. 2004 – *Другие берега: Мемуары*. Москва: Захаров.
- Набоков В.В. 1992 – Защита Лужина. *Собрание сочинений в 4-х т.*, т. 2. Москва: Правда.
- Набоков В.В. 1991 – Приглашение на казнь. *Собрание сочинений в 4-х т.*, т. 3. Москва: Правда.
- Набоков В.В. 1990 – Вечер на пустыре. *Собрание сочинений в 4-х т.*, т. 1. Москва: Правда.
- Нехорошев Л.Н. 2009 – *Драматургия фильма*. Москва: ВГИК. – 344с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 1999 – *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова*. – 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник. – 944 с.
- Православная энциклопедия* 2000 – под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Москва: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия».
- Сорокин Ю.А. 1998 – Теория лакун и оптимизация межкультурного общения. *Единицы языка и их функционирование*. Вып. 4. Саратов: СГУ. – С. 3–9.
- Степанов Ю.С. 2004 – Степанов Ю.С. *Константы: Словарь русской культуры* [Текст]: изд. 3-е, испр. и доп. / Ю.С. Степанов. – Москва: Академический Проект. – 992 с.
- Сущинский И.И. 1984 – *О функциях акцентуаторов (на материале немецкого языка)*. Филологические науки. № 4.
- Тарасов Е.Ф. 2000 – Актуальные проблемы анализа языкового сознания. *Языковое сознание и образ мира* /сб. науч. статей под ред. Н.В. Уфимцевой. Москва. С. 26.
- Тарасов Е.Ф. 1995 – Языковое сознание: методологические и теоретические аспекты. *Этническое и языковое самосознание*. Москва.
- Фасмер М. 1971 – *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Прогресс, том 3.
- Шанский Н.М., Боброва Т.А. 1994 – *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Прозерпина. – 400 с.
- Шаховский В.И. 2008 – *Лингвистическая теория эмоций: монография* [Текст] / В.И. Шаховский. Москва: Гнозис. – 414, [1] с.; с. 207
- Шерстобитова И.А. 2017 – *Концепты как средство раскрытия интеграционного содержания образования. Монография*. [Текст]: / И.А. Шерстобитова. – Издательство Ламберт.
- Шлейермахер Ф. 2004 – *Герменевтика* [Текст]/ Ф. Шлейермахер / Пер. с нем. А.Л. Вольского. Санкт-Петербург: Европейский Дом.
- Ясперс К. 1991 – *Смысл и назначение истории* [Текст]/ К. Ясперс; пер. М.И. Левина. Москва: Политиздат. – 527 с. (Мыслители XX века).

Irina Anatolyevna Sherstobitova

St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education, Russia
 irina-sherstobitova@yandex.ru

FORMATION OF THE LINGUISTIC PERSONALITY OF GENERATION Z BASED ON CONCEPTS

Abstract: The article presents the St. Petersburg concept of the development of ethnic self-consciousness (self-identification) as a promising direction for the implementation of linguoconceptology in education. The methodological

basis of the research is three scientific approaches: ethnopsycholinguistic theory (A. A. Leontiev, V. V. Krasnykh), linguoconceptocentric theory (N. L. Mishatina) and the classical theory of hermeneutics (F. Schleiermacher). Hermeneutical study of the process of understanding and interpretation of the ethno-concept (national-cultural concept) “offense” in the short story of the same name by V. V. Nabokov’s work is based on the author's model of conceptual analysis (I. A. Sherstobitova). Within the framework of the study laboratories, a system of tasks has been developed that form and develop the ethnic self-consciousness of students; the criteria for the development of ethnic competence are determined by the creation of essayistic texts-ethnic concepts. The model of the development of ethnic consciousness based on the hermeneutic study of concepts allows us to solve the problems of “language education” (V. A. Sukhomlinsky): to interiorize and rethink the texts of culture, to overcome the cultural generation gap, to integrate generation Z into the “axis of world history” (K. Jaspers).

Keywords: concept, conceptual analysis, hermeneutical study, linguoconceptology, ethnopsycholinguistics

*Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 313-318. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.*

ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВЫЕ ИНТЕГРАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА СТРАНИЦАХ УЧЕБНИКА 5 КЛАССА ПО РКИ (УРОВЕНЬ А2.2) ДЛЯ ШКОЛ УЗБЕКИСТАНА

Татьяна Шорина

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия
shorinatatiana@yandex.ru*

В статье представлена концепция учебника по русскому языку как иностранному для 5 класса школ Узбекистана, уровень владения русским языком А2.2. Учебник базируется на принципах предметно-языковых интегративных технологий с привлечением культурологического и этнопедагогического подходов. Описывается модель урока РКИ, представлены лексико-грамматические и коммуникативные задания, отражающие данные принципы и подходы.

Ключевые слова. Русский язык как иностранный, уровень владения русским языком, учебник, предметно-языковые интегративные технологии, культуроведческий, коммуникативный, практико-ориентированный подход.

Учебник по русскому языку как иностранному для 5 класса школ Узбекистана (авторы Исакжанова З.А, Шаряева М.К., Шорина Т.А) входит в линейку новых учебников по русскому языку (2-11 классы) как иностранному, над которыми трудился большой коллектив авторов: педагогов-ученых РГПУ им. А.И. Герцена (под руководством доктора педагогических наук Хамраевой Е.А.) и учителей-практиков, педагогических работников в сфере образования республики Узбекистана.

Современная система образования направлена на формирование высоко образованной, интеллектуально развитой личности с целостной картиной мира, с пониманием глубины связей явлений и процессов, с умением анализировать явления и ситуации. Предметная разобщённость становится одной из причин фрагментарности мировоззрения выпускника школы, в то время как в современном мире преобладают тенденции к экономической, политической, культурной, информационной интеграции. Таким образом, самостоятельность предметов, их слабая связь друг с другом порождают серьёзные трудности в формировании у учащихся целостной картины мира, препятствуют органичному восприятию культуры. Интегрированные уроки способны в той или иной мере исправить данную ситуацию, они нацелены на формирование целостной картины мира у детей, понимания связей между явлениями в природе, обществе и мире в целом.

Концепция учебника 5 класса по русскому языку как иностранному, уровень А2.2 базируется на технологии предметно-языкового интегративного обучения, которая включает принципы культурологического, коммуникативного и практико-ориентированного подходов. Современные предметно-языковые технологии, интегрированные в структуру учебника,

помогают школьникам рассматривать иностранный (русский) язык не только как *учебный предмет*, не только, как *средство общения*, но и как **средство познания**. Учащиеся получают дополнительную мотивацию развивать свою **лексическую компетенцию** в той или иной предметной области (направлении) и знакомиться с информацией на русском языке.

Изучив программы по предметным областям и объем знаний по русскому языку начальной ступени обучения (начальной школы республики Узбекистан), авторским коллективом было решено, что содержание учебника 5 класса должно опираться на предметы естественного цикла: окружающий мир, география, математика, физика. Россия и Узбекистан имеют богатую историю и культуру, тщательно отобранный учебный образовательный и иллюстрационный материал, демонстрирующий шедевры историко-культурного наследия, этнографии, традиций, уникальных природных заповедников органично вписался в концепцию и содержание учебника.

На базе текстоцентрической модели урока были выстроены коммуникативные и лексико-грамматические задания. Под текстоцентрической моделью обучения (урока) мы подразумеваем тот факт, что текст является единицей обучения, урок построен на основе текста, в котором представлены, а затем отрабатываются в послетекстовых упражнениях новые лексические и грамматические единицы. В предметную область «Русский язык» через обучающие тексты и коммуникативные задания интегрируются темы научно-естественного цикла, история, этнография, культура: живопись и музыка. Учебный материал учебника направлен не только на обучение русскому языку, истории и культуры, но и на **комплексное развитие ребенка**, повышение его **познавательной** активности, творческой мотивации и создание интереса к изучению культуры, расширение кругозора в целом. Обучение русскому языку с привлечением предметно-языковых интегративных технологий поможет сформировать группы умений и навыков, необходимых школьнику 11-12 лет, а также реализовать поставленные перед педагогом задачи: стимулировать учащихся к творчеству, мотивировать ребят к изучению языка и культуры путем привлечения учебного материала, демонстрирующего богатейшую русскую культуру, литературу, основные вехи истории.

Структура учебника выстроена в соответствии с уровнем владения русским языком А2.2. Учебный материалы внутри урока строятся согласно принятой системе РКИ на базе субтестов: чтение, говорение, лексика, грамматика, аудирование, письмо, культурологическая информация о России и Узбекистане. В учебнике представлены образцы из произведений русской художественной литературы, научно-популярные очерки, поэзия, фольклор, пословицы, поговорки, песни, выбранные авторами согласно уровневым языковым требованиям и лексическим темам учебника, то есть тексты для чтения на уроках русского языка представляют собой адаптированные отрывки из произведений русской художественной

литературы, научно-популярные очерки, стихи, сказки. Для ребят 11-12 лет, учащихся 5 класса в качестве текстовых примеров были выбраны следующие произведения:

- классические произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, А. Куприна, В. Маяковского;
- рассказы о природе М. Пришвина, К. Паустовского;
- рассказы о животных В. Чарушина, В. Бианки, Б. Житкова, В. Сутеева;
- стихи и рассказы для детей Н. Носова, В. Драгунского, Е. Пермяка, Л. Пантелеева, А. Усачева, С. Маршака, С. Михалкова и др.

Отбор культурологического материала в учебнике определялся лексико-грамматической темой конкретного урока и его целями. Адаптированные тексты о семейных праздниках, о значении семьи в жизни человека, об уважении к родственникам, о семейных традициях и реликвиях, с грамматическими заданиями используются на различных этапах урока. Авторы учебника глубоко убеждены, что информативная насыщенность текста, его познавательная ценность, этнокультурная направленность играют большую роль в освоении русского языка, вызывают большой интерес и способствуют становлению языковой личности ребенка в современном социуме. Практическое ознакомление учащихся в процессе занятий с грамматическим и с лексическим значениями слова, синонимией и некоторыми другими понятиями способствует обогащению словаря и развитию речи учащихся. Вовлечение этнокультуроведческого материала (история русского и узбекского национального костюма, народных музыкальных инструментов и т.д.) на уроках русского языка способствует формированию высокой духовной культуры ребенка, наполняет программу изучения русского языка новым содержанием. Важной чертой образовательного материала является сопоставление, сравнение, поиск отличий и общих характеристик ландшафта, событий истории, культуры и традиций двух стран России и Узбекистана.

Учебник содержит материалы для проектной деятельности учащихся, знакомит ребят с новыми рубриками «Энциклопедические странички», «Этимология слова», использует современные коммуникативные методики: лингвистические игры, ребусы, шарады, логические языковые задачи, графические диктанты, авторские методики по отработке языкового материала: мнемотехника, ассесмент, графические диктанты.

Методическим интегративным приемом учебника 5 класса явилось использование произведений искусства – полотен русских художников для развития творческих и креативных художественных способностей: ребята учатся видеть и читать картины, образы. Коммуникативные задания по работе над картинами содержат элементы размышления, сопоставления, аргументации и т.д. В качестве коммуникативных заданий используются следующие приемы: обсуждение персонажей, фона, сюжета картин, организуются дискуссии

на тему сюжета и эмоций, вызванных художественным произведением. Учитель предлагает задания на составление устных сочинений-рассуждений: «Какие сказки можно вспомнить, глядя на ту или иную картину?», «Хотел бы ты очутиться в сказке с героями В. М. Васнецова, с какими именно?» Работа с художественными произведениями на уроке русского языка — огромная ниша для творчества и креатива учителя. Ее цель — воспитание у ребят художественного творчества, эстетики, формирование чувства прекрасного и, конечно, обучение языку. Учитель может попросить ребят подобрать пословицы и поговорки к увиденному сюжету картины, употребить выписанные учителем слова и словосочетания, написать небольшой рассказ, «додумав» сюжет картины. Предлагаются викторины и конкурсы: кто более эмоционально опишет картину, сюжет, героев.

Еще один вид коммуникативных заданий, которые были разработаны авторами и широко используются в учебнике – это «Работаем с картиной». В учебнике помимо полотен В. Васнецова для работы над лексическими темами учебника привлечены картины знаменитых художников. Это:

- В. Серов «Мика Морозов» (описание внешности и характера ребенка)
- Ф. Будкин «Девушка перед зеркалом» (женский портрет, прическа, описание женского костюма)
- И. Крамской «Старик крестьянин» (мужской портрет, описание характера, социального положения)
- Э. Панов «На Руси за чашкой чая» (русская изба, национальные традиции костюм)
- П. Заболотский «Мальчик с балалайкой» (сувениры, национальные музыкальные инструменты)
- В. Перов «Рыболов» (описание характера, местности, отношение к природе, рыбалка, экология)
- В. Васнецов «Цветущий луг», Е. Бурмакин «Сбор хлопка» (сравнение природы, флоры России и Узбекистана)
- П. Веденецкий «Портрет И.П.Кулибина» (профессия – ученый, предметы, которыми работает ученый)
- А. Куинджи «Березовая роща» (природа России, берестяные грамоты, книги).

Учебный цикл по русскому языку 5 класса дополняют обобщающие уроки, которые тоже были составлены согласно принципам предметно-языковых интегративных технологий. Для одного из обобщающих уроков авторами был выбран рассказ К.Г. Паустовского «Корзина с еловыми шишками», который наряду с лексическим многообразием насыщен грамматическим материалом, который изучается в 5 классе: предложно-падежная система, предлоги, инфинитив, глаголы движения, местоимения, притяжательные, качественные и

количественные прилагательные, согласование прилагательных и существительных, количественные числительные и др. Этот рассказ К.Г. Паустовского пронизан **музыкой** Эдварда Грига, музыка «звучит» со страниц произведения: это мелодия леса, звук пастушьего рожка, шум ветра, шорох осенних листьев. Паустовский **рисует** уникальные **картины природы** – образы осеннего леса, гор, пастбищ, писатель **создает портреты** старого композитора и девочки из простой семьи, описывает их внешность, одежду. Богатый материал рассказа позволяет обобщить лексику, изучаемую в 5 классе через описания природы, жизни и быта простых крестьян, характеристику музыкальных инструментов и их звучания, описания атмосферы театра и зрительских эмоций, описания внешности и характера мудрого старика и главной героини рассказа – Дагни, которая учится быть терпеливой в ожидании подарка от композитора. Авторы учебника для текстовых образцов стремились привлекать рассказы, в которых главные герои – дети (Е. Пермяк «Надежный человек», Н. Носов «Витя Малеев в школе и дома», Л. Пантелеев «Честное слово» и т.д.), сверстники тех, кто сидит за партами и держит учебник в руках. Каждый рассказ по-своему поучителен, в коммуникативных заданиях отражается воспитательная суть, обсуждается, что хорошо, а что плохо, как нужно поступить, чтобы не обидеть друга и т.д.

Важный концептуальный момент: учебник содержит русские народные сказки, которые представлены как культурологический и воспитательный компоненты обучения в рамках проектной деятельности учащихся 5 класса. Лексические темы в 5 классе разнообразны: моя семья (описание внешности и характера), правила поведения в школе и семье, школьный этикет; мир вокруг нас (животный мир, явления природы); сувениры, встречи друзей – экскурсии по городам России и Узбекистана; традиции (праздники, семейный уклад и быт, жилище); профессии (биографии ученых России и Узбекистана, полководцев, известных личностей в истории обеих стран); мир книг (библиотеки, музеи.) Авторами был выделен ряд тем, к которым были подобраны сказки. Они и легли в основу проекта «Этот сказочный мир». В проект вошли сказки: С.Т. Аксаков «Аленький цветочек»; А.С. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке»; русская народная сказка «По щучьему велению»; русская народная сказка «Морозко» в сопоставлении с узбекской народной сказкой «Зумрат и Киммат»; русская народная сказка «Снегурочка»; русская народная сказка «Иван царевич и Серый волк». Встреча детей с героями сказок не оставит их равнодушными. Желание помочь попавшему в беду герою, разобраться в сказочной ситуации – все это стимулирует умственную деятельность ребенка, развивает интерес к предмету. В результате сопереживания у ребенка появляются не только новые знания, но и самое главное – новое эмоциональное отношение к окружающему: к людям, предметам, явлениям. Язык сказок отличается большой живописностью: в нем много метких сравнений, эпитетов, образных

выражений, диалогов, песенок, ритмичных повторов, которые помогают ребенку запомнить сказку. Таким образом, предметно-языковые технологии в учебнике по русскому языку как иностранному для учащихся 5 класса обогащаются еще духовно – нравственным и воспитательным компонентом.

Учебник сопровождается рабочими тетрадями, методическим руководством для учителя и словарем.

К.Г. Паустовский писал: «С русским языком можно творить чудеса...». Мы надеемся, что богатый образовательный материал учебника, разработанный на основе предметно-языковых интегративных технологий, позволит ребятам Узбекистана совершить много увлекательных путешествий и сделать много волшебных открытий на просторах русского языка.

Литература

- Богданчиков В.В., Тренкина Е.А., Шорина Т.А. 2020 – *Методика применения предметно-языковых интегративных технологий для обучения русскому языку и на русском языке с использованием образовательной платформы*. Русский язык за рубежом. №5 (282). С.57-65.
- Какорина Е.В, Костылева Л.В., Савченко Т.В., Синева О.В., Шорина Т.А. 2014 – *Учебно-методический комплект «Русский язык: от ступени к ступени»*. В шести книгах. Изд-е 2-е, переработанное и дополненное. Москва: ГАОУ ВПО МИОО, Этносфера.
- Метапредметный и культурологический подходы в учебнике 5 класса по русскому языку как иностранному* / Т. Шорина, М. Шаряева, З. Исакжанова/ Учитель Узбекистана, 27.05.2021. Электронный ресурс: http://marifat.uz/uchitel-uz/rubriki/obshee-srednee-obrazovanie/_DSC0638.htm
- Шорина, Т.А. 2020 – *Использование технологии предметно-языкового интегративного обучения в билингвальном образовании / Материалы юбилейной международной научно-практической конференции «Теория и практика обучения РКИ в цифровую эпоху»*. Москва: МПГУ.

Tatiana Shorina

Herzen Russian State Pedagogical University, Russia
shorinatatiana@yandex.ru

SUBJECT-LANGUAGE INTEGRATIVE TECHNOLOGIES ON THE PAGES OF THE 5TH GRADE TEXTBOOK ON RCT (LEVEL A2. 2) FOR SCHOOLS IN UZBEKISTAN

Abstract: Russian as a foreign language textbook concept is presented in the article for the 5th grade of schools in Uzbekistan, the level of Russian language proficiency is A2. 2. The textbook is based on the principles of subject-language integrative technologies with the involvement of cultural, ethnopedagogic approaches. The model of the Russian as foreign language lesson is described, lexico-grammatical and communicative tasks reflecting these principles and approaches are presented.

Keywords. Russian as a foreign language, the level of proficiency in the Russian language, a textbook, subject-language integrative technologies, cultural studies, communicative, practice-oriented approach.

Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 319-326. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.

О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДИАЛЕКТИЗМОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПИТАНИЕ» В ГОВОРЕ СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАПАДНОГО ПРИЧУДЬЯ

Валентина Щаднева
Тартуский университет, Эстония
valentina.schadn@mail.ru

Статья посвящена языковой специфике тематической группы «Питание» в говоре старообрядцев Западного Причудья. В исследовании представлена дифференциация диалектизмов. Статья посвящена языковой специфике тематической группы «Питание» в говоре старообрядцев Западного Причудья. В исследовании представлена дифференциация диалектизмов *говора* по языковым типам. Систематизация диалектизмов показала, что они образуются на основе и русских, и заимствованных слов, включая эстонские. Диалектные модификации порождают варианты, которые могут относиться к разным классификационным типам. В результате формируются комбинации разнообразных по типу вариантов и / или синонимов.

Ключевые слова: диалектизмы, типы диалектных лексем, варианты, говор старообрядцев, тематическая группа «Питание».

Введение

В статье рассматриваются языковые особенности лексем тематической группы «Питание» в говоре старообрядцев Западного Причудья. Источник языкового материала — тетрадные и звуковые записи, сделанные в разное время преподавателями и студентами Тартуского университета, использовались и данные из иных источников. Объектом изучения стала языковая специфика как русских, так и иноязычных по происхождению диалектизмов, называющих реалии традиционной национальной кухни староверов. Учитывались номинации продуктов, блюд, оценок, качеств и действий, связанных с приготовлением и приемом пищи, тем самым принимались во внимание слова разных частей речи.

Говоры, будучи самой маленькой территориальной разновидностью языка, характеризуются, как известно, своими фонетическими и грамматическими качествами и специфической лексикой. Типичные, прежде всего, регулярные и предсказуемые фонетические и грамматические свойства, которые отражают характеристики звуковой и грамматической системы причудского говора в целом, изучались Т. Ф. Мурниковой, В. В. Мюркхейн, О. Г. Ровновой, И. П. Кюльмоя в исследованиях разных лет. Языковые особенности лексики с учетом ее структурных составляющих, а также свойства диалектизмов отдельных тематических групп рассматривались Ю. С. Кудрявцевым, О. Н. Паликовой, А. В. Штейнгольд, В. П. Щадневой.

В то же время обсуждение лингвистической специфики собственно лексического уровня носит несколько спорадический характер. Поэтому актуально обобщение качественных характеристик лексики (например, кулинарной) как с позиций того фонетического, словообразовательного и грамматического облика, который слово принимает в повседневной речи, так и, разумеется, с учетом степени взаимодействия разных языковых уровней в формировании диалектного слова.

Общий состав лексикона. Задача исследования

Лексикон диалектоносителя в целом представлен следующими разновидностями, из которых первые две группы являются основой для образования диалектизмов разного структурно-языкового типа:

1. Общерусские лексемы

1.1. Исконно русские.

1.2. Заимствованные в разное время из разных языков и ставшие общерусскими.

2. Диалектные лексемы

2.1. Русские по происхождению диалектизмы разного структурного типа.

2.2. Диалектные модификации общерусских лексем, представленные разнообразными вариантами.

2.3. Диалектные модификации адаптированных русским языком *разноязычных* заимствований прежних исторических эпох.

2.4. Эстонские заимствования и заимствования через посредство эстонского языка.

Тем самым диалектизмы неоднородны как по их внутренней организации, так и по источнику своего появления. Отметим, что последняя группа входит в состав лексикона староверов как важная региональная особенность. Все перечисленные виды русских и иноязычных по происхождению диалектизмов рассматриваются в статье с точки зрения языковой специфики собственно диалектного слова и его компонентов, поскольку кроме регулярно проявляющихся свойств (например, яканья), которые охватывают всю лексику, специфика говора старообрядцев отражается и в самом диалектном слове как автономном комплексе его фонетических, словообразовательных, грамматических и семантических параметров. Поэтому задачей данного исследования стали обобщение наблюдаемых в структуре диалектизмов частных языковых явлений, а также систематизация диалектных слов по разнородным лингвистическим типам.

Уточним, что собранный для анализа материал вряд ли отражает весь состав причудских диалектизмов по теме «Питание», так как специальных опросов, затрагивающих только гастрономическую проблематику, не проводилось, поэтому соответствующая лексика отбиралась из монологов и диалогов самой разной тематики.

Типы диалектных лексем в говоре старообрядцев Западного Причудья

В основу представленной далее систематизации были положены имеющиеся классификации лексических диалектизмов [Горская 2009: 34–36; Иваницкая 2013: 19–21], однако базовые типологические перечни были скорректированы с учетом особенностей собранного материала. В зависимости от характера тех отличий, которыми диалектное слово обладает в сравнении с литературным [см. об этом там же], лексические диалектизмы могут быть подразделены на ряд классификационных типов, которые рассматриваются далее.

1. Собственно лексические диалектизмы. К ним относятся такие местные названия реалий, которые в литературном русском языке имеют синонимы с тем же или близким значением:

- *жураві́на / жураві́ца* – клюква;
- *корь* – кожура, очистки, шелуха;
- *на́кваса* – закваска из забродившей смеси муки и воды, опара;
- *па́ужин* – полдник, лёгкая еда между обедом и ужином;
- *тук* – жир;
- *шкорлупа́* – кожура, очистки, шелуха;
- *шалу́шка* – кожура, очистки, шелуха;
- *щабёра / шшабёра* – крупный лещ.

2. Лексико-фонетические диалектизмы отражают непредсказуемые нерегулярные (в отличие от регулярного причудского яканья и др.) фонетические особенности:

- *аржаной* – ржаной;
- *ашкварки* – шкварки;
- *белто́к / белудо́к* – белок;
- *желудо́к* – желток;
- *карто́фка* – картофель;
- *стю́день* – студень, холодец;
- *угуре́ц* – огурец;
- *кроп / кро́пец* – укроп.

Диалектные модификации адаптированных русским языком *разноязычных* заимствований прежних исторических эпох часто относятся к этому же классификационному типу: *гардамо́н, канпо́т, коклёта, клёчки, малгарі́н, настёт, трахма́л / трухма́л, шпёк* и др.

3. Акцентологические диалектизмы, представляя собой разновидность лексико-фонетических, отличаются от литературных слов местом ударения. *Но в анализируемой тематической группе пока обнаружен лишь один «чистый» подобный случай:*

- *жирно́й* – жирный.

Однако ударение может участвовать в формировании отдельных вариантов диалектного слова в комплексе с другими словообразующими элементами.

4. Лексико-словообразовательные диалектизмы отличаются от слов литературного языка словообразовательной структурой; обычно различия наблюдаются в суффиксах:

- *брусніца* – брусника;
- *глазу́ха* – глазунья;
- *голодова́ть* – голодать, недоедать;
- *горбуно́к / горбу́ха* – горбушка;
- *земляни́ца* – земляника;
- *ола́дыш* – оладья;
- *плóта / плóтка* – плотва;
- *свинéвий / свино́вый* – свиной;
- *свину́х* – гриб свинушка;
- *стужёнка* – студень, холодец;
- *черни́ца* – черника.

В этой классификационной группе диалектизмов обращает на себя внимание ряд аналогичных названий ягод, при номинации которых вместо литературного аффикса *-ик* используется суффикс *-ица*.

5. Лексико-грамматические диалектизмы — здесь речь идет не об особенностях словоизменения в целом, а лишь о начальной форме слова. Имена существительные могут отличаться родом, числом, принадлежностью к другому типу склонения, например:

- *барáнок*, муж. род, ед. ч.; *барáшки*, мн. ч. – баранка;
ДЫ́РКА ОТ БАРА́НКА – шиш, кукиш с маслом;
- *ябло́к* муж. род, – яблоко.

Разумеется, и при словоизменении в рамках предложения существительные могут иметь грамматические окончания, не свойственные литературному языку: *у дочкí, по головí, при отцý* и др. Своими особенностями в речи носителей говора обладают и глаголы, например, литературной форме наст. вр. *есть* (от *быть*) соответствуют диалектные *э́стя* и *е*: ... *э́стя / е разные грибы*; глаголы II спр. в 3 лице мн. ч. имеют окончание I спр. *-ут / -ют*: *су́шут, но́сют, ста́вют*; и др.

6. Семантические диалектизмы, которых немало в причудском говоре, совпадают в написании и произношении со словами литературного языка, однако имеют иное, не существующее в литературном языке значение:

- *быкí / бычкí* – крупные клецки из толокна и вареного картофеля;
- *ва́рка* – суп, сваренная горячая пища;

- *вертётъ* – сбивать масло, смешивать, взбивать продукты;
- *вялыйй* – вяленый, подсушенный на ветру или на солнце;
- *затвор* – комочек оставленного в квашонке теста для следующей выпечки;
- *пшённыйй* – пшеничный;
- *разбítъ* – взбить, размешать, смешать продукты;
- *расколотítъ* – взбить, размешать, смешать продукты;
- *удобрéния* – добавки к тесту, к начинке пирога (пряности, масло, яйца);
- *чáхнуть* – сохнуть, просыхать.

7. Этнографические / локальные диалектизмы — эти свойственные Западному

Причудью весьма многочисленные номинации реалий не имеют аналогов в литературном языке:

- *гóлю* – есть без хлеба и других продуктов;
- *гонобóль* – голубика;
- *горя́нка / горя́шка* – сыроежка;
- *гуньба́* – тмин;
- *густы́ш* – гуща;
- *густя́ха* – густая варёная каша, обычно из ржаной муки;
- *дря́мина* – нежирное мясо;
- *завару́ха* – жидкая варёная каша из муки;
- *измя́тина* – пахта, обезжиренная жидкость после сбивания масла;
- *корóвина* – говядина;
- *крупéнь / крупéня* – молочный суп из крупы;
- *нагóльныйй* (хлеб) – чистый, из одного вида муки;
- *петушо́к* – гриб лисичка;
- *полови́щик* – пирог из смешанных остатков ржаной и пшеничной муки;
- *прогоня́нка* – обезжиренное сепаратором молоко;
- *пря́ми́за / пря́ми́зина* – нежирное мя́со;
- *пу́пки* – рыба́я икра;
- *пустова́рка* – постный суп без мяса и жира;
- *сини́ка* – голубика;
- *укра́са* – тестяное украшение на пироге;
- *устóек / усто́и* – сливки, верхний густой и жирный слой на молоке.

В данную группу входит и ряд эстонских заимствований, а также заимствований через посредство эстонского языка:

- *во́рсти* – кровяная колбаса;
- *кли́мпы* – клёцки;

- *лы́ссия / лы́сь / клы́ссь / хлысь* – обезжиренное сепаратором молоко (= *прогоня́нка*);
- *фры́штак / фры́штык / фрю́штук* – завтрак;
- *фры́штыкать* – завтракать.

Разумеется, ряд лексем из приведенного перечня встречается и в других диалектах, поскольку отдельные группы староверов пришли в Западное Причудье из самых разных мест. Следует также отметить, что представленная в статье типология носит несколько условный характер, ибо диалектные слова порой бывает сложно отнести только к одному конкретному типу в силу взаимодействия в слове разных языковых уровней, что приводит к вариативности, которая, по мнению диалектологов, создает проблемы для составителей словарей. Как отмечают специалисты и как показывают диалектные словари, материальное варьирование в говорах – явление типичное и массовое [см. подробнее: Кузнецова 1994: 59–66]. Сочетание многообразных фонетических, словообразовательных, грамматических процессов различным образом изменяет внешний облик слов, а это создает трудности при определении материальной границы между автономными диалектизмами и их вариантами.

В перечне примеров уже была показана вариативность некоторых диалектизмов (в основном они были даны в виде пар языковых единиц) в том случае, если весь блок вариантов относился к одному конкретному классификационному типу. Материальное несовпадение компонентов блока проявляется на разных языковых уровнях, например, на фонетическом: *белудóк / белтóк; трахмáл / трукмáл; фры́штак / фры́штык / фрю́штук*; на словообразовательном: *быкí / бычкí; журавíна / журавíца*; на грамматическом: *устóек / устóи* (число).

Но порой наблюдаются объемные типологически гибридные диалектные цепочки, члены которых одновременно обладают свойствами разных классификационных типов, например: *крóмка / накрóмок / покрóмка / покрóмок / покрómók* – первый, отрезанный с краю кусок хлеба, горбу́шка. Компоненты этой однокоренной цепочки различаются акцентологией, родом, типом склонения существительных – при совпадении семантики и наличии диалектных синонимов, которые, в свою очередь, являются вариантами друг к другу: *горбунóк / горбу́ха*.

Члены следующей однокоренной цепочки различаются родом существительных и типом склонения – при совпадении семантики: *па́ужин / па́ужина / па́ужна / па́ужинь* – полдник, лёгкая еда между обедом и ужином.

Подобные многочленные смешанные случаи встречаются не столь часто, но они всегда связаны с жизненно актуальной лексикой. В то же время носители говора порождают немалое количество и менее объемных комбинаций, различающихся по типу диалектных вариантов и / или своеобразных синонимов: *стjóдень / стужёнка* (сочетание фонетического

и словообразовательного вариантов); *белудок* / *белток* (объединение словообразовательных вариантов); *пряміза* / *прямізина* = *дряміна* (совмещение словообразовательных вариантов и диалектных синонимов); *корь* = *шкорлупа* = *шалушка* (объединение только диалектных синонимов) и т. п.

В лексике говора старообрядцев, как и в других диалектах, сохраняются и отдельные архаические черты, поэтому диалектизмы могут рассматриваться литературным языком как устаревшие слова, в том числе с древними общеславянскими корнями, например, *тук*. Диалектный и современный литературный варианты слов также могут быть следствием давних исторических процессов, например, сохранять следы разных ступеней аблаута и входить в состав древних однокоренных образований, что отражено в паре *простокіша* – *простокваша*: сравните исторически близкие *киснуть* – *квасить* [Фасмер 1987: 380; Этимологический... 1987: 154].

Заключение

В тематической группе «Питание», которая является, пожалуй, самой крупной по количеству диалектизмов, было зафиксировано около 240 слов, но без учета ряда вариантов, нуждающихся в уточнении. Точное количество диалектных лексем пока указать невозможно и по той причине, что расшифровка новых записей речи староверов вносит свои коррективы в перечень слов.

Систематизация диалектизмов и разнообразных диалектных модификаций исходных слов показала, что преобладающая часть диалектных лексем тематической группы «Питание» образована на основе исконно русских языковых единиц. Но создание диалектного лексикона происходило и на базе слов, заимствованных в разное время из разных языков и уже осознаваемых как общерусские. При этом эстонские заимствования немногочисленны, однако они также участвуют в формировании региональной специфики диалекта.

Изучение названий продуктов, блюд, свойств, действий у старообрядцев Западного Причудья свидетельствуют о высоком креативном потенциале носителей говора, и в первую очередь о языковом творчестве женщин-старообрядок, поскольку кухонные занятия лежали на их плечах.

Литература

- Горская С.А. 2009 – *Лексика. Фразеология. Лексиколография: практикум*. Гродно: ГрГУ.
 Иваницкая Е.Н. 2013 – *Русская диалектология: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования*. Москва: Издательский центр «Академия».
 Кузнецова О.Д. 1994 – *Слово в говорах русского языка*. Санкт-Петербург., изд. ИЛИ РАН.
 Фасмер М. 1987 – *Этимологический словарь русского языка*. Т. III. Москва: «Прогресс».
 Этимологический... 1987 – *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Академия наук СССР, Институт русского языка. Вып. 13. Под ред. О.Н. Трубачева. Москва: «Наука». С. 154.

V. Shchadneva
University of Tartu, Estonia
valentina.schadn@mail.ru

ON THE DIFFERENTIATION OF DIALECTISMS OF THE THEMATIC GROUP “NUTRITION”
IN THE DIALECT OF THE OLD BELIEVERS OF THE WESTERN PEIPUS

Abstract: This article is devoted to the linguistic specificity of the thematic group “Nutrition” in the dialect of the Old Believers of the Western Peipus. The study presents the differentiation of dialectisms by language types. The systematization of dialectisms has shown that they are formed on the basis of both Russian and borrowed words, including Estonian. Dialectal modifications give rise to variants that can belong to different classification types. As a result, combinations of diverse types of variants and / or synonyms are formed.

Keywords: dialectisms, types of dialect lexemes, variants, dialect of Old Believers, thematic group “Nutrition”.

Русистика и современность.
Коллективная монография, с. 327-337. ISBN 978-9984-47-254-6
Балтийская международная академия, 2021.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ КАК ЛОКАЛЬНЫЙ, «РУССКИЙ», ТЕКСТ

Ирина Иосифовна Яценко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия
irinayat@mail.ru

В статье рассматривается художественный текст на иностранном / русском языке как разновидность локального текста. Признаками такого текста являются его культурологическая наполненность (отражение русской картины мира) и предназначенность читателю-инофону. Ядром локального текста является некий локус, единство которого определяется системой знаков (паттернов), дающих представление об определенном месте, природе, обитателях этого места и т.д. В статье показана процедура выделения и интерпретации паттернов с целью реконструкции русской картины мира в ходе учебного анализа художественного текста.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, художественный текст, локальный текст, паттерн, Илья Николаевич Кочергин.

Когда Владимир Николаевич Топоров ввел в научный обиход понятие *петербургский текст* русской литературы, была открыта новая страница научных изысканий на стыке лингвокультурологии, литературоведения и лингвистики – исследование так называемых **локальных текстов**. После *петербургского текста* стали исследовать *московский текст*. В настоящее время в этой области много сделано Э.Ф. Шафранской и ее учениками: опубликованы содержательные материалы о *туркестанском, ташкентском, алма-атинском* текстах, в которых наличие локального текста обосновывается тем, что город (возьмем на себя смелость утверждать, что и любой другой, более масштабный локус, – например, страна) «вызывает ассоциацию в виде образа или его детали, культовых локусов, персоналий, ландшафта ... и все эти ассоциации и образы тиражируются в речи и литературными произведениями» [Шафранская ...: 272]. Думается, что и русскоязычный художественный текст может рассматриваться как локальный, *русский*, текст, когда он становится объектом интереса представителя другой культуры.

Ядром локального текста является некий локус, единство которого определяется системой знаков, информирующих об определенном месте, природе, обитателях этого места, их быте, менталитете, мифологии и т.д. Причем эти знаки представляют собой некие константные единицы текста, поскольку, независимо от содержания нарратива, они отражают одну и ту же культурную среду. Иными словами, каждую культуру представляет соответствующий именно ей набор знаков. Например, исследуя колониальную прозу

Николая Каразина и структурируя на этой основе *туркестанский текст* в русской культуре, Э.Ф. Шафранская опирается на такие знаки-образы, как *на корточках, без ложки* (кинесика), *мираж, скорпион, саранча, верблюд, Арал* (ландшафт), *колодцы, базар, дервиш* и т.д. [Шафранская, 2016]. Эти знаки в практике исследования локальных текстов называют *паттернами*.

Культурно-маркированные единицы художественного текста исследованы и описаны во множестве лингвокультурологических и лингводидактических научных работ, где для их обозначения использовались разные термины: *культурема, лингвокультурема, прецедентные феномены, логоэпистема* и др. Однако именно термин *паттерн*⁴³ (от англ. *pattern* «образец, шаблон; форма, модель»), востребованный многими областями знаний, представляется наиболее удачным, когда нужно зафиксировать некую повторяющуюся регулярность, – в нашем случае это регулярно возникающие образы, формирующие локальный текст (т.е. текст, принадлежащий определенной культуре), и, как следствие, представление о той реальности, которая за этим текстом стоит.

При обращении к художественному тексту на русском /иностранном языке наиболее трудной для восприятия и понимания иностранцами и при этом очень ценной является та информация, которая связана с национальной картиной мира, отраженной в тексте. Причем нередко это достаточно открытая, содержательно-фактуальная (в терминологии И.Р. Гальперина) информация, вполне доступная читателю – носителю языка⁴⁴. Иностранному же читателю обычно недостает фоновых знаний, связанных с историей, культурой, этикетом, менталитетом носителей изучаемого языка. Выделение в читаемом тексте соответствующих паттернов и их комментирование либо преподавателем, либо в сопровождающих текст пояснениях позволяет читателю создать некое представление о действительности, стоящей за текстом. Иными словами, если локальный текст проявляется через наличие в нем паттернов, связанных с отображением пространства, ландшафта, бытовой культуры, традиций, представлений и стереотипов, духовного кода культуры и т.д., то они должны

⁴³ В лингвокультурологии понятие *паттерн* синонимично термину *культурная модель* [Красных 2016: 26]. Однако, на наш взгляд, *паттерн* ближе к понятию *код культуры*, поскольку классификация *паттернов* совершенно очевидно соотносится с типологией *кодов культуры*, среди которых называют антропный (включающий в себя соматический, или телесный); биоморфный (в том числе зооморфный, инсективный, растительный); природно-стихийный (включает в себя природно-ландшафтный и стихийный); временной; пространственный; предметный; духовный и некоторые другие коды культуры [Там же: 172].

⁴⁴ Так, во всяком случае, должно быть. Хотя часто историко-культурные реалии так быстро сменяются, что даже события, случившиеся 20-30 лет назад, нередко уже забыты и нуждаются в пояснениях. Известный факт, что первый комментарий к роману «Евгений Онегин», который создавался на протяжении семи лет (1823 – 1830 гг.) и, по существу, оказался между двумя эпохами русской истории, был написан самим А.С. Пушкиным, ибо многим его современникам реалии десяти-двадцатилетней давности понять было уже затруднительно.

быть разъяснены читателям-инофонам с тем, чтобы стать основой адекватной интерпретации русскоязычного художественного текста, осмысления его содержательно-подтекстной и содержательно-концептуальной информации (классификация И.Р. Гальперина).

Признание локальным текстом *русского* текста, т.е. русскоязычного текста, представляющего Россию в ее современном облике или в историческом контексте, возможно только в ситуации восприятия текста иностранным читателем, например, при обучении иностранцев русскому языку. Обоснование этому достаточно ясное: для инофона литературные произведения русских (не по признаку их национальности) писателей являются неисчерпаемым источником сведений о стране изучаемого языка. (Страноведческая, лингвокультурологическая ценность художественного текста на иностранном языке подробно описана и ни у кого сомнения не вызывает.) Следовательно, проблема состоит в том, как открыть иностранному читателю те знаки, ту систему паттернов, которая выстраивает *русский* текст.

Решение этой проблемы требует от методиста, преподавателя большой подготовительной работы: выделения в тексте паттернов, отсылающих к разным реалиям, их структурирования и комментирования. Можно рассматривать работу с паттернами *русского* текста как часть его интерпретации⁴⁵, предполагающей достаточно подробную работу с актуализированным языковым материалом текста. Отличие лишь в том, что выделенные в тексте знаки, паттерны, при их комментировании/ интерпретации требуют выхода в экстралингвистическое пространство (обращение к историческим фактам и факторам, к мифологии, в миру материальной и духовной культуры носителей языка и др.).

Продемонстрируем, как могут выделяться и комментироваться паттерны «русского» локального текста на примере рассказа И. Кочергина «Сахар» [Кочергин 2020].

В основе сюжета – короткая встреча братьев, один из которых живет в Москве, другой – в США. Старший брат (американец) приехал в Россию по делам сахарного бизнеса, и младший едет с ним на два дня в провинциальный город, где находится сахарный завод. Братья намерены в промежутках между делами старшего брата хоть немного побыть вдвоем, поговорить. Они наши современники, о чем позволяют судить некоторые факты (например, упоминание эоактивистки Греты Тунберг). Однако, чтобы понять их историю, надо вернуться в Россию 90-х годов. Хотя примет жизни и современной России в рассказе немало. Отметим, что данный рассказ тем и привлекателен для обсуждения с иностранными учащимися, что он не только фиксирует какие-то факты современной жизни и вполне узнаваемые типажи, но и показывает их генезис.

⁴⁵ Под интерпретацией художественного текста в данном случае понимается его декодирование с целью воссоздания авторского видения мира, основанное исключительно на анализе языковых средств, использованных автором для реализации своего замысла.

Приехав в маленький провинциальный городок, братья практически не бывают вдвоем, а когда они наедине, то говорят о каких-то незначимых вещах. Старший брат устает днем и редко бывает один. Второй вечер в городе они проводят в ресторане с компаньоном брата Степой, говорят о Степиной жизни, о его родственниках, о неизвестных младшему брату людях. И, конечно, о сахаре. В этот вечер братья перед сном ДАЖЕ пять минут *поболтали, повспоминали папу*. На следующий день братья вместе пошли на сахарный завод, где для младшего брата провели экскурсию, а потом он, пытаясь читать книгу, наблюдал, как брат, Степа и главный технолог завода увлеченно обсуждали производственные проблемы сахарного производства. Когда дела старшего брата в этом городке закончились, директор завода настоял, несмотря на позднее время, на поездке в имение владельца завода, бывшего в 90-е бандитом-бизнесменом, а теперь ведущего праздный образ жизни. Там, говорит директор, можно и перекусить, и отдохнуть, и оленей посмотреть, и банька есть. Едут. И почти до утра – обильная еда, экскурсия по необозримым владениям Сергея Петровича (владельца завода), баня, опять еда и питье. И вдруг в застолье старший брат рассказывает о своей семье, об истории своей дочери и ее мужа, пожарного Джо, которому Обама вручил медаль за героический поступок. Оказывается, ему было чем поделиться с братом в те короткие моменты, когда они оставались вдвоем. Только вот общаться с родным человеком он совсем разучился.

Попытаемся выделить и структурировать паттерны, которые организуют *русский* текст рассказа И. Кочергина и становятся проводниками иностранного читателя в нынешнюю Россию.

1. Паттерн *старинный русский город*. Представление об уютных русских провинциальных городах с их узнаваемой архитектурой и богатой историей, с обязательным собором на главной площади, часто с историческими торговыми рядами давно стало стереотипом, который нетрудно поддерживать туристическим фирмам, организующим экскурсии, например, по Золотому кольцу России.

Образ русского провинциального города с богатой историей в рассказе создают паттерны: *старинный город, исторический центр, два музея, приятный; собор, который упоминали различные известные писатели; маленькое кафе с французской эстрадой из семидесятых*. Однако город описывается не бесстрастно: так, в устах американского брата звучит коннотация пренебрежительно-снисходительная, свойственная прагматику, не способному просто наслаждаться красотой природы или архитектурой: *что болтаться без толку по уже исхоженному маленькому городку; удивительный городок* (сказано только для поддержания разговора с водителем). А водитель, местный, *был совершенно не согласен с этой оценкой*.

Да и сам рассказчик, вполне позитивно воспринимающий город, вдруг испытывает тоску, наблюдая под французское ретро *мокрую улицу Свердлова, по которой шли местные жители*. В этот момент он вдруг ощущает, как можно *легко, любовно, по-родственному возненавидеть этот милый (в историческом центре) город, как будто в нем родился и томился всю жизнь*.

Так из множества деталей и оценок формируется паттерн типичного русского провинциального города, привлекательного для туристов, обязательно имеющего несколько действительно ценных в историческом или художественном отношении достопримечательностей, с милыми, уютными маленькими кафе (с отличной кухней!) в историческом центре, но часто с неустроенным бытом людей, запущенностью окраин, рутинной жизнью.

2. Паттерн *новорусское барокко*. Этот паттерн появляется только однажды – в описании лучшей в городке гостиницы, где совершенно по-гоголевски *со стен и потолков слепо тарацилась лепнина и позолота новорусского барокко*. Эта единственная деталь отсылает читателя к множеству новорусских (т.е. принадлежащих новым русским) особняков, замков, дворцов, на которых не сэкономили, и хорошо, если поручали строить талантливому архитектору, способному повторить лучшие образцы прошлого, но зачастую аляповатые и безвкусные. Так и лучшая гостиница старинного городка пытается не отставать от эпохи, только бюджет гостиницы явно не дотягивает до образцов, да и выглядят эти потуги на барокко в провинциальной гостинице вызывающе и нелепо.

Тем не менее новорусское барокко – неотъемлемая часть новейшей российской архитектуры. Его можно встретить и на столичных улицах, но чаще в живописных ландшафтах за пределами больших городов. Российская архитектура и прежде многое заимствовала у европейского барокко: не случайно с конца 17 века формируется русское барокко в его многочисленных вариантах (московское и его изводы – строгановское и голицынское барокко; петровское и елизаветинское), однако словосочетание *новорусское барокко* обычно ассоциируется с несуразно большим строением, нарочито выставляющим напоказ свою дороговизну, с избыточной роскошью интерьеров, в которых тесно от резьбы, позолоты и мрамора.

3. Все герои рассказа так или иначе связаны с девяностыми годами. Собственно, 90-е годы определили настоящего героя. Не случайно в тексте появляется паттерн *легендарные девяностые*. В 1990 году оба брата уехали из Москвы: младший, рассказчик, - в Сибирь, старший – в Америку и остался там. Когда первый вернулся в Москву, ему показалось, что без брата в Москве многое изменилось не в лучшую сторону – *лица на улицах, да и вообще все перестало быть чудесным, фантастическим, замечательным*. Однако дело не в отсутствии

в Москве брата, а в самой Москве 90-х. В рассказе ничего не говорится о безденежье людей, о пустых полках магазинов, о массовой уличной торговле, но показаны первые шаги российского бизнеса, этап дикого, криминального капитализма в становлении экономики страны. Из рассказа становится известно о пути к сахарному бизнесу нынешних бизнес-партнеров.

Брат героя – *вице-президент крупной компании, начавший карьеру в 30 лет с нуля в Америке*. Он представляет, так сказать, цивилизованную форму зарождения бизнеса в России. Его партнер, Степа, ученый из Петербурга, в бизнес попал случайно и прошел путь, известный многим: *Степа рассказал, что в самом начале девяностых друг занял у него деньги для спасения своей жизни (Степе самому пришлось влезть для этого в долги), а отдал (когда опасности уже начала подвергаться Степина жизнь) сахаром. Отдал даже больше чем брал, но сахаром*. Овладев наукой сбыта сахара, Степа вошел во вкус, ему захотелось продолжить. Но сахар можно было получить на заводе-поставщике не за деньги, а в обмен на белую конвейерную ленту, а эту ленту можно было получить в обмен на кислотные аккумуляторы и т.д. *Степина цепочка была длинной и красивой*. И даже привела к обладанию Степой сахарным заводом. Но ненадолго. История Степы красноречиво иллюстрирует специфику российского бизнеса начала 90-х, когда рухнула банковская система, страна жила по бартеру. Как охарактеризовал эти годы один из предпринимателей того времени, *озорные, веселые, но диковатый времена*. Степа выжил, и это главное его достижение, а свой сахарный заводик потерял. Что не охладило его интереса к сахарной отрасли.

Показан и еще один бизнесмен – владелец сахарного завода. Он теперь, как сказал о нем директор завода, *груши околачивает*, т.е. бездельничает, живет в свое удовольствие в громадном имении. Однако в 90-е он *много и эффективно мутит*, был *правой рукой правой руки одного из бессмертных* (олигархов).

4. Паттерн *груши околачивает*, или жизнь российского нувориша – владельца сахарного завода. Сергей Петрович живет в огромном имении, где в речке своя форель, где едят свою оленину, где в вольерах – соболя, фазаны, дикие индейки, а где-то на его необъятной территории затерялся табун *красавиц-лошадей вятской породы*. И целый музей – юрта с народными костюмами северных народов, и разные печи для приготовления разных национальных блюд. Хозяин с нескрываемой гордостью и чувством превосходства все это своим гостям показывает, однако для него это *просто забава. Нет в этом настоящего драйва, настоящего адреналина, чтобы радость была серьезной. Трудной и сладкой, как сахар*. Вчерашнему бандиту-бизнесмену явно скучна его нынешняя жизнь. В Сергее Петровиче показана омертвелость чувств. Когда он при гостях поговорил по телефону с

женой, всем стало неловко, – можно догадаться, КАК он с ней поговорил. И старший брат даже спросил «*Серезж, может, перезвонишь ей?*». Однако вместо этого Сергей рассказал, как заработал первые 10 тысяч и купил на них любимой кольцо с бриллиантом. Где теперь любимая, где чувства, где способность доставить радость близкому человеку?

Совершенно очевидно, что жизнь нынешняя Сергею Петровичу скучна на фоне полных опасностей 90-х, когда он был близок к тем, что управлял ситуацией в стране, не забывая при этом обогащаться любыми способами, часто недозволенными, зато очень быстро дающими желаемый результат. Сергей Петрович пьет, но не пьян и *вроде как весел*. Это *вроде* настораживает. Его мало что радует. Посредством этого героя писатель демонстрирует качество русских, охарактеризованное М. Берингом: «Противоречивые качества не просто уживаются в русском — зачастую их проявления сменяют друг друга очень быстро, мгновенно чередуясь. В этом есть нечто судорожное; русский стремительно переходит от одного настроения к другому» [Беринг 1911]. Так, Сергей Петрович часто меняет тему беседы: *ему будто скучно становилось терпеть одну тему в разговоре, и он вдруг сворачивал в совершенно неожиданную сторону*.

С образом владельца завода в рассказе связана тема преждевременной душевной смерти, угасания желаний и способности радоваться жизни. Не удивительно, что в рассказе большое место отведено описанию чучел животных – охотничьих трофеев, которые располагаются в том павильоне, где идет застолье. Чучела выполнены мастерски, они поражают своим сходством с оригиналами. Но рассказчика привлекло явная неудача таксидермиста – чучело моржа, который, казалось, испытывает сильную боль в затылке, страдает. Казалось бы, просто предметная деталь, однако она многое говорит о хозяине имения, о его забавах, связанных с убийством животных (и последующим бахвальством этим), которые, возможно, ему напоминают «свободу» 90-х, когда была настоящая радость от вседозволенности, от возможности распоряжаться чужими жизнями и когда была настоящая опасность, когда ходил по краю. Ерничая, Сергей Петрович говорит, что *шведская девочка Грета на саммите ООН сказала, что он украл ее детство*, так что, *может, фигня это все?* Ему нужно слышать опровержения этого, восхищение им, его именем, его жизнью – и он это слышит от брата рассказчика. На самом же деле Сергей Петрович даже не догадывается, как близок он к истине, когда цитирует Грету Тунберг об украденном детстве, ведь смысл его жизни не в заботе о людях, не в мыслях о будущем человечества, а в бесконечном удовлетворении своего мелкого тщеславия.

5. Отдельный паттерн – это номинации, характеризующие нормы русского речевого этикета. Директор завода называет владельца завода, от которого, безусловно, зависит, *Петровичем*. В обращении к человеку только по отчеству есть некоторая дружеская

фамильярность, не отрицающая уважения к человеку. Однако директор завода так называет хозяина завода за глаза, т.е. в отсутствие последнего. И, скорее всего, общаясь с ним, обращается по имени-отчеству. Это – типичная ситуация, когда, говоря заочно о ком-то, используют в отношении этого человека более свободные и подчас не вполне уважительные номинации.

Когда же гости называют Петровича по имени-отчеству, он, даже еще не будучи с ними толком знаком, уже бросает *«можно просто Сергей»*. И это «живое общение даже и мало знакомых людей друг с другом» [Лосский 1957: 29] тоже свойственно русским. Однако не следует расслабляться: такое панибратское общение может оказаться только внешним или только ситуативным, оно вовсе не означает, что человек, позволивший обращаться к себе без этикетных церемоний, назавтра будет таким же *своим*. Не случайно автор подчеркивает, что Сергей Петрович, искренне угощая и развлекая своих гостей, не теряет контроля ни над собой, ни над ситуацией и с пристальным вниманием наблюдает за американским гостем.

6. Паттерн *русское гостеприимство, избыточное и навязанное*. Описание застолья у Сергея Петровича очень напоминает басню Крылова «Демьянова уха», когда Демьян так настойчиво и назойливо потчевал соседа ухой, что тот не выдержал и сбежал от гостеприимного хозяина. Но в этом и состоит особенность обычно продолжительного русского застолья, что еды всегда гораздо больше, чем возможно съесть, при этом гостей постоянно уговаривают продолжать есть. Застолье у Петровича разбавляется осмотром владений, баней, но питье и еда все равно остаются главными. Весь эпизод пребывания в гостях у Сергея Петровича строится на смысловых рефренах, возвращающих повествование к застолью: *щедрый стол; Вот вы знаете, что это за форель? Вы обязательно должны ее оценить; И вот эта оленина, попробуйте, она тоже живет здесь; Некоторые блюда придвигались к нам поближе и начинали нетерпеливо ждать своей очереди; заморили червячка перед баней; после первого захода (в баню) посидели за столом; потом выпили еще крохотку и парились уже по-серьезному*. При этом на фоне чрезмерной ночной еды, брат рассказывает об операции на сердце, которую ему сделали в Америке, что не мешает ему с завидным аппетитом поглощать невероятное количество разных блюд и алкоголя и париться в русской бане.

Завершают застолье *долгие, неторопливые рассказы*, что тоже вполне в русской традиции. Разговорился и американский брат. Однако это не те разговоры, о которых мечтал рассказчик. Здесь слушатели – совершенно посторонние, случайные люди. Имеют ли эти застольные байки что-то общее с душой? То ли это, что мечталось рассказчику, когда он поехал с братом в этот маленький провинциальный город?

7. Паттерн *страстность, экспрессивность vs душа*. «Страстность и могучую силу воли, – по мнению Н.О. Лосского, – можно считать принадлежащими к числу основных

свойств русского народа. Но в русском народе встречается и «обломовщина», та леность и пассивность, которая превосходно изображена в романе Гончарова «Обломов» [Лосский 1957: 43]. Рассказчик с удовольствием наблюдает, как увлеченно обсуждают его брат, Степа и главный технолог сахарного завода производственные вопросы. Какие они настоящие, искренние, когда заняты любимым делом, *именно сахар делал их позитивными и добрыми*.

Младший же брат лишен практической хватки, скорее гуманитарий (в ожидании брата он постоянно с книгой). Однако если его и ассоциировать с Обломовым, то не как с избалованным барином-сибаритом, как подчас воспринимают этого героя, а как с созерцателем жизни, который не хочет *раздробляться* (словечко Обломова) и принимать участие в пустой и суетливой жизни, которую ведут окружающие его люди. И позиция эта, несмотря на ее социальную бесполезность, достойна уважения как позиция честного, думающего, рефлектирующего человека. Он начитан, обладает образным мышлением. Это подтверждается и его реакциями на то, что он видит на сахарном заводе. Его не столько поражает производство, действительно современное, где все механизировано и не требуется много рабочих рук, сколько умиляет созерцание свеклы, предназначенной для переработки в сахар: *Свекла спала, ждала переработки, потихоньку дышала. Некоторые свеклы раскатились по асфальту и напоминали грызунов с хвостиками, отбившихся от стаи. Плотненькие такие, начиненные энергией...*

Услышанный им на заводе термин *внутренняя соль* вызывает у него эстетическую реакцию: *это красиво звучит – внутренняя соль. В этом сочетании слышится одновременно и что-то библейское, и что-то пелевинское*. Библейское – это отсылка к Нагорной проповеди Христа: «Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон – на поправление людям» [Матф. 5: 13]. Эта фраза – иносказание о об опасности потери человеком внутренней нравственной силы. *Пелевинское* же – ассоциация *внутренней соли* с рассуждением одного из героев романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота»: «Внутренняя Монголия называется так не потому, что она внутри Монголии. Она внутри того, кто видит пустоту, хотя слово «внутри» здесь совершенно не подходит. И никакая это на самом деле не Монголия, просто так говорят. Было бы глупей всего пытаться описать вам, что это такое. Поверьте мне на слово хотя бы в одном – очень стоит стремиться туда всю жизнь. И не бывает в жизни ничего лучше, чем оказаться там. Это некий идеал, эфемерный и трудно определяемый» [Пелевин 2000: 292]. Здесь можно увидеть и скрытую оценку описанных Кочергиным героев: занятые важным и нужным делом сахарного производства люди, достигшие материального благополучия люди ощущают себя «солью земли», они вполне самодостаточны. И вполне пусты. Судя по всему, младший брат другой: тонкой душевной организации человек, он

очень стремится к общению с братом, но тот уже принадлежит другому миру. Тот стал прагматиком, рационалистом, ему трудно поддерживать душевный контакт даже с родным братом.

8. Осмысливая все то, что произошло с ним за последние дни, герой-рассказчик подводит итоги своей жизни: *«Я старательно перебирал преимущества своей жизни по сравнению с жизнью этих занимавшихся сахаром мужиков и находил совсем немного... Мимо меня бурные 90-е прошли стороной, не оставили никакого послевкуся – ни горечи, ни сладости. Ни приобретений, ни поражений»*. Размышления о себе, о жизни, о разных судьбах людей вызывает у рассказчика сказочные образы. Так в рассказе появляются паттерны *жить-поживать* и *старший умный был детина*.

Паттерн *жить-поживать* относится к пестрой цепочке событий, связанных с бизнесом Степы. Если в народной сказке *жить-поживать да добра наживать* означало счастливое окончание истории и будущее благополучие героев, то *жить-поживать* в России 90-х было проблематично: *нажил* Степа сахарный завод, потом все потерял. Хорошо, что выжил.

А вот *старший умный был детина* отсылает нас к сказке П. Ершова «Конек-горбунок», а через нее – и к русским народным сказкам. Рассказчик, не лишенный чувства юмора, так излагает семейную историю: *«Среднего брата, который в сказках бывает «и так и сяк», у нас не было, родители после старшего сразу перешли к младшему, ко мне»*. Младшим сыном в сказках, как известно, был Иван-дурак. Вроде бы наивный, не приспособленный к жизни неудачник, в конце концов оказывался победителем. Именно он в конце сказки женится на царской дочке. Чем он это заслужил? Он простодушен, бесхитростен, честен, обладает такими душевными качествами, которых недостает старшим братьям. Так прав ли рассказчик, говоря, что в его жизни нет ни побед, ни поражений. Да, он не обрел богатства, не построил особняк, не занимается бизнесом, но он мыслящий и чувствующий человек. Он мечтает просто поговорить по душам с братом, но между ними стоит сахар... Тот мир, в котором брат живет – это мир рациональных людей, которые разучились быть чуткими к тем, кто рядом. Брат – прекрасный человек, легкий в общении, увлеченный специалист, но душа его что-то утратила, оборвалась ниточка, связывающая его с истоками. Отсюда и равнодушие к красотам старинного провинциального города, и восхищение чучелами и Петровичем, который разводит соболей, форель и оленей для их убийства, и неспособность к простому человеческому общению.

В рассказе остроумная и элегантная концовка. Вернувшись домой рассказчику жена, долго не решаясь, наконец доверительно сообщает, что решила отказаться от сахара как от вредного продукта. *Чуткая, даже чересчур чуткая реакция мужа ее поразила. Обнял, расцеловал в глаза, похвалил. Сказал, что, возможно составлю ей компанию*.

Таким образом, совершенно очевидно, что без экскурса в историко-культурные реалии, которые во многом определили судьбы героев рассказа, говорить о его полноценной интерпретации невозможно. А проводниками в этом экскурсе становятся знаки, паттерны, которые разворачивают перед иностранным читателем «карту культуры» (Г. Гусейнов) локального *русского* текста.

Литература

- Беринг М. 1911 – Русский народ. *Отечественные записки*. № 5 (38) 2007.
Кочергин И. 2020 – Сахар. *Новый мир*. №2.
Красных В.В. 2016 – *Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии*. Москва: Гнозис.
Лосский Н.О. 1957 – *Характер русского народа*. Франкфурт: Посев.
Пелевин В.О. 2000 – *Чапаев и пустота*. Москва: Вагриус.
Топоров В.Н. 2003 – *Петербургский текст русской литературы: Избранные труды*. Санкт-Петербург: Искусство-СПб.
Шафранская Э.Ф. 2016 – *Туркестанский текст в русской культуре: колониальная проза Николая Каразина*. Санкт-Петербург: Свое издательство.

I.I. Yatsenko

Lomonosov Moscow State University, Russia
irinayat@mail.ru

LITERARY WRITING LIKE A LOCAL, 'RUSSIAN', TEXT TO A FOREIGN AUDIENCE

Abstract: The article aims to review a literary text in a foreign/Russian language as a kind of local culture text. The major signs of such a text are its cultural content peculiarities (the Russian mindset reflection) and intended purpose for a foreign reader. With all that, the core of a local culture text is a locus, and its singularity is clearly defined by the system of symbols (patterns) that give an idea of a certain place/scenery, nature, inhabitants of the particular place etc. The author describes a specific procedure for identifying and interpreting these patterns with a purpose of reconstructing the Russian picture of the world (mindset) throughout the learning process of a literary text analysis.

Keywords: *Russian as a foreign language; literary text/writing; local text; pattern; Ilya Kochergin.*